

Institute for Slavic Studies of
the Russian Academy of Sciences

Slověne

International Journal of Slavic Studies

Vol. 1

№ 1

Москва 2012

ISSN 2304–0785=Slověne (print)

The editorial board

Editor in-chief: Fjodor B. Uspensky

Iskra Hristova-Shomova, Angel Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*); Vaclav Čermak (*Czech Republic*); Milan Mihaljević, Mate Kapović (*Croatia*); Roland Marti, Björn Wiemer (*Germany*); Marcello Garzaniti (*Italy*); Jos Schaeken (*Netherlands*); Peter M. Arkadiev, Roman N. Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim M. Makartsev, Philip R. Minlos, Alexander M. Moldovan, Tatjana V. Rozhdestvenskaja, Anatolij A. Turilov, Boris A. Uspensky, Fr. Michael Zheltov, Victor M. Zhivov (*Russia*); Jasmina Grković-Major, Tatjana Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan Timberlake, William Veder, Alexander Zholkovsky (*USA*)

Managing editors: Roman N. Krivko, Philip R. Minlos

Technical editor: Anastasia I. Ryko

Редакционная коллегия

Главный редактор: Ф.Б. Успенский

Мария Йовчева, Ангел Николов, Искра Христова-Шомова (*Болгария*); Бьёрн Вимер, Роланд Марти (*Германия*); Йос Схакен (*Голландия*); Марчело Гарзанити (*Италия*); П.М. Аркадьев, о. М. Желтов, В.М. Живов, Р.Н. Кривко, М.М. Макарец, Ф.Р. Минлос, А.М. Молдован, С.Л. Николаев, Т.В. Рождественская, А.А. Турилов, Б.А. Успенский (*Россия*); Ясмина Грекович-Мейджор, Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*); Александр Жолковский, Роберт Романчук, Алан Тимберлейк, Уильям Федер (*США*); Милан Михалевич, Мате Капович (*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*).

Редакторы выпуска: Р.Н. Кривко, Ф.Р. Минлос

Технический редактор: А. И. Рыко

Slověne • Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 1. № 1. — М.: Институт славяноведения РАН. 2012. — 274 с.

e-mail: slavs.journal@gmail.com

Contents/Содержание

4 Preface

5 Предисловие

Articles/Статьи

7 Jasmina Grković-Major (Novi Sad). *On Proto-Slavic Oath Formulas*

Ясмينا Грекович-Мейджор (Новый Сад). О праславянских клятвенных формулах

27 Maxim M. Makartsev (Moscow). *Towards Common Balcan Lexical Evidential Markers*

Максим М. Макартцев (Москва). К общебалканским лексическим эвиденциальным маркерам

52 Anna A. Pichkhadze (Moscow). *Subject of Subordinate Clause as Object with Verbs of Perception, Thought, and Communication in Old Russian*

Анна А. Пичхадзе (Москва). Субъект в зависимой предикации в роли объекта при глаголах восприятия, мысли и передачи информации в древнерусском

61 Olga V. Mitrenina (Sankt-Peterburg). *The Syntax of Pseudo-Correlative Constructions with the Pronoun **kotoryj** ('which') in Middle Russian*

Ольга В. Митренина (Санкт-Петербург). Синтаксис псевдо-коррелятивных конструкций с местоимением **который** в старорусском

74 Philip R. Minlos (Moscow). *Slavic Relative **što/co** between Pronouns and Conjunctions*

Филипп Р. Минлос (Москва). Славянское релятивное **što/co** между местоимениями и союзами

92 Вернер Лефельдт (Гёттинген). *Карл Генрих Майер: последний славист Альбертины*

Werner Lehfeldt (Göttingen). *Karl Heinrich Meyer: der letzte Slavist der Albertina*

100 Марина А. Бобрик (Берлин). *Загадочный псалом Макса Фасмера и его биографический контекст*

Marina Bobrik (Berlin). *Der rätselhafte Psalm bei Max Vasmer und dessen biographischer Kontext*

145 Роман Н. Кривко (Москва). *Древнеболгарский пласт в ростовской служебной Минее XIII в. (РНБ, F. n. I 37)*

Roman N. Krivko (Moscow). *Old Bulgarian Layer in the Office Menaion of the Beginning of the 13th c. (RNB, F. p. I 37) of Rostov Provenance*

222 Амир Капетанович (Загреб). *Многовековые направления в языковой интеграции хорватского общества*

Amir Kapetanović (Zagreb). *Centuries-long Trends in the Linguistic Integration of Croatian Society*

244 Михаил В. Ослон (Москва). *Орфография и фонетика Юрия Крижанича*

Mikhail V. Oslon (Moscow). *Juraj Krizanić's Orthography and Phonetics*

Reviews/Рецензии

264 Motoki Nomachi (ed.), *Grammaticalization in Slavic Languages: from Areal to Typological Perspectives*, Sapporo: Slavic Research Center, Hokaido University, 2010, 132 p. Reviewed by Milivoj Alanović (Novi Sad)

Preface

One should ask why to launch a new peer-reviewed journal for Slavic studies. This field of research sees a variety of excellent projects. However, the available journals are, for the most part, limited to individual Slavic languages or subfields and, correspondingly, represent separate (mostly national) scholarly traditions. The missions of these teams are self-evident.

Our position, on the contrary, is a tricky one. We aim at bringing together diverse studies dedicated to aspects of Slavic philology and neighbouring fields. We hope that the journal will become a forum of international interaction and mutual enrichment of the Russian, East and West European, and North American philological trends. Our main strategical goal is to present the Slavic world and Slavic studies as crossroads of cultural and scholarly traditions. Chances are that the project will succeed, but it is but a possibility.

As for now, what we are confident in is that the idea spontaneously brought together not only an impressive editorial board, but a group of scholars willing to participate with contributions, critics and discussions. The preparations of the first issue was a time of vivid exchange of opinions, and, eventually, some fun. Hopefully, to be continued.

The journal will come out in two issues per year both in hard copies and online. It is based on “anonymous and blind referees” system. We encourage you to submit your contributions to the following e-mail address: slavs.journal@gmail.com

Fjodor B. Uspensky (editor in-chief)

Roman N. Krivko, Philip R. Minlos (managing editors)

Предисловие

Создание нового рецензируемого славистического журнала, первый номер которого сейчас вышел в свет, неизменно сопровождалось одним и тем же повторяющимся вопросом: “Зачем?” Удивление предсказуемо: славяноведению и так посвящено немало блестящих периодических изданий. Однако эти, хорошо известные специалистам, журналы большей частью сосредоточены либо на отдельных славянских языках, либо отражают исторически сложившиеся направления в славистике и, соответственно, представляют отдельные, как правило, национальные научные школы или течения. Их деятельность впечатляет своей очевидной результативностью.

Наши задачи видятся издателям несколько иначе. Уже в первом номере мы постарались собрать статьи максимально широкого тематического диапазона, связанного со славяноведением и смежными дисциплинами — от лингвистической типологии до истории науки. Мы надеемся, что журнал станет формой международного сотрудничества и обмена идеями между филологическими традициями России, Западной и Восточной Европы и Северной Америки. Наша главная стратегическая цель — описать славянский мир и славяноведение на перекрёстке культурных и научных традиций. Мы полагаем, что наш проект окажется успешным, и это более, чем умозрительная возможность.

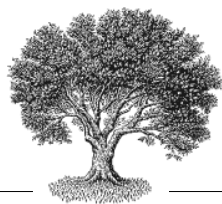
На сегодняшний день мы видим, что идея журнала неожиданно позволила не только собрать сильную редколлегию, но и создать группу учёных, готовых участвовать в публикациях и дискуссиях. Подготовка первого номера стала для его редакторов и составителей временем горячих споров и не принесла ничего, кроме творческой радости. Мы надеемся на продолжение.

Журнал будет выходить два раза в год в бумажном виде и в электронном. Все статьи проходят двойное рецензирование, в ходе которого ни рецензенты не знают имени автора, ни автор — имени рецензентов. Мы просим присылать ваши статьи на адрес: slavs.journal@gmail.com.

Ф. Б. Успенский (главный редактор)

Р. Н. Кривко, Ф. Р. Минлос (редакторы первого выпуска)

On Proto-Slavic Oath Formulas¹

О праславянских клятвенных формулах

**Jasmina
Grković-Major**

University of Novi Sad
Faculty of Philosophy,
Novi Sad0

**Ясмина
Грекович-Мейджор**

Университет Нового Сада,
философский факультет,
Новый Сад

Abstract

This paper deals with Slavic oath formulas containing the phrases ‘stand firm’ and ‘hold firm’, found mostly in peace treaties. The analysis carried out on the rich corpus of Old Serbian charters written in the vernacular and followed by a comparison with the data from Old Russian. The research is an attempt to reconstruct their possible Proto-Slavic structure, both linguistic and conceptual.

After presenting the relevant data, the author reconstructs the following Proto-Slavic formulas: **stojati tvrъdo/krěpъko въ/на kļetvě (kъ) кому* ‘stand firm in/on the oath toward someone’, **drъžati tvrъdo/krěpъko kļetvō (kъ) кому* ‘hold firm the oath toward someone’. Both Serbian and Russian charters show lexical variations in the prepositional phrase and in the adverbial modifier of the formulas, which testify to their semantic compositionality.

The etymology of their basic lexical constituents (**stojati*, **drъžati*, **tvrъdo*, **krěpъko*) indicates that ‘immobility, firmness’ is their core meaning, **drъžati* ‘make immobile > hold’ being just a transitive version of **stojati* ‘be immobile > stand’. The

---

¹ This paper resulted from research on the project “The history of the Serbian language” (178001) financed by the Ministry of Science of the Republic of Serbia. See also: GRKOVIĆ-MAJOR 2008; 2010a.

concrete, physical concepts ‘stand’ and ‘hold’ were mapped into the target domain of the abstract ones (> ‘exist’ and ‘keep, have’). They represent the embodied experience and speak in favor of Embodied Realism. Indo-European parallels show that ‘stand’ and ‘hold’ belong to some of the basic Indo-European (although not just Indo-European) conceptual metaphors, having a deep cultural motivation. These notions were so deeply rooted into the conceptual apparatus that they survived the change of cultural codes, becoming an integral part of the oath in Christian times. As time went by, they were secularized and reduced to phraseological units. They still exist today, even with the same lexical constituents as in the medieval charters, e.g. Serb. *držati X (reč, obećanje, veru)*, Russ. *sderžat’ X (dannoe slovo, kljatvu), stojat’ na X = tvrdo deržat’sja X (ubeždenija, mnenija)*.

Keywords

historical and cognitive linguistics, formulaic phrases, oath formulas, Proto-Slavic, Serbian, Russian, medieval charters, peace treaties.

1. Introduction

The goal of formulaic phrase reconstruction is, on one hand, to reveal the syntactic-semantic models which are specific for different areas of social communication, their pragmatic and functional aspects, even proto-texts or text fragments. On the other hand, the goal would be to understand the universal and/or culturally specific conceptual models which lay behind them, since these formulas are “the expression of an underlying semiotic system” [WATKINS 1992: 393].

Cognitive linguistics emphasizes that the investigation of idioms and formulaic sequences reveals the important elements of the human conceptual structure [GIBBS 2007: 721]. Yet, dealing mainly with formulas in the contemporary linguistic systems, it is often restricted by the level of the semantic transparency of their lexical constituents. We argue that understanding a deeper motivation of many formulaic expressions is possible only in a comparative and diachronic perspective, in which one of the important aspects is etymological analysis [MOKIENKO 2010], which helps us to access the primary conceptual building blocks of a formula. Moreover, if we are to postulate certain concepts as universal, or even culturally specific, we have to broaden our investigation to the deeper chronological levels, keeping in mind that the structure of today’s linguistic systems is determined by their development and cannot be explained without taking the previous synchronic strata into account.

The aim of this paper is to offer insight into Proto-Slavic oath formulas. The reconstruction of Proto-Slavic legal terminology has so far drawn less attention than the reconstruction of the language of myth and poetry [IVANOV, TOPOROV 1974; LOMA 2002]. The biggest contribution in the area of legal terminology was given by Vjač. Vs. Ivanov and V. N. Toporov [e.g. IVANOV, TOPOROV 1978; 1981], for which the main sources were East Slavonic data. The

South Slavic situation has been less often studied [KATIČIĆ 1985; 1989–90, GRKOVIĆ-MAJOR 2008], although it represents a valuable source for the study of Proto-Slavic legal language.

The research is primarily based on the rich corpus of Old Serbian charters written in the vernacular,² in comparison with Old Russian data.³ Giving some Indo-European parallels, we will try to reconstruct their possible Proto-Slavic structure, both linguistic and conceptual. This might also contribute to the reconstruction of the Proto-Indo-European sources of these formulaic expressions since, as noted by C. WATKINS [1989: 793], “a proper linguistic theory must be able to account for the creativity of human language; but it must also account for the possible long-term preservation of surface formulaic strings in the same or different linguistic traditions over millennia.”

2. The Importance of the Oath

The study of archaic formulas implies their analysis in the frames of a syncretic cultural model, whose deep motivation was manifested at all levels of existence: in mythology, ritual, poetry, social structure etc. [IVANOV, TOPOROV 1978: 222]. The foundation of such a cultural system was magical thinking, in which the ritual was an integral part of reality, and the very existence of the world and society depended on conducting it properly, while the word spoken during it was not just a linguistic sign but had an executive force [KASIRER 1985: 50–51]. The same principle is present in Indo-European poetic language, in which “the proper form of a hymn, the proper ordering of ritual speech, compels the divinity to grant the wishes of the maker or commissioner of the hymn” [WATKINS 1995: 91].

Since in magical thinking words have a creative force, the essential component in Indo-European law was the *formulaic pronouncement*: “Ce n'est pas le faire, mais toujours le *prononcer* qui est constitutif du «droit»” [BENVENISTE 1969, II: 114]. In the *Avesta*, when asked about how many types of contract existed, Ahura Mazda answered that there were six of them, the first one being the contract of words [ZA I: 34]. Its crucial part was an oath, a solemn and binding act in Indo-European societies: “On comprend que Contrat et Serment aient constitué aux yeux des Aryens les deux piliers de l'ordre social et cosmique, les deux étant liés” [HAUDRY 1981: 66]. ERNOUT, MEILLET [1951: 329] explain the Lat. *ius* in the following way: “Le mot a dû signifier à l'origine formule religieuse qui a force de loi”. Not abiding to it was punishable by death: the Scythians would punish a perjurer by decapitation [HER. 4.68], the Greek public oaths invoked destruction for perjurers [FARAONE 2005: 144–145], in

² The corpus consists of [MS], [SSA], [SPP] and [ZS].

³ The corpus consists of [DDG], [GVNP], [LAVR.], [POL], [SG] and [VPL].

Albanian epic poetry “death comes after the oath is broken” [MIĆOVIĆ 1981] etc. The written Indo-European tradition reflects the same view. The peace treaty between the Hittite king Hattušilli III and Ramesses II, after a long list of gods and goddesses who were invoked as witnesses, states the following: “as to him who shall not keep them, a thousand gods of the land of Hatti and a thousand gods of the land of Egypt shall destroy his house, his land and his servants” [LANGDON, GARDINER 1920: 197]. And Hesiod writes that “the Erinyes assisted at the birth of Horcus (Oath) whom Eris (Strife) bore to trouble the forsworn” [HES. 802–804].

Since the oath was of vital importance in Indo-European societies,⁴ ritual speech was strictly ordered. It was preserved by the repetition of formulaic phrases, in which the lexical constituents may have undergone lexical variation over time.⁵ However, the variation was always within the same conceptual domain and did not affect the conceptual basis of the formulas.

3. Proto-Slavic Oath Formulas

Early Christianity did not approve of the ritual of swearing. In the New Testament Jesus is clearly against it: “But I say unto you, swear not at all; neither by heaven; for it is God’s throne” (Mt. 5:34). Later in the third and fourth centuries the majority of the church fathers spoke out against swearing and only later was it accepted by the Church [STANOJEVIĆ 1922: 2]. Being obviously of vital importance, this pre-Christian custom finally won its place in the new cultural code. Justinian’s decree from 535 AD established the oath which all civil servants had to give, swearing by God, Christ, the Holy Spirit, the Virgin Mary etc. This formula first entered the Byzantine charters, and from there the papal and other western charters, as well as those in *Slavia orthodoxa* [STANOJEVIĆ 1922: 4].

However, the source of this oath lay in pagan times. Its structure was inherited from Proto-Indo-European days and this is probably why it found fertile ground in all the communities. Pagan oaths, deeply rooted through thousands of years of practice, were kept by being adapted, thus surviving not only in the traditional culture but in the official documents of medieval Christian rulers and noblemen, too. Let us look at the Slavic situation.

Oath formulas which were lexically marked by the old religion were adapted by the replacement of their lexical constituents. The Proto-Indo-European

⁴ For a broader survey of the oath and swearing (in the sense of taking a vow) from ancient to modern times and some of its universal characteristics in different societies see [ERE 9: 430–438]. We are, however, focused here on Slavic as a branch of Indo-European.

⁵ Cf. the variations in the formula “hero overcome death” [WATKINS 1995: 391–397].

formula “to swear by god”⁶ [WATKINS 1989: 791–792; WEST 2007: 199–201] was adapted by replacing the name of a pagan god with the name of the Christian one, with the Virgin Mary or with the names of Christian saints, who assumed the function of pagan gods after the conversion of Slavs to Christianity (for the Serbian situation see: [ЏАЈКАНОВИЋ 1973: 153–154]), e.g.:

- (1) a. ‘to swear by Perun’ > b. ‘to swear by a saint’
 a. *кѡшасѧ ѡружьємъ своимъ . и Перуномъ бѣмъ своимъ . и Волосомъ скотымъ бѣгомъ* [LAVR. 38],
 b. *и с права сѣца есмо прнсеган нашомъ вѣромъ и дѣшомъ ... и свѣтиць юрьемъ и архангеломъ михиломъ нашини крѣстѣмъ нѣмни* [MS CCIV, 1391];
- (2) a. ‘to be cursed by Perun’ > b. ‘to be cursed by God and all the saints’
 a. *и да будѣ кѡѡтъ ѡ бѣа и ѡ Перуна яко преступи свою кѡѡтву* [LAVR. 38],
 b. *да є прокѡлѣтъ ѡдѣ бога и ѡдѣ всѣхъ свѣтыхъ* [MS XXXIII, 1234–1240].

The syntactic structure of the formulaic phrases is entirely preserved: *klęti (*sę*) + the instrumental; *byti prokletъ + *отъ* + the genitive, the second one being a “passive version” of the first one. In both cases the adjunct expresses the agent or the instrument which would execute the punishment in case of perjury [NĚMEC 1994: 377]. Cf. the following:

- (3) *да не имуть помощи ѡ бѣа и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущи . и да заколенъ будетъ своимъ ѡружьємъ* [LAVR. 38].

Swearing on a weapon is known in other Indo-European traditions as well, witnessing to an ancient warrior weapon cult [WATKINS 1995: 417; WEST 2007: 463–462]. As for the broader Slavic tradition, it is worthwhile to notice that we find indirect evidence for swearing on the sword in *Chronica Boemorum*, written by Cosmas of Prague in the 12th century:

- (4) *Teste Marte deo et mea domina Bellona, quae mihi fecit omnia bona, per capulum ensis mei iuro, quem manu teneo* [ChB: 24].

The South Slavic epic tradition testifies also to the swearing on a weapon:

- (5) *Kad ja pođem među družnicom
zaklinjem se konjem i oružjem* [GP Vuk VI 16.9–11].⁷

On the other hand, formulas which did not contain a specific lexical element pointing to the old religion were preserved as such and incorporated into Christian discourse. Although they are of “neutral character”, not mentioning a specific deity, the structure of a formulaic phrase can be very archaic, as in:

⁶ Although the question surpasses the aim of this investigation, it should be added that this formula appears in other traditions, too. It was obviously part of Jewish tradition as well, as testified to by the Old Testament: “And ye shall not swear by my name falsely, neither shalt thou profane the name of thy God: I am the lord” (Leviticus 19:12).

⁷ I would like to thank Aleksandar Loma for pointing out this example.

- (6) КѢНѢ СЕ Н ЗАКЛЕХЪ СЕ БОГОМЪ ЖИВНМЪ Н ВСНМН НЕГА ЖГОДНИЦН Н ВНРОМЪ КОЮ ВНРѢЮ [MS CCLV, 1410].

The construction with a restrictive relative clause (*viromъ koju viruju* ‘by the faith in which I believe’) is reconstructed as an integral part of a Proto-Indo-European oath formula, as proven by the Slavic, Irish and Greek data [WATKINS 1989: 792].

Thus, besides the well-known “dualism” of Slavic culture [TOLSTOJ, TOLSTAJA 1978: 366], in oath formulas we find their specific amalgam: the old patterns were kept and incorporated into the new cultural model of Christianity.⁸ The same amalgam is present in the swearing rituals as well [LSSV: 204–205].

There are different kinds of oath formulas in medieval Slavic charters. Their choice was determined, in the first place, by the type of charter and the textual models used in creating them, including foreign ones. For example, in Serbia the Byzantine influence was stronger than in Bosnia. This is obvious in the case of the formulas containing *cělъ* ‘whole’: Bosnian charters, unlike those from Raška, were not under the direct influence of the Byzantine textual patterns, and the models for their composition were taken from the traditional, customary law [GRKOVIĆ-MAJOR 2008: 144]. There are also differences between Serbian and Russian charters: the formulas containing “*krestnoe celovanie*” (e.g. *i mně tobě kr(e)stnoe cělovanie složiti* [DDG: 201, 1461] are not found in Old Serbian documents.

The question of foreign influences on the formulas is certainly not easy to answer. Let us just take the example of the document *Torgovyj dogovor Smolenska s Rigoju i Gotskim beregom* from 1229. There have been at least three different views about the possible foreign influences on it: a) the original text was German or Latin, then translated into Russian; b) only the introductory and the final parts exhibit foreign influences, due to the use of German and Latin textual models; c) the treaty was written in Russian by a man who new the language well but whose mother tongue was German [SG: 19]. The methodological view taken in this paper is that in order to reconstruct original Slavic formulas we need to: a) compare data from vernacular texts written in different parts of Slavdom which were exposed to different influences in this domain (German, Latin, Roman or Byzantine); b) find a system of formulas and their cultural motivation; c) see if such formulaic expressions exist in the oral tradition and in other vernacular documents.

⁸ We find this in several other domains as well, even in a specifically Christian domain of Serbian medieval literature: the vitae. According to A. Loma [LOMA 2002: 158], the inclination of Serbs for this specific genre is a trace of pre-Christian custom to create epically intonated praise for distinguished deceased people.

4. Oath Formulas with ‘Stand Firm’ and ‘Hold Firm’: Linguistic Structure

The attention of this paper is focused on the oath formulas which contain phrases ‘stand (firm)’ and ‘hold (firm)’. In Old Serbian charters they usually appear in the *sanction*⁹ of the peace treaties:¹⁰

(7) ‘stand firm’

СТОЈАТИ ТВРДО / НЕПОКОЛѢНИМО¹¹

ТАКОЖИ ДА СТОИ НЕПОКОЛѢНИМО [MS LXXIV, 1302–1321], ХОЋЕ НА ВСЕЛѢ НА ТОДѢ БИШЕ ПИСАННОВОМЪ И ИМЕНОВАННОВОМЪ СТААТИ И ТРПѢТИ СЕ ПРАВОМЪ И ТВРДОМЪ И ЦЕЛОМЪ И НЕПОРѢЧЕНОМЪ [MS CCCLXVIII, 1453], ДОКЛА ГОДѢ ... СТОИ НАМЪ НА СВОИХЪ ДОБРѢХЪ ОБѢТНИХЪ И ЗАПИСНИХЪ ПРАВО И ТВРДО И ЦЕЛО [MS CCCLXVIII, 1453];

(8) ‘hold firm’

(ОУ(З))ДРЪЖАТИ ТВРДО / НЕПОКОЛѢНИМО/НЕПОДЪИНО

ДА НЕ РАЗДРОУШИМО СЕ КЛЕТВЕ СЪ ТОБОВЪ, НЪ ДА Ю ДРЪЖИМО ТВРДО ... А КЛЕТВЕ БЫНЪ ДА ДРЪЖИМО КЪ ТЕБѢ НЕПОДЪИНО [MS XXVIII, 1234–1240], КЛѢНЕМО СЕ ѿ СВЕТО БОЖЕ ЕВАНГЕЛИЕ И ѿ ·Ѧ· ЕВАНГЕЛИСТИ И ѿ ·В· АПОСТОЛА И ѿ СВЕТЕ МОИШ ... ДО ЗГОРНЕНІА СВѢТА, ВСЕ ТВРДО ДА ИМАМО И ДРЪЖИМО ДО КОНЦА СВѢТА НЕПОДАИНО [MS LXXXIX, 1333], РОТНМО СЕ И ЗАКЛЕСМО СЕ НА ЧАСНОВОМЪ И ЖИВОТВОРЕЩЕМЪ КРИЖИ ... ТАКО ВСЕ БИШЕ ПИСАНО И НАМЪ ОБѢТОВАНО ... ХОЋЕМО ТВРДО И НЕПОКОЛѢНИМО И НЕПОРѢЧНО БА ВНЕКА ВНЕКА ДРЪЖАТЬ [MS CCLXXXIII, 1423].

The notion ‘firm’ is most often denoted by the lexeme *tvrdo*, but it can be replaced or followed by the synonymous words *krěpsko*, *temel'no*, *nepokolēbimo*, *perot'čno*. This indicates a ritual repetition of the same content in many different ways [Tolstoj 1995: 124]. Generally, as we have noted before, formulaic phrases exhibit lexical variation which points to their semantic compositionality.¹²

The formulas with ‘stand’ and ‘hold’ are found also in the exposition¹³ of the charters. It is noticeable that they are well attested in the documents from the 12th and 13th centuries, but that they rarely appear in the later period:

⁹ On the sanction as a part of medieval charters, especially in Old Serbian, see [STANOJEVIĆ 1922: 1–48].

¹⁰ As in pre-Christian times, in Europe of the Middle Ages the oath was the crucial part of a peace treaty: “the oath for a long time remained the most important part of the reification process” [LESaffer 2004: 23]. Treaties were sworn upon not only when Christian rulers (from the same or different Christian churches) were involved, but also when the two parties represented different religions, as in the case of the peace treaties between the Ottoman Empire and the Christian states [ZIEGLER 2004: 339–341].

¹¹ We give one example for each varying lexical constituent as an illustration.

¹² It should be noted that even in idioms, as emphasized by D. O. DOBROVOL'SKIJ [2007: 30], “semantičeskaja členimost' idiomu koreliрует s vozmožnost'jami ee var'irovanija”.

¹³ On the *exposition* in Old Serbian charters, see [STANOJEVIĆ 1920].

- (9) 'stand in/on the oath /faith/law/peace/justice/promise'
СТОЯТИ ОУ/НА КЛЕТВѢ /ВѢРѢ/ЗАКОНѢ/МИРѢ/ПРАВДѢ/ОУБѢТѢ¹⁴
АКО МН СТОИТЕ Х СНЕН КЛЕТВѢ [MS XXXI, 1234–1240], ДО КОЛѢ СТОЕ
СЬ МНОВѢ Х ПРАВДѢ [MS XXXIII, 1234–1240], КЕЛНЕМО СЕ ... ДА ВН
СТОЮ Х ВѢЩНИ Н ТВЕРДН МИРѢ¹⁵ [MS XXXV, 1240], КЛНѢ СЕ ОБЫКННѢ
ДЖЕРОВѢУКОМ ДА СТОЮ С ВАМН Х МИРѢ Н Х СВАКѢ ПРАВДѢ [MS XXXVI,
1240], ДА СТОЮ К НМѢ Х ТОМѢ ОУБѢТѢ [MS XLII, 1253], ДО КОЛѢ ОНН
НАЧНѢ КЪ МНѢ СТОЯТИ Х ПРАВОКѢРНОМ КЕРѢ [MS XLII], ДА СТОИ Х ЗАКОНѢ
ОУЩНИНѢ МН [MS LXVI, 1254];
- (10) 'hold the oath /faith/peace/law/friendship/promise'
ДРЪЖАТИ КЛЕТВОУ /ВѢРѢ/ГОИ, МИРѢ/ЗАКОНѢ, ПРИНАТѢЛСТВО/ОУБѢТѢ
Ѣ БАНѢ БОСЪНСКИН КЪШАННѢ ПРИСЕЗАЮ ... ПРАВѢ ГОИ ДРЪЖАТИ С ВАМН Н ПРАВѢ ВѢРѢ
ДОКОЛѢ СЫМѢ ЖИВѢ (MS IV, 1189), А КЛЕТВОѢ ВИНѢ ДА ДРЪЖИМО КЪ ТЕБѢ
НЕМОУЩНО [MS XXVIII, 1234–1240], МН ДРЪЖИМО ВѢРѢ Н ПРИТѢЛСТВО
ТЕБѢ Н ТВОИМѢ ЛЮДЕМѢ [MS XLIII, 1253], ДРЪЖАТИ СИ ОБѢТѢ [MS XLI],
Н СВЕТО ТИ ЦАРѢСТВО ДА ДРЪЖИ НАМѢ СТАРИ ЗАКОНѢ [MS XLI, 1253].

The following phrase with the causative *po-stav-iti*, derived from the same root as *stojati*, belongs to the same conceptual domain:

- (11) ‘make stand   the oath   /faith/law/peace’
 поставити   клетвоу   вѣроу/законъ, миръ
 а нногоа нкогоа *закона* да ндѣ не *постави* кралеѣство џн [MS LIH, 1240–1272],
 придоѣ ѡ дѣбровѣнникъ *поставити* вѣтънн *миръ* [MS XXXVIII, 1247], потвѣрѣднѣ
 и *постави*ѣ ш ннџн *вѣрѡ* и *клетвѡ* [MS CLXXIII, 1373].

The importance of the concept 'firm' is also testified to by the examples with optative semantics:

- (12) 'let it be firm'
 да естъ/бѹде тврѣдо /крѣпко/непоколѣннѣ/неразорено/теплемо
 и такози се обещасмо и прнсегосмо въ вса внише шписана да сѣ тврѣда
 и непоколѣннѣ до дѣни и до вѣка [MS LXXXIX, 1333], да е|с| тврѣдо
 и неразоренно|ω| до вѣка [MS C, 1345], и за то са всици единносрѣдо
 потврѣюемо ... да естъ и да нѣма бѣти ... ѹ вники вникома тврѣдо и крѣпко
 [MS CCXLIII, 1405], потврѣднѣмо и потврѣѣмоу всакоє записе
 и повелеи ... да бѹдѣ тврѣда и крѣпка, тепела и непоколѣннѣ вѣкоу
 вѣкома [MS CCCLXXI, 1454].

As the antithesis to the ‘firm standing’ and ‘firm holding’ stands ‘destroying/breaking’:

¹⁴ The lexeme *oběť* 'promise' is functionally identical with *kletěva* 'oath', as can be seen from the following example: да стою к нѣмъ ѿ тоѣхъ обѣтъ, конѣхъ нѣхъ (с)вѣдѣ се клялъ 'to stand to him in that promise by which I swore' [MS XLII, 1253].

¹⁵ Besides the locative case, we also find the indirective accusative, but this is due to a later development (see [PAVLOVIĆ 2006: 29–34]).

- (13) 'destroy/break the oath /peace'
 (раз-)роушнтн/разорнтн/прѣлоднтн клетвоу /цнрь
 да не *раздроушнцю* снѣ *клетве* съ тобоу нѣ да ю дръжнцю тврѣдо [MS XXVIII, 1234–1240], н кто снѣ *прнлодн* ... да боу сепнѣ н свѣта богородица н всн свѣтн [MS XXXV, 1234–1240], а *цнрь* да се не *роушн* [MS XL, 1249], кто лн дръжнѣтъ н цало цю оуь снхъ *разорнтн*, того боу да *разорнтъ* гнѣвоуь свонцѣ [MS LXV, 1305–1307].

Formulas of identical structure are found in Old Russian texts. The only difference is that, in Old Russian formulaic phrases, the dominant lexical exponent of the concept 'firm' is *krěpko* (which is also frequent in the Western area of Štokavian):

- (14) 'stand firm'
 стоя-ти/-тъ крепко /твердо/непорушено
 А старому миру *стоати* кнѣз(я) Герденѣ кнѣз(ѣ) тых, кто по нем будет(ѣ) [POL: 85, 1268], про тоужъ *бы* тоѣ смиренѣ вечно *стоало непорушено* со обоу сторону межи нами полочѣны и рижѣны [POL: 113, 1407], како миръ оутврѣжонъ и добросердѣ [e] а *бы* въ вѣкы *стояло* [SG: 45, 1270–1277], тебе же, государю нашему, повинувшеся молению и доброй думе и обещавшуся *крепко стояти* за благочестивую нашу православную виру и оборонити свое отчѣство [VPL: 267].

We can see that the formula spread beyond its original domain of swearing, appearing in optative constructions as well. Nevertheless, still in the 17th century it was functioning as an oath. In [SE 2004: 695] we find the following description of the preparations for an uprising at the beginning of the century,

“здесь же составлялся договор вроде присяги, произносилось крестное целование в том, чтобы «дружно и *крепко стоять* за православную веру и Московское государство»” (17th century) (emphasis by JGM).

- (15) 'hold firm'
 (с)держ-ти(-тъ) крепко /твердо/непорушено
 што ми то *сдержати крѣпко* и до своего живота [SG: 72–73, 1386], обещаемся по истине *твердо и крепко держаться*, по правде и по чести [GVNP: 84, 1407], то имамъ *твердо* и вечно *держати, непорѣшено* на ѡбе стороне [POL: 75, 1478], сей мир положенныхъ шесть лет *держать* по сей перемирной грамоте *крепко* [GVNP: 335, 1503].
- (16) 'destroy stg.'
 (на-/раз-/по-)руши-ти(-тъ)
 да ѡбачѣ будетъ добрѣ Игорь великыи кнѣзь . да хранить *любовь* всю правую . да не *раздрушитсѣ* дондеже слнце сияѣ.^т
 и всь миръ стоять [LAVR. 38], аж бы миръ не *раздроушенъ*

быль [SG: 21, 1229], кто *нарушит* это *крестное целование* пусть судит и накажет бог [GVNP: 70, 1326], а кто сю *грамоту порушить*, судить ему Бог [DDG: 8, 1339], а хто сю *грамоту* иметь *рушити*, судить ему б(ог)ъ [DDG: 14, 1353].

Even Old Church Slavonic testifies to the formulas with ‘stand’ and ‘hold’:

(17) ‘stand (firm)’

СТОЯТИ (ТВРЪДѢ/ТВРЪДО)

БЫ—ИСТИНѢ НЕ СТОИТЪ . Ꙗко нѣсть истинны въ немъ [CM Jv 8:44],
ДА НИКТОЖЕ ВАСЪ ОТЪЛЖИТЪ ОТЪ ЛЮБВѢ ХРИСТОСОВЪ . ТВРЪДѢ СТОИТЕ
[CS 236,13–15], НЖЕ СТОИТЪ СЪ>РД<Ъ>МЪ ТВРЪДО [SSJa: 4,442].

(18) ‘hold (firm)’

ДРЪЖАТИ (ТВРЪДѢ/ТВРЪДО)

ПРѢДАНЖЕ НСПРЪВА АПОСТОЛЫ ВЪРЖ ДРЪЖИМЪ [CS 197,23–24], СИ СЖТЪ . ІЖЕ
ДОБРОМЪ СРЪДЦЕМЪ І БЛАГОМЪ . СЛЫШАВЪШЕ СЛОВО . ДРЪЖАТЪ [CM Lk 8:15],
И ТВРЪДѢ ВЕРНѢ ДРЖАТИ ПОДОБАЕТЪ [SSJa: 4,446].

In these cases, of course, we cannot exclude a direct Greek influence during the process of translation (e.g. Jv 8:44 — ἐν τῇ ἀληθείᾳ οὐκ ἔστηκεν; Lk 8:15 — τὸν λόγον κατέχουσιν). However, if we have in mind that these phrases exist in the documents written in Slavic vernaculars, we are not dealing with a calque, but rather with a choice of Slavic phrases which were equivalent with the Greek ones.¹⁶ In Church Slavonic we also find the compounds *tvr̥dostavъno*, *tvr̥dostanije*, *tvr̥dostojanije*, *tvr̥dostojati* etc. Most of the examples cited in [SSJa 4: 443–444] are from a text of Czech provenance translated from Latin (*Gregorii Magni papae Homiliae in evangelia*), and these lexemes have no correlative compounds in the original text, e.g.: *vъzljubi tvr̥dostavъno stojati na sebe* (lat. *solide*). This might prove that these formulas were alive among the Western Slavs, too.

It should also be added that the Serbian and Croatian oral traditions and different historical sources written in the vernacular testify to the phraseologisms ‘hold (firm) X’ and ‘stand (firm) in/on X’ [RJAZU 2: 829–830; 16: 345–348]. For more data from Russian see [SDRJJa 1: 775–776; 3: 528–529].

On the basis of the data given we can conclude that these formulas are of Proto-Slavic origin. They might be presented in the following way (examples with **kļetva*):

¹⁶ By “Greek constructions” we mean the constructions existing in the Greek text (which is relevant for Old Church Slavonic). A separate question, beyond the scope of this paper, concerns possible Aramaic influences in this domain, since the synoptic gospels were constructed on the basis of an Aramaic oral tradition. For more on this see [KÜMMEL 1979, especially 47, 97, 121, 149]. The same phrases are attested to in the Old testament (cf. *Your word, o Lord, is eternal; it stands firm in the heavens* (Psalms 119:89)). It seems that we are dealing with phrases which existed in both the Indo-European and Semitic groups and were perhaps of a universal character.

- (19) **stojati tvrċdo/krċpъko vъ/na kļetvċ (kъ) komu;*
*drъžati tvrċdo/krċpъko kļetvъ (kъ) komu.

An analysis of the corpus shows that the lexical exponents of the key elements ‘stand’ and ‘hold’ do not undergo variation, unlike the other elements of the oath formulas.

5. Cognitive Aspects

PS **stojati* is derived from PIE **stā-* ‘stehen, stellen’ [POKORNY 1959: 1004], ‘wohin treten, sich feststellen’ [LIV: 590]. Keeping in mind that **stojati* is a stative verb, reflecting the second series of Proto-Indo-European (inactive >) medium verbs [IVANOV 1981: 160], its semantics would be ‘stand upright, not moving’ (cf. [RJAZU 16: 338]). This points to ‘immobility’ as its basic component.

PS **drъžati* (< **dheregh-* ‘halten, festhalten; fest’ < **dher-* [POKORNY 1959: 25]; ‘befestigen, fixieren’ [LIV: 145]) is also a stative verb, as proven by the suffix **ē* (**dherg-ē-ti*). According to [MALLORY, ADAMS 2006: 27] the basic meaning of the root is ‘be immobile; support, hold up’: “semantically, Old English, Greek and Armenian all point to a quality of immobility”. Slavic material should be added here as well.

The adjective **tvrċdъ* has the root **tuer-* ‘fassen, einfassen, einzäunen’ [POKORNY 1959: 1100–1101]; ‘fassen’ [LIV: 2001: 656]. Supposing that the formant **d* is a grammaticalized form of **dhē-* ‘put, place’ [VLAJIĆ-POPOVIĆ 2000; GRKOVIĆ-MAJOR 2009] the basic semantic components of **tvrċdъ* would be ‘hold + put, place’ > ‘make immobile’. The adjective could develop the metaphorical meaning ‘lasting, durable, stable’, denoting the quality of ‘stability’ [cf. Ivić 2008: 13].

In **krċpъkъ* we find **krċp-*, attested only in German and Slavic [POKORNY 1959: 620]. Miklosich [MIKLOSICH 1886: 139] defined it as following: “die urspr. Bedeutung des Wortes *krċpъ* ist starr, fest”. Although the prevailing semantics in Slavic languages today is ‘strong’, Old Slavic documents still preserve the primary meaning (cf. [ĚSSJA 12: 135–138]). As the first meaning for *krepak* in Serbo-Croatian RJAZU [RJAZU 18: 512] gives the following explanation: *tvrd, čvrst, postojan, stalan, koji se ne da pomjeriti...* ‘hard, solid, stable, constant, which cannot be moved...’, and for the adverb *krepko* gives: *ne mičući se* ‘not moving’ (= immovably).

As revealed by the etymology of their lexical constituents, the key concept in the formulaic phrases **stojati tvrċdo / krċpъko* and **drъžati tvrċdo / krċpъko* is ‘immobility, firmness’. This has a deep cultural motivation, since ‘immobility’, ‘firm standing’ and ‘firm holding’ are key Proto-Indo-European cultural concepts. As V. N. Toporov [ТОПОРОВ 2004: 479] has noted, ‘to stand’ belongs to the group of predicates with cosmogonic character. These notions define

the basic parameters of existence, both of the universe and of the human community. ‘Standing’ is connected with ‘existence’ even linguistically. For example, we find Lat. *stare* ‘stand’ as a synonym for *esse* ‘exist, be’ [ERNOUT, MEILLET 1951: 651], kelt. **tā-yo* ‘stand’ > MW *-tau* ‘is’ [MATASOVIĆ 2009: 373], Old Church Slavonic *stojati* means both ‘stand’ and ‘exist, be’ [SSJA 4: 170], in [SDRJA 3: 34] under *stojati* we also find the meaning “byt’, deržat’sja” and under *stojatisja* – “byt’, suščestvovat’”, in Serbian and Croatian sources *stajati* has the semantics “esse, esistere, bestehen” [RJAZU 16: 348]. While the PIE **es-* ‘exist, be’ was being grammaticalized into a copula, new words for ‘exist’ in some Indo-European languages were created on the basis of **stā-*: Lat. *existo*, Germ. *bestehen*, Serb. *postojati* etc.

In different Indo-European traditions ‘the world stands’ because a deity ‘holds it’, as testified to by different traditions, e.g. Lat. *omnia per sonitus arcet terram mare caelum* ‘(Jupiter, who) holds all by thunder, earth, sea, heaven’ [PUHVEL 1991: 156], Av. *kasnā dərətā zəmcaq adā nabāscā avapastōiš* ‘who holds the earth below and the heavens from falling’ [YASNA: 44.4] etc.¹⁷ Although some of these references to *axis mundi* are figurative, “it is a plausible assumption that behind this abstract imagery lies a more primitive concept of a world pillar that held up the sky like the timber prop of a house or yurt” [WEST 2007: 345]. When this original vision was abandoned, the expression transformed into a formula [CHRISTOL 2006: 52].

In Slavic mythology the *world tree* is the representation of the entire universe [SM: 163]. We find a reflection of that in the phrase *mirь/světь*¹⁸ *stoitъ* ‘the world stands (> exists)’, which is an integral part of Slavic oath formulas, both Old Russian and Old Serbian:

- (20) СТОРОИТИ ЛЮБОВЬ ... НА ВСА ЛѢТА ДОНДЕЖЕ СЛНЦЕ СІЯЕТЬ . И *всѣ миръ*
стоитъ [LAVR. 34], да не раздрушитсѧ дондеже слнцѣ сикѣ . И *всѣ миръ*
стоитъ [LAVR. 38],
ДА СЛО ННІДЬ Х ВѢКН ВѢКОМЬ Х ПЛЕЩЕННТО ДО СКОНЧАННІѢ СВѢТА ... ДОКЛЕ СВѢТЬ
СТОНТЬ [MS CCXXV], ПОТВРЪДН Х ВКНН ВККОМЪ ... ДО КОЛН СВНТЬ СТОН
[MS CCXLIII, 1405].

On a societal level, a community ‘stands’ because a ruler ‘stands’ and a contract among people is ‘held’, guaranteeing social structure. A ruler is thus a human counterpart of a deity, since “Le *rex* indo-européen est beaucoup plus religieux que politique. Sa mission n’est pas de commander, d’exercer un pouvoir, mais de fixer des règles, de déterminer ce qui est, au sens propre, «droit». En sorte que le *rex* ainsi défini, s’apparente bien plus à un prêtre qu’à un souverain” [BENVENISTE 1969, II: 15]. In Vedic texts about the celebration of the king, for example, a domi-

¹⁷ For more about this see [WEST 2007: 340–341, 345–346]. This is a wide-spread concept in other traditions, too (see e.g. [HULTKRANZ 1996]).

¹⁸ On the semantic history of these two words, see [TOLSTAJA 2010].

nant formula is ‘stand firm’: *dhruvās tiṣṭha* [TOPOROV 2006: 661–662]. And a society is protected because Indo-European heroes *stand firm* in battle like a rock, a stone, a mountain or an oak, as revealed by the poetry [WEST 2007: 458].

The importance of the other concept, ‘hold’, is seen in other traditions as well, even with the same etymon as in Slavic. In Indo-Iranian we find the root **dher-* in one of key notions both in Hinduism and Buddhism, *dhárma-* ‘law, custom, rule etc.’, loc. *dhárimani* ‘according to law, rule’ [BENVENISTE 1969, I: 101]. Av. *dar-* is ‘hold’, but ‘hold to the rule, law’ as well [POKORNY 1959: 252]. According to the explanation given by V. L. CYMBURSKIJ [2008: 180–187], Lat. *forma* is semantically and formally connected with Vedic *dhárma-*. From the same root is Gr. *θρησκευία* ‘religious rule’ [BOISACQ 1950: 350], as is *θρησκευέω* ‘suivre minutieusement des prescriptions religieuses’ [BENVENISTE 1969, II: 267]; E. Benveniste also noticed that this term belonged to the practice of rituals. Lith. *dermė* is ‘contract’, *dorà* ‘morality’, *dernà* ‘harmony’ [FRAENKEL 1962–1965, I: 83].

An episode from Herodotus is illustrative for the oath ritual, perhaps revealing the close Slavic-Iranian relations in this domain.¹⁹ During the making of the peace treaty between the Persians and the Barcaeans the following was said:

- (21) ἔστω ἂν ἡ γῆ αὐτῇ οὕτω ἔχῃ, μένειν τὸ ὄρκιον κατὰ χώρην [HER. 4.201]
‘So long as *the ground* beneath our feet *stands* firm, the oath shall abide unchanged’.

This episode is valuable for the analysis of ‘stand’ and ‘hold’, too. Gr. *ἔχω* (<**seǵh-*) belongs to the group of absolute verbs: used “intransitively” it means ‘hold oneself, stand’ (> ‘be, exist’), and used “transitively” – ‘hold’ (> ‘have’) [GEL: 750].²⁰ This shows that ‘hold’ (‘make immobile’) is just a transitive variant of ‘stand’ (‘be immobile’), indicating again the core concept of ‘immobility’. The metaphorical extension of these two concepts points to the same: ‘be’ and ‘have’ express the same notion (possession) in different ways. Giving the example of French *avoir*, E. BENVENISTE [1975: 153] argues that this verb has a transitive construction but that it is a stative verb, nothing else but *être-à* “inverted”.

If we compare the two aforementioned examples from the Old Serbian documents we can see the same “inversion” in the case of *stajati* and *držati*:

- (22) ако њн стоите џ снѣн клѣтъѣ = stand in the oath + Dat,
а клѣтъѣ бынѣ да дрѣжнѣмо къ тебѣ = hold the oath + Dat.

The difference between the two formulas is in the role of the actant. In the first (intransitive) one, the actant is responsible for keeping the oath by its own immobility, he ‘stands in the oath’, but he cannot act directly upon it; in the

¹⁹ The impact of Iranian elements in Proto-Slavic culture is well-known, especially in the domain of religion [MEILLET 1926] and epics [LOMA 2002]. The oath formula given here probably exemplifies close Slavic-Iranian relations in the sphere of the ritual practice of swearing.

²⁰ For more on the verb ‘have’ in Indo-European languages, especially in Slavic, and its development see [GRKOVIĆ-MAJOR 2011b].

second (transitive) one, the actant is an agent who has an active role, he ‘holds the oath’ and acts upon it, he ‘has it’.²¹

The structural and conceptual difference between the two formulas shows an important parallel to the presumed typological development of Proto-Indo-European and its daughter languages: a drift from a topic-oriented toward an agent-oriented language [LEHMANN 2002: 100–103], and the development of both semantic and syntactic transitivity [GAMKRELIDZE, IVANOV 1984, I: 312; for Slavic: GRKOVIĆ-MAJOR 2010]. From a cognitive perspective, the topic-oriented and the agent-oriented types, thus the two formulas just mentioned, reflect a different *Weltanschauung*:

“Agent orientation reflects our role as sentient, willful creatures forcefully acting on the world, expending energy to achieve and maintain control of our surroundings. Theme orientation reflects the fact that we operate in a world laid out in a certain way” [LANGACKER 2008: 366–367].

The root **stā-*, widely attested for ‘stand’ in Indo-European languages, was undoubtedly inherited from the proto-language. On the other hand, the roots for ‘hold’ differ significantly [BUCK 1949: 746–747], meaning that the words for this “transitive” concept must have arisen later. Thus we may assume that Proto-Slavic oath containing the verb ‘stand’ must have been inherited from the deepest Proto-Indo-European stratum, when the oath was considered to be a force outside of man upon which he could not act directly.

‘(Firm) standing’ and ‘(firm) holding’ belong to some of the basic Indo-European (and not just Indo-European) conceptual metaphors. Firmness and immobility are also evaluatives since they are a manifestation of health, strength and durability, whether a human being, an animal, a plant, a tool or a weapon is in question, and all these aspects were crucial to man’s survival. The same conceptual metaphors were used for the notion of ‘health’, for example [GRKOVIĆ-MAJOR 2011a]. These concrete, physical concepts, mapped into the target domain of the abstract concepts, represent the embodied experience and speak in favor of Embodied Realism, which “in contrast to Representationalist theories, rejects the notion that mind and body are two ontologically distinct kinds” [JOHNSON, ROHRER 2007: 17].

We believe that the analysis given here also confirms that the space between the domains of ‘physical’ and ‘mental’ is fuzzy not only synchronically, but diachronically as well. Historically, the transition from a ‘concrete’ to an ‘abstract’ concept was gradual: the key components of the formulas in question originally referred to concrete, physical notions of ‘standing’ and ‘holding’ and they gradually became conceptual metaphors, as the physical *axis*

²¹ The verb **dǫžati* is metaphorically mapped into ‘have, possess’ (see [SDRJA 1: 775; RKSS 1: 310–311]).

mundi was becoming a figurative concept. This speaks in favor of fuzziness as being inherent to natural human language [RADOVANOVIĆ 2009: 43].

It is understandable why these key cultural concepts were incorporated into Proto-Slavic oath formulas. They were so deeply rooted into the conceptual apparatus that they survived the change of cultural codes, becoming an integral part of the oath in Christian times. As time went by, they were secularized and reduced to phraseological units. They still exist today, even with the same lexical constituents as in the medieval charters, e.g. Serb. *držati X (reč, obećanje, veru)* [RMS 1: 778], Russ. *sderžat' X (danoe slovo, kljatvu), stojat' na X = tvrdo deržat'sja X (ubeždenija, mnenija)* [SRJA: 698, 761]. As argued at the beginning of this article, in order to understand and explain contemporary linguistic systems we have to look back into their past.

References

BENVENISTE 1969

BENVENISTE É., *Le vocabulaire des institutions indo-européennes*, 1-2, Paris.

BENVENIST 1975

BENVENIST E., *Problemi opšte lingvistike*, Beograd.

BOISACQ 1950

BOISACQ É., *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, Heidelberg.

BUCK 1949

BUCK C.D., *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*, Chicago, London.

CHB

Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag/Hrsg. B. BRETHOLZ, Berlin, 1923. http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000683_00122.html?sortIndex=010%3A060%3A0002%3A010%3A00%3A00 > 10.01.2012.

CHRISTOL 2006

CHRISTOL A., "Le voile de la nuit: de la poétique au lexique", in: *Actes du Colloque de travail de la Société des Études Indo-Européennes (Indogermanische Gesellschaft. Society for Indo-European Studies)*, Paris, 22–24 octobre 2003, Paris, 35–54.

CM

V. JAGIĆ (ed.), *Codex Marianus glagoliticus*, Graz, 1960 (reprint).

CS

S. SEVERJANOV (ed.), *Codex Suprasliensis*, Graz, 1956 (reprint).

CYMBURSKIJ 2008

CYMBURSKIJ V.L., "Latinskij trilistnik", in: N. N. KAZANSKIJ (red.), *Colloquia classica et indogermanica*, IV: *Klassičeskaja filologija i indoevropskoe jazykoznanie*, Sankt-Peterburg, 169–220.

ČAJKANOVIĆ 1973

ČAJKANOVIĆ V., *Mit i religija u Srba*, prir. V. ĐURIĆ, Beograd.

DDG

Duchovnye i dogovornye grammoty velikich i udel'nych knjazej XIV–XVI vv., Moskva, 1950.

DOBROVOL'SKIJ 2007

DOBROVOL'SKIJ D. O., "Leksiko-sintaksičeskoe var'irovanie vo frazeologii: vvod opredelinija v strukturu idiomy", *Russkij jazyk v naučnom osveščanii*, 14, 18–47.

ERE

J. HASTINGS, H. S. SELBIE, L. H. GRAY (eds.), *Encyclopedia of Religion and Ethics*, 1–12, New York, Edinburgh, 1908–1922.

ERNOUT, MEILLET 1951

ERNOUT A., MEILLET A., *Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots*, Paris.

ËSSJA

Ëtimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov, 1—, Moskva, 1974—.

FARAONE 2005

FARAONE CH. A., "Curses and Blessings in Ancient Greek Oaths", *Journal of Ancient Near Eastern Religions*, 5, 139–156.

FRAENKEL 1962

FRAENKEL E., *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, Göttingen.

GAMKRELIDZE, IVANOV 1984

GAMKRELIDZE T. V., IVANOV VJAČ. VS., *Indoeuropejskij jazyk i indoevropejcy*, I–II, Tbilisi.

GEL

LIDDEL H. G., SCOTT R., *A Greek-English Lexicon*, Oxford, 1985.

GIBBS 2007

GIBBS R. W. JR., "Idioms and Formulaic Language", in: D. GEERAETS, H. CUYCKENS (eds.), *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*, Oxford, 697–725.

GP

Guslarske pesme, <[GRKOVIĆ-MAJOR 2008](http://guslarskepesme.com/component/option,com_mtree/task,listcats/cat_id,433/Itemid,/> 07.04.2011.</p>
</div>
<div data-bbox=)

GRKOVIĆ-MAJOR J., "Formule s pridevom *cělb* u starosrpskim poveljama", in: P. PIPER, LJ. RADENKOVIĆ (ur.), *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskih jezika. U čast akademika S. Tolstoj*, Beograd, 139–146.

GRKOVIĆ-MAJOR 2009

GRKOVIĆ-MAJOR J., "O doprinosu jezičke tipologije etimološkim istraživanjima", in: I. JANYŠKOVÁ, H. KARLIKOVÁ (eds.), *Studia etymologica Brunensia*, 4, Praha, 113–121.

GRKOVIĆ-MAJOR 2010

GRKOVIĆ-MAJOR J., "Kognitivni aspekti razvoja tranzitivnosti", in: J. GRKOVIĆ-MAJOR, M. RADOVANOVIĆ (ur.), *Teorija dijahronijske lingvistike i proučavanje slovenskih jezika*, Beograd, 43–62.

GRKOVIĆ-MAJOR 2010A

GRKOVIĆ-MAJOR J., "O praslovenskim formulama zaklinjanja u starosrpskim poveljama", *Susret kultura*, 2, Novi Sad, 451–461.

GRKOVIĆ-MAJOR 2011A

GRKOVIĆ-MAJOR J., "Pojam zdravlja u indoevropskim jezicima", *Anali Ogranka SANU u Novom Sadu*, 6, 26–37.

GRKOVIĆ-MAJOR 2011b

GRKOVIĆ-MAJOR J., "The development of predicative possession in Slavic languages", in: M. NOMACHI (ed.), *The Grammar of Possessivity in South Slavic Languages: Synchronic and Diachronic Perspectives*, Sapporo, 35–54.

GVNP

A. N. VALK (red.), *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova*, Moskva, Leningrad, 1949.

HAUDRY 1981

HAUDRY J., *Les Indo-Européens*, Paris.

HER.

Ἡρόδοτος, Ἱστοριῶν βίβλοι θ' <http://www.hs-augsburg.de/~harsch/graeca/Chronologia/S_ante05/Herodot/her_intr.html> 24.03.2011.

HES.

HESIOD, *Works and Days* <<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=perseus%3atext%3a1999.01.0131>> 10.01. 2012.

HULTKRANZ 1996

HULTKRANZ Å., "A new look at the word pillar in Arctic and Sub-Arctic religions", in: J. PENTIKÄINEN (ed.), *Shamanism and Northern Mythology*, Berlin, 31–50.

IVANOV 1981

IVANOV VJAČ. Vs., *Slavjanskij, baltijskij i rannebalkanskij glagol. Indoevropskie istoki*, Moskva.

IVANOV, TOPOROV 1974

IVANOV V. V., TOPOROV V. N., *Issledovanija v oblasti slavjanskich drevnostej. Leksičeskie i frazeologičeskie voprosy rekonstrukcii tekstov*, Moskva.

IVANOV, TOPOROV 1978

IVANOV V. V., TOPOROV V. N., "O jazyke drevnego slavjanskogo prava (k analizu ključevych terminov)", in: *Slavjanskoe jazykoznanije. VIII meždunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii*, Moskva, 221–238.

IVANOV, TOPOROV 1981

IVANOV V. V., TOPOROV V. N., *Drevnee slavjanskoe pravo: archaičnye mifopoetičeskie osnovy i istočniki v svete jazyka. Formirovanije rannefeodal'nych slavjanskich narodnostej*, Moskva.

IVIĆ 2008

IVIĆ M., "O izrazu *tvrd*", *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, 51/1–2, 11–15.

JOHNSON, ROHRER 2007

JOHNSON M., ROHRER T., "We are live creatures: Embodiment, American Pragmatism and the Cognitive Organism", in: T. ZIEMKE, J. ZLATEV, R. M. FRANK (eds.), *Body, Language and Mind, I: Embodiment*, Berlin, New York, 17–54.

KASIRER 1985

KASIRER E., *Filozofija simboličkih oblika*, II: *Mitsko mišljenje*, Novi Sad.

KATIČIĆ 1985

KATIČIĆ R., "Ispraviti pravьdъ", *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 31, 41–46.

KATIČIĆ 1989-90

KATIČIĆ R., "Praslavenski pravni termini i formule u Vinodolskom zakonu", *Slovo*, 39–40, 73–85.

KÜMMEL 1975

KÜMMEL W. G., *Introduction to the New Testament*, London.

LANGACKER 2008

LANGACKER R. W., *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*, Oxford.

LANGDON, GARDINER 1920

LANGDON S., GARDINER A. H., "The Treaty of Alliance between Hattušili, King of the Hittites, and the Pharaoh Ramesses II of Egypt", *The Journal of Egyptian Archaeology*, 6/3, 179–205.

LAVR.

Polnoe sobranie russkich letopisej, I: *Lavrent'evskaja letopis'*, Leningrad, 1926–1928.

LEHMANN 2002

LEHMANN W. P., "Pre-Indo-European", *Journal of Indo-European Studies*, Monograph 41, Washington.

LESÄFFER 2004

LESÄFFER R., Peace treaties from Lodi to Westphalia", in: R. LESÄFFER (ed.), *Peace Treaties and International Law in European History. From Late Middle Ages to World War One*, Cambridge, 9–44.

LIV

Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen, Wiesbaden, 2001.

LOMA 2002

LOMA A., *Prakosovo. Slovenski i indoevropski koreni srpske epike*, Beograd.

LSSV

S. ĆIRKOVIĆ, R. MIHALJČIĆ (prir.), *Leksikon srpskog srednjeg veka*, Beograd, 1999.

MALLORY, ADAMS 2006

MALLORY J. P., ADAMS D. Q., *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*, Oxford.

MATASOVIĆ 2009

MATASOVIĆ R., *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*, Leiden, Boston.

MEILLET 1926

MEILLET A., "Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien", *Revue des études slaves*, 6/3–4, 165–174.

MIĆOVIĆ 1981

MIĆOVIĆ D., *Albanske junačke pesme*, Priština. <http://www.rastko.rs/rastko-al/prevodi/albanske-junacke.php#_Toc3479983> 29.03.2011.

MIKLOSICH 1886

MIKLOSICH FR., *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien.

MOKIENKO 2010

MOKIENKO V. M., "Istoričeskaja frazeologija slavjanskih jazykov", in: J. GRKOVIĆ-MAJOR, M. RADOVANOVIĆ (ur.), *Teorija dijahronijske lingvistike i proučavanje slovenskih jezika*, Beograd, 103–129.

MS

MIKLOSICH FR., *Monumenta serbica. Spectantia historiam Serbiae Bosnae Ragusii*, Graz, 1964 (reprint).

NĚMEC 1994

NĚMEC I., "The Potential Valency Constituent in Diachronic Lexicology", in: S. ČMEJRKOVÁ, FR. ŠTÍCHA (eds.), *The Syntax of Sentence and Text. A Festschrift for František Daneš*, Amsterdam, Philadelphia, 375–382.

PAVLOVIĆ 2006

PAVLOVIĆ S., *Determinativni padeži u starosrpskoj poslovnompravnoj pismenosti*, Novi Sad.

POKORNY 1959

POKORNY J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, München.

POL

A. L. CHOROŠKEVIČ (sost.), *Polockie gramoty XIII — načala XVI vv.*, Moskva, 1977.

PUHVEL 1991

PUHVEL J., *Hittite Etymological Dictionary, 3: Words beginning with H*, Berlin, New York.

RADOVANOVIĆ 2009

RADOVANOVIĆ M., *Uvod u fazi lingvistiku*, Novi Sad.

RJAZU

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XXIII, Zagreb, 1880–1976.

RKSS

DANIČIĆ Đ., *Rječnik iz književnih starina srpskih*, 1–3, Beograd, 1863–1864.

RMS

Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika, I–III, Novi Sad, Zagreb, 1967–1969; IV–VI, Novi Sad, 1971–1976.

SDRJA

SREZNEVSKIJ I. I., *Materialy dlja slovarja drevne-russkogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, 1–3, Sankt-Peterburg, 1893–1912.

SG

R. I. AVANESOV (red.), *Smolenskie gramoty*, Moskva, 1963.

SE

V. V. BOGUSLAVSKIJ (avt.-sost.), *Slavjanskaja ènciklopedija. XVII vek*, 1–2, Moskva, 2004.

SM

S. M. TOLSTOJ, Lj. RADENKOVIĆ (red.), *Slovenska mitologija. Enciklopedijski rečnik*, Beograd, 2001.

SPP

STOJANOVIĆ Lj., *Stare srpske povelje i pisma*, I/1–2 (= Zbornik za istoriju, jezik i književnost srpskog naroda, XIX), Beograd, 1929–1934.

SRJA

OŽEGOV S. I., *Slovar' russkogo jazyka*, Moskva, 1963.

SSA

Stari srpski arhiv, 1–, Laktaši, 2002–.

SSJA

Slovar' staroslavjanskogo jazyka (reprintnoe izdanje), 1–4, Sankt-Peterburg, 2006.

STANOJEVIĆ 1920

STANOJEVIĆ St., "Studije o srpskoj diplomaciji. VIII. Ekspozicija (Naracija)", *Glas SKA*, XCVI, Drugi razred, 56, 117–141.

STANOJEVIĆ 1922

STANOJEVIĆ St., "Studije o srpskoj diplomaciji. X. Sankcija", *Glas SKA*, C, Drugi razred, 58, 1–48.

TOLSTAJA 2010

TOLSTAJA S. M., "K semantičkoj istorii slav. *mirъ i *světъ", in: J. GRKOVIĆ-MAJOR, M. RADOVANOVIĆ (ur.), *Teorija dijahronijske lingvistike i proučavanje slovenskih jezika*, Beograd, 199–213.

TOLSTOJ 1995

TOLSTOJ N. I., *Jezik slovenske kulture*, Niš.

TOLSTOJ, TOLSTAJA 1978

TOLSTOJ N. I., TOLSTAJA S. M., "K rekonstrukcii drevneslavjanskoj duchovnoj kul'tury (lingvo- i ètnografičeskij aspekt)", in: *Slavjanskoe jazykoznanie. VIII meždunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegacii*, Moskva, 364–385.

TOPOROV 2004

TOPOROV V. N., *Issledovanija po ètimologii i semantike, 1: Teorija i nekotorye častnye ee priloženiya*, Moskva.

TOPOROV 2006

TOPOROV V. N., *Issledovanija po ètimologii i semantike, 2/1: Indoevropskie jazyki i indoevropistika*, Moskva.

VLAJIĆ-POPOVIĆ 2000

VLAJIĆ-POPOVIĆ J., "Some Slavic Etymologies Reconsidered, Formal and Semantic Guidelines", in: I. JANYŠKOVÁ, H. KARLÍKOVÁ (eds.), *Studia Etymologica Brunensia*, 1, Praha, 191–199.

VPL

M. N. TIHOMIROV (red.), *Polnoe sobranie russkich letopisej, 26: Vologodsko-Permskaja letopis*, Moskva, Leningrad, 1959.

WATKINS 1989

WATKINS C., "New Parameters in Historical Linguistics, Philology and Culture History", *Language*, 65/4, 783–799.

WATKINS 1992

WATKINS C., "The Comparison of Formulaic Sequences", in: E. C. POLOMÉ, W. WINTER (eds.), *Reconstructing Languages and Cultures*, The Hague, 391–418.

WATKINS 1995

WATKINS C., *How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics*, Oxford.

WEST 2007

WEST M. L., *Indo-European Poetry and Myth*, Oxford, 2007.

YASNA

(Based on: K. F. GELDNER (ed.), *Avesta, the Sacred Books of the Parsis*, Stuttgart, 1896)
<<http://www.avesta.org/yasna/y43to46.htm>> 27.03.2011.

ZA

J. DARMESTETER (transl.), *The Zend-Avesta, I: The Venidad*, Oxford, 1880.

ZIEGLER 2004

ZIEGLER K.-H., "The peace treaties of the Ottoman Empire with European Christian Powers", in: R. LESAFFER (ed.), *Peace Treaties and International Law in European History. From Late Middle Ages to World War One*, Cambridge, 338–364.

ZS

NOVAKOVIĆ ST., *Zakonski spomenici srpskih država srednjega veka* (= Posebna izdanja SKA, 37), Beograd, 1912.

Prof. **Jasmina Grković-Major**, PhD

Odsek za srpski jezik i lingvistiku

Filozofski fakultet

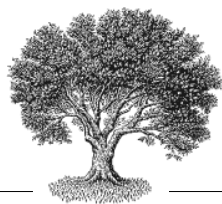
Univerzitet u Novom Sadu

Dr Zorana Đinđića 2

21000 Novi Sad

Serbia

jgrkovicns@sbb.rs

Towards a Systemization of Common Balkan Lexical Evidential Markers

К систематизации общебалканских лексических эвиденциальных маркеров

Maxim Makartsev

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

**Максим Максимович
Макарцев**

Институт славяноведения РАН,
Москва

Abstract

A simple listing of lexical evidential markers in Bulgarian, Macedonian and Albanian uncovers unusual problems, because a significant part of the markers are common, both due to genetic relations between the languages (e.g. Bulg. and Maced. *spored*) and to areal factors (e.g. Turk. word *güya/gûya* was loaned into Bulg. dialectal *gyoa*, Maced. *goa* and Alb. *gjoja*; this marker also exists in Serb.). But these common markers with the same etymology do not necessarily have similar meanings, which is both a theoretical problem for the description of the language data and a practical issue for translation between the languages. As Bulgarian, Macedonian and Albanian have grammatical evidential systems as well, there is a question how the lexical evidential markers interact with evidential forms. Here the distinction between analytic and holistic reading can be quite helpful, as it clarifies the role of each of the components in constructions. In the article it is analysed on the basis of translations between the Balkan languages. The definition of evidentiality I employ in this article is the one stated by A. Aikhenvald: "evidentiality is a linguistic category whose primary meaning is [the] source of information. [...] [T]his covers the way in which the information was acquired, without necessarily relating to the degree of [the] speaker's certainty concerning

the statement or whether it is true or not" [AIKHENVALD 2004: 3]. It is well known that there is a certain variety of domains for expressing evidentiality; first and foremost there is a distinction between lexical and grammatical markers.¹ In the following article I will concentrate on the common lexical evidential markers in Albanian, Bulgarian, and Macedonian, with a short introduction to grammatical evidentiality in these languages.

Keywords

evidentiality, lexical evidential markers, Bulgarian grammar, Macedonian grammar, Albanian grammar, Balkan linguistics, translation

The problem of lexical evidential markers, first dealt with on the basis of Bulgarian and Slavic data in Ivan Kutsarov's works in the late 1970s [КУЦАРОВ 1978A; 1978B; 1978C; 1978D], was not analysed systematically until the middle of the 1990s.² Studies of lexical evidentiality became more numerous in the late 2000s with the works of the Mainz Evidentiality Circle – see the collections [WIEMER, PLUNGJAN 2008] and also [WIEMER, VRDOLJAK 2011; WIEMER, VRDOLJAK (in press)]; and [WIEMER, STATHI 2010; KAMPF, WIEMER 2011]. The latter work is also a good account of up-to-date research on Bulgarian lexical markers and [WIEMER, VRDOLJAK 2011; WIEMER, VRDOLJAK (in press)] – on Bosnian, Croatian, Serbian, and Slovene markers. The survey [ГАЈДОВА, ЛАБРОСКА 2008] is the first attempt to provide a complex study of the interactions between grammatical and lexical evidential markers (verbs of speech and conclusion) in Macedonian. In their study [ГАЈДОВА, ЛАБРОСКА 2010] they give a short list of lexical evidential markers in Macedonian. [ТОФОСКА 2008] treats only verbs of speech and [BUŽAROVSKA 2006] only one marker – *kako da*. [ПЕТРОСКА, ТОФОСКА 2011] continues these works and compares certain lexical evidential markers in Macedonian and Polish. [PETROSKA 2012] gives an account of one Macedonian marker *navodno* and its interactions with grammatical evidential markers. For Albanian there are no published studies on lexical evidentiality.³

¹ As for the grammatical evidential markers in the Balkan languages, there is a tradition of their analysis dating back to the second half of the 19th century for Albanian and Bulgarian. Comparative analysis of evidential forms in the Balkan languages conducted by Victor Friedman [FRIEDMAN 1982, 1986, 1999], Grace Fielder [FIELDER 1994, 1996, 1997, 1998, 1999], and several other linguists, has answered some questions about what is common among Balkan languages and what is unique for each of them in the domain of grammaticalised evidentiality. There is a great deal of literature on grammatical evidentiality in general and it is scarcely possible to cite it all within a single article, but a recent study [AIKHENVALD 2004] contains the main bibliography on the issue.

² See [RAKHILINA 1996, RAMAT 1996], published in the best-known book, edited by Z. Guentchéva – [GUENTCHÉVA 1996], and also the large study by E. Padučeva – [ПАДУЧЕВА 1996].

³ I give an overview of Albanian, along with Bulgarian and Macedonian, lexical markers in my Ph.D. thesis (see the abstract – [МАКАРЦЕВ 2010]).

The data for the present study was taken from three digital collections of Bulgarian, Macedonian, and Albanian literary texts I created in 2007–2009 for my study of evidentiality in the Balkan text space (defended in 2010 as a Ph.D. at the Institute of Slavic Studies — [МАКАРЦЕВ 2010]). The databases are of unequal size, due to the inequalities in the existing digital libraries for these languages: the Bulgarian database is 803 750 words; Macedonian, 224 750 words; and Albanian, 398 700 words.⁴

General Problems

Bulgarian, Macedonian, and Albanian are members of the Balkan Sprachbund, sharing many features at all language levels. From an areal point of view, a simple listing of lexical evidential markers in each of the three languages uncovers unusual problems, because a significant number of the markers happen to be common due to areal factors or common linguistic genealogy. But these common markers with the same etymology do not necessarily have similar meanings, which is both a theoretical problem for the description of the language data and a practical issue for translation between the languages.

Among the common features the languages under analysis share are also special forms with evidential meaning.⁵ Their existence poses a challenge to the researcher: while the use of lexical means for expressing evidential meanings may be considered universal, in these three languages the system of lexical markers interacts with the grammaticalised evidentiality. This results in unusual research problems, such as describing what kinds of markers (lexical vs. grammatical vs. both lexical and grammatical) are preferred in different situations. This problem, valid for every language with grammaticalised evidentiality, had not received much attention until recently in Peter Kehayov's works (see [КЕХАЙОВ 2008]).

These problems overlap, because for a proper description of a marker an inventory of possible contexts is essential. This is why the analysis of the common markers is preceded by a list of items and an overview of grammatical evidential systems in Bulgarian, Albanian, and Macedonian.

⁴ Bulgarian has also several corpora, among them the largest is the Български национален корпус, created at the Institute of Bulgarian Language at the Bulgarian Academy of Sciences, and sometimes I use this corpus data as well. These examples are marked 'BNK.'

⁵ To be strict, we need to emphasise that, whereas Bulgarian and Macedonian have grammaticalised evidentiality (because it is obligatory in some contexts and has special forms), Albanian has grammaticalised evidential strategy (non-obligatory marking with forms of another category — admirative).

The List of Common Lexical Evidential Markers in Albanian, Bulgarian, and Macedonian

By common markers we mean markers that have the same source and generally the same form in at least two of the languages. As I will show, it is quite possible that certain markers have evidential meaning in only one language, which is the case with Bulg. *gyoa*, Maced. *góa* and Alb. *gjoja*. In this case its counterpart may have a general epistemic meaning or may be a discourse marker.

To date, I have found only four markers which are used in at least two of the languages under analysis and which belong to neutral literary speech at least in one of the languages:

- božem** ‘allegedly, seemingly, under the pretence, as if’ (Bulg. and Maced.), according to [BEP I 1971] derived from Old Slavic *bo* + *že* with the final prothetic *m* under the analogy with adverbs such as *přtem*, *denem*, *noštem*, *hodom* etc.
- demek** ‘it means, so to say; as they say’ (Bulg. dial. and popular, Maced. and Alb.), loaned from Turkish *demek* ‘say, speak; mean’ [BORETSKY 1976; BEP I 1971].
- gyoa/goa/gjoja** ‘allegedly; sort of’ (Bulg. dial., Maced. dial. and colloq. and Alb.), loaned from Turkish *güya/güya* ‘as if; perhaps, maybe’, actually being a loan in Turkish itself, where it was taken from Persian *gū* ‘say, speak’.⁶
- spored** ‘according to’ (Bulg. and Maced.), according to [BEP VII 2010] derived from **rědъ* ‘line, row’ by the use of two prefixes *sъ* + *po*. Its primary idea is that of accordance of the object within the scope of *spored* to other similar objects in the row. All the other meanings of this preposition are secondary, that is, the evidential meaning is based on the concept that the fact conveyed by the speaker corresponds to what someone else has said.

There are several reasons for the presence of common markers across several Balkan languages: the markers can either be of the same origin in genetically closely related languages (*spored* and *božem* in Bulg. and Maced.) or they can be loans from another language from the same area (such as *demek* and

⁶ According to [BEP I 1971], *gyoa/goa/gjoja* has many variants within the Balkan Slavic dialectal space, among them *gjóa*, *gjóe* (*mə*), *gjóemi-ti* (without a proper territorial specification); *gjóve* (south-western Bulgarian dialects); *gjoj*, *gjojkim* (Smolyan region in Bulgaria), *gjuem* (Bansko region in Bulgaria); *gjuva* (Debar region in Macedonia), but little can be said about its meaning in the respective dialects. In Bulgarian *gyoa* is a dialectal word; it is not included in [PBE]. The search in BNK showed 126 uses of this item, all of them in folklore publications between 1945 and 2010. This is why I am not going to discuss it in this article.

gyoa/g'oa/gjoja, which were loaned from Turkish), in which case the genetic ties do not apply.

In this second case a direct loan is not the only method of borrowing. It is worth noting that in the Balkan Slavic dialects, *spored* is not the only preposition with an evidential meaning; cf. *porádiť* 'according to' (< *po* 'as, on' + *radi* 'for', it is possible, that both prepositions originally had the meaning of aim) in Kajnas, a Slavic dialect of Boboshtica in the Korça region in south-east Albania (my field research, 2011). I suppose that this meaning of *spored*, which is primarily a preposition of correspondence (compare Macedonian *nopađu* 'because'), could have emerged through matching it part-by-part to the Albanian preposition *sipas/simbas* 'according to', which is made up of two parts: *si* 'as' + *pas* 'after'.⁸ If this is true, it shows yet another type of correspondence between the markers of two languages: not a loan from a common source, but a structural calque.

Typological probability is also among the reasons why similar markers emerge in different languages. For example, the verbs of speech are likely to become petrified lexical evidential markers without any connection to genetic origin or areal proximity: compare Bulg. *kaj* (< *káe* (dialect.) < 3sg of *kája* (Banat dialect) 'say')⁹; Maced. *veli*, Serb. *kaže*, Greek λέει, Russian colloquial *grit* (< *govorit*) with the common etymology 's/he says/tells'; Alb. *thotë* ('id.'), *tha* ('s/he said/told'); Romanian *cică* (< *zice că* 's/he says/tells, that'), Spanish¹⁰ *dizque* (< 'id.'), etc.¹¹ The Bulgarian *kaj* may also be an interesting example of an evidential marker having infiltrated colloquial speech from an isolated, non-Bulgarian language area, that of the Banat Bulgarian dialect surrounded by Romanian, German, Hungarian, and Serbian (if it is not just a shortened form of the verb *kaža* 'say' which may have emerged independently in colloquial speech or in other less remote dialects).

The number of languages under comparison is the only limit for the list of the markers — if we extend the list of languages, the list of evidential markers common to at least a pair of languages will also be broadened (cf. Serb. and Maced. *navodno*, *kao (da)*¹² and *kako da*; Romanian and Bulg. *maj*, etc.), and the same thing will happen if we add dialectal (local and social) data.

One may add grammatical evidential markers as well. First, in both Bulgarian and Macedonian the evidential semantics can be conveyed by *l*-forms

⁷ The markers are in bold at their first appearance.

⁸ Unfortunately, [ÇABEJ 1976; MEYER 1891], and [OREL 1998] do not provide any etymology for *sipas*, perhaps presuming it to be obvious.

⁹ See [БЕП II 1979: 135, 144, 303].

¹⁰ In several Latin American varieties.

¹¹ See [AIKHENVALD 2004: 140–142] for evidential markers derived from verbs of speech in other languages.

¹² Which also has formal equivalents in Greek: *σαν να* [BUŽAROVSKA 2006].

which have the same etymology (even though there are dialects in which those forms have only admirative meaning, for example in Boboshtica, or in Banat, where they have no modal or evidential meaning at all and stand for a general past — [Стойков 1967]). We may also consider the Aromanian Frasherote dialect of Beala di Sus in Macedonia, whose admirative suffix *-ka* is a loan from Albanian [FRIEDMAN 1994]. In another Balkan dialect, Sliven Romani, which is strongly influenced by Bulgarian, the suffix *-li* is used in various contexts (among them renarrative), and thus it can be called “Annäherung an das Bulgarische” [IGLA 2006: 59].

Of course the Balkan Sprachbund has shaped itself on the dialect level through language contacts between the dialects, so the most proper way to study lexical evidential markers is through the dialectal data, taken both from contact areas and from areas outside the direct contact with other languages. But even when only standard languages (or their non-dialectal varieties) are taken into consideration, the main tendencies and oppositions can be revealed. That is why this study can be taken only as a preliminary step before embarking on a more complex description of the situation at the dialectal level.

The English (as well as any other) translations give only a rough picture of the general meaning of these items, whereas my research aims at a more precise description of their semantics. To provide this description, I use some elements of the outline of the database of evidential markers in European languages [WIEMER, STATHI 2011]. The basic idea of the database is that a unified structure is created to describe all evidential markers of the respective languages as entries in a database. The names of the fields in the database will contain the possible features of evidential markers and the fields will include information valid for the respective markers. This database will unify the approaches to different markers in different languages, thus providing the opportunity to compare them on various parameters. This database provides a perfect tool for comparing evidential markers in several languages. The database is not launched yet, and I use only the principle elements of its structure to describe the markers.

In this article I will describe the following three markers: Bulg., Maced., and Alb. *demek*; Maced. and Alb. *góa/gjoja*; and Bulg. and Maced. *spored*. Other cases, primarily Bulg. and Maced. *božem*; Serb. and Maced. *navodno, kao (da)* and *kako da*; Bulg. and Romanian *maj*; Bulg. *gyoa; kaj* in Bulg. dialects; Kajnas *poradi* and Alb. *sipas/simbas*, and many others seem to deserve special attention.

An Overview of the Unwitnessed Evidential Forms

Here I am going to dwell briefly upon the forms I refer to as unwitnessed evidentials in the Balkan languages. In Bulgarian and Macedonian they are

based on the so-called *l*-participle and are formed according to the following model: the verb “to be” + *l*-participle (some of the more complex verb forms such as future or pluperfect can have a slightly different structure; however, there are no unwitnessed evidentials without an *l*-participle). In Bulgarian the third person of the verb “to be” (the copula) is often dropped; in Macedonian it is always dropped. It is obvious that the origin of the Bulgarian and Macedonian *l*-forms should be sought in the Slavic perfect. In Bulgarian and Macedonian there is still a strong tie between grammatical evidentials and the perfect. Technically, in the majority of cases the perfect and the unwitnessed evidentials are identical in form and the meaning of the particular construction can be understood only from the context. In Macedonian, due to the obligatory drop of the copula in the perfect, there is no difference between perfect (1) and unwitnessed evidentials for aorist/imperfect (3) (in (2) an example of a witnessed evidential form is given):

Macedonian

- (1) Vo.toa.vreme toj bi-l¹³ vo Skopje (REPORTED IMPERFECT)
 At.that.time he be-LPARTICLE.MASC.SG in Skopje
 ‘[They say that] at that time he was in Skopje.’
- (2) Vo.toa.vreme toj be-še vo Skopje (WITNESSED IMPERFECT)
 At.that.time he be-IMPF.WITN.EV.2-3SG in Skopje
 ‘At that time he was in Skopje [and I vouch for it].’
- (3) Toj bi-l vo Skopje nekolku pati (PRESENT PERFECT)
 He be- LPARTICLE-MASC.SG in Skopje several times
 ‘He has been in Skopje several times.’

It is often stated in the Bulgarian linguistic tradition that the feature distinguishing perfect from grammatical evidentials is the copula in the third person (perfect retains it, while in unwitnessed evidentials it is dropped). This is insisted on by the Academic Grammar:

“The Reported Aorist forms are shaped in the same way as the forms of Present Perfect, but in the third person (Singular and Plural) they are different: in Present Perfect (4)¹⁴ the copula *e/sa* is restored and in the reported tense (5) it is omitted” [GRAMATIKA 1983: 354]:

Bulgarian

- (4) Toj e zastana-l pred v^hod-a (PRESENT PERFECT)
 He be.PRAES.3sg stand- LPARTICLE.MASC.S at entrance-DEF
 ‘He stood at the entrance.’

¹³ The illustrated verb forms in the examples are underlined, the lexical evidential markers are in bold.

¹⁴ The numbering is lacking in the original. The original examples were transliterated and grammatical notation was added (4–5).

- (5) Toj   zastana-l   pred   vhad-a   (REPORTED AORIST)
He   stand-LParticiple.Masc.Sg   at   entrance-DEF
'[Somebody says that] he stood at the entrance.'

Compare this with a witnessed aorist form:

- (6) Toj   zastana   pred   vhad-a   (WITNESSED AORIST)
He   stand-Aor.Witn.Ev.2-3Sg   at   entrance-DEF
'He stood at the entrance.'

However, many linguists have shown that a “vice versa” situation is also possible (see [FRIEDMAN 2001] and [LEVIN-STEIMANN 2004] for bibliography and a general discussion of the topic): there are forms with omitted copula conveying some sort of Resultative meaning (Anke Levin-Steinmann called this meaning *Zustandskonstatierung*, following Ljubomir Andreychin’s term *констатация на състояние* ‘a statement of a state’ — [LEVIN-STEINMANN 2004]):

B u l g a r i a n

- (7) Pole-to   pusto.   Pət   kalen   i   bezkraen.   (Z-KONSTATIERUNG)
Field-DEF   empty   way   muddy   and   without.end
Nebe-to   se   shlupi-l-o   nad   zemja-ta
sky-DEF   REFL   hang-LParticiple-N.Sg   over   earth-DEF
'The field is empty. The way is muddy and has no end. The sky hangs over the earth.' (Elin Pelin¹⁵)

The example in (7) contradicts the viewpoint of the Bulgarian Academic Grammar: it does not refer to any source of knowledge, but the copula is omitted. At the same time, it is also possible that a form with the copula present conveys some unwitnessed information based on the words of other people, as in (8):

B u l g a r i a n

- (8) Kazva-t,   če   car   Boris III   Hitler go
They.say   that   tsar   B. III   H.   Cl. Acc. Masc.Sg
e   otrovi-l-ø,
be.PRAES.3sg   poison-LParticiple-Masc.Sg
kači-l-i   sa   go   na   edin   samolet   i
put.up-LParticiple-Pl   be.PRAES.3pl   Cl. Acc. Masc.Sg   on   one   plane   and
sa   go   vdigna-l-i   mnogo visoko,
be.PRAES.3pl   Cl. Acc. Masc.Sg   raise-LParticiple-Pl   very   high
kædeto   vəzduh-a   e   razreden.
where   air-DEF   be.PRAES.3sg   rarefied
Car-jat   e   ima-l-ø
Tsar-DEF   be.PRAES.3sg   have-LParticiple-Masc.Sg

¹⁵ In the brackets the sources of the examples are shown. In the majority of cases we do not need a specific indication of the source, just the genre or, if it is taken from fiction, the author.

slabo	sərce	i	<u>se</u>	<u>e</u>	<u>počuvstva-l-ø</u>	lošo,
weak	heart	and	REFL	be.PRAES.3sg	feel-LParticiple-Masc.Sg	bad
i	togava	<u>sa</u>	<u>mu</u>	<u>da-l-i</u>	<u>otrova-ta.</u>	
and	then	be.PRAES.3pl	Cl. Dat. Masc.Sg	give-LParticiple-Pl	poison-DEF	

‘They say that tsar Boris III was poisoned by Hitler: they put him on an airplane and raised him to a high altitude, where the pressure was low. The tsar had a weak heart, he felt sick, and then he was given the poison.’ (from a conversation)

The drop of the copula in the third person can signal an opposition between the reportive vs. conclusive evidential meanings (9), or between disbelief/low belief vs. neutral evaluation of the reported information (10) and so on.

B u l g a r i a n

- (9) Palto-to   i   e   na   zakačalka-ta.
coat-DEF   Cl.DAT.3sg.Fem   be.Praes.3sg   on   hanger-DEF
- Znač-i,   tja   e   doš-l-a.
it.means-Praes.3sg   she   be.Praes.3sg   come-LPart-Fem.Sg

‘The mother’s coat is on the hanger.

So she must have returned home.’

- (10) Saddam   nesəmneno   ima-l-ø   orəži-ja
S.   undoubtedly   have-LParticiple-Masc.Sg   weapon-Pl
- za   masovo   porazjavane.
for   mass   destruction
- Okaz-a   se,   če   ne   e   ima-l-ø,
Turn.out-Aor.3sg   Refl   that   Neg   be.Praes.3sg   have-LParticiple-Masc.Sg
- ama   kakvo   ot   tova.
but   what   from   that

‘[A lie was the excuse to start the intervention in Iraq.] Saddam, they said, undoubtedly had weapons of mass destruction. It turned out that he didn’t, but it would have changed nothing.’ [КЕЧАВОВ 2008: 175]

While what we are dealing with in (9) is still evidential (in this case it is the conclusive meaning of the perfect), in (10) we have a clear case of the epistemic modal meaning: the forms *имал* and *не е имал* are opposed not only as positive and negative, but also as conducting disbelief and neutral evaluation of the respective propositions.

So, it seems that dropping the copula in the third person has little or nothing to do with the opposition of witnessed and unwitnessed forms, as opposed to the point of view advocated by the Academic Grammar.

That is why in Bulgarian and Macedonian a complicated situation arises: forms shaped in the same way conduct meanings from fairly different semantic domains (such as resultative and unwitnessed evidentials, for example). I have not yet found any convincing account of this situation in

the literature (these forms cannot be treated as homonymous forms of different categories, nor can they be considered to belong to a single category). The most interesting idea was proposed by Ronelle Alexander [ALEXANDER 2001], who called the Bulgarian *l*-forms ‘generalized past’, which should be treated as a maximally neutral category, highly dependent on the context. Still, as it is not my aim in this article to come up with a label for these forms, I will refer to them simply as ‘*l*-forms’. The Bulgarian system is discussed in greater detail in [МАКАРЦЕВ 2008], and an inventory and overview of the meanings of other evidential forms in Macedonian can be found in [УСИКОВА 2003].

In Albanian, unwitnessed evidentials (they are usually called “admirative” in the literature, due to their primary context meaning) follow a different pattern, though again evidential forms are based on the participle. The ending of the participle is removed and replaced by the finite form of the copula (the verb *kam* ‘have’). The tie with the perfect can still be seen, as the perfect consists of the same elements in an inverted order: copula + participle (which retains its ending in this case). Compare the following two sentences, with the ordinary perfect (11) and with the admirative/evidential present (12):

Albanian

- (11) Ai   *ka*   *qenë*   në   Tiranë.   (PRESENT PERFECT)
       he   have.3sg   be.Participle   in   Tirana
       ‘He has been to Tirana.’

- (12) Sipas   një neokomunist-i   serb Kosov-a   na   (PRESENT ADMIRATIVE)
       according to a   neocomunist-Masc.Gen/Dat   Serb   Kosovo-Fem.DEF   1Pl.Dat
       qen-ka   “pjes-a   më e   sigurt e   Serbisë.”
       be.Participle-have.3sg   piece-Fem.DEF   most   Cl.Nom   secure   Cl.Nom   of-Serbia
       ‘According to a Serbian neocomunist, Kosovo is “the most
       secure part of Serbia.”’¹⁶

The same principle is valid for all the other Albanian admirative/evidential forms (with differences due to the use of different auxiliaries); for details see [BUCHHOLZ, FIEDLER 1987: 154–160].

Bulgarian and Macedonian *l*-forms and Albanian evidentials have a complex system of meanings, which is shown in Figure 1:

¹⁶ The example is taken from [FRIEDMAN 2000: 343], with reference to the Kosovo Information Center, Informatori ditor, nr. 1167, 26. IX.1995. The primary meaning of this example is of course admirative-dubitative, but based on reported information, “sarcastic disbelief of the statement being reported”, as Friedman puts it. The marker **na** (lit. ‘to-us’) is a Dativus Ethicus form [ЦИВЬЯН 1999: 91–103]. In Albanian this form, when combined with admirative, adds an unambiguous dubitative meaning to the statement [HUBBARD 1980].

Figure 1. The meanings of Bulgarian and Macedonian /-forms and Albanian evidentials

GRAMMATICAL SUBDOMAIN	MEANING	BULGARIAN	MACEDONIAN	ALBANIAN
Perfect	Resultative	+	+	(–)*
	<i>Zustandskonstatierung</i>	+	+	(–)*
Evidential	Reportive	+	+	+
	Conclusive	+	+	+
Emotive	Mirative	+	+	+
	Other emotions	—	—	+
Modal	Epistemic	+	+	+
	Optative	+	+	—

*In Northern Gheg Albanian dialects the forms of the so-called inverted perfect are preserved, which have resultative meaning and can also have the function of *Zustandskonstatierung*.

At the same time, this list of meanings has a different sequence for Bulgarian and Macedonian, on the one hand, and for Albanian, on the other. For Albanian unwitnessed evidentials, the most common meaning is the emotive, which can often have an additional epistemic flavour of disbelief. The pure evidential meaning is quite rare, but is still present in some cases. Therefore, Albanian unwitnessed forms are often called “admirative” (Alb. *mënyrë habitore* ‘mood of surprise’). For Bulgarian and Macedonian, the primary meaning is the unwitnessed evidential (with an epistemic flavour of disbelief),¹⁷ and they may also have an additional mirative meaning. In some short clichés, the optative meaning can also be found.

Evidential Subfunctions of the Markers

Examples of *demek* in Bulgarian literary speech are rare, and within my collection of Bulgarian literary prose I was able to find them only in 19th-century novels (I. Vazov, Z. Stoyanov). In [PBE III 1981] *demek* is marked as popular (‘простонар.’). In colloquial speech, however, it is still used. In BNK I was able to find 257 examples¹⁸ with *demek* (with the exception of folklore texts); in the majority of cases *demek* means ‘so’ and thus has no evidential function. A particularly interesting use of *demek* is as a ‘translation marker’, when it introduces a translation following a phrase in some other language, e.g.:

¹⁷ Victor Friedman proposes that the invariant meaning of Bulgarian and Macedonian /-forms should be not evidential, but non-confirmative (see [FRIEDMAN 1986]), thus proposing that they are forms of an epistemic category. Because my primary interest in the present article is the evidential spectrum of meanings, I prefer to use the more traditional term ‘evidential’ and speak about evidential and epistemic semantic components within the evidential forms.

¹⁸ In periodicals, translations, and literature. In the Bulgarian Brown Corpus, now an integrated part of BNK, there were also eight examples.

B u l g a r i a n

- (13)
- Alone**
- (
- demek**
- “Sam”)

[Engl.:] alone   demek   alone

‘<The English word> “Alone”, meaning “Alone”’ (from a blog)

This usage is a variant of the meaning ‘so to say’. Though it sometimes accompanies quoted or renarrated words, it cannot be called an evidential marker, because its primary function is to explain or to provide an interpretation of the words (whether renarrated or translated).

Among the meanings of the Bulgarian *demek* there still is a clearly evidential one – conclusive:

B u l g a r i a n

- (14) [...той изучаваше подозрително моите тесни
беневерици от панагюрски шаяк и влашкия ми
калпак, а на думите малко внимание обръщаше.]

Demek	ti	si	ot	onija	aratlic-i,	ot	komic-i-te —
demek	you	be.2sg	from	those	friend-Pl	from	comician-Pl-DEF
zabelež-i	Dočo	uvereno	i	metn-a	pogled	naokolo.	
remark-Aor.3sg	D.	with.confidence	and	throw-Aor.3sg	look	around	

‘[He studied suspiciously my narrow trousers made of cheviot from Panagyurishte and my Vlach cap, but to my words he paid little notice.] So you are from those friends, from the comicians,¹⁹ said he with confidence, and looked around.’ (Zahari Stoyanov)

This usage is not very common in Bulgarian. Currently, the open access database of BNK provides no more than 30 random items in a search session (from the total of 257 for this marker), but after several sessions I estimate the number of examples with this meaning to be very small in comparison with other meanings.

Evidentials are also possible within the scope of *demek*:

- (15) [Мине, не мине време, и в прословутото политическо пространство се появява поредното упражнение върху темата: “В партиите няма личности за продан.”]

Demek	kadri-te	se	bi-l-i	iznosi-l-i	i	ako
demek	personnel-DEF	REFL	be-LParticiple-Pl	outdate-LParticiple-Pl	and	if
ne	bi-l-i	proportionaln-i-te	list-i,	v	bъdešti-ja	
not.for	be-LParticiple-Pl	proportional-Pl-DEF	list-Pl	in	future-DEF	
parlament	njama-l-o	da	vleze	nikoe	ot	poznat-i-te
Parliament	have.not- LParticiple-3sg	Sub	enter	none	of	known-Pl-DEF
lic-a.						
face-Pl						

‘[When some time has passed and in the notorious political space emerges yet another exercise on the topic “There are no people

¹⁹ Ironically used instead of *komitite* ‘rebels’.

for sale in the parties.”] So, the personnel is outdated and if not for the proportional lists, no known people would enter the future Parliament.’ (BNK)

I assume that *l*-forms within the scope of *demek* can emerge in cases in which they introduce the speaker’s interpretation of another person’s statement; their use in such situations is epistemic, transmitting the sense of disbelief.

In dictionaries of standard Macedonian only a conclusive meaning for *demek* is attested; however, *demek* is quite often used as a reportive with an additional epistemic meaning of disbelief (16):

Macedonian

- (16) Raste-l-a,   **demek**,   poddržka-ta   za   stav-ot
       grow.LParticiple-Fem.Sg   demek   support-DEF   for   position-DEF
       na   makedonska-ta   vlada   vo   sporot   okolu   ime-to
       of   Macedonian-DEF   authority   in   argument   about   name-DEF
       so   Grcija.
       with   Greece
       ‘[They say that] **demek** the support of the position of the Macedonian government in their argument with Greece about the official name is growing [which is not true, taking into consideration the official messages from Brussels and Washington].’ (from a magazine)

Whenever there is a proposition within the scope of the reportive *demek*, two ways of using evidentials are possible: for the past, *l*-forms are used; for the non-past, evidentials (cf. 16) as well as neutral forms can be used. This means that at least after *demek* in the non-past, the opposition between *l*-forms and other forms is both epistemic and evidential, while for the past, *l*-forms are the most common possible choice, but in cases of marked confirmative or an epistemic meaning of belief, forms in *-v/-sh/-j-* are also possible.

In dictionaries of standard Albanian *demek* is described as a conclusive, epistemic, or mirative marker. At the same time, it can also be used as a reportive marker, but again, with a primary epistemic meaning (in this example the epistemic meaning is strengthened by the epistemic marker *sikur*):

Albanian

- (17) [Ai]   vete   jep-ø   intervist-a,   del-ø   në   televizor
       he   oneself   take.Aor-3sg   interview-Acc.Pl   go.Aor-3sg   to   TV
       e   u   thotë   broçkull-a   sikur   demek,   Amerik-a
       and   Refl   say.Praes.3sg   nonsense-Acc.Pl   as.if   demek   America-DEF
       i   ka   sy-të   te   parti   e   tyre!
       Cl. Acc. Pl   have.Praes.3Sg   eye-Acc   at   party   Cl. Agr   their
       ‘He went on TV and said a lot of nonsense there, saying that America was spying on their party!’ (Pellumb Kulla)

The use of evidentials after *demek* in Albanian is not obligatory and they can be used any time the speaker wants to emphasise his or her personal attitude towards the information.

In Macedonian dictionaries *goa* is described as an epistemic and a reportive marker. However, a search in written texts did not provide clear examples with a reportive meaning. Apparently, in Macedonian the basic semantics of this marker is epistemic, and its use as a reportive marker (if there is any – we found it neither in written texts nor on the Internet) is only secondary. The evidential meaning that is really associated with this marker is *visuality*, but it is always contrafactive ('seemingly it was *p*, but in fact it was not'):

Macedonian

- (18) Gospodin-ot Dimitar ja napuš-t-i svoja-ta uloga,
 Mister-DEF D. Cl. Acc. Fem leave-Aor.3Sg his-DEF role
 sedn-a i se zadlaboč-i, goa, i toj
 sit-Aor.3Sg and Refl concentrate-Aor.3Sg goa too he
 vo slušanje-to.
 in listening-DEF
 'Mr. Dimitri left his role, sat, and it looked like he concentrated
 on listening.' (Slobodan Mickovik')

At the same time, some very clear epistemic uses of this marker are quite common as well:

Macedonian

- (19) Sè e izmislen-o goa od delikatnost, obdzir-i
 Everything be.Praes.3Sg imagine-Neut goa from delicacy carefulness-Pl
 moraln-i pričn-i [a samo Maza ja izlaga na sram i potsmev pod
 moral-Pl cause-Pl
 vistinskoto ime]
 Everything is made up, as if from delicacy, carefulness, and moral
 causes, [and only Maza is exposed for shame and laughter, un-
 covering her real name]. (Slobodan Mickovik')

The Albanian *gjoja* is also defined in the dictionaries as an evidential and epistemic marker, but its evidential meaning is limited to reportive:

Albanian

- (20) Bexhet-i nis-i të bë-nte njohje-t e mua
 B.-DEF go-Aor.3Sg Subj.Mark make-Subj.3Sg information-Pl Cl.Agr me
 më paraqit-i si kryetar të degë-s së
 with introduce-Acc.Sg as head Cl.Gen branch-Gen.Sg Cl.Gen
 parti-së së tij në Nju.Jork, që gjoja
 party-Gen.Sg Cl.Gen his in New York, that gjoja
 nëmëro-nte gjer tashi katërqind antarë.
 number-Impf.3Sg right now 400 members

‘Bexhet went to inform me, introducing himself as the head of his party branch in New York, which allegedly had 400 members at that moment.’ (Pellumb Kulla)

In the dictionaries of Standard Macedonian *goa* is described as dialectal, colloquial, or archaic, but the Albanian *gjoja* does not have this association.

Spored ‘according to’ is attested in Bulgarian and Macedonian and seems to have the same meaning in both languages. In both, the most common meanings of *spored* are accordance (e.g. Bulg. *Spored nuždite i sredstvata*/Maced. *Spored potrebite i sretstvata*/According to the needs and resources) and stance (Bulg. and Maced. *Според мене...*/I think...). At the same time, there are at least two meanings connected to the domain of evidentiality: conclusive and reportive. The conclusive meaning can be seen in (21) and it perfectly matches the English preposition *according (to)*:

B u l g a r i a n

- (21) Amerkanka-ta   ni   sčita-l-a   **spored**
 American.woman-DEF we.Acc   consider-LParticiple-Sg.Fem   spored
 izlož-en-i-te   predmet-i, za   edno   južnoamerikansko   pleme.
 exhibit-Participle-Pl-DEF   object-Pl   for   one   South.American   tribe
 ‘The American woman, based on the objects at the exhibition, con-
sidered us to be a South American tribe.’ (Aleko Konstantinov)

In Macedonian the picture is largely the same. The syntactic structure of sentences with *spored* is the same as in Bulgarian, and its meanings are the same, too. The only difference is that there are many more examples with conclusive meaning in Macedonian than in Bulgarian.

As we saw, evidential and conclusive meanings are usually combined in the semantics of the lexical markers under analysis, and the epistemic value is usually intertwined with them. They can also convey conclusive meaning (which is less represented in texts for Bulg. *spored* and Alb. *gjoja*). Macedonian *goa* can also convey visual meaning. The epistemic component in *demek* and *goa/gjoja* is conventionalised (but sometimes the epistemic degree can be lowered because of the context). It is quite interesting that *spored* is very often associated with the category of stance (the category indicating the attitude of the speaker towards the information s/he conveys). Thus, the evidential values of this marker might have emerged from the stance meaning.

Scope

The distribution of these markers can vary. Example (22) shows us that it is not necessary to have a proposition within the scope of *demek*. An adjective phrase is possible in this position as well.

Macedonian

Ne e ni vo videoigri-te kaj koi vo 3D
 Neg be.Praes.3sg neither in videogame-Pl at which in 3D
(demek stvarno, a vsušnost stvarno) so rafal-i
demek really but in.fact really with automatic.fire-Pl
 se rešeta-at vojnici-te na neprijatel-ot.
 Refl riddle-Pl soldiers-DEF of enemy-DEF
 ‘Neither does it take place in the video games, where in 3D format
 (as if it were real and which feels very real) the enemy’s soldiers
 are riddled by machine-gun fire.’ (Venko Andonovski)

Modern Bulgarian provides multiple examples with NPs within the scope of *demek*, though in the majority of these examples, *demek* is used not in an evidential subfunction, but in order to express identity between the left and the right context, cf.:

Bulgarian

- (23) TX časovnici (**demek** Timex) ...

TX.watches demek T.
 ‘...TX, or Timex watches...’ (from a blog)

As can be seen from (23), not only propositions can fall within the scope of *goa*, and the following example with an NP in its scope shows this even more clearly:

Macedonian

- (24) od ovoj **goa**-disident-ov, g’zo-ližač na Enver.Hoxha
 from this goa dissident-DEF ass-licker of E. H.
 ‘from this seeming dissident, Enver Hoxha’s ass-licker’ (from
 a forum)

In Albanian any constituent can fall within the scope of both *gjoja* and *demek*, but some speakers of literary Albanian from Tirana reject the notion that there can be an NP (which is normal in the texts written by authors from both southern Albania and northern Albania and Kosovo).

Almost any constituent can appear within the semantic scope of the entire PP with *spored* as a head; cf. (25), where, in English, there is an AP in this position:

Bulgarian

- (25) Nakraja vse.pak reši-hme da otid-em v edna
 Finally still decide-Aor.3Pl Subj.Mark go-Praes.1pl to one
 absolutely natural, **spored** dum-i-te na Kejt, taverna
 absolutely natural according.to word-pl-DEF of Kate tavern
 ‘Finally we decided to go to an absolutely natural, as Kate said,
 tavern.’ (Alek Popov)

Syntactic Class

In spite of the clear morphological form and morphotactic status of the markers (free, one-word items), there is little or no correspondence between the various dictionaries as to how to treat them in terms of syntactic class (the clearest is the case of *spored*, which is treated as a preposition in the majority of dictionaries;²⁰ *demek* and *goa/gjoja* are sometimes called adverbs, conjunctions, or particles). The question of syntactic class goes far beyond the boundaries of this article, but at least I can try to point in the direction of some possible solutions.

It is clear that *demek* and *goa/gjoja*, as well as many other lexical evidential markers (*božem*, *kaj*, *navodno*, and others), should belong to the same syntactic group or class, because the rules of their use and their government do not differ significantly. There is still a wide range of variation in grammatical terminology in different language traditions. For example, in the English tradition the words modifying the entire preposition (*frankly*, *personally*, *apparently*, *luckily*, etc.) are usually called sentential adverbs. However, the words modifying the entire preposition (though the list differs in different languages) in Russian, Bulgarian, and Albanian are included into *частици/частици* (Rus./Bulg.) or *pjesëza* (Alb.) ‘particles’, the term *наречие* (Rus., Bulg.) and *ndajfolje* (Alb.) ‘adverb’ being generally reserved for words modifying VPs or APs. The Macedonian tradition introduces a special group of *модални (начински) зборови* ‘modal (mood) words’ [КОНЕСКИ 1967: 543], which includes discourse and stance²¹ markers, so evidential markers such as *demek* and *goa* would fit perfectly into this category.

A good way out of this problem of classification would be the introduction of a special group of words (evidential words), as is done in [БОЯДЖИЕВ, КУЦАРОВ, ПЕНЧЕВ 1999: 361; КУЦАРОВ 2007: 169] with the term *частици* ‘particles’ — they introduce *преизказни частици* ‘renarrative particles’ and *конклузивни (умозаключителни и предположителни)* ‘conclusive (inferential and assumptive)’, along with *дубитативни* ‘dubitative’. I tried to do the same thing in my reference book of Bulgarian grammar [МАКАРЦЕВ, ЖЕРНОВЕНКОВА 2010: 184–185].²² It is quite clear though that the taxonomy of the “evidential words” would depend on the author’s idea of the syntactic classes.

²⁰ Though [МУРГОСКИ 2005] defines it as an adverb.

²¹ See [BIBER, FINNEGAN 1988] for discussion of this topic.

²² The three cited books are manuals and reference books, so it is inevitable that they sometimes simplify and skip the less important points to give a clear main idea. At the same time, I think that A. Wierzbicka’s comments about a semantic metalanguage can be applicable here, as well as in many other complicated areas of linguistics: “The semantic metalanguage will only be genuinely «explanatory» if it is so clear and immediately comprehensible as not to require «explanation» in its turn... A semantic language which purports to explain must make the complex simple, the confused transparently plain, the obscure self-explanatory” [WIERZBICKA 1972: 1–2].

The Macedonian classification provides the most reasonable solution. It appears that the class of *модални зборови* ‘modal words’ has a great deal in common with the evidential words. It would be justified to combine them under the term “propositional modifiers” or “stance words”.

Balkan Evidential Markers and Translation

The comparative analysis of Balkan evidential markers in translation from one Balkan language into another enables us to elucidate both of the general problems we indicated at the beginning of the article. The many phenomena from Macedonian electronic media are particularly fruitful in this respect because recently (after the Ohrid agreements in 2001) Albanian has started to play a very important role in the multinational community of this country. Since for some Albanian politicians the question of the language they use in communication is of high importance, many of them speak only Albanian, even though they are fluent in Macedonian as well. Some media present their speeches with subtitles, which gives us the opportunity to compare the original with the translation.

In this context, I would like to refer to an interview Ali Ahmeti (a member of The Democratic Union for the Integration of Albanians in Macedonia) gave in 2008 to Radio Free Europe. The radio made up a short film and uploaded it onto YouTube. Ali Ahmeti spoke Albanian (26) and the film was provided with Macedonian subtitles (26a):

Albanian

- (26) Me sa unë e kam vëzhguar situatën nga mbrënda Parlamentit, ka qenë një situatë jashtëzakonisht e rëndë, që Parlamenti i Maqedonisë ka qenë i rrethuar prej njësive të Alfa, të pauniformuar, por me kallashnikov, me arm tjera për të paisur me armë për antiterrorizëm, kështu që ajo që **thuhet** (1) se... **gjoja** (2) se simpatizantë apo anëtarë i Bashkimit Demokratik për Integrim kanë qenë ^(PERF) të paisur apo kanë ardhë ^(PERF) (3) armatosur fare nuk qëndron.
‘As far as I could follow the situation from the Parliament building, it was an extraordinarily difficult situation: The Macedonian Parliament was surrounded by Alfa troops, without uniforms, but armed with Kalashnikovs and other guns, to fight against terrorism, so the thing that **has been said** (1) that... **gjoja** (2) that supporters or members of the Democratic Union for Integration were armed or came armed (3), are not right.’

Macedonian

- (26a) Onaka kako što možeš da sledam vnatre od sobranieto, toa beše navistina teška situacija. Sobranieto na Makedonija beše

opkruženo od specijalni edinici Alfi, koi bea bez uniformi, so kalašnikov i so drugi oružja za protivterorističko dejstvovanje, taka što onie što **velat** (1) deka **navodno** (2) simpatizeri ili členovi na DUI bile dojdene _(PERF.III.EVID.) (3) vooruženi, toa voopšto ne drži.

In (26) Ali Ahmeti uses two evidential markers with a perfect form after them. The first marker, *thuhet* ‘say.Reflexive.Praes.1pl’ (1), underscores the evidential component (as it is an ordinary verb of speech); the second marker, *gjoja* (2), underscores the epistemic component; and the forms *kanë qenë* _(PERF) *të paisur apo kanë ardhë* _(PERF) ‘have been armed or have come armed’ (3) are neutral both evidentially and epistemically. In the Macedonian translation (26a) the situation differs: *velat* ‘say.Praes.3pl’ (1) underlines the evidential component (as does the Albanian *thuan*) as well, but *navodno* (2), which translates *gjoja* (2), also underlines the evidential component, and only the form within the scope of *navodno*, namely *bile dojdene* _(PERF.III.EVID.) (3) combines evidential and epistemic meanings in its semantics. So both the epistemic and the evidential components of the original sentence emerge in the translation, but different means are used to accomplish this. This is schematically shown in Fig. 2.

Figure 2. Evidential and epistemic components of the meaning of (26) and (26a)

	1	2	3
ENGLISH	been said that<...>	allegedly <...>	were <...> or had come <...>
ALBANIAN (26)	<i>thuhet se</i> <...>	<i>gjoja se</i> <...>	<i>kanë qenë ... apo kanë ardhë</i> <...>
meaning	Ev	Ev+Ep	Ø
MACEDONIAN (26a)	<i>velat deka</i>	<i>navodno</i>	<...> <i>bile dojdene</i>
meaning	Ev	Ev	Ev+Ep

This example illustrates the issues I am dealing with in this article. Both in Albanian and Macedonian the meaning of the utterance is shown as a sum of the meanings of different markers, some of them evidential and some evidential+epistemic. It is very important to emphasise that the translator did not use the Macedonian word *gjoa*, formally corresponding to the Albanian *gjoja*, because those interlinguistic homonyms have different stylistic associations and meanings (it can as well be considered dialectal in Macedonian).

The other example of ‘inter-Balkan’ translation is a very characteristic fragment from Aleko Konstantinov’s “Бай Ганьо” (“Baj Ganjo”), which has a complicated narrative structure. It is a passage from Baj Ganjo’s direct speech in which he describes what happened to a friend of his at a university. I have

discussed elsewhere the narrative structure of this fragment and the interplay between the lexical and grammatical markers [МАКАРЦЕВ 2008]. The translations into Macedonian and Albanian are quoted according to V. Friedman [FRIEDMAN 1998], and the English translation is also his. While Friedman focuses on the verb forms, expressing different degrees of distance and confirmation (comparing these translations with Romanian and Turkish), what interests us here is the use of lexical evidential markers:

B u l g a r i a n

- (27) Dosega da e stanal veke doktor, ama inat hora tukašnite. Rektora, **kaj** (1), ne go ostava. Ne može, **kaj** (2), kazal mu, za tri meseca da staneš doktor, **kaj** (3). A be kak da ne može, kogato momčeto znae?

M a c e d o n i a n

- (27a) Dosega veke trebaše da stane doktor, ama inaetčii se ovdešnive. Rektorot, **veli** (1), ne go ostaval. Ne može, **veli** (2), mu rekol za tri meseca doktor da stanes, **veli** (3). A, be, kako ne može, koga znae momčeto?

A l b a n i a n

- (27b) Do të qe bërë doktor gjer tani, po këta të këtushmit janë kokëfortë. Rektori, **gjoja** (1), nuk e lejuaka! Nuk qenka e mundur, **gjoja** (2), t'u bëka doktor, **gjoja** (3), njeriu, vetëm për tre muaj! E po pse s'mundet, ore t'i thuash, kur çuni i di për bukuri?

'He should have been a doctor already by now, but the people here are spiteful. The rector, **he says** (1), won't let him. "It is impossible" — **he says** (2) [that] he said to him — "for you to become a doctor in three months" — **he says** (3). Well, but how can it be impossible when the fellow knows [everything]' ²³

As we have seen, technically it would have been possible to use a single marker in all of these sentences, for example *demek* or even *gyoa/góo/gjoja*. But the only translation which actually uses one of these common markers is the Albanian. The situation becomes even more interesting if we note that the Turkish translation does not use either of these markers, preferring evidential *mİş*-forms instead.²⁴ Here again, the common items in the list are somehow rejected due to their system of meaning and semantic aura in their respective languages.

²³ The Bulgarian original is cited here according to [КОНСТАНТИНОВ 1980: 162], the Macedonian and Albanian translation according to [FRIEDMAN 1998], with the source, respectively, [КОНСТАНТИНОВ 1967] and [KONSTANTINOV 1975]. The translation into English is V. Friedman's.

²⁴ Here is the Turkish translation: "Bu akılla artık doktor olmalıydı, ama buradakiler inat! Rektör razı gelmezmiş "Üç ayda doktor olunmaz," demiş Rektör. A be, oğlan biliyor ya; bildikten sonra nasıl olunmazmış" [KONSTANTINOV 1972], cited according to [FRIEDMAN 1998]).

Conclusion

As we expand the list of Balkan languages under consideration, the list of phenomena overlapping at least two of the languages also expands. This is the case with the evidential markers as well, because many of them have parallels in other Balkan languages. That is why, in my opinion, in a project for a database for evidential markers in European languages (as in [WIEMER, STATHI 2010]), it would be essential to add a special field for links between lexical evidential markers common to several languages. For example, the Macedonian and Albanian *gōja/gjoja* would be linked both together and to the Turkish marker, as well as to the Serbian *(ko)đoja*, which has the same etymology.

References

- AIKHENVALD 2004
AIKHENVALD A., Evidentiality, Oxford.
- ALEXANDER 2001
ALEXANDER R., "Bridging the Descriptive Chasm: The Bulgarian «Generalized Past»", in: V. A. FRIEDMAN, D. L. DYER (eds.), *Of all the Slavs my Favorites: In Honor of Howard I. Aronson* (= Indiana Slavic Studies, 12), 1–29.
- BIBER, FINNEGAN 1988
BIBER D., FINNEGAN E., "Adverbial Stance Types in English", *Discourse Processes*, 11, 1–34.
- BORETZKY 1976
BORETZKY N., *Der Türkische Einfluss auf das Albanische, 2: Wörterbuch der albanischen Turzismen* (= Albanische Forschungen, 12), Wiesbaden.
- BUCHHOLZ, FIEDLER 1987
BUCHHOLZ O., FIEDLER W., *Albanische Grammatik*, Leipzig.
- BUŽAROVSKA 2006
BUŽAROVSKA E., "Pathways of Semantic Change: from Similarity Marker to Sensory Evidential", *Slavia Meridionalis. Studia Linguistica Slavica et Balcanica*, 6, 185–208.
- ÇABEJ 1976
ÇABEJ E., *Studime gjuhësore, I: Studime etimologjike në fushë të shqipes*, A–O, Prishtinë.
- FIEDLER 1996
FIELDER G.E., "The Relationship Between the *ima* ('have') Perfect, the *sum* ('be') Perfect and Auxiliary Loss in Macedonian and Bulgarian", in: *Studies in Macedonian Language, Literature and Culture*, Skopje, 177–185.
- FIEDLER 1997
FIELDER G.E., "The Discourse Properties of Verbal Categories in Bulgarian and Implications for Balkan Verbal Categories", *Balkanistica*, 10, 162–183.
- FIEDLER 1998
FIELDER G.E., "Discourse Function of Past Tenses in Pre-Modern Balkan Slavic Prose", in: A. TIMBERLAKE, M. FLIER (eds.), *Proceedings of the 12th International Congress of Slavists*, Columbus, 344–361.

FIELDER 1999

FIELDER G. E., "The Origin of Evidentiality in the Balkans: Linguistic Convergence or Conceptual Convergence?", *Mediterranean Language Review*, 11, 60–89.

FRIEDMAN 1982

FRIEDMAN V. A., "Admirativity in Bulgarian Compared with Albanian and Turkish", in: D. KOSEV (ed.), *Bulgaria: Past and Present*, 2, Sofia, 63–67.

FRIEDMAN 1986

FRIEDMAN V. A., "Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian", in: W. CHAFE, J. NICHOLS (eds.), *Evidentiality: the Linguistic Coding of Epistemology*, Norwood, 168–187.

FRIEDMAN 1994

FRIEDMAN V. A., "Surprise! Surprise! Arumanian Has Had an Admirative!", *Indiana Slavic Studies*, 7, 79–89.

FRIEDMAN 1998

FRIEDMAN V. A., "The Grammatical Expression of Presumption and Related Concepts in Balkan Slavic and Balkan Romance", in: M. FLIER, A. TIMBERLAKE (eds.), *American Contributions to the 12th International Congress of Slavists*, Bloomington, 390–405

FRIEDMAN 1999

FRIEDMAN V. A., "Evidentiality in the Balkans", in: U. HINRICHS (Hrsg.), *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*, Wiesbaden, 519–544.

FRIEDMAN 2000

FRIEDMAN V. A., "Confirmative/Nonconfirmative in Balkan Slavic, Balkan Romance, and Albanian with Additional Observations on Turkish, Romani, Georgian, and Lak", in: B. UTAS, L. JOHANSON (eds.), *Evidentials in Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, Berlin, 329–366.

FRIEDMAN 2001

FRIEDMAN V. A., "Hunting the Elusive Evidential: The Third-Person Auxiliary as a Boojum in Bulgarian", in: V. A. FRIEDMAN, D. L. DYER (eds.), *Of all the Slavs my Favorites: In Honor of Howard I. Aronson* (= *Indiana Slavic Studies*, 12), 203–230.

GRAMATIKA 1983

СТ. СТОЯНОВ (ред.), *Граматика на съвременния български книжовен език*, 2: *Морфология*, София.

GUENTCHÉVA 1996

GUENTCHÉVA Z. (ed.), *L'énonciation médiatisée*, Louvain, Paris.

HUBBARD 1980

HUBBARD PH., *The Syntax of the Albanian Verb Complex*, San Diego (Ph. D. dissertation, University of California, San Diego).

IGLA 2006

IGLA B., "Zum Renarrativ im Slivener Romani", *Балканско езикознание*, 45/1, 55–61.

KAMPF, WIEMER 2011

KAMPF V., WIEMER B., "Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitätsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prädikative" (in press).

КЕЧАЙОВ 2008

КЕЧАЙОВ P., "Interactions between Grammatical Evidentials and Lexical Markers of Epistemicity and Evidentiality: a Case Study of Bulgarian and Estonian", in: B. WIEMER, V. A. PLUNGJAN (Hrsg.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (= *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72*), München, Wien, 165–201.

KONSTANTINOV 1972

KONSTANTINOV A., *Bay Ganü*, transl. İ. AĞLAGÜL, Istanbul.

KONSTANTINOV 1975

KONSTANTINOV A., *Baj Gano*, përkth. Dh. XAXA, Prishtinë.

LEVIN-STEINMANN 2004

LEVIN-STEINMANN A., *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen l-Periphrase* (= Slavistische Beiträge, 437), München.

MEYER 1891

MEYER G., *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg.

OREL 1998

OREL V., *Albanian Etymological Dictionary*, Leiden, Boston, Köln.

PETROSKA 2012

PETROSKA, E., "Grammatical and Lexical Markers of Evidentiality in Macedonian", *Balkanistica*, 25/2, 139–152.

RAKHILINA 1996

RAKHILINA E. V., "Jakoby comme procédé de médiatisation en russe", in: Z. GUENTCHÉVA (ed.), *L'énonciation médiatisée*, Louvain, Paris, 299–304.

RAMAT 1996

RAMAT P., "«Allegedly, John is ill again»: Stratégies pour le médiatif", in: Z. GUENTCHÉVA (ed.), *L'énonciation médiatisée*, Louvain, Paris, 287–298.

WIEMER, PLUNGJAN 2008

B. WIEMER, V. A. PLUNGJAN (Hrsg.), *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72), München, Wien, 239–284.

WIEMER, STATHI 2010

WIEMER B., STATHI K., "The Database of Evidential Markers in European Languages. A Bird's Eye View of the Conception of the Database (the Template and Problems Hidden beneath it)", *Language Typology and Universals*, 63/4, 275–289.

WIEMER, VRDOLJAK 2011

WIEMER B., VRDOLJAK I., "Evidenzielle Partikeln vs. Satzadverbien im serbisch-kroatischen und slovenischen. Teil I. Ein Forschungsbericht", *Die Welt der Slaven*, 56, 100–130.

WIEMER, VRDOLJAK (in press)

WIEMER B., VRDOLJAK I., "Evidenzielle Partikeln vs. Satzadverbien im serbisch-kroatischen und slovenischen, Teil II: Auswertung eines Forschungsberichts" (in press).

WIERZBICKA 1972

WIERZBICKA A., *Semantic Primitives*, Frankfurt a. M.

БЕР І

Български етимологичен речник, София, 1971–.

БОЯДЖИЕВ, КУЦАРОВ, ПЕНЧЕВ 1999

БОЯДЖИЕВ Т., КУЦАРОВ И., ПЕНЧЕВ Й., *Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис)*, София.

ГАЈДОВА, ЛАБРОСКА 2008

ГАЈДОВА У., ЛАБРОСКА В., "Категоријата дистанца во македонскиот, во бугарскиот и во српскиот јазик (граматички и лексички показатели)", в: *Реферати на македонските слависти за XIV-от Меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10–16 септември 2008 година*, Скопје, 79–93.

ГАЈДОВА, ЛАБРОСКА 2010

ГАЈДОВА У., ЛАБРОСКА В., “За евиденцијалноста во македонскиот јазик”, *Македонски јазик*, 61, 53–58.

КОНЕСКИ 1967

КОНЕСКИ Б., *Граматика на македонскиот литературен јазик*, Скопје.

КОНСТАНТИНОВ 1967

КОНСТАНТИНОВ А., *Бай Гањо*, прев. Ѓ. ЦАЦА, Скопје.

КОНСТАНТИНОВ 1980

КОНСТАНТИНОВ А., “Бай Ганю”, в: КОНСТАНТИНОВ А., *Събрани съчинения*, I, София.

КУЦАРОВ 1978А

КУЦАРОВ И., “Преизказни модификатори в южните славянски езици”, *Съпоставително езикознание*, 4, 41–54.

КУЦАРОВ 1978В

КУЦАРОВ И., “Преизказни модификатори в източните славянски езици”, *Съпоставително езикознание*, 5, 40–48.

КУЦАРОВ 1978С

КУЦАРОВ И., “Преизказни модификатори в западните славянски езици”, *Съпоставително езикознание*, 6, 47–54.

КУЦАРОВ 1978D

КУЦАРОВ И., “Функционално-семантически полета на категорията преизказност в славянските езици”, *Славянска филология*, 15, София, 391–401.

КУЦАРОВ 2007

КУЦАРОВ И., *Теоретична граматика на българския език. Морфология*, Пловдив.

МАКАРЦЕВ 2008

МАКАРЦЕВ М., “К вопросу о связи лексических и грамматических показателей эвиденциальности в болгарском языке”, в: В. WIEMER, V. A. PLUNGJAN (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (= Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72), München, Wien, 239–284.

МАКАРЦЕВ 2010

МАКАРЦЕВ М. М., *Категория эвиденциальности в пространстве балканского текста (на материале болгарского, македонского и албанского языков)*, Автореферат дисс. ... к.ф.н., Москва.

МАКАРЦЕВ, ЖЕРНОВЕНКОВА 2010

МАКАРЦЕВ М. М., ЖЕРНОВЕНКОВА Т. Г., *Болгарский язык. Грамматика*, Москва.

МЛАДЕНОВ 1941

МЛАДЕНОВ С., *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София.

МУРГОСКИ 2005

МУРГОСКИ З., *Македонско-англиски речник*, Скопје.

НИКОЛАЕВА 2008

НИКОЛАЕВА Т. М., *Непарадигматическая лингвистика (История “блуждающих” частиц)*, Москва.

ПАДУЧЕВА 1996

ПАДУЧЕВА Е. В., *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива)*, Москва.

ПЕТРОСКА, ТОФОСКА 2011

ПЕТРОСКА Е, ТОФОСКА С.-С., “Лексички показатели за прекажана евиденцијалност во македонскиот и во полскиот јазик”, во: *Зборник од Осмата македонско-полска научна конференција*, Скопје.

РБЕ I–

Речник на българския език, София, 1977–.

СТОЙКОВ 1967

Стойков С., *Банатският говор* (= Трудове по българска диалектология, 3), София.

ТОФОСКА 2008

ТОФОСКА С.-С., “Глаголски предикати-носители на информацијата за евиденцијалност во македонскиот и полскиот азык”, во: *XXXV Научна конференција – лингвистика (Охрид, 11. VIII. – 28. VIII.2008)*, Скопје, 303–310.

УСИКОВА 2003

УСИКОВА Р.П., *Грамматика македонского литературного языка*, Москва.

ЦИВЬЯН 1999

ЦИВЬЯН Т.В., “Языковой жест, направленный на себя (dat. eth. и его трансформы)”, в: Цивьян Т.В., *Движение и путь в балканской модели мира*, Москва.

Максим Максимович Макартцев, к.ф.н.

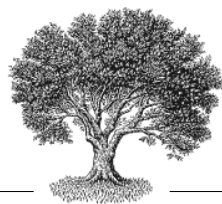
Институт славяноведения РАН,

отдел типологии и сравнительного языкознания

119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а

Russia / Россия

makartsev@bk.ru

Subject of
Subordinate
Clause as Object
with Verbs of
Perception,
Thought, and
Communication
in Old Russian¹

Субъект
в зависимой
предикации
в роли объекта
при глаголах
восприятия,
мысли и передачи
информации
в древнерусском

Anna A. Pichkhadze

Vinogradov Institute of Russian
language of the Russian
Academy of Sciences, Moscow

Анна Абрамовна Пичхадзе

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва

Abstract

This paper describes the Old Russian construction involving verbs of perception, thought, and communication. In this construction, a single semantic argument corresponds to two syntactic constituents: a direct object and a finite subordinate clause, the subject of which is coreferential with the direct object of the main clause. The Old Russian construction is seen as an instantiation of

---

¹ This work was supported by ОИФН РАН (project “Синтаксический анализ древнерусских текстов” within the program “Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей”).

a cross-linguistic option in the argument structure of these verbs (above all, of the perception verbs), that is, to take the subject of the subordinate clause as the direct object.

Key words

verbs of perception, thought, and communication; subject of subordinate clause as object of matrix verb

Verbs of perception, thought, and communication occur in different syntactic constructions. These verbs take some predication as a main argument, but the subject of the predication may also be attached to them as a direct object, in which case the predication is expressed by a nominal or non-finite verb form. The resulting constructions are double accusative, accusative with participle and accusative with infinitive (*accusativus cum infinitivo*). The alternative model is one in which the subject of the subordinate clause is attached directly to its subject position. The model with subordinate finite clauses has the tendency to displace constructions with non-finite verb forms [ЗАЛИЗНЯК 1981: 25; COLEMAN 1985: 327; HARBERT 1977: 136].

In Old Russian, perception verbs most often require subordinate finite clauses, cf. the Kievan Chronicle: **Глѣбъ же оузри уже идеть на нь Мѣстиславъ** ‘Gleb saw Mstislav coming against him’, lit. ‘Gleb saw that Mstislav is coming against him’ [ПСРЛ II: 363.27–28]; **слышавъ уже идеть свать ѿ Дюрги в Русь** ‘having heard that his co-father-in-law Yuri was going to Rus’ [ПСРЛ II: 455.22] and many others. The subject of the perceived action in these cases is the subject of the subordinate clause.

Quite often, verbs of perception in Old Russian texts govern the accusative with participle:

оузрѣша see.3PL.PAST	Половци Cumani.NOM.PL	идущь come.PARTC.PRES.ACC.SG
полкъ regiment.ACC.SG	пристроншася poise.3PL.PAST	противу against

‘The Cumans saw the regiment coming, and are poised against it’ [ПСРЛ I: 172.3–4]. See further examples in [ПОТЕБНЯ 1958: 308–316].

More rarely, a double accusative is observed with verbs of perception:

а	ныне	слышу	болену	сестроу
and	now	hear.1SG.PRAES	sick.ACC.SG	sister.ACC.SG

‘I hear that my sister is sick’ [ЗАЛИЗНЯК 2004: 158].

The use of the *accusativus cum infinitivo* was alien to medieval Slavic languages. At the same time, in Old Church Slavonic as well as in Old Russian texts, primarily chronicles, one encounters a peculiar construction, similar in part to the *accusativus cum infinitivo*. The construction involves a verb of perception, thought, or communication; its single semantic argument corresponds to two

syntactic constituents: a direct object and a finite subordinate clause, the subject of which is coreferential with the direct object of the main clause.²

Several examples of the construction in question have been found in the Old Church Slavonic translation of the Gospel:

сѣсѣди   же   и   иже   и
neighbour.NOM.PL   prtcl   and   this.NOM.PL   he.ACC.SG.CL
видѣли   вѣдахъ   прѣжде   ꙗко
see.PARTC.PAST.PL   be.3PL. PAST.COP   before   that.COMP
слѣпъ   бѣ
blind.NOM.SG.   be.3SG.PAST

οἱ οὖν γείτονες καὶ οἱ θεωροῦντες αὐτὸν τὸ πρότερον ὅτι τυφλὸς ἦν ‘the neighbours therefore, and they which before had seen him that he was blind’ Gospel of John 9: 8;

видѣвъша   марію   ꙗко   адро   вѣста
see.PARTC.PAST.PL   Mary.ACC   that.COMP   quickly   rise up.3SG.PAST
и   изиде
and   go.out.3SG.PAST

ιδόντες τὴν Μαριάμ ὅτι ταχέως ἀνέστη καὶ ἐξῆλθεν ‘having seen Mary that she rose up quickly and went out’ Gospel of John 11: 31;

іс   же   видѣвъ-   и   ꙗко
Jesus.NOM   prtcl   see.PARTC.PAST.NOM.SG   he.ACC.SG   that.COMP
съмъясавно   отъвѣща
intelligently   answer.3PL.PAST

καὶ ὁ Ἰησοῦς ἰδὼν αὐτὸν ο τι νουνεχῶς ἀπεκρίθη ‘and Jesus, seeing that he answered intelligently’ Gospel of Mark 12: 34 [ГРКОВИѢ-МЕЈѢОР 2010: 192].

In all three places cited here, the Slavonic translation follows the Greek text closely, rendering all the words in their original order.

But the construction under consideration is attested not only as syntactic borrowing in translations. It occurs in original Slavic texts as well. In Old Russian texts, constructions with the subject of the subordinate clause

² The defining property of accusativus cum infinitivo is precisely the presence of two syntactic arguments (a direct object and an infinitive) corresponding to a single embedded predication, in contrast to predicates such as *to force/encourage/ask somebody to do something*, which have two distinct semantic roles [HARBERT 1977: 123–136; BOLKESTEIN 1979: 20–22; ЗАЛИЗНЯК 1981: 16–24; PINKSTER 1990: 126–128; SCHOOF 2004: 71, 105, 149–150, 162–163].

The verb of perception can govern simultaneously a direct complement and a subordinate clause, the subject of which differs from the direct object: *кнѣзь же ѝзрѣвъ радъ ихъ · оже хотѣтъ крѣпко животъ свои ѡдати · и не покха* ‘the prince having seen the formation that they would fight hard for their lives, did not ride out’ Novgorod First Chronicle, f. 93v. Here, the direct object realizes the object of immediate perception, whereas the subordinate clause expresses the mental conclusion: the prince had seen the formation of the men of Novgorod and concluded that they would fight hard.

as the direct object of the main verb are rare. Most often the construction is used with verbs of visual perception. Here is an example from the Kievan Chronicle:

СЕ	ЖЕ	ВИДНХОМЪ	ПОЛКИ	ПОЛОВ'ЬЦЬКИН.
PRTCL	PRTCL	see.1PL.PAST	regiment.ACC.PL	Cuman. ACC.PL
УЖЕ	МНОЗИ	СОУТЬ		
that.COMP	numerous.NOM.PL	be.3PL.PRAES		

‘we saw that the Cuman regiments were numerous’ [ПСРЛ II: 640.16].

The subject of the perceived action or state in such a construction typically is not overtly explicated in the subordinate clause. Being attached as the direct object to the main verb, it becomes thematized, while the subordinate clause is the focus component of the utterance. This may be shown, for example, in the context of the Galician Chronicle:

ВИДИВЪ	ЛЮДИ	СВОЯ.	ТАКО
see.PARTC.PAST.NOM.SG	subordinate.ACC.PL	Refl.POSS.ACC.PL	that.COMP

ИСПИАНСА
were.drunk

‘[Daniel of Galicia] saw that his subordinates were drunk’,
lit. “saw his subordinates that [they] were drunk” [ПСРЛ II: 758.24].

The meaning of the proposition is not that Daniel of Galicia saw his soldiers, but that he saw that they were drunk. The focus of the speaker is not the subject, but rather his condition, yet nonetheless the subject is placed in the main clause. Similarly, in the context of the Primary Chronicle:

СЪГЛАДАХЪ	КОЛОДНИКЪ.	УЖЕ	СУТЬ	ВСИ
see.1SG.PAST	convict. ACC.PL	that.COMP	be.3PL.PRAES	all.NOM.PL

В СЯПОЗЪ
in boots

‘I made out that all the convicts are in boots’ [ПСРЛ I: 84].

It is important that the convicts were shod in boots: on this basis the speaker concluded that they can not be forced to pay tribute.

The direct object of the verb **видѣти** can serve not only as the subject but also as the object of the subordinate clause predicate. However, the only reliable example, from the Galician Chronicle, is observed in an impersonal subordinate clause, and the object depends on the infinitive, which does not refer to directly observable actions:

ВИДИВЪ	ЖЕ	КРЕМАНЬЦЬ	И	ГРАДЪ
see.PARTC.PAST.NOM.SG	PRTCL	Kremenets. ACC	and	city.ACC.SG
ДАНИЛОВЪ.	ТАКО	НЕВОЗМОЖНО	ПРИПАТИ	ЕМОУ
Danilov.ACC.SG	that.COMP	impossible	take.INF	he.DAT.SG

‘having seen that he can not take Kremenets and Danilov city’
[ПСРЛ II: 786.12].

Apparently, in the following context of the Kievan Chronicle according to the Hypatian codex, the direct object of the main clause also refers to an object, but not the subject of the predicate of a subordinate clause, whilst the subject of the subordinate clause is indefinite-personal (Izyaslav's enemies):

и	видише	Изяславчи	кнѣзѧ	
and	see.PARTC.PAST.NOM.PL	Izyaslav's.supporter.NOM.PL	prince.ACC.SG	
своего	и	Логожанты.	уже	бес
REFL.POSS.ACC.SG	and	habitants.of.Logożsk.ACC.PL	that.COMP	without
пакости	суть	переѡли.	и	дашасѧ
harm	be.3PL.PRAES.COP	take.PARTC.PAST.PL	and	surrender.3PL.PAST

‘and Izyaslav’s supporters, having seen that their prince and the habitants of Logożsk were taken unharmed, surrendered’, where суть переѡли is a predicate in active voice, that is “took” [ПСРЛ II: 292.25–27]. However, in the same context, in the Laurentian Chronicle the direct object refers to the subject of the subordinate clause: **и видѣвши Изяславчи кнѣзѧ своего. и Логожанты. ѡже (ѡже is not in the Radzivilovskii and Academy codices) бес пакости суть переѡти. и дашасѧ** [ПСРЛ I: 298.19–20]; here **ѡже** seems to be a secondary replacement of the original **уже**, but the participle passive **переѡти** may be original, and the reading of the Hypatian codex a corruption.

In the *Teachings* of Vladimir Monomakh — **а се въ повѣдаю· дѣти моя трѹдъ свои· уже сѧ есмь трѹжалъ· пѹти дѣѧ и ловы** [ПСРЛ I: 247] — the direct object **трѹдъ** may not be the subject of the predicate **сѧ есмь трѹжалъ** if the clause is attributive (‘I will tell you about those works that I have undertaken’) or specifying (‘I will tell you about the works, namely, those I undertook’).

In oblique case with an adjective denoting quantity, the coreferential subject is overtly expressed:

видише	Половци	сторожи	Изяславчи
see.PARTC.PAST.NOM.PL	Cumans.NOM.PL	guard.ACC.PL	of.Izyaslav
уже	мало	и	есть
that.COMP	few.NEUTR.NOM.SG	they.GEN	be.3SG.PRAES

‘The Cumans, having seen that the guard detachment of Izyaslav was of small number’ [ПСРЛ II: 425.20–21].

The above-considered construction is also used with the verb *слышати*, cf. in the Galician Chronicle: **слышав же Данилъ рѣчи ихъ ѡко полны соуть лъсти** ‘Daniel, having heard their speeches <and having felt> that they are full of lies’ 790.28. Here, the verb *слышати* is semantically complex, implying both auditory and mental perception: Daniel had perceived the speeches by ear and realized that they were false (cf. footnote 2 above).

The specificity of the construction comes through clearly in comparison with apparently similar contexts, where the direct object points to the immediate source of information, as in an example from *Pčela*: **Съ слышавъ зѧ ѡ лѣвѣца ѡко глѣше великѹ силоу имѣ^{ти} и рече <...> Νικολῆς κακοῦ τινος ἰατροῦ λέγο-**

ντος, ὅτι ἔχει δύναμιν (var. λέγοντος ἔχειν δύναμιν), ‘he heard a bad doctor, how he said that he had great strength, and answered’³ Archive codex 93.1 [ПЧЕЛА: 799]. Here, the predicate of the subordinate clause does not disclose new unpredictable information. This context indicates only the direct perception of the action-process. In contrast to the construction described above, such contexts are possible in modern Russian, and the subordinate clause is introduced with the conjunction *как* ‘how’ (*слышал врача, как он говорил...* ‘I heard how the doctor spoke...’), while the construction under discussion has no exact equivalent in modern languages, and in translation the clause is introduced with the conjunction *что* ‘that’ (see examples above). The same distinction is observed in German, cf. the example cited by Potebn’a [1958: 299] from the *Deutsche Grammatik* of J. Grimm: “ich höre den vogel, wie er singt (audio avem canentem),” ‘I hear the bird singing’ – the direct perception of the speaker is implied (in the ancient and some modern European languages the accusativus cum participio is used in such situations) and “ich höre, dasz der vogel singt (audio avem canere),” ‘I hear the bird sing’ – the immediate perception by the listener is not implied (in the ancient and some modern European languages the accusativus cum infinitivo is used in such situations).

With verbs of auditory perception and communication in Old Russian, the direct object can denote not only the immediate but the remote object of perception [ПОТЕБНЯ 1958: 295–299; КРЫСЬКО 2006: 161–162]: *слышалъ есмь мужество ваше* ‘I heard about your bravery’ Pskov Third Chronicle (Псков. Лет. II: 83–84), etc., see [СРЕЗНЕВСКИЙ III: 438]; *і тако оувѣдаша нѣмци новгородскѣи полкъ. повѣгоша за рѣкою* ‘When the Germans learned of the Novgorod regiment, they ran across the river’ Novgorod First Chronicle, f. 147; *написаа малиха. тако тои оуѣи ѿца моего* ‘he wrote about Malik that ‘he killed my father’⁴ *History of the Jewish War* of Josephus, 355d 34–35 (different in the Greek original) [ИИБ: 86], etc. As A. A. Potebn’a has pointed out [ПОТЕБНЯ 1958: 299], the accusative of distant object is a necessary precondition for the emergence of the accusativus cum infinitivo construction. Analogically, it is a prerequisite for the use of the direct object denoting the subject of the subordinate clause:

а	Мѣстислава	повѣдаша.	уже	пошелъ.
and	Mstislav.ACC	tell.3PL.PAST	that.COMP	go.3SG.PAST
с	Телебугою	на	Лвовъ	
with	Telebuga.INSTR	to	Lvov.ACC	

‘they told about Mstislav, that he was gone with Telebuga to Lvov’
Volyn Chronicle [ПСРЛ II: 900.2–3].

³ The accusativus cum infinitivo *великъ силаѹ нмѣ^{тн}* seems to render the reading of certain Greek copies *λέγοντος ἔχειν δύναμιν*.

⁴ The conjunction *такѡ* here introduces not a subordinate clause, but rather direct speech, i.e., it performs the function of an opening quotation mark.

This same construction may depend on verbs of thinking:

мнѡце   **ирода**   **и**   **воѡ**   **его.**
think.PARTC.PRAES.NOM.PL   Herod.ACC   and   soldier. ACC.PL   he.GEN

ѡко   **оуѡасошасѡ**   **страхомъ**
that.COMP   were afraid   fear.INSTR.SG

‘thinking that Herod and his soldiers were afraid’ (different in the Greek original) *History of the Jewish War* of Josephus, 361b 26–27 [ИИБ: 99];

мнѡста   **мѡ**   **ѡко**   **съпаю**
think.3DUAL.PAST   me.ACC   that.COMP   sleep.1SG.PRES

‘they thought that I was asleep’ Lobkovskii Prologue from the 13th century [СДЯ XI–XIV, 5: 93].

But the remote object often becomes the indirect object of the matrix verb, cf. in the Kievan Chronicle: **и слыша ѡ братѣхъ своихъ ѡже шли соуть на Половци** ‘and he had heard about his brothers that <they> had come forth against the Cumans’ [ПСРЛ II: 645.6]; in the Galician Chronicle: **слыша ѡ братѣхъ си и ѡ дѣтѣхъ. и ѡ гнѡгнни своихъ. ѡко въшли соуть изъ Роуское землѣ в Ляхы** ‘having heard about his brother and children and his wife that <they> had left the Rus’ land for Lyakhs’ [ПСРЛ II: 787.19]. In contrast to the construction with the direct object, such contexts are possible in modern Russian: *он услышал о своих братьях, что они пошли на Половцев*, etc.

The subject of an indirect question may also be in direct subordination to the main verb:

не   **вѣдахоу**   **кнѡза**   **юрѡ**   **кдѣ**   **есть**
not   know.3PAST.PL   prince.ACC.SG   Jurii.ACC   where   be.3PRAES.SG

‘they did not know where prince Jurii was’ Novgorod First Chronicle f. 161.

Exactly the same construction is found in ancient languages, inasmuch as the use of the accusativus cum infinitivo, typical with the verb meaning ‘to know,’ is not possible with an indirect question, cf. ancient Greek: ὅστις ποθ’ ὑμῶν Λάϊον τὸν Λαβδάκου κάτοιθεν ἄνδρὸς ἐκ τίνος διώλετο ‘Every one of you who knew because of which man Laius, the son of Labdacus, perished...’ Sophocles, *Oedipus Tyrannus* 216 [ЖЕЛТОВА, ЖЕЛТОВ 2007: 101].

In Old Russian the construction with the subject of the subordinate clause as the direct object of the main verb was not bookish: it is found primarily in chronicles, usually with the Eastern Slavic conjunction **ѡже** (only in the Galician Chronicle, in which the author stylizes his text under the influence of Church Slavonic, is the literary conjunction **ѡко** used in this construction).

The Old Russian construction with the subject of the dependent predication as the direct object of the main verb resembles the accusativus cum infinitivo in living European languages not only in structure but also in function. It also often occurs after verbs of perception, above all with the visual. This

resembles the situation in German [HARBERT 1977: 121–122], French, and Spanish; in Italian the accusativus cum infinitivo is used most often without any restriction after the verb *videre* ‘see,’ while its use after verbs of auditory perception is stylistically limited [SCHWENDENER 1923: 8, 12] and the use in other positions is specific to literary language. As in Old Russian, in colloquial Italian the subject of the accusativus cum infinitivo is in explicit dependence on the main verb as its object, while in Latin the object of the main verb is the entire accusativus cum infinitivo [SCHWENDENER 1923: 3].

Old Russian material confirms that a characteristic feature of verbs of perception, thought, and communication in Indo-European and some non-Indo-European languages was the ability to subordinate the subject of the dependent predication as a direct object [СЕРДОБОЛЬСКАЯ 2005]. This feature had different manifestations, including the described Old Russian construction.

References

Грковић-Мејџор 2010

Грковић-Мејџор Ј., “О конструкцији акузатива с партиципом (типолошки и когнитивни аспекти)”, *Јужнословенски филолог*, LXVI, 187–204.

Желтова, Желтов 2007

Желтова Е. В., Желтов А. Ю. “О падежном маркировании предикатива в латыни и древнегреческом: семантика или прагматика?”, в: Казанский Н. Н. (ред.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 18–20 июня 2007 г.* Санкт-Петербург, 95–102.

Зализняк 1981

Зализняк Анна А. “Об одном способе оформления вставленного предложения в латинском, древнегреческом и русском языках (так называемая конструкция accusativus cum infinitivo)”, в: *Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков*, Москва, 15–28.

Зализняк 2004

Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*, Москва.

ИИВ

“История Иудейской войны” Иосифа Флавия: *Древнерусский перевод*, изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин, I, Москва, 2004.

Крысько 2006

Крысько В. Б., *Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность*, Москва.

Потебня 1958

Потебня А. А., *Из записок по русской грамматике*, I–II, Москва.

Псков. Лет. II

Псковские летописи, II, под ред. А. Н. НАСОНОВА, Москва, Ленинград, 1955.

ПСРЛ I

Полное собрание русских летописей, I: *Лаврентьевская летопись*, Москва, 1997.

ПСРЛ II

Полное собрание русских летописей, II: *Ипатьевская летопись*, Москва, 1998.

ПЧЕЛА

"Пчела": *Древнерусский перевод*, изд. подгот. А. А. ПИЧХАДЗЕ, И. И. МАКЕЕВА, I, Москва, 2008.

СДЯ XI–XIV 1–8–

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1–8–, Москва, 1988–2008–.

СЕРДОБОЛЬСКАЯ 2005

СЕРДОБОЛЬСКАЯ Н. В., *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*, дис. ... канд. филол. наук. Москва.

СРЕЗНЕВСКИЙ I–III

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, I–III, Санкт-Петербург, 1893–1912.

BOLKESTEIN 1979

BOLKESTEIN A. M., "Subject-to-Object Raising in Latin?", *Lingua*, 48, 5–34.

COLEMAN 1985

COLEMAN R. G. G., "The Indo-European Origins and Latin Development of the Accusative with Infinitive Constructions", in: TOURATIER CH. (ed.), *Syntaxe et latin. Actes du IIme Congrès International de Linguistique Latine, Aix-en-Provence, 28–31 mars 1983*, Aix-en-Provence, 307–342.

HARBERT 1977

HARBERT W., "Clause Union and German Accusative plus Infinitive Constructions", in: P. COLE, J. M. SADOCK (eds.), *Syntax and Semantics*, 8: *Grammatical Relations*, New York, 121–149.

PINKSTER 1990

PINKSTER H., *Latin Syntax and Semantics*, London.

SCHOOF 2004

SCHOOF S., *An HPSG Account of Nonfinite Verbal Complements in Latin*, Groningen.

SCHWENDENER 1923

SCHWENDENER U., *Der Accusativus cum Infinitivo im Italienischen*, Säckingen am Rhein.

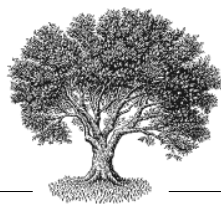
Анна Абрамовна Пичхадзе, д.ф.н.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Russia / Россия

rusyaz@yandex.ru

The Syntax of
Pseudo-Correlative
Constructions
with the Pronoun
Kotoryj ('Which')
in Middle Russian

Синтаксис псевдо-
коррелятивных
конструкций
с местоимением
который
в старорусском

Olga V. Mitrenina

St Petersburg State University
Philological Department,
St Petersburg

Митренина

Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский
государственный университет,
филологический факультет,
Санкт-Петербург

Abstract

This article takes a close look at pseudo-correlatives: multiple sentences in Middle Russian with the pronoun *kotoryj* 'which' in the first clause. It will be argued that they lack correlatives features and that *korotyj* in such constructions was not a relative but an indefinite pronoun, like the Russian *nekotoryj*, *koe-kakoj*. The pseudo-correlatives of Middle Russian are the result of the intermediate stage of the process of the grammaticalization of *kotoryj* from indefinite to relative pronoun that caused the transformation of the compound constructions into the complex sentence.

Key words

correlatives, relatives, Middle Russian, grammaticalization, pseudo-correlatives.

1. Introduction¹

This paper is dedicated to syntactic constructions such as (1) that I will call pseudo-correlatives. They were observed in Old and Middle Russian starting from the first written texts of the 9th century and they died out at the beginning of the 18th century, although in Modern Russian they can occasionally be found in colloquial or dialectal speech:

- (1) A   *kotoraja* gsd'r'   lošed   poslanaja   s nim <...> i   ta   lošed   stala
       v Volodimere.
       and   which   master   horse   sent   with him <...> and   that   horse   stayed
       in Vladimir
       'As for the horse that was sent with Stephan, that horse stayed in
       the city of Vladimir, master.' (Gr 362)²

Pseudo-correlatives have been studied by many Russian linguists [LOMTEV 1956; SANNIKOV 1965; BORKOVSKY 1979; AKSENOVA 1986 among many others]. They are traditionally described as follows: (a) the subordinate clause precedes the main clause; (b) the subordinate clause contains the relative/interrogative pronoun *kotoryj* 'which' with or without an NP³ and the main clause contains the demonstrative pronoun *tot* 'that' with or without the same NP or some other pronoun coreferential with the NP of the subordinate clause; and (c) the subordinate clause is preceded by the conjunction *a* (sometimes by *i*, *da* 'and' or no conjunction) and the main clause is preceded by the conjunction *i* (sometimes by *a* 'and' or in some cases by no conjunction⁴).

Thus, the basic schema of pseudo-correlatives is at (2), although it allows for some variation:

- (2) $\left[\begin{smallmatrix} \text{CorCP (subordinate clause)} \\ \text{CorCP (subordinate clause)} \end{smallmatrix} \right] A \text{ and } \begin{smallmatrix} \text{NP}_{i \dots} \\ \text{NP}_{i \dots} \end{smallmatrix} i \left[\begin{smallmatrix} \text{IP (main clause)} \\ \text{IP (main clause)} \end{smallmatrix} \right] \begin{smallmatrix} i \\ \text{and} \end{smallmatrix} \begin{smallmatrix} \text{tot} \\ \text{that} \end{smallmatrix} \begin{smallmatrix} (\text{NP}_i) \dots \\ (\text{NP}_i) \dots \end{smallmatrix}$

¹ I am indebted to Ekaterina Lyutikova for her generous sharing of ideas during our numerous discussions of pseudo-correlatives. I am also grateful to Mihail Kopotev, Ahti Nikunlassi, and Dmitry Gerasimov for their helpful comments and suggestions. All errors are my own responsibility.

² The following sources are used for the examples:
 Gr: Грамотки XVII — нач. XVIII века, Москва, 1969
 Kot: Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века, Москва, 1964.
 Mor: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., 1, 1933.
 Mos: Московская деловая и бытовая письменность XVII века, Москва, 1968.

³ The question of whether Russian has DP or only NP is still an open problem, so I will generally use the term NP throughout the paper, but some linguists can take it as DP.

⁴ Svetlana Aksenova in [AKSENOVA 1986] has counted the conjunction used between two clauses in 257 cases of such constructions in the late period of Middle Russian (17th — beginning of the 18th centuries). In 183 (71%) of these cases, the conjunction *i* was used between the clauses and in 62 (24%) no conjunction was used.

This schema is similar to a regular correlative construction that is widely used in Modern Russian [MITRENINA 2010]:

- 3) Kakuju mašinu uvidit, tu/takuju (mašinu) i prosit.
 what car sees, that/such (car) and asks
 'Whatever car he sees, he asks for it.'

Correlative constructions such as (3) are classified as complex relative sentences with a preceding subordinate clause; the subordinate clause contains the relative phrase and the main clause contains the demonstrative phrase that is modified by the subordinate phrase [BHATT 2003: 485–486].

Because of the similarity of these Middle Russian constructions (1) to regular correlative constructions (3), Rajesh Bhatt, following Edward Keenan, classifies them as correlatives [BHATT 2003: 491]. Russian linguists have also traditionally classified such Middle Russian constructions as complex relative sentences with a preceding subordinate clause, although they have also noted that the relationship of subordination between the two clauses is weakened and both clauses are to a large extent independent [BORKOVSKY 1979: 59–60; SUMKINA 1954: 177; KAČEVSKAJA 1954: 212]. The reasons for considering the relationship of subordination between the two clauses to be weakened have traditionally been stated as follows: (a) the repetition of the same NP in the first and the second clauses; (b) the necessity of the demonstrative pronoun *tot* 'that' before the repeated NP that forms a sort of correlative connection with *kotoryj* in the preceding subordinate clause; and (c) the presence of the coordinating conjunction between two clauses.

None of these three reasons is enough to prove that the relationship of subordination between two clauses is weakened. The repetition of the same NP in two clauses is quite possible in correlative constructions such as (3) and the demonstrative pronoun is always needed in the main clause of regular correlatives [BHATT 2003], so both of these features are typical for classical correlative constructions where the relationship of subordination between two clauses is not at all weakened. As for the functional word *i* 'and' between two clauses, it does not necessarily need to be a coordinating conjunction. There are two more functional words *i*: a so-called beginning (*načínatelnyj*) conjunction *i* that was used in Old Russian to mark the beginning of the clause, and a particle *i* that is used in modern correlative constructions, as in example (3).

In the next section I will present some syntactic data showing that pseudo-correlatives differ from Modern Russian correlatives, pointing to the lack of subordination between the clauses of a pseudo-correlative.

2. Structural Differences between Correlatives and Pseudo-correlatives

Pseudo-correlatives reveal a number of structural differences in comparison to modern Russian correlative constructions. In this section I will describe the most crucial of these differences. The data presented in this section proves that there was no strong correlative relationship between two clauses in pseudo-correlatives. All the examples are from Middle Russian (17th – beginning of the 18th centuries).

2.1. Third-person Pronouns instead of Demonstrative Pronouns

In pseudo-correlatives the demonstrative pronoun is used in most of the cases, although third-person pronouns can also be used in pseudo-correlatives in Middle Russian,⁵ as in (4); the demonstrative is required for the correlatives in Modern Russian [BHATT 2003: 493]. The use of third-person pronouns is impossible in Modern Russian correlatives with the exception of few colloquial constructions [LAPTEVA 2003: 144].

- (4) Da kotoryja lošedi i korovy prislany i ih" kormit' nečim.
 And which horses and cows sent and them feed nothing
 'As for the horses and cows that were sent here, there is no food for them.' (Kot 41, Čelishevy)

The third-person pronoun in Russian was historically a demonstrative pronoun and in Old Russian it was sometimes used as a demonstrative, but in Middle Russian it was not demonstrative but an anaphoric pronoun.

2.2. No Maximalizing Semantics Required

Mark de Vries (after Downing and others) defines as an implicational Universal G5 that correlatives have maximalizing semantics [VRIES 2002: 38]. This is true for Modern Russian correlatives that can refer only to a unique individual or to a whole group. But pseudo-correlatives can refer to a part of some group; the word 'many' can be used in the second clause, a usage that violates Mark de Vries's implicational universal:

- (5) A kotorye de novye krest'janei prišli i u mnogih i dvory ne
 and which PRT new peasants and came and at many and homesteads not
 postavlenny.
 are.built
 'As for the new peasants who are said to have come, many of them have not even built their homesteads yet.' (Mor 10)

⁵ According to [AKSENOVA 1986] in 257 cases of constructions with the preposition of the *kotoryj*-clause in Middle Russian (17th – beginning of the 18th centuries), third-person pronouns were used in 48 (19%) of them.

And here is an example that Aksenova considered as the same type of construction [AKSENOVA 1986: 60]. The word “others” is used there in the second clause.

- (6) Kotoryja naročetyja ljudi pap"latilisja a inym" i est" nečiva.
 which best people paid and others and eat nothing
 ‘As for the best people, they have paid their debts, and the rest have nothing to eat.’ (Kot 43, Samariny)

This construction probably consists of three clauses: it includes a regular pseudo-correlative with the group ‘those people’ omitted in the second clause, and the third clause is *inymi i est' nečiva* ‘and the rest have nothing to eat’; the English translation reflects this three-clausal structure very well.

2.3. The NP in the Main Clause can Differ from the NP in the Subordinate Clause

In some cases in pseudo-correlatives, the NP in the first clause with *kotoryj* is not the same as the NP in the second clause. These NPs are always semantically connected (in most cases the NP in the relative clause refers to a subclass of the NP in the main clause). Such usage is impossible in Modern Russian nor is it possible in other correlative constructions where only the same NP can be repeated [BHATT 2003: 493].

- (7) Da kotoruju ty gsdr' izvol kupit belugu i toe gsdr' rybu
 and which you master pleased to.buy beluga and that master fish
 poslana s seju ž ryboju.
 sent with this same fish
 ‘As for the beluga (type of sturgeon) that you, Master, bought, that fish was sent together with this fish.’ (Gr 373).
- (8) Kotoroj moj ržanoj hleb sejan byl na žreb'ju Alekseja Mescherinova
 which my rye bread sowed was by lot of.Alexej Mescherinov
 i on de tu rož' požal i omolotil
 and he PRT that rye reaped and threshed
 ‘As for the rye bread that I sowed by lot from Alexej Mescherinov, he has reaped and threshed that rye.’ (Mor 118)
- (9) Kotoraja sol na Jung položena z gosudarevyh grebnyh
 which salt on Jung put from masters' rowing
 strugov i tot anbar zapečatan <...> pečatju
 boats and that barn sealed by.seal
 ‘As for the salt from masters’ rowing boats that was put at the place of Jung, that barn was sealed with a seal.’ (Gr 338)

3. The Pronoun *kotoryj* in Old and Middle Russian

In this section we will describe several other differences in behaviour of the pronoun *kotoryj* in Old, Middle, and Modern Russian.

3.1. *Kotoryj*-clause in Postposition

Middle Russian presents many examples of what Rajesh Bhatt calls English-type relative clauses [BHATT 2003]. These are sentences such as (10) that are identical to English relative clauses:

- (10) Volynskomu byt' s prežnim polkom kotoroi u nego nne.
 Volynskij should.be with previous regiment which at him now
 'Volynskij should stay with the same regiment which he has now.'
 (Mos 14)

There was also another type of construction with *kotoryj*-clause in postposition used in Old and Middle Russian. These are the sentences with the same NP repeated in both clauses; the second NP is repeated right after the *korotyj*:⁶

- (11) Prislali k nam <...> celoval'nuju zapis', po kotoroj
 (they) sent to us notary certificate, according to which
 zapisi vy <...> krest celovali.
 certificate you cross.ACC kissed.
 'They sent us a notary certificate, according to which you swore
 an oath by kissing the cross'. (Пам. ист. см. вр. [ЛОМТЕВ
 1956: 560])

Sentences such as (11) cannot be considered as headed relative clauses. Following Srivastav, Rajesh Bhatt describes structural differences between headed relative clauses and correlatives. He mentions that in relative clauses, the relativized NP cannot be repeated in the relative clause [BHATT 2003: 492], see also [VRIES 2002: 36]:

- (12) *On kupil mašinu, ktoruju mašinu/Tojotu hotel.
 *He bought the.car which car/Toyota he.wanted.

⁶ These constructions recall the unusual strategy of relativization in Old Russian (before the 15th century) described by Andrey Zaliznyak in [ZALIZNYAK 1980]. The relative pronoun was formed by adding the "relativizator" *to* or *že* to the interrogative pronoun: Posla Vsevolod' Svjatopolka <...> smolvjasja s nov'gorod'ci kotoryh to byl' prijal" (Киевская летопись по Ипатьевскому списку, л. 114 об.б from [ZALIZNYAK 1980: 98]).

Sent Vsevolod Svjatopolk talk with novgorodians which TO was accepted
 'Vsevolod sent Svjatopolk to talk to the people of Novgorod that he has accepted.'
 These "relativizators" *to* or *že* disappear in Old Russian before the 15th century, but they were very popular in the oldest Russian texts of the 9th–13th centuries. The nature if these "relativizators" is not clear, but it is important to note that that word *to* was also used as a demonstrative in Old Russian and the need to use it with *kotoryj* as a "relativizator" may be related to the need to repeat the NP after the *kotoryj* in Old and Middle Russian. But definitely this phenomena needs to be studied more carefully.

Such sentences with *kotoryj* in postposition and the same NP repeated in both clauses were used quite often in Middle Russian texts of the 15th – 16th centuries, although they were less frequent than the English-type relative clauses. But sentences with *kotoryj* in postposition were very rare in the early period of Russian (9th – 14th centuries) [BORKOVSKY 1979: 76, 82].

Borkovsky's observations are supported by the remarkable and growing corpus of birchbark documents from Novgorod and its environs (11th – 15th centuries). They present several usages of the pronoun *kotoryj*, but the only sentence with *kotoryj* in postposition is presented in a late document dated to the beginning of the 15th century, illustrated in example (13), birchbark number 310 [ZALIZNYAK 2004: 670].

- (13) ...ot Vavuly i ot tvoih" hrestijano kotorye hrestijani s Ylova prishli
za tebjā
...from Vavula and from your peasants those peasants from Ilovo
came to you.
'...from Vavula and your peasants from Ilovo that (peasants)
came to you.' or
'...from Vavula and your peasants, those peasants came to you
from Ilovo.' [ZALIZNYAK 2004: 301]

So, the usage of *kotoryj* in postposition shows that the relative properties of this pronoun were expanding. Although they were expressed in only limited fashion in Old Russian, they began to achieve some power in Middle Russian, and, finally, in Modern Russian *kotoryj* is used as a regular relative pronoun. Thus, in constructions such as (11) and (13) in Old and Middle Russian, the pronoun *kotoryj* was used as a modifier of NP.

3.2. Grammaticalization of the Pronoun *kotoryj*

Grammaticalization is a historical process leading from lexemes to grammatical formatives; a sign is grammaticalized to the extent that it is devoid of concrete lexical meaning and takes part in obligatory grammatical rules [LEHMANN 2002: VII].

The pronoun *kotoryj* reveals some of the criteria of grammaticalization described by Christian Lehmann [LEHMANN 2002]. These criteria show that in Middle Russian the pronoun *kotoryj* was more lexical, while in Modern Russian the relative pronoun *kotoryj* is more grammaticalized, in the following ways:

a) A decrease in integrity. This includes a decrease in semantic integrity (desemanticization) as well as a decrease in phonological integrity (phonological attrition).

The desemanticization of *kotoryj* is connected with the loss of the “which one of many” selective meaning. This meaning of the interrogative *kotoryj* occurs in Middle and Modern Russian,⁷ although the original meaning of the interrogative pronoun with its root was “which one of two” [LOMTEV 1965: 558]:

- (14) Kotoraja iz nih okažetsa samoj udačnoj?
 Which of them will.turn.out most successful
 ‘Which one of them will turn out to be the most successful?’

The pseudo-correlative pronoun *kotoryj* in Middle Russian presents some of the meaning “which one of many,” which is why Kačevskaja suggests calling them not “relative”, but “selective-relative” pronouns [KAČEVSKAJA 1954: 212]. The relative pronoun in Modern Russian is co-referenced with the relativized NP and it is not used with the meaning “which one of many.”

b) The decrease in phonological integrity is connected with the possibility of being stressed. The relative *kotoryj* in Modern Russian cannot bear phrase stress [PADUCHEVA 1985: 121]. In Middle Russian the pseudo-correlative pronoun can bear phrase stress because it can be separated from its NP by intervening material. For example, in (1), the first phase before an address is *A kotoraja*, where *kotoraja* is the only word that can be stressed. In addition, in an example such as (5) we have a strong proof that *kotoryj* was stressed. In (5) *kotoryj* is followed by the clitic *de* that obeys Wackernagel’s Law, which requires clitics to appear in the so-called second position, after the first syntactic phrase or the first stressed word in a clause [ZALIZNYAK 2008]. It proves that *kotoryj* is stressed in such sentences.

b) A decrease in structural scope. The pronoun *kotoryj* in Old and Middle Russian was able to unite with an NP, as in example (11), whereas the relative pronoun *kotoryj* in Modern Russian usually cannot do this, as shown in example (12).

c) A decrease in syntagmatic variability, i.e., the decrease of the ease with which a word can be shifted around in its context. In Middle Russian when the pronoun *kotoryj* was used in postposition, it was also possible to use it at a distance and not immediately following its head noun, as shown in example (15). In Modern Russian such sentences sound awkward, because in Modern Russian the regular position of the relative *kotoryj* is right after the head NP.⁸

- (15) Pismo vše ja polučil za kotoroe i blagodarstvuju.
 letter your I got for which thank.you
 ‘I have received your letter that I thank you for’

⁷ The popular Russian question *Kotoryj čas?* ‘What time is it now?’ (lit.: ‘Which hour?’) is an idiomatic construction that comes from Old Russian, its usage in Old Russian is not clear.

⁸ In the case of pied piping *kotoryj* can move to the right within the relative clause, but the relative clause still follows the head NP.

This data shows that in Old and Middle Russian the pronoun *kotoryj* was in the process of grammaticalization and the result of this process was the Modern Russian relative pronoun *kotoryj*

4. The Evolution of Pseudo-Correlative Constructions

In this section I suggest an approach that explains the unusual properties of *kotoryj* in Old and Middle Russian. They can be explained if, in Old Russian, *kotoryj* was used mostly as an interrogative or indefinite pronoun. In Middle Russian *kotoryj* started to be used also as a relative pronoun, so all three possible usages of *kotoryj* were observed.⁹ In Modern Russian we can see only the relative *kotoryj*, with rare reminders of the old indefinite usage of *kotoryj*.

4.1. Transformation of the Compound Construction into the Complex Sentence

Most of the scholars who study pseudo-correlative constructions believe that they are transitional constructions between coordination and subordination. At first there were two independent clauses united by the conjunction *i*, which was either a coordinator or an element of the so-called chain threading (*cepočëčnoe nanizyvanie*) that was a regular way to join sentences in Old Russian. Then the pronoun *kotoryj* began to participate in the syntactic relationship by acquiring some relative properties [KAČEVSKAJA 1954]. Together with the demonstrative of the second clause, they formed a correlative conjunction that was used together with the coordinating conjunction *i* [BORKOVSKIJ 1979: 58–59].

Pseudo-correlatives recall one construction that is quite popular in Modern Russian colloquial speech. It is described in [LAPTEVA 2003: 144] as a nominative topic construction, modification number 5. The subordinate clause of this type includes *kotoryj* ‘which’ + NP that is the topic of the sentence. The main clause follows the subordinate clause and includes a personal pronoun (or sometimes a demonstrative pronoun) co-referential to the NP of the subordinate clause. The example of such sentence is in (16), from [LAPTEVA 2003]. Ekaterina Ljutikova also mentions such constructions as topicalized NPs with an anaphoric pronoun in the main clause [LJUTIKOVA 2009].

- (16) A kotorye rebjata_i byli tam, očën' nesladko im_i vsem prišlo's'.
 And which guys were there, very tough to.them all fell
 As for the guys that were there, they all had a hard time.

Aksenova in [AKSENOVA 1986] considered pseudo-correlatives as nominative topic constructions that have some similarity to relative clauses. That is

⁹ According to Luján, *kwo- words have three main uses in Old Indo-European languages: interrogative, indefinite, and relative [LUJÁN 2009: 222].

why they were not relative, but compound constructions that were later transformed into the complex sentence. In this case the question arises as to what happened to the coordinative conjunction *i* between two clauses.

In Modern Russian *kotoryj* is used only as an interrogative or relative pronoun. Correlative constructions with *kotoryj* similar to pseudo-correlatives are used in Modern Russian [ZALIZNYAK, PADUCHEVA 1979; LYUTIKOVA 2009], but they sound as syntactic archaisms, although all the other relative words can be used in Modern Russian correlatives [MITRENINA 2010]. I can suggest that the relative *kotoryj* does not produce correlatives in Modern Russian because it still preserves a trace of its original selective meaning. This meaning is not allowed in correlative constructions, which should always have maximalizing semantics, but it is allowed in pseudo-correlatives whose structure is close to the nominative topic.

4.2. The Functional Word *i* between two clauses

The study of pseudo-correlatives in Middle Russian shows that while the compound sentences were transforming into the relative construction, the coordinative conjunction *i* was transforming into the particle *i* that is similar to the particle *i*¹⁰ used in modern correlative constructions, as in example (3). The particle *i* can have several meanings, but according to classification of Elena Uryson, the one used in modern correlatives is “the anaphoric particle referring to the mentioned situation” [URYSON 2011: 273-275]. For example sentence (17) presupposes that it was already mentioned in the previous part of the text that the man started to have problems at some point in his life. Moreover, in such context it is almost impossible to omit this particle *i*.

- (17) V derevne i načalis' ego nesčastja.
In village PRT started his misfortunes
'It was in the village where his problems started.'

The only difference between the functional *i* between two clauses of the pseudo-correlative and the particle *i* in the Modern Russian correlative is the location. In correlatives *i* is usually located before the verb or before some other important member of the clause. In pseudo-correlatives *i* is usually located between the clauses. But we can also find examples of pseudo-correlatives where they are used simultaneously in both places: between the clauses and before the important member of the second clause (see example (5) above, where the last *i* is used as in Modern Russian). There are even examples where *i* is used in the same way in which it is used in the modern correlative; that use is only before that part of the sentence referring to the mentioned situation:

¹⁰ Some attempts to study particles within the framework of generative grammar are summarized in [HAIDEN 2005].

- (18) I   kotoroi   sluga <...> delo <...>   poterjal   tovo   slugu za tem"
 And   which   servant   documents   lost   that   servant for that
 delom" i   prišlite   hodit'.
 documents PRT   send   to.go
 'Send the servant who lost that documents for it.' (ГПБ, ОЛДП
 128, п. II № 22 from [AKSENOVA 1986: 127])

Examples such as (5) and (18) show that the functional word *i* was not strictly confined to the place between the clauses but as the pseudo-correlative construction was transforming into the relative construction, the functional word *i* was shifting to the phrase that refers to the mentioned situation in the main clause.

4.3. *Kotoryj* as Indefinite Pronoun in Terms of Formal Semantics

If the Middle Russian *kotoryj* is an indefinite pronoun similar to the Modern Russian *nekotoryj/nekotorye* or *koe-kakoj/koe-kakie*, then it can have two different analyses in terms of formal semantics.

First of all, the indefinite NP can undergo existential closure in the first clause and therefore be referential; in this case, the demonstrative in the second clause is a definite description:

- (19) A   kotoraja   lošed poslanaja i   ta   lošed stala   v Volodimere.
 and which   horse sent   and that horse stopped in Vladimir
 'As for the horse that was sent, that horse has stopped in the city
 of Vladimir.'
 (= 'Some horse was sent and it has stopped in the city of Vladimir.')

- (20) $\exists x \text{ horse } (x) \wedge \text{was\_sent } (x)$
 stopped_in_Vladimir (tx. horse (x) $\wedge$ was_sent (x))

Alternatively, pseudo-correlatives with the first part in present or future tense have the additional meaning of conditionals (see e.g. [LOMTEV 1956: 560; BORKOVSKY 1973: 8]). Conditionals may contain a covert quantifier over situations (see [LEWIS 1975; KRATZER 1986]). Both the variable corresponding to the indefinite DP with *kotoryj* as well as the demonstrative are bound by this quantifier, which ensures their coindexing in all the situations or worlds.

- (21) A   kotoraja šerst' ne goditca v sukna i   toe šerst' peredelat' v vojloki.
 And which   wool not good to cloth and that wool to-use to thick felts
 'Use for thick felts the wool that is not good for cloth.' (= 'If some wool is not good for cloths then use it for thick felts.')
- (22) ALWAYS (s, x) [there is s which contains x such that wool (x) $\wedge$
 not_good_for_cloth (x)] make felts of x in s

The difference between the two cases is how exactly the first clause restricts the demonstrative in the second clause.

5. Conclusions

The pseudo-correlatives of Middle Russian are the result of the intermediate stage of the process of grammaticalization of *kotoryj* from indefinite to relative pronoun. This process caused the transformation of the compound constructions into the complex sentence; the coordinative conjunction *i* between the clauses was evolving into the particle *i* and moved to the phrase that refers to the mentioned situation in the main clause.

References

AKSENOVA 1986

АКСЕНОВА С. С., *Полипредикативная конструкция с местоимением КОТОРЫЙ в русской речи XVII–XVIII вв.*: дисс. канд. филол. наук, Томск.

ВНАТТ 2003

ВНАТТ R., "Locality in Correlatives", *Natural Language and Linguistic Theory*, 21, 485–541.

BORKOVSKY 1973

В. И. БОРКОВСКИЙ (ред.), *Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения*, Москва.

BORKOVSKY 1979

В. И. БОРКОВСКИЙ (ред.), *Историческая грамматика русского языка: Синтаксис, сложное предложение*, Москва.

HAIDEN 2005

HAIDEN M., "Verb Particle Constructions", in: M. EVERAERT, HENK C. VAN RIEMSDIJK (eds.), *The Blackwell Companion to Syntax*, 5, chapter 76, 344–375.

КАЧЕВСКАЯ 1954

КАЧЕВСКАЯ Г. А., "К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным", *Труды Института языкознания АН СССР*, 5, 203–223.

KRATZER 1986

KRATZER A., "Conditionals", *Chicago Linguistics Society*, 22/2, 1–15.

ЛАПТЕВА 2003

ЛАПТЕВА О. А., *Русский разговорный синтаксис*, Москва.

LEHMANN 2002

LEHMANN CH., *Thoughts on Grammaticalization*, vol. 2 (revised edition) (= Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt, No. 9), Erfurt.

LEWIS 1975

LEWIS D., "Adverbs of quantification", in: E. L. KEENAN (ed.), *Formal Semantics of Natural Language*, Cambridge, 3–15.

ЛОМТЕВ 1956

ЛОМТЕВ Т. П. *Очерки по историческому синтаксису русского языка*, Москва.

LUJÁN 2009

LUJÁN E. R., "On the grammaticalization of *kwi-/ *kwo- relative clauses in Proto-Indo-European", in: V. BUBENIK, J. HEWSON, S. ROSE (eds.), *Grammatical change in Indo-European Languages*, Amsterdam, 221–234.

LYUTIKOVA 2009

Лютикова Е. А., "Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения", в: К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва, 436–511.

MITRENIINA 2010

MITRENIINA O., "Correlatives: Evidence from Russian", in: G. ZYBATOŹ et al. (eds.), *Formal Studies in Slavic Linguistics: Proceedings of Formal Description of Slavic Languages 7.5*, Frankfurt am Main, 135–151.

PADUCHEVA 1985

Падучева Е. В., *Высказывание и его соотношенность с действительностью*, Москва.

SANNIKOV 1965

Санников В. З., *Сложноподчиненное предложение в древнерусских памятниках XI–XIV вв.*: дисс. канд. филол. наук, Москва.

SUMKINA 1954

Сумкина А. И., "К истории относительного подчинения в русском языке XIII–XVII вв.", *Труды института языкознания АН СССР*, 5, 139–202.

VRIES 2002

VRIES, M. de, *The Syntax of Relativization*, Ph.D. dissertation, University of Amsterdam.

URYSON 2011

Урысон Е. В., *Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания*, Москва.

ZALIZNYAK, PADUCHEVA 1979

Зализняк А. А., Падучева Е. В. "Синтаксические свойства местоимения *который*", в: *Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках*, Москва.

ZALIZNYAK 1981

Зализняк А. А., "Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском", в: *Балто-славянские исследования 1980*, Москва, 89–107.

ZALIZNYAK 2004

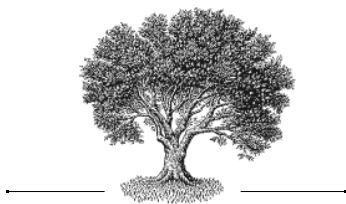
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва.

ZALIZNYAK 2008

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва.

Ольга Владимировна Митренина, к.ф.н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
филологический факультет, кафедра математической лингвистики
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
Russia / Россия
mitrenina@gmail.com

Slavic Relative
čto/co:
between
Pronouns and
Conjunctions

Славянское
релятивное
što/co между
местоимениями
и союзами

Philip Minlos

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences, Moscow

**Филипп Робертович
Минлос**

Институт славяноведения РАН,
Москва

Abstract

This paper presents the key points concerning Slavic relative constructions with a group of kindred invariable lexemes: Russian *что*, BCS *što*, Czech, Polish *co*, Slovak *čo*, and their cognates. These constructions are classified into two main types, depending on whether the third-person pronoun is used for marking the relative target. Across Slavic languages, the parameters governing the distribution between the two types are closely connected. The interpretation of these parameters (as well as their microvariation) is presented within the functional-typological approach. Syntactic category (part of speech) of the lexemes is discussed in diachronic perspective: in the more innovative construction with third-person pronoun, *čto* functions more as a complementizer; in the more conservative construction without the pronoun, *čto* retains some pronoun traits.

Keywords

relative clause, syntax, grammaticalization

0. Introduction. This paper examines Slavic relative constructions with invariable lexemes stemming from Common Slavic *čbto (Russian *что*, BCS – Bosnian / Croatian / Serbian *što*) or *čbso (Czech, Polish *co*, Slovak *čo*). In the following pages, *čto* stands for the full variety of Slavic forms.

The main diachronic source of *čto* in Slavic relative constructions was, undoubtedly, an inflected pronoun (the inflected lexeme exhibited a regular polysemy, functioning as either an interrogative, an indefinite, or a relative pronoun). As a result of a process of grammaticalization, the case forms of this pronoun formed various conjunctions (for instance, Croatian *čim* ‘when’ [MARETIĆ 1888: 73]). The invariable *čto* in relative constructions may also be viewed as a conjunction; at the same time, it shows traces of pronoun character. There are two main types of relative clauses introduced by the invariable *čto*. In one of the types, the relativized slot is explicitly marked by the third-person pronoun; in the other type, the additional pronoun is absent, but the form *čto* (which stems from the Nom.-Acc. form of the inflected pronoun) seems to represent the relative target. These two types are simultaneously present in most of the modern Slavic languages – BCS, Czech, Polish, Slovak, and Ukrainian (the first one, with the third-person pronoun, is not found in Russian and Belorussian and presumably is more innovative). The most intriguing and revealing problem is the grammatical distribution of the two types. In this article, both Slavic morphosyntax and typological observations (accessibility hierarchy, markedness of animated direct object) are taken into account to explain the distribution of the two constructions.

Almost no new data is presented here. My goal, instead, is to combine heterogeneous accounts concerning the related constructions in Slavic languages and to place them in a broader context of the modern functional-typological approach. The relevant data is drawn both from the modern Slavic languages (in their standard and non-standard varieties) and from earlier sources (mostly mediaeval).

The paper is organized as follows. Section 1 provides some background typological information on relative pronouns in general and on Slavic relative pronouns that go back to interrogatives. Section 2 introduces the two main types of Slavic relative clauses with invariable *čto* (with and without third-person pronoun). Section 3 is a detour, discussing the placement of the third-person pronoun in these clauses. Section 4 focuses on the conditions of use for the two constructions under investigation, presenting both grammatical facts and theoretical reflections on the cut-off point between them. Section 5 discusses whether the lexeme *čto* may be called a pronoun or a conjunction. The diachronic development from an inflected lexeme to an invariable one is the subject of Section 6, and Section 7 offers some concluding remarks.

1. Background facts. Cross-linguistically, the most widespread option for explicitly marking the function of the relativized NP in the relative clause is the use of third-person pronouns [KEENAN 1985: 146]. Another option is the use of relative pronouns, the latter being defined as pronouns “distinct from ordinary definite personal pronouns” [KEENAN 1985: 149]. Actually, the relative pronouns are more complex, as they mark both the NP_{rel} position and (with minor exceptions) the leftmost boundary of the relative clause [GIVÓN 2001: 187; KEENAN 1985: 151]. Although relative pronouns are quite common in Indo-European languages, they are somewhat exotic among the world’s languages as a whole (thus, they form part of the definition of Standard Average European in [HASPELMATH 2001]). Relative pronouns often coincide with (or are formally related to) interrogative pronouns [KEENAN 1985: 149–151; HEINE, KUTEVA 2004: 251; HEINE, KUTEVA 2006: 204–243; HARRIS, CAMPBELL 1995: 298]; see also the special survey of contact-induced replications of this model in [HEINE, KUTEVA 2005: 3, 94 passim].

As a paradigm example of a relative pronoun case-marked for the NP_{rel} position, Russian *который* is often cited [ANDREWS 2007: 218; CRISTOFARO, RAMAT 2007: 65]. Somewhat ironically, it is precisely this pronoun that is scarcely ever used as an interrogative. The head of the corresponding relative clause is generally an NP constructed with a noun.

Slavic declinable *čto* participates in the regular polysemy model, being an interrogative, indefinite, and relative pronoun (on declinable relative *čto*, see Section 6). The Slavic *kto*-pronoun (Russian *кто* and its cognates) exhibits a similar polyfunctionality. The interrogative *kto* comprises a pair with interrogative *čto*, as *čto* stands for inanimates (‘what?’) and *kto* for animates (‘who?’). The relative pronoun *kto* is found in Polish and East Slavic languages. The use of *kto* and *čto* as inflected relative pronouns is mostly limited to “light-headed” and “headless” relatives (those without a noun and those without any overt head, [CITKO 2004]), and their distribution follows that of interrogatives (*čto* for inanimates and *kto* for animates). But the use of invariable *čto* with full nouns is generally not restricted to inanimates.

2. Slavic relative constructions with invariable *čto*: two strategies. Slavic relative clauses with full-fledged nouns as heads, introduced by *čto*, fall into two major types depending on the explicit marking of NP_{rel} by a third-person pronoun:

- “bare *čto*” strategy: no additional means of marking the relative target position are employed. The relative target in (1) is in accusative case:

- (1) *peňiaze, čo nazbierali*
money   čo   collected

‘money [they] have collected’

Slovak dialect in Hungary [ONDRUS 1956: 216]

• “*čto* + pronoun” strategy: the inflected anaphoric pronoun in the appropriate case form (with the appropriate preposition) is used. The construction is known in many languages, including BCS, Slovenian, Ukrainian, Polish, Slovak, and Czech; it is not found in Russian and Belorussian. The pronoun may also be called *resumptive*. The pronoun forms in examples (1–3) are *f ъnom*, *o nim*, *на него*:

- (2) *akoč, čo bívaja f ъnom kravi, koňe*
 bucket, čo occurs in it cows, horses
 ‘bucket, in which sometimes are cows, horses’
 Slovak dialect in Hungary [ONDRUS 1956: 236]
- (3) *помщаа Воидила што был за него сестру свою дал*
 avenging Voidil.ACC što AUX to him sister.ACC his.ACC gave
 ‘avenging Voidil, to whom he gave his sister’
 Ruthenian, Vilno chronicle, fifteenth-sixteenth century, the example is pointed out in [КАРСКИЙ 1955: 472]
- (4) *Poznałem wczoraj tego dzennikarza, co o nim było tak głośno*
 I.became.acquainted yesterday that journalist co about him was such noisy
 ‘I became acquainted yesterday with the journalist they were making a lot of noise about’
 Polish [GROCHOWSKI ET AL. 1984: 345]

3. The placement of the anaphoric pronoun. These pronouns may be posited either in their neutral position after the verb, as in (3), or they may be moved to the clause edge, usually following older clitics, as in (3–4). John Haiman [HAIMAN 1985: 240] argues for a crucial difference between two types of pronouns standing for a relative target: relative pronouns are invariably placed close to the head, whereas clauses with anaphoric pronouns maintain unmarked word order (Haiman states that he has encountered only one language, Ute from the Uto-Aztecan family, “where the [anaphoric] pronoun is moved toward the head”). As the word order of most clausal constituents in Slavic languages is not strictly determined by grammatical relations, no single example like (2–3) can give evidence of the pronoun “moving” clause-initially. But at least some Slavic languages seem to favour the initial placement of the pronoun. For example, the speakers of modern Ukrainian I have consulted find example (5) rather unusual (they would prefer to say *колесо, що на його зверху пада вода*).

- (5) *се колесо, що зверху пада на його вода*
 that wheel, što from above falls on it water
 ‘that is the wheel, on which the water falls from above’
 Ukrainian [ГРИНЧЕНКО 4: 528]

Bernard Comrie [COMRIE 1989: 150] points, as a possible theoretical option, to an analysis of Modern Czech *co ho* in a construction similar to (4) as a relative pronoun (“the pronoun gravitates towards sentence-initial position,

giving rise to a single phonological word *co-ho*, marked as accusative case”). [KEENAN, COMRIE 1979b: 658] and [COMRIE 1989: 150] justifiably stress that the pronoun *ho* is a clitic regardless of clause type. Nevertheless, phrases like (4) may indeed form new relative pronouns, if any extra material, even old clitics, does not intervene and phrases such as *co o nim* are grammaticalized into a single unit. This does not seem to be true for modern Slavic languages, though. Prepositions do not prevent a construction from becoming a single unit; compare Russian indefinite pronouns such as Nom. *кое-что* ‘something’ and the prepositional phrase *кое о чем* ‘about something’. Still, the phrases that lack prepositions, such as (6), may grammaticalize more easily (another complex relativizer is exemplified in Macedonian *којшто*, [LUNT 1952: 45]). It is appropriate to mention that the *čto* + pronoun construction is not frequent with prepositional phrases, as stated explicitly for BCS in [KURZOVÁ 1981: 161–163].

- (6) *а жена несет ему младенца, что него родила*
 Conj wife carries him baby *čto* him gave.birth
 ‘in the meanwhile his wife the baby to whom she gave birth for him’
 Russian (southern dialects, R’azan’ province), [АФАНАСЬЕВ II, №220], quoted in [БОРКОВСКИЙ 1981: 206];

4. The distribution of the two constructions

4.1. The facts. Here we define the exact cut-off point between the “bare *čto*” contexts and the contexts in which the “bare *čto*” strategy is of very limited use. The clearest contexts for “bare *čto*” are clauses with a relativized subject. Still, some varieties of West Slavic languages allow the expansion of the third-person pronoun strategy into nominative case, as, for example, “sub-standard” Polish [GROCHOWSKI ET AL. 1984: 345] and Moravian dialects [BARTOŠ 1905: 37], but these cases are in the minority.

With the relativization of the direct object, much more variation is observed. In this context, some languages draw a distinction along the animacy line: with inanimate objects, the “bare *čto*” construction is employed (that is, inanimate objects are relativized the same as subjects); with animate objects, only the “*čto* + pronoun” strategy is used, if available. For Russian (where the second strategy is not available), the cut-off point is explicitly stated in [ГРЯ 1954, II/2: 275], although in the subsequent, more widely-known version (1980, reprinted in 2005) this detail was omitted; it is carefully pointed out in the subsequent literature, as in [KŘÍŽKOVÁ 1970: 24], [GOLAB, FRIEDMAN 1972], and [KURZOVÁ 1981: 80].¹ As resumptive pronouns are not an option in

¹ The paper [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1978] provides exactly three other possible examples with *čto*: (1) with animate subject; (2) with inanimate subject; and (3) with inanimate object), thus implicitly pointing to the lack of examples with animate object. Likewise, [PUGH 2006] provides seventy-two examples of *čto* with full nouns in contemporary Russian prose. He notes “the significant number of animate nouns as antecedents, whereas the rules strongly indicate that these should normally be

Russian, the distinction is between use and nonuse of *čto*-relatives. In other languages, the relativization of an animate object is mostly accompanied by the use of the third-person pronoun, as it is in Croatian [KORDIĆ 1995: 160–161] and in South Czech/Moravian dialects [КОТТ I: 139], [BARTOŠ 1905: 37].² The relevant examples are (7–8); in Serbian *што* (8), the relative *што* is suffixed by the particle *но*:

- (7) *того человека, што есте его казнили [...]*
 that.ACC man.ACC *što* AUX.2PL him executed
и тую нашу челядь, што ваши торговци без кунъ их поимали
 and that.ACC our.ACC servants.ACC *što* your tradesmen without money them seized
 ‘the man whom you have executed and our servants that your
 tradesmen seized without money’
 Ruthenian, letter of the Polotsk vice regent Ivan Sem’enič to
 Riga, 1409, quoted in [БОРКОВСКИЙ 1958: 123]

- (8) *за ѡнеи момке штоно их ю бостанжи баша 8 драч8 ѡб8ставил*
 for those fellows *što*no them AUX *Bostanži* pasha in Drach.LOC arrested
 ‘for those fellows whom pasha Bostanži has arrested’
 Old Serbian, 1506/1507 [GALLIS 1956: 57]

The most widespread deviation from the animacy cut-off point lies in the expansion of the “*čto* + pronoun” construction to an inanimate direct object, as in examples (9–10):

- (9) *Chudobná děvčka nic jiného nema, jenom tu postavost’, co si ju zachová.*
 poor girl nothing other has only that chastity, *co* REfl it.ACC
 keeps
 ‘A poor girl has nothing but the chastity she keeps’
 Moravian [BARTOŠ 1905: 37]
- (10) (...) *posebnim pismom što su ga zvali sad popovicom, sad glagoljicom.*
 Special.INST writing.system.INSTR *što* AUX it.ACC was.called either “popovica” or
 “glagolica”
 ‘with the special writing system that was called either *popovica* or
glagolica’
 Croatian [HAMM 1974: 11]

The pattern is well attested in BCS [KORDIĆ 1995: 160], and in Czech [FRIED 2010].

---

inanimate” [Pugh 2006: 221]. It is not clear which sources provide such rules. We have classified the material provided in [Pugh 2006: 221–223] depending on the case of the relativized target and the animacy of the noun: Nom., animate: 30; Nom., inanimate: 30; Acc., animate: 0; Acc., inanimate: 12. The absence of animate targets in accusative is rather noticeable.

² In [VONDRÁK 1908: 447] the examples are reproduced with reference to [Kott I: 139], the attribution “v již. Čechach” is replaced — as it seems, not correctly — to “Slovak”.

The other type of deviation is the use of the “bare *čto*” pattern with animate direct objects. It is not so easy to use native speakers’ judgements, as *čto* is far from being the main strategy of relativization in Slavic languages. Using the web as a corpus for Russian (via Yandex search engine, www.yandex.ru) proves difficult to find examples of *čto* with a relativizing animate direct object. Here are two of the obtained examples with *девушка* ‘girl’ (both examples seem to be not quite standard):

- (11) Скажите девушке, что звал когда-то Дусей (...)
tell girl *čto* I.called someday Dus’a

‘tell the girl whom I used to call Dus’a’

Russian, from the memoirs of F. Ranjevskaja

- (12) Опять же, девушка что вы описываете на Еську не «тянет»
But.again girl *čto* you describe like Jes’ka NEG look

‘But again, the girl whom you describe does not look like Es’ka’

This kind of example is also rarely attested in Old Russian. Thus, no such example is found in [БОРКОВСКИЙ 1958: 121–122]). The following example is of this rare variety:

- (13) тѣ люди што есмѣ еи подавал при своемѣ животѣ
Those people *čto* AUX.1SG her gave during REFL.POSS life

‘those people that I gave her while alive’

Old Russian, testament of grand duke Vasilij Dmitrievič, dated 1406 [ЧЕРЕПНИН 1950, №20]).

Analysing properties of Russian *čto*-clauses, [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975/2002] point to phrase (14), in which *что* stands for the prepositional phrase (= *в которую я влюблен*).

- (14) девушка, что я влюблен
girl *čto* I am.in.love
the girl with whom I am in love’

The exact phrase is a part of a popular song from a movie (shot in the 1940s), and is acceptable to Russian speakers only as a citation, an example of deviant language. The pattern is in very restricted use in colloquial Russian. Examples (15–16) are found on web blogs via Google (the original punctuation is preserved):

- (15) Мой первый поцелуй с парнем, что я встречалась был в лоб :)))
my first kiss with guy *čto* I went.out was on forehead

‘My first kiss with the guy with whom I went out was on the forehead’

- (16) Остальные люди что я тебе говорил, обещаются прийти позже.
other people *čto* I you.DAT told promise come.INF later

‘The other people I told you about promise to come later’

In this pattern, the target prepositional phrase should be easily recoverable: it might be either the main argument of the verb (15–16) or a locative or temporal adjunct – the locative adjunct is exemplified in (17–18).

The *čto* construction with locative meaning as in examples (17–18) was quite common in Middle Russian documents.

- (17) *деревня Голцovo, пуста, что жил Матюшка Олексеев*
 village Golcovo deserted *čto* lived Matjuška Olekseev
 ‘village Golcovo, deserted, where Matjuška Olekseev lived’
 Middle Russian, a land document dated from the sixteenth century [АНТОНОВ, БАРАНОВ 1997, № 36];

- (18) *подлѣ дороги, что ѣздятъ (...) черезъ дорогу, что ѣздятъ (...)*
 by road *čto* ride.3PL over road *čto* ride.3PL
 ‘by the road where one rides; across the road where one rides’
 Middle Russian, a document signed by tsars Ioann Alekseevič and Petr Alekseevič and tsarevna Sofja Alekseevna, 1682–1689 [ВАХРОМЕЕВ 1881].

The Old Russian example (19) exhibits the relativization of the verbal argument, though not the main one (the recoverability may be supported by the use of the same argument in the main clause):

- (19) *бла(го)словляю иконою (...) што ми бла(го)с(ло)вил*
 I.bless with.icon *što* I.DAT blessed
от(е)ць мои княз(ь) великий
 father my prince great

Old Russian, the testament of the grand duke of Moscow Vasiliĭ Dmitrievič, dated 1406 [ЧЕРЕПНИН 1950, №20] (the same construction is repeated in other versions of the testament, dated from 1417 and 1423 [ЧЕРЕПНИН 1950, №№21, 22]).

The construction is occasionally attested in Russian prose [ГРЯ 1980 2: 524], Russian dialects [ШАПИРО 1953: 112], in Ukrainian and Polish [MARETIĆ 1888: 11–12], and BCS, see [MARETIĆ 1888: 2; KORDIĆ 1995: 162; VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985: 942]. Some additional examples of similar usage of *čto* in the history of Russian are provided in [ТРОИЦКИЙ 1959: 169] and [БОРКОВСКИЙ 1981: 215].

4.2. The interpretations. To sum up the preceding subsection, the “bare *čto*” strategy is most heavily used when the target is supposed to be in nominative, less consistently with accusative for the target, and only marginally otherwise. As the nominative and accusative may be roughly equated with subject and object respectively, this observation fits directly into accessibility hierarchy, a theory presented in a series of articles by E. Keenan and B. Comrie, see

[KEENAN 1985: 147]. The relevant part of the hierarchy (we skip the distinctions between “other roles”) looks like this:

subject > direct object > other roles

The higher the position in the hierarchy, the easier it is to relativize the position: thus, many relative strategies are limited to subject only or to subjects and direct objects only. The positions high in the hierarchy frequently make use of some strategy with no explicit marking of the relativization target. The lower the position, the more widespread is the use of the third-person pronoun for the target (note that the resumptive pronouns may co-occur with relative pronouns, as in non-standard English *This is the road which I don't know where it leads* [COMRIE 1989:140], see also [VAN DER AUWERA 1985: 156]). The special constructions for relativizing subjects are quite widespread in the form of “participles”. The construction with no pronouns in relativizing subject and direct object targets is found, for instance, in English, Irish, and Welsh [KURZOVÁ 1981: 84–85]. Slavic facts fit well into the accessibility hierarchy, as was implicitly noted in [KEENAN, COMRIE 1979a: 334] and explicitly in [KORDIĆ 1995: 159–160].

Accessibility hierarchy can only account for differentiation of grammatical roles. How can we explain the difference between animate and inanimate direct objects? The most obvious interpretation is based on the fact that, in some important morphological patterns, Slavic animate accusative is distinct from inanimate accusative (the latter being the same as nominative) [KURZOVÁ 1981: 80], [VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985: 935].³ It is worth stressing that this distinction is important not only for Slavic inflectional morphology, but for Slavic morphosyntax as well. The other possibility is put forward in [FRIED 2010]: she notes that in her sample of *co*-relatives from colloquial Czech, 84% of accusative targets are inanimate, and she links this fact to “the universally observed tendency toward direct objects (patients) as entities that can be acted upon, manipulated, affected, etc. and, hence, prototypically inanimate things” [FRIED 2010: 21], making reference to the well-known article [HOPPER, THOMPSON 1980]. The idea that animate direct objects are more “marked” than inanimate ones is discussed in typological perspective in [COMRIE 1989: 129–134] and [CROFT 2003: 166–167], though this approach received considerable skepticism in [Næss 2003].

Thus, the hierarchy of using two *čto* strategies may have a single interpretation: bare *čto* is used in the least marked context and an anaphoric pronoun is

³ Moreover, [KEENAN, COMRIE 1979b: 334] point out that the third pronoun marking is used in colloquial Czech “except for subject position and non-masculine or inanimate DOs”. The masculine nouns mostly belong to the morphological pattern which discriminates between animate and inanimate nouns most consistently. But it is not clear in which source the cited difference between masculine and non-masculine is attested.

added in the contexts which are more difficult to process (references to psycholinguistic data on subject and object relative clauses can be found in [HAWKINS 2004: 180–181], [GIVÓN 2009: 286] and [DUFFIELD, MICHAELIS 2011]).

The examples (14–19) show that the “bare” strategy may also be used – mostly not in standard language – in a broader set of contexts.

5. Pronoun or conjunction? So far, we have examined two constructions with Slavic *čto*, intentionally ignoring the syntactic category of the lexeme. The two main options are: conjunction (“complementizer”) or relative pronoun. The decision, of course, may differ depending on the language in question. More specifically, the two constructions we have examined seem to differ. The standard bare *čto* (restricted to nominative and animate accusative) may be readily viewed as a pronoun with a defective paradigm. Discussing modern Russian (which exhibits only the bare *čto* construction), the paper [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975/2002: 669] explicitly argues for the pronoun option: «это может создать ложное восприятие такого *что* как несклоняемого слова (или даже как союза), тогда как в действительности оно просто не употребляется в падежах, где внешнее выражение не такое, как в исходной форме» (it may cause the misconception that *что* is an indeclinable word, even a conjunction, but in fact *что* is just not used in cases with forms other than the basic one). The morphological interpretation of the animacy cut-off point in accusative, explicitly proposed by H. Kurzová, makes sense only within the pronoun version, and therefore supports it. The pronoun *čto* in the exact initial form really *is* the appropriate case form for subject and object, but still it is an invariable form.

The cases in which form of *čto* is not the appropriate case form for the relative target (both with “*čto* + pronoun” strategy and bare strategy as exemplified in (14–19) are not easily explainable within the pronoun approach, favouring instead the conjunction interpretation.

In [VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985] the two interpretations (atypical relative pronoun and atypical relative conjunction) are tested against Serbo-Croatian *što* with the following conclusion: “Our account is irenic in that we hold both accounts to be correct, but only jointly so. Our account is no less ironic, however: we claim that when the analyses are meant to exclude each other, they are both wrong” [VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985: 954]. Within any formal approach to grammar, the “two analyses” do not make any sense: at least as a technical solution, one category should be selected, and for those who consider parts of speech as a meaningful solution, the controversy may merit attention. But the universal categories are not necessary components of grammar. For example, within the framework of construction grammar, universal categories such as pronouns and conjunctions are an epiphenomenon of generalization over different constructions [CROFT 2000]. From this

perspective the controversy around the categorization of *čto* simply does not exist. Diachronic changes along the grammaticalization paths regularly result in atypical grammatical units.

6. The inflected pronoun *čto* and the diachronic development of the invariable *čto*. The most obvious diachronic source of invariable *čto* is the inflected pronoun *čto*, as conjunctions are regularly formed from pronouns ([LEHMANN 1984: 389–393] discusses such development in Latin in detail).

Slavic languages do possess the inflected pronoun *čto*. In Russian, the relative pronoun *čto* is limited to three kinds of relative constructions: those without a full noun (*Данные статистики не совсем совпадают с тем, с чем сталкиваются аналитики* ‘Statistical data does not coincide with **what** analysts encounter’); without any overt head (*Я нашел что искал* ‘I found what I was looking for’); and with a clause as an antecedent (*Иномарка сбила лося, после чего вылетела на встречную полосу* ‘A foreign-made car knocked down an elk, after which it [the car] flew out into oncoming traffic’). The same is observed, for instance, in Croatian and related languages, [KORDIĆ 1995: 144–149], [GALLIS 1956: 56]. The inflected pronoun *čto* is the counterpart of the relative *kto* and is used almost exclusively for inanimates. The invariable (uninflected) *čto*, the subject of the present investigation, is used mainly with nouns, either inanimate or animate, as well as with animate NPs without a noun (*те, что пришли* ‘those who came’). Some mediaeval Slavic texts show rare instances of the inflected *čto* with full nouns, that is, some oblique case forms. Instrumental case *чѣмъ* shows up in the Old Russian cliché *о(т)ч(и)ны чѣмъ есмъ его бл(а)г(о)с(ло)вилъ* lit. ‘legacy with which I blessed him’ (a testament dated 1389, [ЧЕРЕПНИН 1950, №12], the same in [ЧЕРЕПНИН 1950, №32], cf. [БОРКОВСКИЙ 1958: 125] on such examples); different forms are attested in Old Serbian documents, [PAVLOVIĆ 2009: 128]; see further references in [VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985: 935]. The official Russian grammar [ГРЯ 1980 2: 525] provides an example with an inanimate head noun (*облачается в свитку, чем укрывался ночью* ‘[He] puts a *svitka* (a sort of overclothes) on, with which [he] covered himself at night’) without commenting on its grammaticity; actually such examples (paired with *кто*-relatives with head noun, also exemplified in [ГРЯ 1980]), are taken from nineteenth-century literature and are highly unusual for modern Russian and should better be deemed almost non-existent. The oblique forms of the inflected pronoun *čto* seem to be limited to inanimate full nouns, as is explicitly stated for Polish in [NIEMINEN 1950: 100] and is confirmed by examples in [ПАВЛОВИЧ 2009: 128]; moreover, [GEBAUER IV: 249] states that relative Old Czech *co* is restricted to inanimates, and [GALLIS 1956: 54–55] enumerates nouns (mostly commercial and legal terms) which typically occur with *čto*; see also references in [VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985: 935].

A regular relative pronoun occurs in any syntactic role using the appropriate case. Syntactic roles differ crucially in their relative frequency in the texts; thus, subject NPs outnumber all others. It would come as no surprise if relative pronouns appeared in subject position with even higher frequency, as pronoun-headed or definite noun phrases tend to be subjects [COMRIE 1989: 128, CROFT 2003: 179–180 *passim*]. The reduction of the paradigm may have happened as a gradual fading, almost unnoticed: some rare forms occurred more and more rarely (one should also bear in mind that the *čto* type of relative clause is not the main one). A similar morphosyntactic reduction is attested with the relative pronoun *който* in Bulgar “damascenes” of the seventeenth century. Only the form *който* (historically Nom. Sg. masc.) was used. As [ДЕМИНА 1975: 128] states, the use was mostly restricted to masculine human antecedents (and feminine singular antecedents were not allowed). At that time, colloquial spoken Bulgarian already lacked relative pronouns, using relative conjunctions instead. This development contrasts with the more usual one, in which one of the forms takes over the functions of the other form: for example, the Middle Bulgarian relative pronoun *ѹже* (historically Nom. Sg. neutr.) stood for all gender and number forms, see [VONDRÁK 1908: 456–457; МИНЧЕВА 1982: 197]. In Old Serbian and Old Croatian both *ѹже* and *иже* (historically Nom. Sg. masc.) were used as a common form for all genders and numbers [GALLIS 1956: 21, 30, 76].

The diachronic formation of the invariable *čto* is not as clear and straightforward as simply the loss of the paradigm (or, to put it another way, decategorization). The new “relativum absolutum” coincides with the main complementizer (as in Russian *Он сказал, что...* ‘He said that...’) – the syncretism also attested in Iranian and Semitic languages, see [ЗАЛИЗНЯК, ПАДУЧЕВА 1975/2002: 685–687]; the case of English *that* is discussed in great detail in [VAN DER AUWERA 1985]. The historical controversy here lies in the fact that the Slavic complementizer *čto* is believed to stem from the relative pronoun (see [HEINE, KUTEVA 2004: 254] for typological analogies), so we may either simply posit the parallel emergence of two conjunctions from the relative pronoun or insist that the complementizer somehow influenced the rise of the relative conjunction. The other cases of Slavic complementizers used as relative conjunctions are Old Czech and Lower Sorbian *jako* [MARETIĆ 1888: 3–4], and Czech, Polish, and Ukrainian **že* [MARETIĆ 1888: 2–3] (T. Maretić supposed, though, that this **že* stems from Slavic **ježe*). The fact is that West Slavic languages have relative *co* (Slovak *čo*), but almost completely lack the complementizer (see, however, [КУРАШКЕВИЧ 1971]).

The least pronominal usage of *čto* is the East Slavic construction combining *čto* with the main relative pronoun *которыи* (*которыи* is the Old Russian form corresponding to Modern Russian *который*), as exemplified in (20):

- (20) *тѣмъ волостемъ, что ми ес(и) **которые** придал к Вышегороду*
Old Russian, 1450 [ЧЕРЕПНИН 1950, №55]

Some examples of this pattern are provided in [ТРОИЦКИЙ 1959: 169] and [КАРСКИЙ 1955: 472]. Such usage may be better attributed directly to the main complementizer *čto*.

The pair of constructions (with and without the resumptive pronoun, depending on case) may not stem from Common Slavic. Old Church Slavonic lacks the relative *что* altogether, but this may be due to some stylistic reasons.⁴ The crucial point is that similar pairs of constructions are not restricted to the single lexeme under discussion. According to [LENCEK 1982: 225], in Slovene “the indeclinable *ki* is used in all but the masculine singular form in combination with a personal pronoun”. Václav Vondrák [VONDRÁK 1908: 453] cites examples of the construction “*kenž* + pronoun” in Lower Sorbian; Arne Gallis [GALLIS 1956: 30] cites examples of *кѣже* followed by third-person pronoun in Old Serbian. A similar distribution of the two constructions is also attested in Romance languages, as well as in German and Greek, thus exhibiting an areal trait [KURZOVÁ 1981: 80–84]. Moreover, Romance languages (especially in their non-standard forms) also exhibit the same ambiguity, as one and the same lexeme serve both as relativizer and complementizer (Italian *che*, Spanish and Catalan *que* [РАМАТ 2005: 117]).

7. Conclusion. The discussion may be summarized as follows. One formal question, inevitably faced in connection with *čto*, is its syntactic category, as its behaviour is atypical for both pronouns and conjunctions. The present paper does not argue for either option, but presents the data on (at least) two distinct constructions with a single lexeme: in one of them (“bare *čto*”, examples (1) and (13)), the lexeme is more pronoun-like, while in the other (*čto* + anaphoric pronoun, examples (2–12) and (14–20)), there are some distinct conjunction-like traits. [АКИМОВА 1964: 142] questions whether these two are simply two versions of a single construction. She points to the difference in frequency, but an even more significant reason to treat them as separate is the semantic difference, indicated in [FRIED 2010]: clauses with a third-person pronoun are likely to have a parenthetical reading, and they are attached to the head noun less tightly. The correlation between the use of a resumptive pronoun and a non-restrictive (parenthetical) reading is observed in Modern Greek [АЛЕХОΠΟΥ 2006: 70]; the correlation between

⁴ Interestingly, Vuk Karađić believed the absence of the relativizer in Old Church Slavonic was artificial: „Relative pronoun *što* is in use in all modern Slavic nations, but Old Church Slavonic lacks it. No doubt ancient Slavs used the pronoun; it is only that translators left it out as they thought it to be a defective usage of herdsmen and swineherds, as it is not found in Greek and Latin” [КАРАЏИЋ 1894–1895: 62–63], cited in [DMITRIEV 1972: 287–288].

the resumptive pronoun and greater linear distance (and, hence, lesser accessibility) is observed in [ARIEL 1994: 29].

The most frequent construction with *čto*, which we called “bare *čto*”, is compatible with both analyses of *čto* — both as a form of a pronoun and as a conjunction. It is in this context that the inflected pronoun was most likely reanalysed as an invariable relativizer (according to classification in [CROFT 2000], this is an instantiation of *hypoanalysis*, a process whereby a contextual property is reanalyzed as an inherent property of the syntactic unit [CROFT 2000: 126]). The actualization of the reanalysis can be seen in the formation of the second construction, *čto* + anaphoric pronoun, which was introduced for less frequent contexts. The complementizer *čto*, which stems from the same inflected pronoun, may also have influenced the formation of the invariable relativizer. But as the pair of constructions is not restricted to Slavic *čto*, a replication of the areal pattern is also possible.

The most interesting point for synchronic investigation is probably not the relativizer's part of speech (though it poses evident problems), but the exact cut-off point between the two competing constructions. The competition was examined in detail in [FRIED 2010] for modern Czech, pointing to an interesting interplay of different factors. The details may vary in Slavic languages, but the tendencies are most likely the same. We believe that the joint analysis of these constructions in Slavic languages may immensely enrich the understanding of individual languages.

References

ALEXOPOLOU 2006

ALEXOPOLOU T., “Resumption in relative clauses”, *Natural language and linguistic theory*, 24/1, 57–111.

ANDREWS 2007

ANDREWS A. D., “Relative Clauses”, in: T. SHOPEN (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*² (= Complex Constructions, 2), Cambridge.

ARIEL 1994

ARIEL M., “Interpreting Anaphoric Expressions: A Cognitive versus a Pragmatic Approach”, *Journal of Linguistics*, 30, 3–42.

BARTOŠ 1905

BARTOŠ F., *Dialektický slovník moravský*, I, Praha.

CITKO 2004

CITKO B., “On Headed, Headless, and Light-Headed Relatives”, *Natural Language and Linguistic Theory*, 22/1, 95–126.

COMRIE 1989

COMRIE B., *Language Universals and Syntactic Description. Syntax and Morphology*², Chicago.

CRISTOFARO, RAMAT 2007

CRISTOFARO S., RAMAT A. G., "Relativization Strategies in the Languages of Europe", in: P. RAMAT, E. ROMA (eds.), *Europe and the Mediterranean as Linguistic Areas: Convergencies from a Historical and Typological Perspective*, Amsterdam, Philadelphia, 63–93.

CROFT 2000

CROFT W., *Explaining Language Change*, Harlow, New York.

CROFT 2003

CROFT W., *Typology and Universals*², Cambridge.

DUFFIELD, MICHAELIS 2011

DUFFIELD C. J., MICHAELIS L. A., "Why Subject Relatives Prevail: Constraints versus Constructional Licensing", *Language and Cognition*, 3, 171–208.

GALLIS 1956

GALLIS A., *The Syntax of Relative Clauses in Serbo-Croatian: Viewed on a Historical Basis*, Oslo.

GEBAUER IV

GEBAUER J., *Historická mluvnice jazyka českého*, IV (Skladba), Praha, 1929.

GIVÓN 2001

GIVÓN T., *Syntax: An Introduction*, rev. ed., II, Amsterdam, Philadelphia.

GIVÓN 2009

GIVÓN T., *The Genesis of Syntactic Complexity. Diachrony, Ontogeny, Neuro-cognition, Evolution*, Amsterdam, Philadelphia.

GOLĄB, FRIEDMAN 1972

GOLĄB Z., FRIEDMAN V. A., "The Relative Clause in Slavic", in: P. M. PERANTEAU, J. N. LEVI, G. C. PHARES (eds.), *The Chicago Which Hunt, Papers from the Relative Clause Festival*, Chicago, 30–46.

GROCHOWSKI et al. 1984

GROCHOWSKI V., KAROLAK S., TOPOLIŃSKA Z., *Składnia* (= Gramatyka współczesnego języka polskiego, 1), Warszawa.

FRIED 2010

FRIED M., "Accusative Resumptive Pronoun in the Czech Relative Clauses with Absolutive Relativizer *co*", *Korpus, gramatika, axiologie*, 1/1, 16–29.

HAIMAN 1985

HAIMAN J., *Natural Syntax*, Cambridge.

HAMM 1974

HAMM J., *Staroslavenska gramatika*, Zagreb.

HARRIS, CAMPBELL 1995

CAMPBELL L., HARRIS A. C., *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*, Cambridge.

HASPELMATH 2001

HASPELMATH M., "The European Linguistic Area: Standard Average European", in: M. HASPELMATH, E. KÖNIG, W. OESTERREICHER, W. RAIBLE (eds.), *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*, 2. New York.

HAWKINS 2004

HAWKINS J., *Efficiency and Complexity in Grammars*, Oxford.

HEINE, KUTEVA 2004

HEINE B., KUTEVA T., *World Lexicon of Grammaticalization*, Cambridge.

HEINE, KUTEVA 2005

HEINE B., KUTEVA T., *Language Contact and Grammatical Change*, Cambridge.

HEINE, KUTEVA 2006

HEINE B., KUTEVA T., *The Changing Languages of Europe*, New York.

HOPPER, THOMPSON 1980

HOPPER P., THOMPSON S., "Transitivity in grammar and discourse", *Language*, 56, 251–295.

KEENAN 1985

KEENAN E., "Relative Clauses", in: T. SHOPEN (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*, 2. Cambridge, 141–170.

KEENAN, COMRIE 1977

KEENAN E. L., COMRIE B., "Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar", *Linguistic Inquiry*, 8, 63–99.

KEENAN, COMRIE 1979A

KEENAN E. L., COMRIE B., "Data on Noun Phrase Accessibility Hierarchy", *Language*, 55/2, 333–351.

KEENAN, COMRIE 1979b

KEENAN E. L., COMRIE B., "Noun Phrase Accessibility Revisited", *Language*, 55/3, 649–664.

KORDIĆ 1995

KORDIĆ S., *Relativna rečenica*, Zagreb.

KOTT I.

KOTT F. Š., *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický*, I, Praha, 1878.

KŘÍŽKOVÁ 1970

KŘÍŽKOVÁ H., "Relativní věty v současných slovanských jazycích", *Slavia*, 39, 10–40.

KURZOVÁ 1981

KURZOVÁ H., *Der Relativsatz in den indoeuropäischen Sprachen*, Hamburg.

LEHMANN 1984

LEHMANN C., *Der Relativsatz*, Tübingen.

LENCEK 1982

LENCEK R., *The Structure and History of the Slovene Language*, Columbus (Ohio).

LUNT 1952

LUNT H., *Grammar of the Macedonian Literary Language*, Skopje.

MARETIĆ 1888

MARETIĆ T., "Veznici v slovenskijem jezicama", *Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnost*, XCI, 1–80.

NAESS 2003

NAESS Å., "What Markedness Marks: The Markedness Problem with Direct Objects", *Lingua*, 114/9–10, 1186–1212.

NIEMINEN 1950

NIEMINEN E., *Beiträge zur altpolnischen Syntax*, Helsinki.

ONDRUS 1956

ONDRUS P., *Stredoslovenské nárečia v maďarskej ľudovej republike*, Bratislava.

PUGH 2006

PUGH S. M., "Relative Constructions in Contemporary Popular Russian Prose. Reflections on Changing Language", *Russian Linguistics*, 30/2, 213–266.

RAMAT 2005

RAMAT A. G., "Persistence and Renewal in the Relative Pronoun Paradigm: The Case of Italian", *Folia Linguistica Historica*, 26/1–2, 115–138.

VAN DER AUWERA 1985

VAN DER AUWERA J., "Relative *that* — a Centennial Dispute", *Journal of Linguistics*, 21, 149–179.

VAN DER AUWERA, KUČANDA 1985

VAN DER AUWERA J., KUČANDA D., "Serbo-Croatian *što* — Pronoun or Conjunction?", *Linguistics*, 23, 917–962.

VONDRÁK 1908

VONDRÁK W., *Vergleichende Slavische Grammatik, 2: Formenlehre und Syntax*, Göttingen.

АКИМОВА 1964

АКИМОВА Г. Н., "Тенденции в развитии относительного подчинения в современных восточнославянских языках", *Известия Академии Наук СССР, серия литературы и языка*, XVIII, 2 (март — апрель), 138–144.

АНТОНОВ, БАРАНОВ 1997

АНТОНОВ А. В., БАРАНОВ К. В. (сост.), *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века*, Москва.

АФАНАСЬЕВ

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, I–III, Москва, 1958.

БОРКОВСКИЙ 1958

БОРКОВСКИЙ В. И., *Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение*, Москва.

БОРКОВСКИЙ 1981

БОРКОВСКИЙ В. И., *Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели*, Москва.

БУСЛАЕВ 1959

БУСЛАЕВ Ф. И., *Историческая грамматика русского языка*, Москва.

ВАХРОМЕЕВ 1881

ВАХРОМЕЕВ И. А. (изд.), *Княжие и царские грамоты Ярославской губернии*, Москва.

ГРЯ 1954 II

В. В. Виноградов, Е. С. Истрина (ред.), *Грамматика русского языка*, II, 1–2, Москва.

ГРЯ 1980

Н. Ю. Шведова (гл. ред.), *Русская грамматика*, Т. 2: *Синтаксис*, Москва.

ГРИНЧЕНКО

Гринченко Б. Д., *Словарь української мови*, 1–4, Київ, 1907–1909.

ДЕМИНА 1975

ДЕМИНА Е. И., "Из болгарского исторического синтаксиса. Сложные предложения с союзным словом *който* в языке дамаскинов XVII в.", в: Г. П. Клепикова (ред.), *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов*, Москва.

ДМИТРИЕВ 1972

ДМИТРИЕВ П. А., "К вопросу о вариативности присубстантивно-относительных придаточных в сербохорватском языке", в: Р. В. Булатова (ред.), *Исследования по сербохорватскому языку*, Москва, 276–323.

Зализняк, Падучева 1975/2002

Зализняк А. А., Падучева Е. В. “К типологии относительного предложения”, в: О. М. Михайлов (ред.), *Семиотика и информатика*, 1974, 6, Москва, 51–101; цитируется по переизданию: А. А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, Москва, 648–698.

КАРАЦИЋ 1894-1895

КАРАЦИЋ В., *Скуплени граматички и полемички списи*, II, Београд.

КАРСКИЙ 1955

КАРСКИЙ Е. Ф., *Белорусы. Язык белорусского народа*, 2–3, Москва.

КУРАШКЕВИЧ 1971

Курашкевич В., “Польское местоимение со в функции союза *že*”, в: Р. И. Аванесов и др. (ред.), *Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского*, Москва, 164–170.

МИНЧЕВА 1982

Минчева А., “К синтаксической характеристике среднеболгарских евангельских списков (Рыльское Б Евангелие)”, в: Е. И. Демина и др. (ред.), *Язык и письменность среднеболгарского периода*, Москва, 194–225.

ПАВЛОВИЋ 2009

ПАВЛОВИЋ С., *Старосрпска зависна реченица од XII до XV века*, Нови Сад.

РОМАНОВ 1901

РОМАНОВ Е. Р., *Белорусский сборник*, 6, Сказки, Могилев.

ТРОИЦКИЙ 1959

Троицкий В. И., “К истории союза *что* в русском языке”, в: В. В. Виноградов (ред.), *Славянское языкознание*, Москва, 160–169.

ЧЕРЕПНИН 1950

ЧЕРЕПНИН Л. В. (подгот. к печати), *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва, Ленинград.

ШАПИРО 1953

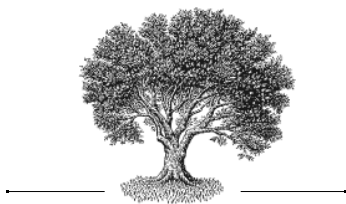
ШАПИРО А. Б., *Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения*, Москва.

Филипп Робертович Минлос, к.ф.н.

Институт славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А

f.minlos@gmail.com

Карл Генрих
Майер —
последний
славист
Альбертины

Karl Heinrich
Meyer —
der letzte
Slavist der
Albertina

Вернер Лефельдт

Семинар славянской филологии
Университета им. Георга-Августа,
Гёттинген

Werner Lehfeldt

Seminar für Slavische Philologie der
Georg-August Universität,
Göttingen

Resumee

Karl Heinrich Meyer (1890–1945) war ein deutscher Indogermanist und Slavist, der von 1927 bis 1935 an der Universität Münster und ab 1935 an der Universität Königsberg, der berühmten Albertina, lehrte. In Königsberg unterrichtete er noch im Wintersemester 1944/45 bis kurz vor der Eroberung der Stadt durch sowjetische Truppen Altkirchenslavisch sowie die historische Grammatik des Russischen und hielt Vorlesungen zur russischen, zur polnischen und zur bulgarischen Literatur. Als Slavist hat sich K. H. Meyer v.a. um die Erforschung des Altkirchenslavischen Verdienste erworben, insbesondere durch sein Wörterbuch zum Codex Suprasliensis. Aus seiner Feder stammen auch eine historische Grammatik des Russischen sowie Ausgaben von Werken der altrussischen Literatur. Einen weiteren Schwerpunkt der wissenschaftlichen Arbeit des Gelehrten bildete die Beschäftigung mit den südslavischen Sprachen, v.a. die Erforschung der historischen Entwicklung der bulgarischen Sprache.

Schlüsselwörter

Slavistik, Geschichte der Slavistik, Slavistik in Deutschland, Karl Heinrich Meyer, Albertina, Albertus-Universität Königsberg, Deutsch-russische Kulturbeziehungen.

Карл Генрих Майер (Karl Heinrich Meyer) был последним немецким славистом Кенигсбергского университета и вообще последним профессором Альбертины.¹ Еще весной 1945 года, когда Кенигсберг был окружен советскими войсками, за его взятие велись ожесточенные бои и сам город практически уже был разрушен, Карл Майер читал здесь свой последний курс лекций, посвященный творчеству Достоевского. Через несколько недель после взятия Кенигсберга профессора Майера постигла трагическая участь, о чем далее пойдет речь в нашей статье.

Цель данной заметки заключается в том, чтобы в самых общих чертах представить биографию и научное творчество К.Г. Майера. Сразу хотелось бы подчеркнуть, что трагичность его судьбы не может служить поводом для того, чтобы написать своего рода икону ученого и стереть из его творческой биографии все темные, или же — говоря более мягко — не совсем чистые пятна.

К.Г. Майер родился 15 декабря 1890 года в городе Петерсгагене на Везере в Вестфалии в семье фабриканта. Сдав экзамен на аттестат зрелости, К.Г. Майер с 1910 по 1913 год изучал индоевропеистику в Гейдельберге, Берлине и Мюнстере. В 1913 году он защитил в Мюнстере диссертацию, посвященную греческой античной поэзии, так что его научные интересы не сразу были направлены на славистику. Классические языки и сравнительное языкознание К.Г. Майер изучал и на втором этапе своего университетского образования с 1913 по 1914 год в Лейпциге — Мекке довоенной европейской лингвистики. Его главным учителем был один из основателей и один из самых блестящих младограмматиков Карл Бругман. Лишь на третьем этапе своего обучения, всё еще в Лейпциге, К.Г. Майер переориентировался на славянскую филологию. Ему посчастливилось участвовать в последних семинарах и слушать лекции великого Августа Лескина, сооснователя младограмматизма и одного из первых немецких профессоров славистики вообще. В 1916 году, в год смерти Августа Лескина, К.Г. Майер опубликовал свою первую работу по славистике, которой стала рецензия на сербохорватскую антологию, изданную Владимиром Чоровичем. Южнославянскими языками К.Г. Майер занимался под влиянием Матии Мурко,

---

¹ В Германии неофициально принято называть университеты латинизированными именами собственными — существительными или субстантивированными прилагательными женского рода, образованными от имен собственных их основателей. Кенигсбергский университет им. герцога Альбрехта, *Albertus-Universität Königsberg*, был основан в 1544 г. Альбрехтом фон Гогенцоллерном, герцогом Бранденбургским и Ансбахским, или Альбрехтом Прусским (*Albrecht von Preußen*, также *Albrecht von Brandenburg-Ansbach*, *Albrecht von Hohenzollern*; 17 мая 1490, Ансбах — 20 марта 1568, Восточная Пруссия). Латинская форма имени герцога Альбрехта — Альберт, откуда исконное название кенигсбергского университета — *Albertina*.

в то время как А. Лескин направил его научные интересы на изучение старославянского языка.

В 1919 году К. Г. Майер попробовал защитить так называемую “габилитацию” (Habilitation), которая с точки зрения квалификационных требований соответствует в России степени доктора наук. По неизвестным мне причинам эта первая попытка не увенчалась успехом. Лишь в следующем, 1920 году “докторская диссертация” была успешно защищена, и К. Г. Майеру было присвоено звание приват-доцента Лейпцигского университета. Его исследование было посвящено и по сей день актуальной проблеме славянского языкознания — причинам утраты склонения в болгарском языке. Работа была опубликована в 1920 году в Гейдельберге [MEYER 1921] и сразу вызвала бурную дискуссию, в которой участвовали многие видные слависты, в том числе А. Мейе, Дж. Мавер, А. Мазон и В. Ягич. По мнению К. Г. Майера, главная причина утраты болгарского склонения заключалась в более частом употреблении предлогов, которое заменило употребление падежных флексий. К. Г. Майер отверг фактор совпадения разных падежных форм вследствие действия звуковых законов, а также влияние соседних языков. А. Мейе считал, что тезисы К. Г. Майера не выдерживают никакой серьезной критики, тогда как В. Ягич высказывался в его адрес более положительно [ZEIL 1982: 535; ZEIL 1994: 532 и след.].

Если в начальный период своей деятельности в области славистики К. Г. Майер преимущественно занимался южнославянскими языками, то постепенно он расширил круг своих интересов, став в итоге славистом в традиционном, филологическом значении этого слова. В его время славистика представляла собой междисциплинарную историко-культурную науку, поэтому Майер занимался практически всеми славянскими языками в сравнительно-историческом и синхронном аспектах, а также литературой, культурой, бытом и религиозными традициями славянских народов.

К. Г. Майер оставался приват-доцентом в Лейпциге до 1927 года. Заведующим кафедрой славистики в Лейпцигском университете после ухода М. Мурко в 1921 году стал М. Фасмер, отношения между ним и К. Г. Майером, насколько это известно, были напряженными. В 1927 году К. Г. Майер переехал в Мюнстер, где в 1929 году стал экстраординарным (außerordentlicher — “внештатный”) профессором славянской филологии и фактическим основателем института славистики в Мюнстерском университете. В Мюнстере К. Г. Майер читал лекции не только в рамках университета, но и для более широкой публики, в том числе даже по радио. В 1932 году К. Г. Майер посетил Советский Союз, где провел два месяца.

Осенью 1935 года К.Г. Майер получил место профессора славянской филологии в Кенигсбергском университете [SCHALLER 1991: 346]. При переезде из Мюнстера в Кенигсберг он захотел взять с собой большую часть библиотеки по славистике, собранной им самим, но принадлежащей Мюнстерскому университету. Этот шаг, конечно же, вызвал протест бывших коллег К.Г. Майера и по сей день бросает тень на его память в Мюнстере [SCHALLER 1991: 348].

В Кенигсберге К.Г. Майер развернул многостороннюю преподавательскую и исследовательскую деятельность. Даже в последнем семестре, накануне прекращения существования Альбертины в 1945 году, он преподавал старославянский язык, историческую грамматику русского языка, польский язык и читал курсы лекций по польской и болгарской литературам. Русской литературе были посвящены такие курсы, прочитанные перед самым началом Второй Мировой войны и в первые ее годы, как, например, “Русский роман XIX века” (1937 г.), “Достоевский и Толстой” (1941 г.), “Граф Лев Толстой” (1941/42 гг.). В 1941 г. К.Г. Майер был избран членом-корреспондентом Болгарской Академии наук.

После взятия Кенигсберга советскими войсками К.Г. Майер стал жертвой доноса со стороны некоторых немцев, содержание которого мне неизвестно. В результате этого доноса К.Г. Майер был арестован и попал в советский лагерь в Кранцене. Оттуда его отпустили в начале мая 1945 года. Совершенно обессиленный, К.Г. Майер умер по дороге в Кенигсберг 4 мая 1945 года.

* * *

По образованию и наклонностям Карл Генрих Майер был в первую очередь языковедом-младограмматиком, однако занимался он, как уже было сказано, и славянскими литературами и опубликовал работу о творчестве Тараса Шевченко [MEYER и др. 1937; ср. также: MEYER 1932]. В современной славистике имя К.Г. Майера связано в первую очередь с работами в области изучения старославянского языка, которым он занимался до конца своей жизни, очевидно, под влиянием А. Лескина. В 1935 г. он опубликовал “Церковнославяно-греческий словарь Супрасльской рукописи” [MEYER 1935], который по сей день не утратил своего значения для церковнославянской исторической лексикографии [ZEIL 1994: 534]. Супрасльской рукописи посвящена также написанная в русле классического младограмматизма статья по орфографии этого памятника [MEYER 1928a] и еще одна специальная работа, в которой впервые в славистике обращается самое серьезное внимание на филологическое содержание такого всё еще слабо типологизированного явления, как ошибки пере-

вода [MEYER 1939–1944, 1: 1–33; ср. THOMSON 1988]. Это исследование (“Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis”) образовало первый из двух томов “Старославянских исследований” К. Г. Майера, который был опубликован 1939 г. Второй том увидел свет в 1944 г., оба они вышли в серии Кенигсбергского ученого общества [ср.: ZEIL 1994: 534].

Занятие К. Г. Майера старославянским языком сформировали его интерес к истории южнославянских языков, прежде всего к болгарскому. В конце 20-х годов К. Г. Майер обращается к сербохорватистике: в 1927 году совместно с А. Стойчевичем он подготовил хрестоматию по сербохорватской литературе, которая была издана в Геттингене в старейшем в Европе академическом издательстве “Vandenhoeck & Ruprecht” [MEYER, STOJČEVIĆ 1927], а в 1928 году увидело свет исследование К. Г. Майера, посвященное чакавскому говору острова Крк и в особенности закономерностям звуковых вариаций этого говора.² Во время своей деятельности в Лейпциге К. Г. Майер интенсивно занимался лужицкими языками, подготовив в 1923 г. критическое издание катехизиса Вацлава Варихиуса (1597 г.) [ZEIL 1977; 1990]. Список его публикаций этого периода включает также работы по польскому языку и украинистике.

Еще одним центром научных интересов ученого со временем стали русский язык и русская литература. В этой области имя К. Г. Майера связано прежде всего с тем обстоятельством, что он уже в 1923 году опубликовал первую часть “Исторической грамматики русского языка”, содержащую введение, историческую фонетику, историческую морфологию и акцентологию [MEYER 1923]. Для того, чтобы оценить отвагу молодого ученого, надо иметь в виду, что его книга представляла собой первую историческую грамматику русского языка, написанную не по-русски, в чем и заключается ее главное значение. Автор ориентируется не столько на специалистов в области истории русского языка, сколько на начинающих изучать русский язык. В определенном смысле, однако, надо сказать, что возникновение пособия стало возможным частично благодаря известной наивности его автора. Мы не должны упускать из виду, что К. Г. Майер лишь за семь лет до того опубликовал свою первую работу по славистике, и просто немислимо представить, что ему удалось в течение только семи лет накопить знания, необходимые для успешного осуществления такой огромной задачи, какую представляет собой написание исторической грамматики русского языка и по сей день. На это указывает рецензент К. Майера, Н. Н. Дурново, который опубликовал весьма обстоятельный отзыв о его книге [DURNOVO 1925]. Н. Н. Дурново упрекает К. Г. Майера в пренебрежении источниками, языковыми памятниками и диалекта-

² [MEYER 1928b]; см. тж.: [MEYER 1926; ZEIL 1994: 550 и след.].

ми русского языка. “История” ограничивается указанием на древнейшие доказательства тех изменений праславянской исходной системы, с которыми мы имеем дело в современном литературном языке. Более положительным оказался отзыв князя Н. С. Трубецкого [ТРУБЕЦКОУ 1925]. Хотя Н. С. Трубецкой упрекает К. Г. Майера в поверхностной обработке диалектного членения восточнославянских языков, однако, по мнению рецензента, пособие охватывает всё, что существенно для исторической грамматики русского языка, причем самым удачным разделом, как считал Н. С. Трубецкой, оказался акцентологический. Последнее, на наш взгляд, закономерно, поскольку К. Г. Майер особенно интересовался вопросами ударения и интонации и уже в 1920 году опубликовал небольшую книгу под названием “Славянская и индоевропейская интонация” [МЕУЕР 1920а]. В заключении отзыва Н. С. Трубецкой пишет: “Мы благодарны ему (т. е. К. Г. Майеру. — В. Л.) за его работу и с наибольшим интересом и наилучшими пожеланиями ожидаем выхода в свет последующих томов начатого сочинения” [ТРУБЕЦКОУ 1925: 114]. Ожидаемого продолжения, однако, не состоялось. С современной точки зрения историческая грамматика К. Г. Майера, естественно, представляет собой только памятную веху в развитии нашей дисциплины, более того, положения ученого сегодня нередко кажутся нам наивными. Однако эта “наивность” ряда взглядов К. Г. Майера оказывается таковой только в результате прогресса, сделанного славистикой в течение последних более чем семи десятилетий.

Что касается русистики, то К. Г. Майер интересовался не только исторической грамматикой, но и древнерусской литературой. Об этом свидетельствует, например, его издание “Слова о полку Игореве”, вышедшее в Берлине в 1933 году [МЕУЕР 1933]. Кроме текста “Слова”, это издание включает введение и объяснение многих древнерусских лексем. Наконец, еще за тринадцать лет до появления этой книги, в 1920-м году, К. Г. Майер опубликовал “Хождение за три моря” Афанасия Никитина в немецком переводе, сопроводив его своими комментариями [МЕУЕР 1920в]. К сожалению, здесь мы наталкиваемся на целый ряд досадных необъяснимых ошибок. Так, например, К. Г. Майер толкует форму *Никитин* как “сын Никитина” и предлагает такие неправильные переводы, как, например, *и море же преидохъ* ‘und die See ging vorüber — и море прошло мимо’ (?!), *а яства же ихъ плоха* ‘Ihre Speisen sind Früchte — их пища — плоды, фрукты’, *идохъ* ‘wir sind gegangen — мы шли’ и т. д. Нельзя в данном случае не согласиться с М. Фасмером, по мнению которого “книгу К. Г. Майера следует признать весьма поверхностной публикацией” [FASMER 1925: 579].

Однако, несмотря на этот ранний неудачный труд, при оценке научной деятельности К. Г. Майера необходимо видеть главное, а именно

стремление ученого охватить духовную историю всех славян в ее различных взаимосвязях. Тем самым К.Г. Майер словно бросает вызов современным тенденциям в нашей дисциплине, направленным на всё большую и большую специализацию, дробление знаний в области славистики. В связи с этим нашей исторической оценки заслуживает еще одно обстоятельство: в своих разнонаправленных научных дерзаниях К.Г. Майер стремился преодолеть духовные барьеры между немецким и славянскими, в особенности русским, народами, в один из самых мрачных периодов истории прошлого века. У нас есть все основания сохранить добрую благодарную память о последнем слависте Альбертины.

Литература

DURNOVO 1925

DURNOVO N. N., "[Рецензия на работу: MEYER 1923]", *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1, 467–507.

MEYER 1920a

MEYER K. H., *Der Untergang der Deklination im Bulgarischen*, Heidelberg.

MEYER 1920b

MEYER K. H., *Slavische und indogermanische Intonation*, Heidelberg.

MEYER 1920b

MEYER K. H., *Die Fahrt des Athanasius Nikitin über die drei Meere. Reise eines russischen Kaufmannes nach Ostindien (1466–1472)*, Leipzig.

MEYER 1923

MEYER K. H., *Historische Grammatik der russischen Sprache*, Bonn.

MEYER 1926

MEYER K. H., "Beiträge zum Čakavischen", *Archiv für Slavische Philologie*, 40, 222–265.

MEYER 1928a

MEYER K. H., "Der Wechsel von *ě* und *ja* im Codex Suprasliensis", in: *Symbolae Grammaticae in honorem I. Rozwadowski*, Cracoviae, 193–203.

MEYER 1928b

MEYER K. H., *Untersuchungen zur Čakavština der Insel Krk (Veglia)*, Leipzig.

MEYER 1932

MEYER K. H., *Die Ukraine in der polnischen Romantik*, Berlin.

MEYER 1933

MEYER K. H., *Das Igorlied, Text mit Einleitung und Erklärungen für den Hochschulgebrauch*, Berlin.

MEYER 1935

MEYER K. H., *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch zum Codex Suprasliensis*, Glückstadt, Hamburg.

MEYER 1939–1944

MEYER K. H., *Altkirchenslavische Studien*, 1: *Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis*; 2: *Das Supinum: eine syntaktische Untersuchung* (= Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Reihe, 15–16/2; 18/3), Halle.

MEYER, STOJČEVIĆ 1927

MEYER K. H., STOJČEVIĆ A., *Serbokroatisches Lesebuch: akzentuierte Texte mit vollständigem Wörterverzeichnis*, Göttingen.

MEYER u.a. 1937

Taras Schewtschenko. Der ukrainische Nationaldichter (1814–1861). Vorträge von KARL H. MEYER, G. SPECHT und Z. KUZIELA *über Schewtschenko und Übersetzungen aus seinen Werken*, Berlin.

SCHALLER 1991

SCHALLER H. W., "Die Geschichte der Slawischen und Baltischen Philologie an der Albertus-Universität Königsberg i. Pr.", *Zeitschrift für Ostforschung*, 40, 321–354.

THOMSON 1988

THOMSON F., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations", in: E. FARRUGIA, R. TAFT, G. PIOVESANA (ed.), *Christianity among the Slavs: The Heritage of St. Cyril and Methodius, Acts of the International Congress held on the Eleventh Century of the Death of St. Methodius, Rome, October 8–11, 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 351–380.

TRUBETZKOY 1925

TRUBETZKOY N., "[Рецензия на: MEYER 1923]", *Archiv für Slavische Philologie*, 39, 107–114.

VASMER 1925

VASMER M., "[Рецензия на: MEYER 1920в]", *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2, 579.

ZEIL 1977

ZEIL W., "Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für Slawische Philologie (1870–1945)", *Lětopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung*, Rjad A, 24, 202–225.

ZEIL 1990

ZEIL W., "Karl Heinrich Meyer (1890–1945). Ein Leben für die Slawistik und für die deutsch-slawische Wechselseitigkeit", *Lětopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung*, Reihe B, 37, 23–45.

ZEIL 1982

ZEIL W., "Altbulgarische Studien in Deutschland bis 1945 und ihre Bedeutung für die internationale Slawistik", *Zeitschrift für Slawistik*, 27/5, 726–736.

ZEIL 1994

ZEIL W., *Slawistik in Deutschland. Forschungen und Informationen über die Sprachen, Literaturen und Volkskulturen slawischer Völker bis 1945*, Köln, Weimar, Wien, 1994.

Prof. em. Dr. Dr. h.c. **Werner Lehfeldt**

Seminar für Slavische Philologie

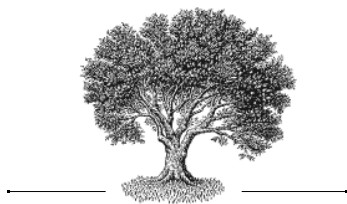
Georg-August-Universität Göttingen

Humboldtallee 19

37073 Göttingen

Deutschland

wlehfel@gwdg.de

Загадочный
псалом Макса
Фасмера и его
биографический
контекст

Der rätselhafte
Psalm bei
Max Vasmer
und dessen
biographischer
Kontext

**Марина Анатольевна
Бобрик**

Институт славистики
Берлинского университета
им. А. и В. Гумбольдтов

Marina Bobrik

Institut für Slawistik
Humboldt-Universität zu Berlin

Résumé

Im vorliegenden Beitrag wird ein in Altkirchenslavisch verfasster Text aus dem Nachlass Max Vasmers veröffentlicht und kommentiert.

Schlüsselwörter

Max Vasmer, Altkirchenslavisch, Kirchenslavisch, Psalm, evangelisch-lutherische Hymne, Universität Berlin, Freie Universität, Slavistik in Deutschland, Berliner Blockade 1948–1949, Russisches Institut an der Universität Stockholm

Предисловие

Публикуемый текст извлечен из той части личного архива М. Фасмера, которая принадлежала Институту Восточной Европы Свободного университета (Западный Берлин), а сейчас находится в архиве Берлинско-Бранденбургской академии наук (Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften). Одна из четырех институтских коробок (ныне коробка № 77 фонда Фасмера¹) некоторое время хранилась у Юргена Плена,² который и обратил мое внимание на писанный рукою Фасмера черновик небольшого текста на церковнославянском языке. В лингвистическом отношении этот текст примечателен как факт языковой индивидуальности слависта с русско-немецкой биографией; ценен он и как одно из свидетельств сложного шведского периода жизни ученого (1947–1949 гг.). Публикация включает в себя факсимиле и наборное воспроизведение текста, перевод его на русский язык, филологический и биографический комментарии. Благодарю архив Берлинско-Бранденбургской академии наук за предоставление копии публикуемого текста. За доброжелательную помощь в работе над биографическим комментарием я глубоко признательна У. Биргегорд, П. Брангу, Г. Кайперту, Э. Лёфстранд, Ю. Плену, М. Раммельмейеру, Г. Суперфину, Э. Тиммлер, Б. Тунберг, В.-Х. Шмидту, К. Эймермахеру и М. Юнггрену.

Текст

воспроизводится буква в букву, строка в строку

[...] — зачеркнуто автором

<...> — конъектура или замечание публикатора

---

¹ В дальнейшем в ссылках на фонд Фасмера (Nachlass Vasmer — NL Vasmer) в архиве Академии приводится только номер документа, как правило, без пагинации, так как фонд Фасмера еще не разобран и не обработан. При цитировании орфография и пунктуация источника сохраняются.

² Юрген Плен (Jürgen Plahn, род. 1935) в 1970 г. защитил диссертацию у ученика Фасмера Г. Бройера (см. о нем примеч. 31), в 1970–1976 гг. преподавал в Институте Восточной Европы Свободного университета. Автор книги “Современный русский церковнославянский как язык русской церкви” (“Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche”) (Hamburg, 1978), материалом для которой служили в первую очередь многолетние личные наблюдения над языком богослужения в берлинских приходах русской православной церкви (Ю. Плен был чтецом в Воскресенском соборе).

~~псалмъ оуспѣхъ~~
 хвалѣ ~~въздъ~~ ^{похъ} ~~пѣнъ~~ до сподоби
~~въздъ~~ ~~пѣнъ~~ ^{раба св.}
 и славѣ, да сподоби мѧ недостойна
 прѣшеника оузрѣти чюдеса
 земли свейскыя. ~~да~~ причастѣна
 мѧ сътвори къ пѣнѣ ~~и~~ ^{вълюбѣнъ} ~~и~~
 и избави мѧ отъ злѣхъ въ
 пѣхъ ~~и~~ ^{невербниа} ~~и~~ ^{свѣдѣнъ} ~~и~~
 законъ могающа сѧ прѣзъ въ
~~гомо~~ къ шѣхъ. и зъхъ госте прииавста
 въ богаты чадъ и дары ~~и~~
 пѣхъ ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и ~~и~~ ^и
 Аминь. Въ лѣто ^а по кончинѣ
 антихристовѣ.

хвалѣ [възд] [въздакв] [поѣж] [поѣм] [поѣжт оуста моѣ] и славѣ³ поѣж
 Господеви⁴
 , да съподоби мѣ недостойна раба св<оего> и⁵
 грѣшника оузрѣти чюдеса
 земли свейскы⁶ [.] [да] причастна
 мѣ сътвори кѣпѣли [кзерьны~~ѣ~~] цѣльбѣнѣи⁷
 и избави мѣ отъ гибѣли въ
 пѣчинѣ кзерьнѣи. въведѣ мѣ невѣрѣдима⁸ съ
 законнобрачѣнѣж сѣпрѣжѣ <так! — см. комментарий> въ
 [домѣ] кѣштѣ плѣнѣ гостеприимства
 [и] богатѣ чады и дары [тѣле]⁹
 плѣтѣнными и доуховѣнными¹⁰
 Аминѣ. Въ лѣто дѣ¹¹ по конѣчинѣ
 анѣтихристѣвѣ.

Перевод

Хвалу и славу пою Господу (за то), что сподобил меня, недостойного раба своего и грешника, увидеть чудеса земли шведской, привел меня к целебной купели и избавил от гибели в глубинах озера, и ввел меня невредимым вместе с законной супругою в дом, полный гостеприимства, богатый чадами и дарами вещественными и духовными. Аминь. В год четвертый по кончине Антихриста.

Филологический комментарий

Автор публикуемого текста “с детства владел русским и немецким” (“von Kindheit an des Russischen wie des Deutschen mächtig” [KIPARSKY s.d.: 10]¹²) и профессионально — старославянским. Отец Фасмера был немецким

³ и *славѣ* перенесено из следующей строки.

⁴ прописное Г исправлено из строчного.

⁵ *раба св. и* добавлено.

⁶ в последней букве по ошибке дважды написан знак йотации.

⁷ в надписанном над зачеркнутым *кзерьны~~ѣ~~* слове окончание *-ѣи* смещено по отношению к остальной части слова; оно было исправлено отдельно, по всей вероятности, раньше, чем было принято решение заменить лексему.

⁸ *невѣрѣдима* добавлено.

⁹ начато слово *тѣле<сnymi>*.

¹⁰ *х* исправлено из *о*.

¹¹ буква цифири надписана над строкой.

¹² О В. Кипарском см. примеч. 51.

коммерсантом из Альтоны (близ Гамбурга), приехавшим в Петербург в конце XIX в. Русского языка он не знал [АМБУРГЕР 1986: 16]. Что касается самого М. Фасмера, то, по словам О. Н. Трубачева (общавшегося с Фасмером во время его приездов в Москву в 1956 и 1958 гг.), “русский язык он знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке” [ФАСМЕР 1986: 566]. В разговоре Фасмер пользовался, можно думать, устной формой литературного языка, в которой временного и культурно-исторического барьера между собеседниками можно было не почувствовать; новый разговорный язык советского города был ему незнаком. Именно об этом, думается, шла речь в разговоре, о котором О. Н. Трубачев рассказывает так: “Происшедший затем отрыв был для него отрывом от родины (так, запомнилось, что он трогательно и несколько забавно сокрушался, что из-за этого не знает, как он выразился, нашей “трамвайной терминологии”, и я до сих пор так и не понимаю, что же он имел в виду — лексику вождения трамвая, что сомнительно, или непринужденные трамвайные диалоги)” [ФАСМЕР 1986: 566]. Вряд ли имелось в виду что-либо иное, чем *трамвайный язык*. Как обозначение городского просторечия это слабо документированное выражение известно в черновом варианте “Люблю” В. Маяковского (1922): “язык-то трамвайный вы понимаете”. В беловом варианте оно было заменено на *язык трамвайский*, так как в контексте главы “Мой университет”, где город выступает собеседником лирического “я”, потребовался неологизм *трамвайский* ‘(язык,) которым говорят трамваи’, чтобы отличить его от *трамвайный* ‘(язык,) которым говорят в трамваях’ [ТРЕНИН 1991: 123 (примеч.)]: “Французский знаете./Делите./Множите./Склоняете чудно./Ну и склоняйте!/Скажите — /а с домом спеться/можете?/Язык трамвайский вы понимаете?” [МАЯКОВСКИЙ 1957: 282, 87]. Современные сочетания *рыночно-трамвайный*, *кухонно-трамвайный язык* в немногочисленных примерах из интернета имеют пейоративную окраску и подразумевают прежде всего просторечные, жаргонные области обиходного языка. В ученой (или учено-иронической) маскировке (*терминология* вместо *язык*) выражение *трамвайный язык* осталось для собеседника Фасмера нераспознанным.

Наглядной иллюстрацией двуязычия Фасмера может служить его речь 1. 10. 46 на ужине в честь русских (советских) деятелей искусства в “Культурном объединении демократического обновления Германии” (“Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands”¹³) в Берлине. В архиве Фасмера (№ 20) сохранился текст речи, написанный на нескольких листочках в двух версиях — по-русски и по-немецки — как,

¹³ “Kulturbund” был создан в 1945 г. как межзональное культурное объединение; начиная с 1958 г. деятельность его ограничивается рамками советской зоны, а в названии Германия (*Deutschlands*) заменяется на ГДР (*der DDR*).

по-видимому, эта речь и была произнесена. Никаких отклонений от нормы ни в одной из двух версий нет. Во время съезда славистов в Москве (в сентябре 1958 г.) Фасмер пользовался обоими языками и, насколько позволяют судить опубликованные материалы, русским больше, чем немецким. По-немецки он говорил на открытии съезда [Отчет 1960: 44], по-русски — в дискуссии во время работы лингвистической секции [Материалы 1962: 96–97, 437–438] и в заключительной речи на закрытии [Отчет 1960: 98]. В этой последней речи Фасмера примечательно устаревшее обращение “Почтенное собрание!”. Его эпистолярный русский, если судить по единичным русским письмам академического архива, безупречен. Основная часть переписки, однако, ведется по-немецки. Создается впечатление, что к русскому языку Фасмер прибегал только в тех случаях, если считал, что для его корреспондента этот язык более удобен.¹⁴ На протяжении всей своей научной жизни Фасмер старался пользоваться в работе языком той страны, в которой в данное время жил и преподавал.¹⁵ Наиболее долговременным местом работы для него стал Берлин, а основным языком научного труда — немецкий. В работах Фасмера, написанных и изданных в России, в частности, в “Греко-славянских этюдах”, русский язык не свободен от немецких вкраплений, которые носят индивидуальный характер. Вот несколько примеров: “работа этого рода значительно затрудняется в виду отсутствия каких бы то ни было Vorarbeiten [подготовительных исследований]”, “заимствовано в эпоху, когда на греческой почве еще не произошла Lautverschiebung [передвижение звуков]”, “к более поздним и к более серьезным работам Meyer’a о латинских и романских элементах в греческом языке уже написан целый ряд ценных Nachträge [новых работ]” [ФАСМЕР 1909: 390, 399, 401].

Старославянский язык занимал постоянное важное место в преподавательской деятельности Фасмера. В Стокгольме наряду с лекциями по древнерусской литературе, польской исторической фонетике и морфологии он вел и семинары по старославянскому языку [BIRGEGÅRD 2005: 169]. Базовым пособием по предмету для него всегда оставалась книга “Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache” А. Лескина, которую Фасмер ценил за “ясное и компактное изложение” (klare und übersichtliche Darstellung) [VASMER 1957: 49]. Вслед за А. Лескином в немецкоязычных своих работах, в частно-

¹⁴ Так, если В. В. Виноградову Фасмер пишет по-русски (письмо от 5. 11. 1956, № 9), то В. М. Жирмунскому — по-немецки.

¹⁵ Став профессором в Дерпте (Тарту, 1918–1921), он принялся за изучение эстонского и в небольшой срок оказался способным сделать доклад на этом языке; в Швеции он некоторое время брал частные уроки у своей ученицы; доклад о Кирилле и Мефодии (1949) он делал по-шведски.

сти, в словаре и в отдельных заметках по этимологии старославянских слов [см. библиографию в: WOLTNER 1956: 1–22; WOLTNER 1963: 19–21], Фасмер называл старославянский, как правило, *Altbulgarisch* ‘древнеболгарский’, иногда *Altkirchenslavisch* ‘древнецерковнославянский’ и относил это понятие к сравнительно узкому кругу южнославянских памятников,¹⁶ рано отойдя от расширительного понимания в духе Ф. Миклошича.¹⁷ В рецензии на седьмое издание пособия Лескина, написанной для “*Theologische Literaturzeitung*” К. Аланда, Фасмер дает следующее определение старославянского языка: “Древнеболгарский, или древнецерковнославянский, есть основанный на одном из македонско-болгарских диалектов древнейший язык церкви у православных славян, влияние которого в Болгарии, Сербии и России ощутимо до сих пор”.¹⁸ Процитированная рецензия важна в связи с публикуемым текстом, также как источник сведений о том, какие пособия по старославянскому языку ценил Фасмер. Из новой литературы он рекомендует грамматики Н. Ван Вейка, П. Дильса, А. Вайана и В. Вондрака, специально отмечая у последнего “лучшее изложение старославянского синтаксиса” (*die beste Darstellung der altbulgarischen Syntax*). Уезжая в Швецию в конце сентября 1947 г., в чемодане № 1¹⁹ он увозил с собой оба словаря Ф. Миклошича (старославянско-греко-латинский и этимологический славянских языков, соответственно, №№ 1 и 2 в описи) и “*Handbuch*” Лескина (№ 9). В самом конце пребывания в Швеции, 24. 05. 49, в день свв. первоучителей, Фасмер произнес речь о Кирилле и Мефодии. В его бумагах сохранился записанный им на девяти небольших листочках шведский текст речи (Kyrill

¹⁶ Г. Кайперт говорил мне, что такое понимание объема понятия и корпуса текстов унаследовала от Фасмера и его ученица и многолетняя сотрудница М. Вольтнер в курсе старославянского языка, который она вела в Славянском семинаре Боннского университета.

¹⁷ Об изменении своей точки зрения на объем понятия “старославянский язык” Фасмер писал в предисловии к третьей части “Греко-славянских этюдов”. Расширительное понимание он считал недостатком вышедшей двумя годами раньше второй части “Этюдов”: “Старославянский язык там еще понимается точно так же, как его понимал Миклошич при составлении своего *Lexikon Palaeoslovenicum*, включая туда все средне-болгарские, древне-русские и древне-сербские памятники. Эту ошибку, поскольку я мог, я старался исправить в настоящей работе <...>, а по части старославянского языка — в подготовляемой мною статье в «Славянской энциклопедии» [ФАСМЕР 1909: I]. Статья для основанной В. Ягичем “Славянской энциклопедии” в свет не вышла.

¹⁸ “Das Altbulgarische oder Altkirchenslavische ist die auf einem mazedonisch-bulgarischen Dialekt beruhende älteste Kirchensprache der orthodoxen Slaven, deren Einfluß sich in Bulgarien, Serbien und Rußland bis auf den heutigen Tag nachweisen läßt” [VASMER 1957: 49].

¹⁹ При выезде багаж Фасмера должен был пройти строгий контроль, быть описан и опечатан. Собственноручные описи содержимого чемоданов сохранились в бумагах Фасмера (№ 21).

och Methodi) и план-набросок по-немецки (Kyrill und Method, № 58). По содержанию речь имеет общефилологический характер, но в ней есть и отдельные конкретно-лингвистические сведения и примеры,²⁰ что позволяет предполагать скорее профессиональную аудиторию.

По какому бы поводу ни был написан публикуемый текст, перед нами род ученого упражнения, хотя бы потому, что это текст на мертвом языке. В этом смысле текст Фасмера схож с такими опытами, как изготовленный Лескином старославянский вариант солдатской “песни фузилера Кучке” времен франко-прусской войны [см. Кеирерт 1993]. Фасмеровский текст, однако, никак нельзя назвать ученой шуткой, он серьезен.

Жанр текста с известной условностью можно обозначить как псалом. Начальное хваление характерно для целого ряда псалмов, ср. Пс. 100: 1–2 “Милость и суд воспою тебе, Господи. Пою и разумею в пути непорочне”; 103: 33 “Воспою Господеви в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь”; 137: 1 “Исповемя тебе, Господи, всем сердцем моим и пред Ангелы воспою Тебе”; 145: 1–2 “Хвали, душе моя, Господа. Восхвалю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь” и др. (см. Пс. 65: 2; 95: 2; 104: 2; 112: 1; 134: 3; 149: 1). Приведенный перечень параллелей, хотя и помогает подойти к жанру публикуемого текста, убеждает, однако, в том, что прямую цитату из церковнославянской Псалтыри (или другого обиходного текста) в его начальной фразе усмотреть трудно (наиболее близко Пс. 145: 2 “пою Богу моему”). Несколько ближе текст Фасмера оказывается немецкому переводу, принятому в протестантской церкви Германии при жизни Фасмера. Вот те же цитаты в тогдашнем виде лютеровского перевода (нумерация согласно протестантской Библии): Ps. 101: 1: “Von Gnade und Recht will ich singen/und dir, Herr, Lob sagen”; 104: 33: “Ich will dem Herrn singen mein Leben lang/und meinen Gott loben, solange ich bin”; 138: 1: “Ich danke dir von ganzem Herzen,/vor den Göttern will ich dir lobsingen”; 146: 1–2: “Halleluja! Lobe den Herrn, meine Seele! Ich will den Herrn loben, solange ich lebe,/und meinem Gott lobsingen, solange ich hier bin” [DIE BIBEL 1925]. Но еще больше сходства с основанными, как правило, на библейских текстах гимнами протестантского богослужения, в частности, с так называемыми гимнами славы и благодарения (Lob- und Dankliedern), в основе которых обычно лежат тексты Псалтыри. Как бы в ответ на призыв псалмопевца (singet ‘пойте’, lobet ‘хвалите’), эти гимны содержат презенс ‘пою’

²⁰ Так, говоря о том, что древнейший литературный язык славян был болгарский, Фасмер приводит ряд аргументов фонетического характера: “Wir wissen heute, dass diese älteste slavische Literatursprache das Bulgarische war (Beweise št, žd, ě = ä u. a.)” (Bl. 1; шведский текст Bl. 2).

(1 л. ед. ich singe) или ‘мы поем (хвалу) тебе’, ‘тебя благодарим’ (1 мн. ч. *wir singen dir, wir danken dir, dich loben wir* или безл. *man lobt dich*). Вот несколько примеров:²¹

*Ich singe dir mit Herz und Mund,/Herr, meines Herzens
Lust!/Ich sing und mach auf Erden kund,/Was mir von dir be-
wußt. — Ich weiß, daß du der Brunn der Gnad/Und ewge Quelle
seist,/Daraus uns allen früh und spat Viel Heil und Gutes fleußt*
(П. Герхардт, на Пс. 34: 9);

*Ich preise deine Güte/Mit dankbarem Gemüthe/Für diese
Wunderschaar;/Ich rühme deine Rechte/Für diese deine Knech-
te,/Die mich beschirmen vor Gefahr* (из переложения гимна
Б. Шмолька);

Man lobt dich in der Stille,/Du hoherhabner Zions-Gott!
(И. Рист);

Herr Gott, Dich loben wir (М. Лютер, немецкая версия *Te Deum
laudamus*);

*Herr Gott, dich loben wir,/Wir preisen deine Güte,/Wir rühmen
deine Macht/Mit herzlichen Gemüthe* (И. Франк, на Пс. 9: 2–3)
[GESANGBUCH 1910: 15, 11, 18, 11, 14].

Обычны для гимна такого рода и темы: благодарение, за которым следует перечисление чудес и даров, за которые автор благодарит. Заключительное *аминь* могло бы, казалось, дать основание видеть в тексте Фасмера молитву, но от этого удерживает прежде всего отсутствие такого необходимого для молитвы элемента, как обращение к Богу. В то же время скрепляющим *аминь* обычно завершается пение каждого гимна в лютеранской церкви. Сходство фасмеровского псалма с этим родом текстов проявляется и в дате, которая сообщается в конце и подчеркивает авторский характер сочинения, приуроченного к определенному моменту. Сходным образом гимны в протестантском молитвеннике обычно снабжаются указанием на автора и (так как дата создания обычно неизвестна) на дату его смерти. Авторами гимнов, процитированных выше, были, кроме основателя традиции протестантского церковного гимна М. Лютера, Пауль Герхардт (1607–1676), Беньямин Шмольк (1672–1737), Иоганн Франк (1618–1677). Современные гимны лютеранской церкви восходят к традиции внецерковных духовных песнопений, которые пелись в праздник, на погребении, во время военного похода, паломничества или морского путешествия. В этом ряду оказывается и псалом Фасмера, в котором он, очевидно, прощаясь

²¹ Тексты цитируются в орфографии издания с добавлением деления на строки (с помощью знака/).

со Швецией и готовясь вернуться в Берлин, приносит Богу благодарение. Таким образом, церковнославянский по языку, по жанру текст Фасмера оказывается сходным с лютеранским церковным гимном. Придавая своему тексту эту привычную для него как для практикующего протестанта²² форму выражения, Фасмер по какой-то причине прибегает к языку, который не был для него языком личного благочестия, но был частью его профессионального знания. Это обстоятельство заставляет думать, что вряд ли этот текст писался для себя, скорее он был адресован тем, кто был способен читать и понимать по-старославянски — коллегам Фасмера.

По языку текст Фасмера не похож ни на старославянскую “обманку”, ни на стилизацию. Графика псалма — смешанная: русская письменная XX в. в сочетании с буквами церковнославянской кириллицы. Совпадающие буквы старославянской и современной русской графики берутся в современном своем облике (в том числе *ы*) — обычная стратегия при беглом письме в профессиональном обиходе слависта. Признаков модернизации (например, “и краткого”) нет. В орфографии и морфологии ориентиром для автора служит норма старославянского языка. Об этом говорят такие явления, как использование йотированных букв (юсов и *е*), этимологическое употребление юсов (о *съ законьобрачьнѣжъ сѣпрѣжъ* вместо *съ законьобрачьноѣжъ сѣпрѣжгоѣжъ* см. ниже комментарий), редуцированных (кроме пропуска в окончании 3 мн. [поѣжт]²³ и в *оузьрѣти* после *з*) и *ѣ*, южнославянская последовательность в сочетаниях с плавным (*плѣнѣжъ*, *плѣтьными*), форма двойственного числа (отвергнутое [въздакв]), нестяженные формы прилагательных (*плѣтьными* и *доуховьными*). В лексике Фасмер чуть более свободен: оставаясь в целом в рамках церковнославянского языка, он не всегда педантично следует лексикону старославянского корпуса текстов. Хотя прямых образцов жанра в славянской письменности и православном обиходе текст не обнаруживает, сам избранный автором язык несет с собой определенные модели сочетаемости — в псалме используются такие частые в церковнославянских текстах клише, как *воздаяти славу*, *воздаяти хвалу*, *недостойна раба*, *причастна мя сътвори*, *избави мя от гибели*, *въ лето по коньчине* и др. В более крупных единицах синтаксиса в большей степени проявляется сконструированный характер текста. Перейду к более подробному комментарию.

²² С 1933 г. Фасмер принадлежал Церкви Исповедания (Bekennende Kirche) [Вотт 2009: 55] — той части протестантской церкви в Германии, которая начиная с 1934 г. открыто противопоставила себя национал-социалистическому режиму.

²³ Написание [поѣжт] непоказательно, так как слово могло остаться недописанным.

хвалѣ... Господевѣ — следов работы над текстом больше всего в начале псалма. Фасмер сомневался в самой конструкции (*поѣж/поѣжт* оуста моѣ), в глаголе (*поѣж* или *възд<аю>*), в выборе числа — начатая было и затем зачеркнутая форма двойственного числа (*въздакв<ѣ>*) должна была относиться, очевидно, к Фасмеру и его жене Эльзе; форма множественного числа (*поѣм<ѣ>*) также была отвергнута.

хвалѣ... и славѣ — судя по изменению порядка слов, Фасмеру был важен ритм фразы.

да сподоби мѧ... и избави мѧ — Фасмер использует правильную, хотя и не очень распространенную в старославянских текстах и не употребительную в современном обиходном церковнославянском конструкции. Однородные сказуемые *сподоби... сътвори... избави* следует понимать как формы аориста 2 ед. Союз *да* в сочетании с аористом может принимать на себя роль показателя определенной логической связи между двумя синтаксическими единствами [Вайан 1952: 399]. В данном контексте *да* выступает в значении соотносительного причинно-следственного союза ‘(за то,) что’ (при том, что собственно причинное значение обычно выражается союзом *яко*). В синтаксическом разделе своей грамматики старославянского языка Вондрак иллюстрирует сходное *да* (считая его “скорее каузальным”) цитатой из Пс. 113: 5, посвященного переходу через Красное море: *что ты естъ море, да побѣже, и ты иерданѣ, да възврати сѧ въспѣть* (Что с тобою, море, что ты побежало, и [с тобою], Иордан, что ты обратился назад) [VONDRAK 1912: 628]. В лютеровском переводе здесь используется конструкция “*daß* + прошедшее время (претеритум)”: “Was war mit dir, du Meer, *daß* du flohest, / und mit dir, Jordan, *daß* du dich zurückwandtest?” В лютеранских гимнах аналогичный конструкции “*да* + аорист” оборот “*daß* + прошедшее время” встречается нередко, причем многозначный, как и *да*, союз *daß* выступает в них именно в значении ‘за то, что’, ср. в одном из гимнов пасхального времени: “Gelobt, gelobt sei Jesus Christ, / *Daß* er vom Tod *erstanden* ist!” или особенно в одном из рождественских гимнов (на Пс. 68: 5): “Wir singen dir mit deinem Heer / Aus aller Kraft Lob, Preis und Ehr, / *Daß* du, o längst gewünschter Gast, / *Dich* nunmehr *eingestellet* hast” [GESANGBUCH 1910: 147, 105].

С точки зрения церковнославянского узуса более привычной в контексте фасмеровского псалма была бы конструкция “*яко сподобил мя еси* + инфинитив”. В старославянских текстах такие формы аориста 2 ед. часто (особенно у глаголов на *-ити*) заменяются перфектной перифразой [Вайан 1952: 382]. Форма аориста 2 ед. от *сподобити* в старославянском языке не засвидетельствована [AITZETMÜLLER 1977: 611], а

в Супрасльской рукописи и в более поздних церковнославянских текстах она обычно заменяется на *съподобилъ еси*. Так, в Супрасльской рукописи (Житие Кодрата) читается следующая молитва: **слава тебѣ вѣже ги ісхѣ. іако и мене грѣшнаго и недостойнаго съподобилъ еси. имене твоего ради се вѣсе пострадати** [Заимов, Капалдо 1982: 225]. Ср. в русской обиходной благодарственной молитве после причащения: “Благодарю Тя, Господи Боже мой, *яко* не отринул мя еси грешнаго, но общника мя быти святынь Твоих *сподобил еси*. Благодарю Тя, *яко* мене недостойнаго причаститися пречистых Твоих и небесных Даров *сподобил еси*” [Молитвослов и Псалтирь 1988: 86]. Единичное употребление *да* в начале конструкции автор счел достаточным, зачеркнув второе *да* в *да причастьна мѧ сътвори*.

кжнѣли ѡѣльбѣнѣи — исправление из *кжнѣли кзерьныѧ* имеет два слоя: сначала было исправлено окончание — оно надписано на некотором расстоянии от *ѡѣльбѣнѣи*. Обе конструкции (“*причастьна мѧ сътвори* + Р./Д.”) в церковнославянском возможны. Продолжив фразу, Фасмер еще раз использовал прилагательное *кзерьныѧ*, и поэтому вернулся к сочетанию *кжнѣли* [*кзерьнѣи*] *ѣи*, исправив теперь и основу. Слово *кжнѣль* известно в текстах как в значении ‘купанье’ (тж. в переносном смысле), так и в значении ‘водоем’, но у Миклошича только как ‘место купания’ (*locus natationis*) [SJS II 2006; Miklosich 1862–1865: 329]. В данном контексте *кжнѣль* ‘целебное купанье’ предпочтительно (‘целебный водоем’ можно было бы понять только в метонимическом смысле), тем более что синтаксический и смысловой параллелизм “рифмующихся” конструкций *причастьна мѧ сътвори кжнѣли ѡѣльбѣнѣи* и *избави мѧ отъ гибѣли въ пжчинѣ кзерьнѣи* также говорит скорее в пользу толкования существительного *кжнѣль* как *poimen actionis*. Биографический фон первой части фразы прозрачен — имеется в виду излечение болезни глаз (см. ниже биографический комментарий). Первоначальный выбор определения *кзерьныѧ* позволяет догадываться о том, что лечение было водным (возможно, на целебных источниках, которыми славится Швеция).

избави мѧ... кзерьнѣи — сочетание *въ пжчинѣ кзерьнѣи* необычно для церковнославянского употребления; в текстах *пжчина* (если вообще имеет “водное” определение) обычно сочетается с прилагательным *морская* [СлРЯ 11–17 вв. 21: 71]. Однако авторскому выбору определения нет оснований не доверять, речь, очевидно, идет об избежании гибели в глубоком озере. Это упоминание также, по всей вероятности, имеет под собой реальную основу. Со слов Франка Зигманна, ассистента Фасмера в период его работы в берлинском

Свободном университете, Ю. Плен рассказывал мне, что Фасмер был известен не только как хороший футболист, но и как любитель плавания. В Берлине он почти ежедневно ходил в бассейн.²⁴ В письме к Г. Грюнлер²⁵ из Стокгольма от 10. 07. 48 г. (№ 77) Фасмер писал:

“Тут у нас уже давно идут каникулы, но отдыхать мы никуда не поехали. О таких вещах здесь нужно заботиться заранее, уже в мае, иначе ничего не получишь, тем более что мы надеемся летом быть в Берлине. Поэтому сидим в каменных стенах, без балкона, гораздо хуже, чем в Николас-зее.²⁶ По праздникам выезжаем за город, где очень красиво и можно чудесно плавать. В прошлое воскресенье я плавал в Залтсбаден,²⁷ а моя жена смотрела с берега”.²⁸

съ законьнѡбращѣнѣжъ сѣпрѣжъ — в прилагательном Фасмер использует форму Т. = В., вариантную по отношению к форме Т. -*оѣжъ*. В старославянских памятниках отмечается колебание между этими двумя формами, что отражается в пособиях по старославянскому языку.²⁹ Чаше, чем в других памятниках, форма, использованная Фасмером, встречается в Супрасльской рукописи [LESKIEN 1969: 106]; Вондрак приводит примеры также из Синайской псалтыри [VONDRÁK 1912: 410–411]. Выбирая эту форму в качестве стандартной, Фасмер согласен, таким образом, с Лескином и Вайаном. Что касается замены Т. формой В. в окончании существительного ж.р. а-склонения (*съ... сѣпрѣжъ* вместо *съ... сѣпрѣжѡѣжъ*), то это явление также известно старославянским текстам и также в наибольшей степени Супрасльской рукописи.³⁰ Возможно,

²⁴ О некоторых чертах Фасмера как преподавателя и как личности см. также [SIEGMANN s. d., 23–27].

²⁵ Гильдегард Грюнлер (Hildegard Grünler,?) — в то время, к которому относится цитируемое письмо, секретарь Славянского института Берлинского университета на Унтер-ден-Линден.

²⁶ *Николас-зее* (Nikolassee) — возникший на рубеже XIX–XX вв. зеленый, застроенный частными домами район на юго-западе Берлина, где жили Фасмеры (Teutonenstrasse 4, Libellenstrasse 2) и где оба они похоронены на кладбище тамошней лютеранской церкви.

²⁷ *Залтсбаден* (Saltsjöbaden) — курортное место под Стокгольмом на берегу Балтийского моря.

²⁸ “Wir haben hier schon längere Zeit Ferien, sind aber nicht in die Sommerfrische gegangen, weil man hier so etwas sehr früh im Mai regeln muss u<nd> sonst nichts bekommt u<nd> wir hoffen ja im Sommer in Berlin zu sein. So sitzen wir, viel schlechter als in Nikolassee, ohne Balkon zwischen steinernen Wänden und fahren an Feiertagen in die schöne Umgegend, wo wir wundervoll schwimmen können. Letzten Sonntag bin ich in Saltsjöbaden geschwommen u<nd> meine Frau hat zugesehen”.

²⁹ См.: [ВАЙАН 1952: 145, 148 (только -*жѣжъ*); AITZETMÜLLER 1991: 130 (только -*оѣжъ*); LESKIEN 1969: 102 (-*жѣжъ*, вар. -*оѣжъ*); ХАБУРГАЕВ 1986: 169 (-*оѣжъ*, вар. -*жѣжъ*)].

³⁰ [LESKIEN 1969: 79–80; ВАЙАН 1952: 69, 118].

Фасмер лучше знал этот текст.³¹ Можно предполагать также элемент стилизации.

въ кжитѣ — выбор слова мог быть продиктован стремлением придать тексту “древний колорит”: нейтральное базовое слово *домъ*, которое есть и в русском, и в церковнославянском на всем протяжении его истории, заменяется на специфически церковнославянское (в данном звуковом оформлении) *кжита* в значении ‘дом’.³² Возможно, известную роль в выборе слова играли соображения ритма. Думаю, что имеется в виду дом немецких психологов-эмигрантов Давида и Розы Катц, у которых Фасмер регулярно бывал во время пребывания в Стокгольме. См. об этом ниже биографический комментарий.

гостеприимства — слово *гостеприимство* отсутствует в исторических словарях. В то же время в них можно найти другие способы выражения соответствующего понятия: *гостолубьство*, *гостолубивьство* [Миклошич 1862–1865: 139], *гостиньноприимство*, *гостолубик* [СДРЯ I: 372]. С уверенностью можно говорить только о том, что слово *гостеприимство* не встречается в старославянских текстах и потому не фиксируется в “Словаре старославянского языка”. Отсутствие его в других исторических словарях (Срезневского, Миклошича, “Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)”, “Словаре русского языка XI–XVII вв.”) менее показательно из-за неизбежной неполноты их данных. Наиболее ранний отмеченный лексикографами контекст взят из сатиры А. Кантемира [СлРЯ XVIII в. 5: 194]. В. В. Виноградов [1999: 973, 1024] предположительно включал *гостеприимство* в ряд слов, которые были “занесены в русский литературный язык” “волной второго южнославянского влияния”. Будучи в тексте Фасмера, с точки зрения старославянского узуса, анахронизмом, слово *гостеприимство*, однако, очевидным образом связано с греч. *ξενοδοχία* и построено по продуктивной модели, распространенной в старославянских текстах [Цейтлин 1986: 176–190]. Фасмер, как кажется, не стремился искусственно ограничить

³¹ Своему ученику *Герберту Бройеру* (Herbert Bräuer, 1921–1989), которого Фасмер очень ценил, еще до Швеции он дал тему “Агены в пассивных конструкциях” для разработки на материале Супрасльской рукописи. Впоследствии из этого развилась рекомендованная Фасмером к печати работа [Bräuer 1952]. Г. Бройер был следующим после В. Кипарского наследником Фасмера на его кафедре в Институте Восточной Европы Свободного университета (1964–1975). Вместе с М. Вольгтер он продолжил издание “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, организовал завершение и посмертно издал труды Фасмера “*Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*” (Bd. I–II, Berlin, Wiesbaden, 1971) и “*Russisches geographisches Namenbuch*” (Wiesbaden, 1964–1989), см. о нем: [BRANG, KEIPERT 1990; KÜRSCHNER 1994: 95–96].

³² [Миклошич 1862–1865: 329; SJS II 99; СРЕЗНЕВСКИЙ II 1384–1385; СДРЯ IV 342, где только ‘шалаш, хижина’; СлРЯ XI–XVII вв. 8: 153–154].

возможности выражения в своем псалме лексикой старославянского канона, но ему было важно, чтобы слово имело корректный с точки зрения этимологии и словообразования вид. В отношении выбора слова ср. обычную для Фасмера формулу благодарности за гостеприимство в позднейшем письме гетеборгскому коллеге Г. Якобссону (от 16. 10. 56, № 9), написанном после возвращения из поездки по Скандинавии с докладами: "... die in Ihrem Hause genossene Gastfreundschaft nicht vergessen werden" (мы не забудем удовольствия, полученного в Вашем гостеприимном доме, букв. "... гостеприимства, которое доставило нам удовольствие в Вашем доме"). Ср. также в русской речи Фасмера (из речи на закрытии московского съезда славистов): "От имени западногерманских славистов разрешите мне поблагодарить господина Председателя и Организационный комитет за любезное приглашение на Съезд и за оказанное нам обычное московское гостеприимство" [Отчет 1969: 98].

[и] — автор постарался избежать повторения союза.

дары плътными и доуховными (вместо *тѣле<сными>*) — Фасмер ищет эквивалент для 'дары материальные и духовные', и, из какого бы эквивалента цсл. *тѣле<сныи>* он ни исходил — русского ли *телесный*, немецкого ли *körperlich* — они равным образом слишком очевидно связаны с человеческим телом и не удовлетворяют тому более обобщенному значению материального, которое требуется в данном контексте. Кроме того, сочетание *дары телесные* не узуально в старо- и церковнославянской письменности.

въ лѣто ѿ — возможно, поначалу автор хотел поставить цифровое определение в конце фразы, но, может быть, он просто пропустил его и вписал, еще не завершив фразы.

анѣтихристовѣ — в словарях [СРЕЗНЕВСКИЙ I 25; СДРЯ I 89; СЛРЯ XI–XVII вв. 1: 40] лемма *антихристъ* обычно фигурирует в написании без редуцированного, ориентированном на греческий образец *ἀντίχριστος*. Так и у Фасмера в "Греко-славянских этюдах" со ссылкой на "Материалы" Срезневского [ФАСМЕР 1909: 32]. Во втором выпуске "Греко-славянских этюдов", специально посвященном заимствованиям из греческого в старославянском языке [ФАСМЕР 1907], слово *антихристъ* отсутствует. В словаре Фасмера в соответствующей статье церковнославянское слово не приводится, указывается только (также со ссылкой на Срезневского), что в древнерусском оно встречается часто [VASMER 1953: 19; ФАСМЕР 1986: 80]. Написание с редуцированным после *ан-* — *анѣтихристъ* — встретилось, однако, у Миклошича, где приведен пример *анѣтихристъ* из сербского Шишатовачкого апостола XIII в. [MIKLOSICH 1862–1865]

Биографический контекст:

“Шведское сидение” М. Фасмера (1947–1949)

Ориентировочная дата создания публикуемого текста содержится в его последней фразе: “В лето четвертое по кончине Антихристове”. Четвертый год со смерти Гитлера (30. 04. 1945) шел в 1948 г. Весной этого года Фасмер переживал один из самых сложных моментов в своей жизни, когда во время пребывания в Швеции ему была предложена профессура в Стокгольме и он стоял перед выбором — согласиться и остаться в Швеции или вернуться в Берлин, в котором вот-вот начнется блокада 1948–1949 гг. Определенное представление об этом периоде дают приводимые ниже материалы академического архива Фасмера (его переписки, личных документов) и опубликованные свидетельства его ближайших коллег.

Предыстория

В 1925–1948 гг. М. Фасмер был единственным профессором и одновременно главой Славянского института Берлинского университета им. Фридриха-Вильгельма (Friedrich-Wilhelms-Universität). 20 января 1946 г. университет, помещения которого на Унтер-ден-Линден оказались на территории советского сектора Берлина, был реорганизован и в 1949 году получил свое нынешнее название — Берлинский университет им. А. и В. Гумбольдтов (Humboldt-Universität zu Berlin). Советская военная администрация настаивала на том, чтобы речь шла не о возобновлении деятельности прежнего университета, который в таком случае поступил бы под контроль всех четырех союзных держав, а чтобы университет был открыт заново и был бы поэтому подконтролен исключительно властям советской зоны оккупации.

Неофициальное приглашение Фасмеру в Стокгольмский университет пришло уже в августе 1946 г. через представительство шведского Красного Креста в Гамбурге (имевшего функции неофициального консульства Швеции в британской зоне оккупации). В письме от 12. 08. 46 Фасмеру было передано приглашение “в течение некоторого времени читать лекции в университете, а также, возможно, временно занять место профессора по славянским языкам” (№ 77). Несколько месяцев спустя, 27 марта 1947 г., поступило официальное приглашение. Однако, так как разрешение на выезд заставляло себя ждать, Фасмер еще до конца летнего семестра (до конца сентября) 1947 г. выполнял обязанности профессора в Берлинском университете [VASMER 1982/1960: 16]. В июне 1947 г. он сообщает польскому коллеге К. Нит-

шу, что получил приглашение в Вену, однако не решается согласиться [URBAŃCZYK 1986: 394].³³ Фасмер выбрал Стокгольм.

У него были веские основания принять приглашение шведов. Во время войны вплоть до падения Берлина Фасмер продолжал интенсивно работать в университете, редактировать основанный им журнал “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, составлять ежегодные отчеты Славянской академической комиссии, работать над русским этимологическим словарем. Конец войны принес тяжелые потери. Два полностью подготовленных тома основанной им серии публикаций Института (*Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin*) погибли при бомбардировке во время штурма Берлина, а еще раньше, 30 января 1944 г., фугасная бомба попала в квартиру Фасмеров. В пожаре погибла почти вся его домашняя рабочая библиотека (спасти удалось только собрание русских гидронимов) и с нею — картотека словаря и рукописи начатых работ.³⁴ Фасмер сразу же начал собирать библиотеку заново, ездил в другие города, разыскивая нужные книги, но словарь и тем самым дело, которое Фасмер считал для себя главным в науке [VASMER 1953: IX], оказалось под угрозой. Точнее, чем кто бы то ни было, об этой драматичной ситуации говорит в предисловии к словарю сам Фасмер. Так как интересующий нас пассаж в русских изданиях словаря (1964–1973 и 1986–1987) был подвергнут цензуре, привожу его, восполняя лакуны:

“Когда значительная часть словаря уже была подготовлена, попадание бомбы (январь 1944 г.) лишило меня не только этой и других рукописей, но и всей моей библиотеки. Вскоре мне стало ясно, что после войны я должен сосредоточить все силы

³³ *Казимеж Нитш* (Kazimierz Nitsch, 1874–1958) — польский славист, диалектолог, многолетний корреспондент Фасмера. Во время оккупации Кракова К. Нитш и его ученик С. Урбанчик благодаря ходатайству Фасмера смогли получить работу в бывшей университетской библиотеке, см.: [URBAŃCZYK 1981: 726].

³⁴ В 1980-е гг. ученик Фасмера балканолог *Норберт Рейтер* (Norbert Reiter, 1928–2009), тогдашний директор института Восточной Европы Свободного университета, передавал рассказ об этом трагическом дне так: “У Фасмера была богатая, тщательно подобранная домашняя филологическая библиотека, которой он очень гордился. Когда однажды после бомбежки он вернулся из подвала в изрядно разрушенную квартиру, он в первую очередь беспокоился о книгах. Книги, как ему показалось, слава Богу, не пострадали; ровными рядами они стояли на своих местах. Но при первом прикосновении они рассыпались в прах” (Vasmer hatte eine wohl assortierte und reiche Fachbibliothek zu Hause, auf die er sehr stolz war. Als er einmal nach einem Bombenangriff aus dem Keller in die reichlich demolierte Wohnung zurückkam, galt seine erste Sorge den Büchern. Sie schienen — Gott sei Dank — verschont geblieben zu sein; denn da standen sie ja noch, wie vorher, in Reih und Glied. Als er hinging und sie berührte, zerfielen sie zu Staub und Asche) [REITER 1987: 45]. О Н. Рейтере см.: [SCHUBERT 2010: 147]. Сходным образом рассказывала об этом ученица Фасмера Маргарете Вольнер (см. примеч. 35), но в ее рассказе в пыль в руках Фасмера превратились не книги, а карточки для словаря (сообщено П. Брангом).

на словаре, если вообще продолжать работу по намеченному плану. Картотека погибла, но я мог рассчитывать на богатое собрание книг Берлинского славянского института”.

Далее вместо фразы “Но, к сожалению, после 1945 г. я не имею возможности пользоваться этой библиотекой”, которая содержится в русских изданиях, должно быть примерно следующее:

“Но, к сожалению, и это собрание, которое, благодаря жертвенным усилиям моих сотрудниц проф. д-ра М. Вольтнер и д-ра И. Хольцварт-Яблоновски,³⁵ по счастью, пережило войну, в 1945 г. было у Института почти целиком отобрано,³⁶ и сейчас, когда я пишу это предисловие, я уже не имею возможности располагать тем институтом, который, по дальновидному решению прусского министра образования К. Г. Беккера, в 1925 г. был основан под моим руководством”.³⁷

³⁵ *Маргарете Вольтнер* (Margarete Woltner, 1897–1985) — ближайшая сотрудница Фасмера по работе в Славянском институте с момента его основания до отъезда Фасмера в Швецию. Во время отсутствия Фасмера в 1947–49 гг. М. Вольтнер приняла на себя руководство Институтом, большую преподавательскую нагрузку при вдвесьтеро выросшем числе студентов и издание “*Zeitschrift für slavische Philologie*”. В 1950 г. она ушла из университета им. Гумбольдтов (документацию ухода и комментарий из “восточнонемецкой” идеологической перспективы см. в: [KRAUSE 1989: 166–169]; ср.: [Вотт 2002]) и в дальнейшем жила и работала в Западной Германии, сначала в Майнце, а с 1953 г. — в Бонне. См. о ней: [BRANG, BRÄUER 1986; SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993: 448–449; ZUR ERINNERUNG 1998: 1–2]. *Ирене Хольцварт-Яблоновски* (1917–?) — с 1943 г. преподаватель (в частности, старославянского) в Славянском институте и сотрудница “*Zeitschrift für slavische Philologie*”. Летом 1949 г. И. Хольцварт-Яблоновски, как и ее муж, преподаватель Института историк Хорст Яблоновски (1914–1970) уйдут вслед за Фасмером, чтобы вскоре вновь стать его сотрудниками в Свободном университете Западного Берлина [KRAUSE 1989: 166], см. о событиях 1949 г. ниже.

³⁶ Ср. в письме слависту *Альфреду Раммельмейеру* (Alfred Rammelmeyer, 1909–1995) от 3. 01. 47 (№ 21): “Наш Семинар мы уже немного привели в порядок, но очень не хватает справочной литературы, которую у нас отняли” (Unser Seminar haben wir nun etwas geordnet, vermissen aber besonders die uns geraubten Nachschlagewerke). А. Раммельмейер, происходивший, как и Фасмер, из семьи российских немцев (см. [Rammelmeyer 2010]), в 1935 г. защитил у Фасмера в Берлине диссертацию “*Studien zur Geschichte der russischen Fabel des 18. Jh.*” (Очерки из истории русской басни XVIII в.) (Leipzig, 1938). Именно Фасмер обратил внимание своего ученика на русскую “формальную школу”, что сыграло важную роль в дальнейших исследованиях А. Раммельмейера и его учеников в области жанров славянских литератур [Rothne 2003: 131–132; <http://www.deutsche-biographie.de/pnd118748971.html> (литература)]. В то время, к которому относится цитируемое письмо, А. Раммельмейер налаживал работу славистического семинара в Киле, где в 1948 г. он стал первым профессором, см.: [Dyowski 1987: 99–101].

³⁷ “Leider wurden auch diese 1945, nachdem sie dank der Aufopferung meiner Mitarbeiter Prof. Dr. M. Woltner und Dr. I. Holzwarth-Jablonowski den Krieg glücklich überstanden hatten, dem Institut zum großen Teil entzogen, und während der Niederschrift dieses Vorwortes habe ich nicht mehr die Möglichkeit, das durch den Weitblick des Preußischen Kultusministers C. H. Becker 1925 unter meiner Leitung begründete Institut zu benutzen” [VASMER 1953: IX]; об основании Славянского института см.: [Вотт 1999: 158–161].

Продолжаю цитату по переводу О. Н. Трубачева:

“В этих условиях работа не могла получиться такой, какой я представлял ее себе в молодости. Она основана на выписках, которые я собирал в голодные 1945–1947 гг. в запустевших [точнее: разграбленных (*ausgeplünderten*). — М. Б.] берлинских библиотеках и позднее, во время моих двухлетних занятий в библиотеках Стокгольма (1947–1949 гг.)” [ФАСМЕР 1964: 11; ФАСМЕР 1986: 11].

Прерывая рассказ, нельзя не сказать о том, что в русской версии словаря Фасмера есть и другие купюры и замены. Так, в списке коллег, которых Фасмер в предисловии благодарит за помощь, отсутствуют имена датского германиста Л. Хаммериха (L. Hammerich) и финского лингвиста Э. Эманна (E. Öhmann); известная немецкая славистка, ученица Фасмера Гильдегард Шрёдер³⁸ фигурирует здесь в мужском роде (“Х. Шредеру”). Каждое из этих имен для автора словаря значимо. Кроме того, в предисловии Фасмер ничего не говорит об СССР, когда объясняет, почему он использует старые географические названия (у него речь идет о “современной ситуации”, “современном положении вещей”, “*moderner Verhältnisse*”), зато список названий в оригинале длиннее, чем в русском переводе.³⁹ Цензуре было подвергнуто не только предисловие Фасмера. В русских изданиях сняты также статьи о словах *блядь*, *ебать*, *пизда*, *пизделяннуть*, *хуй*, которые были сочтены “предметом рассмотрения лишь узких научных кругов” [ФАСМЕР 1986: 6].⁴⁰ Снято, наконец, посвящение Словаря памяти отца и брата автора: “Памяти моего отца, купца из Альтоны Рихарда Фасмера (1853–1924) и моего брата, петербургского востоковеда Рихарда Фасмера (1888–1938)”.⁴¹ Брат Фасмера, Рихард (Роман Романович, Ричард Ричардович) Фасмер, востоковед, хранитель Отдела нумизматики Эрмитажа, в 1934 г. был аре-

³⁸ Гильдегард Шрёдер (Hildegard Schroeder, 1914–1978) — исследователь истории славянских литератур. В 1943 г. под руководством Фасмера она защитила диссертацию о теоретике польского романтизма Мауриции Мохнацком. Диссертацией Г. Шрёдер Фасмер открыл основанную им серию публикаций Славянского семинара Свободного университета и написал к этой книге предисловие [SCHROEDER 1953]; о личности Г. Шрёдер в период работы над диссертацией в библиотеках оккупированного Кракова см.: [URBAŃCZYK 1981]. Во время идеологической перетряски немецких университетов в 1947 г. Фасмер много хлопотал за Г. Шрёдер. Позднее (с 1964 г.) она возглавит славистику в Базеле, см.: [AEGERTER 1998: 56–58; BRANG, AEGERTER 2005: 140].

³⁹ Ср. [ФАСМЕР 1964: 12; VASMER 1953: X].

⁴⁰ О позиции О. Н. Трубачева в этом вопросе см.: [ТРУБАЧЕВ 1960]; ср. об этом: [УСПЕНСКИЙ 1994].

⁴¹ “Dem Andenken meines Vaters, des Altonaer Kaufmannes Richard Vasmer (1853–1924) und meines Bruders, des Orientalisten Richard Vasmer in Petersburg (1888–1938)”. Снятое посвящение отметил тж. блогер fad_gel (см.: http://community.livejournal.com/essja_ru/7206.html).

стован по делу “Российская национальная партия” (“делу славистов”), осужден на 10 лет лагерей и умер в лагере в Ташкенте.⁴² Посвящение как поклон Фасмера своим немецким корням было неудобно именами и датами и плохо укладывалось в образ “нашего” Максимилиана Романовича, который хотелось создать выпускающей группе, в частности, О.Н. Трубачеву.⁴³ Снятие посвящения, как и купюры в предисловии, никак не оговорены в издании.⁴⁴ Такое обращение с текстом оригинала было бы невозможно, если бы “русский Фасмер” был в правовом отношении вполне легальным изданием. Однако, насколько известно, гейдельбергское издательство “Карл Винтер” (Carl Winter), выпустившее в свет немецкий оригинал фасмеровского труда, в тогдашних условиях не имело возможности влиять на русскую версию.

Отъезд стал возможен только осенью. В открытке К. Нитшу от 23 сентября 1947 г. Фасмер пишет, что в Швеции он надеется найти более спокойные условия для работы [URBAŃCZYK 1986: 394–395].⁴⁵ Ситуация в университете была неблагоприятной. Фасмер и его сотрудники испытывали давление со стороны администрации советской оккупационной зоны и ее людей в стенах университета. В 1946–47 гг. он постоянно пишет отзывы о коллегах, попавших под угрозу увольнения в ходе чисток в высшей школе. Болезнь глаз, развившаяся от авитаминоза, была серьезным препятствием в работе над словарем и над журналом. Все это побуждало Фасмера согласиться на приглашение шведов. Н. Рейтер рассказывает об обстоятельствах этого времени так:

“Вместе с библиотекой добычей пламени стала и его к тому времени уже обширная картотека для русского этимологического словаря. Это обстоятельство, а также тяжелые условия жизни в первое послевоенное время — Фасмер часто рассказывал, как он ходил собирать крапиву — побудили его принять приглашение Стокгольмского университета. Там он надеялся заново начать работу над этимологическим словарем русского языка”.⁴⁶

⁴² [Ашнин, Алпатов 1994: 206, тж. по указателю, вне указателя фото на с. 279]; см. тж.: [Васильков, Сорокина 2003: 386–387; Благово 2006: 629–630].

⁴³ См. послесловие О.Н. Трубачева ко второму изданию русской версии словаря: [ФАСМЕР 1986: 565–566].

⁴⁴ О купюрах советского времени не упоминается, к сожалению, и в относительно недавнем очерке жизни и трудов Фасмера в библиографическом словаре русских лексикографов [Чернышева 2000].

⁴⁵ Фасмер и до шведской профессуры, и после нее не раз бывал с докладами в Швеции. М. Вольтнер называет эти доклады одной из причин интереса Фасмера к германистике и к проблемам скандинавских языков [WOLTNER 1963: 7].

⁴⁶ “Mit der Bibliothek waren auch seine damals schon umfangreichen Zettelbestände für das Russische Etymologische Wörterbuch ein Raub der Flammen geworden. Diese Umstände sowie die schlechten Lebensverhältnisse nach Kriegsende — Vasmer erzählte

Фасмер — А. Раммельмейеру, 3. 01. 47 (№ 21):

“В холодные недели декабря температура по утрам во всех наших комнатах была ниже нуля. Воду для бритья нужно было употреблять очень быстро, пока она не покрылась ледяной коркой. Но у меня такое впечатление, что несмотря на холод, человек довольно долго может сохранять здоровье, впрочем, вероятность тяжело заболеть также велика. <...> Мой этимологический словарь быстро продвигается. Во время бомбежки погибло шесть сигарных коробок с карточками. За полтора года я наполнил карточками восемнадцать новых коробок и продолжаю систематически прочесывать разные журналы. В целом мы живем неплохо, но из-за чрезвычайных условий питания очень болят глаза, так что моих гостей я часто вынужден приветствовать не снимая темных очков”.⁴⁷

28 сентября 1947 г. после долгой и мучительной бюрократической процедуры Фасмер и его жена выехали английским военным эшелоном в Ганновер, чтобы через британскую зону Германии попасть в Швецию. Фасмер ехал ненадолго. В официальном приглашении Стокгольмского университета (27. 03. 47) речь шла о серии лекций в летнем семестре (...to give a short series of lectures at the University during the present spring term, № 21). Из-за задержки с визами летний семестр превратился в зимний. За три дня до отъезда (25. 09. 47, *ibidem*) Фасмер пишет своему консультанту по налогам, что уезжает в Швецию с лекциями на полгода.

“Шведское сидение”

Период, на который падает создание шведского псалма, в жизни Берлина определяется сочетанием “берлинская блокада”. Эта до недавнего времени замалчивавшаяся в России мощная принудительная акция советского государства оставила по себе долгую память прежде всего в Запад-

---

oft, wie er Brennesseln sammeln gegangen war — veranlaßten ihn, eine Einladung an die Universität Stockholm anzunehmen, er hoffte, dort die Arbeiten am Russischen Etymologischen Wörterbuch wieder neu beginnen zu können” [REITER 1987: 45–46).

⁴⁷ “In den kalten Wochen des Dezember hatten wir in allen Zimmern eine Temperatur unter 0, wenn wir am Morgen aufstanden. Mein Rasierwasser musste schnell gebraucht werden, damit sich nicht wieder eine Eiskruste darauf bildete. Aber ich habe den Eindruck, dass man trotz solcher Kälte ziemlich lange gesund bleiben kann, allerdings ist die Möglichkeit einer schweren Erkrankung ebenso wahrscheinlich. <...> Mein etymologisches Wörterbuch macht recht grosse Fortschritte. Durch die Ausbombung sind früher 6 Zigarrenkisten mit Zetteln umgekommen. Jetzt habe ich 18 neue Kisten seit 1 ½ Jahren mit Zetteln angefüllt und grase systematisch verschiedene Zeitschriften ab. Uns geht es im allgemeinen nicht schlecht, aber durch die besonderen Ernährungsverhältnisse leide ich sehr an den Augen, so dass ich meine Gäste oft nur durch eine dunkle Brille begrüßen kann”.

ном Берлине, который именно во время блокады начал восприниматься как свободный остров в советской оккупационной зоне и одновременно как своего рода свободный хутор по отношению к Западной Германии. Без малого год — с 24 июня 1948 до 12 мая 1949 г. — наземное снабжение (в том числе электричеством) союзнических секторов Берлина и сообщение с ними было прервано. Лежавший в руинах, и без того истощенный город выдержал блокаду благодаря “воздушному мосту”, по которому американские и английские летчики бесперебойно доставляли помощь. Исход этой ситуации был непредсказуем — это была одна из первых страшных гримас “холодной войны”. “Объектом и субъектом “холодной войны”” [GIRNUS, MEIER 2010: 17] стал и Берлинский университет, получивший к тому времени новое содержание и новое имя. На этом фоне разыгрывается борьба за Фасмера, поставившая его перед необходимостью невероятных по трудности решений. Плотность событий, взаимосвязи между ними, сложность человеческих мотивировок — все это в рамках сжатого комментария может быть только намечено.

В марте 1948 г. Фасмер увольняется из Берлинского университета. Когда в 1956 г. он оформлял пенсию, ему пришлось отвечать на запрос западноберлинского сенатора по внутренним делам о причинах увольнения (это имело значение для определения разряда пенсионного обеспечения). В официальном ответе (от 30. 11. 56, № 9) Фасмер писал:

“Решающую роль в моем решении покинуть университет им. Гумбольдтов, в котором я проработал 22 года, сыграли разногласия с коллегами-коммунистами, в особенности с профессором В. Штейницем,⁴⁸ которые стремились ограничить свободу моей преподавательской деятельности”.⁴⁹

⁴⁸ Вольфганг Штейниц (Wolfgang Steinitz, 1905–1967) — финно-угрист, фольклорист. В 1946 г. после возвращения в Берлин из эмиграции (в СССР и Швеции) В. Штейниц становится директором института финно-угристики и деканом философского факультета (частью которого был и Славянский семинар). Не будучи славистом, Штейниц преподает в Славянском институте не только “страноведение” СССР, советскую литературу и русский фольклор, но и описательную грамматику русского языка и русскую морфологию [KRAUSE 1989: 165]. Его популярный учебник русского языка (Стокгольм, 1945) становится основным пособием не только в школах (где с 1 сентября 1946 г. русский язык стал обязательным предметом), но и в университетах советской зоны (см. [ЕСКЕРТ 1985]). Фасмер давал в 1947 г. уничтожающий отзыв В. Штейницу как русисту [KRAUSE 1989: 164]. Как организатор славистического образования Штейниц был сторонником его переориентации со сравнительно-исторического языкознания на современный язык и советскую литературу, что в тогдашних условиях означало неизбежную идеологизацию предмета [ВОТТ 2009: 11–12]; о конфликте между Штейницем и Фасмером см. [ВОТТ 2004: 266–269]; см. также статью о Штейнице в *Большой советской энциклопедии* (т. 29, Москва, 1978, с. 493–494); о В. Штейнице как финно-угристе см.: [GULYA 1996: 884–885].

⁴⁹ “Entscheidend für meinen Entschluss, von der Humboldt-Universität, an der ich 22 Jahre gewirkt hatte, abzugehen, waren Differenzen mit kommunistischen Kollegen, besonders Professor W. Steinitz, die die freie Ausübung meiner Lehrfähigkeit zu verhindern suchten”.

На просьбу сенатора об уточнении Фасмер (в письме от 8. 03. 57, *ibidem*) дает важное пояснение, которое помогает избежать прямолинейного истолкования ситуации как политического конфликта:

“На Ваш запрос от 8. 03. 57 сообщаю, что мою деятельность в Берлинском университете им. Гумбольдтов я прекратил не под политическим нажимом [подчеркнуто в машинописной копии письма. — М. Б.], а поняв, что я не могу преподавать там мой предмет так, как нахожу правильным с научной точки зрения. Конфликт состоял в том, что те теории, которых я всегда держался в вопросах происхождения русского государства, скандинавского происхождения древнерусских князей, родства кавказских языков, я не мог высказывать в той форме, которую считал правильной, так как под давлением русских в университете навязывалось искаженное изложение названных тем”.⁵⁰

2 апреля 1948 г. совет кураторов Стокгольмского университета назначил Фасмера ординарным профессором славянских языков с обязательством преподавания современных русского языка и литературы (профессура им. Й.Р. Ридберга). 3 апреля об этом сообщили шведские газеты, а 11 мая издававшаяся в американском секторе Берлина “Die Neue Zeitung” писала, что профессор Макс Фасмер “не вернется в Берлин, так как он, по сообщениям шведской прессы, получил место ординарного профессора Стокгольмского университета”. В. Кипарский⁵¹ вспоминал:

⁵⁰ “Auf das Schreiben vom 8. 3. 57 teile ich mit, dass ich meine Tätigkeit an der Humboldt-Universität Berlin nicht unter politischem Zwang aufgegeben habe, sondern aus der Einsicht, dass ich mein Fach dort nicht in der von mir wissenschaftlich als richtig befundenen Weise unterrichten konnte. Die Schwierigkeiten bestanden darin, dass ich die von mir stets vertretenen wissenschaftlichen Theorien — Herkunft des russischen Staates, skandinavische Abstammung der altrussischen Fürsten, Verwandtschaftsverhältnisse der kaukasischen Sprachen — nicht in der von mir als richtig anerkannten Form vertreten konnte, weil dort unter russischem Druck verfälschte Darstellungen solcher Fragen verlangt wurden”. В речи памяти Фасмера декан философского факультета Свободного университета Й. Либер, говоря о “неподкупной научной честности” (unbestechliche wissenschaftliche Redlichkeit) Фасмера в эпоху национал-социализма и о его “личной отваге и смелости” (der persönliche Mut und Einsatz) в хлопотах за попавших в тюрьму или лагерь коллег, отмечал, что “при этом Макса Фасмера никак нельзя было назвать человеком, интересующимся собственно политикой. Главным в его жизни была любовь к языку и к его научному изучению” (Dabei war Max Vasmer alles andere, denn ein politischer Mensch in der herkömmlichen Bedeutung des Wortes. Sein Leben und seine Liebe galten der Sprache und ihrer wissenschaftlichen Erforschung) [LIEBER s. d.: 7].

⁵¹ Валентин Кипарский (Valentin Kiparsky, 1904–1983) — финский славист, балтист. Во время пребывания Фасмера в Швеции В. Кипарский преподавал в университете в Хельсинки. После ухода Фасмера на пенсию В. Кипарский станет его преемником на кафедре в Институте Восточной Европы Свободного университета (1955–1963), см.: [СЕЕМАНН 1991: 412]; см. о нем тж. в: [ВИХАВАЙНЕН 2004: 256–260].

“После европейской катастрофы 1945 года Фасмер все должен был начать с нуля, так же как после большевистской революции 1917 года. За одну ночь от бомбежки погибла вся его библиотека и его картотека. На следующий же день, как он мне рассказывал, он отправился на поиски новых книг. Но много ли можно было наработать в Берлине, захлестнутом нашествием с востока? В этот момент помощь пришла оттуда, откуда она приходила ко многим пострадавшим европейцам, из северной сказочной страны “молочные реки, кисельные берега”, в течение полутора столетий не знавшей войны — из Швеции. Несмотря на то что Фасмеру уже было за 60, Стокгольмский университет предложил ему кафедру славянской филологии. Если принять во внимание, что в Швеции, как и в Финляндии, кафедру получают не по приглашению, а пройдя открытый конкурс, это было не только благодеяние, но одновременно необыкновенно высокая честь, которой раз в десятилетия удостоиваются выдающиеся ученые страны. В случае же Фасмера речь шла об иностранце и, что еще хуже, — о подданном государства, только что проигравшего войну и всеми растоптанного”.⁵²

Тем временем Фасмер 25 апреля 1948 г. пишет то письмо, которое, судя по всему, должно было быть адресовано декану факультета, вероятнее всего философского, в ведении которого находился Славистический институт. В это время обязанности декана выполнял продекан Ф. Гартунг.⁵³ Вот это письмо:⁵⁴

---

⁵² “Nach dem Zusammenbruch Europas 1945 stand Vasmer wieder sozusagen am Anfang aller Dinge da, genau wie nach der Bolschewistenrevolution von 1917. In einer Bombennacht gingen seine ganze Bibliothek und seine Kartei verloren. Er erzählte mir allerdings, daß er schon am nächsten Tage auf der Suche nach neuen Büchern war. Was konnte man aber in dem der östlichen Flut ausgelieferten Berlin noch viel machen? In diesem Augenblick kam Hilfe, von wo sie so vielen notleidenden Europäern gekommen war — aus dem nordischen Märchenland, wo Milch und Honig floß und wo man anderthalb Jahrhunderte lang keinen Krieg gekannt hatte, — aus Schweden. Obgleich Vasmer bereits das 60. Lebensjahr überschritten hatte, bot ihm die Universität Stockholm den Lehrstuhl für slavische Philologie an. Wenn man bedenkt, daß man in Schweden und Finnland auf die Lehrstühle nicht berufen wird, sondern sich um sie öffentlich bewerben muß, war es nicht nur eine Wohltat, sondern zugleich eine außergewöhnlich hohe Ehrung, derengleichen einmal in mehreren Jahrzehnten hervorragenden einheimischen Wissenschaftlern zuteil werden kann. Und im Falle Vasmer handelte es sich ja um einen Fremden, noch schlimmer — um einen Angehörigen eines Staates, der soeben einen Krieg verloren hatte und von allen mit Füßen getreten wurde” [KIPARSKY s.d.: 18–19].

⁵³ Фритц Гартунг (Fritz Hartung, 1883–1967) — историк, в 1923–1949 профессор Берлинского университета.

⁵⁴ Исправления не оговариваются, приводится окончательный авторский вариант.

“Ваше высококордие господин декан!

Я радовался близкому началу летнего семестра в Берлине, так как там круг моей деятельности намного больше, чем здесь. Как теперь мне стало известно, здесь подумывают о том, чтобы пригласить меня в качестве ординариуса на кафедру славистики здешнего университета, в настоящее время вакантную. По шведским правилам для получения ординариата нужно подавать заявку на участие в конкурсе. Я не делал этого, потому что хотел вернуться в Берлин. Однако отмена пенсий вдовам профессоров в советской зоне является тем обстоятельством, которое все это время меня беспокоило. Это решение не так страшно для тех профессорских вдов, которым удалось спасти их обстановку и библиотеку или которые могут в случае нужды найти приют у своих детей. Мы с женою бездетны и потеряли во время войны всё наше имущество. У нас нет ни своих кроватей, ни одежды. С 1944 г. мы жили у знакомых, постоянно подвергаясь опасности потерять и это временное жилье. В моем возрасте человеку приходится считаться с возможностью скоропостижной кончины, в особенности в условиях плохого продовольственного снабжения в Германии. По этой причине я уже несколько лет назад приобрел болезнь глаз, которая здесь при лучшем питании сразу же прошла. В последние месяцы я прилагал тщетные усилия, чтобы через (коллег-) профессоров получить из Берлина сколько-нибудь утешительное известие об обеспечении вдов. И вот теперь здешний факультет без усилий с моей стороны единогласно решил пригласить меня, и ожидается декрет шведского правительства, которое уже прежде высказалось в поддержку моей кандидатуры. Здесь я пока ничего не подписал, хотя о моем назначении уже сообщили стокгольмские газеты. Но уже очень скоро я могу быть поставлен перед необходимостью принять решение. Принять его мне было бы существенно легче, если бы я получил из Берлина известие о благоприятном решении вопроса обеспечения вдов. Между 3-м и 10-м мая я должен буду прочитать несколько лекций в Осло, а затем — 18-го и 19-го — в Уппсале. В Лунде я уже выступал в апреле. Во всех моих лекциях я стремлюсь показать, что научные исследования и в разрушенном Берлине продолжают. Эта моя задача сильно усложняется широко распространяемыми здесь и внушающими опасение газетными известиями о своеобразном направлении, которое приобрела славистика в Берлине и в котором моей вины нет <...>. Был бы Вам благодарен,

если бы Вы способствовали получению возможно скорого ответа из Центрального Управления⁵⁵ по затронутым выше вопросам”.⁵⁶

В бумагах Фасмера оба черновика — приведенного письма декану и публикуемого псалма — первоначально лежали, вероятно, вместе. Бумага (линованная писчая) и чернила обоих документов одинаковы, кроме того, оба они имеют сгиб посередине, так что листочек с псалмом с легкостью вкладывается в больший по формату листок с письмом. Пока не проведено обследование всей сохранившейся переписки Фасмера этого времени, о взаимосвязи этих двух документов можно только строить предположения. Возможно, Фасмер одновременно готовил их для пересылки в Берлин, предназначая псалом с нетерпением ожидавшим его берлинским коллегам как знак прощания со Швецией и скорого возвращения.

⁵⁵ Имеется в виду Центральное управление народного образования советской оккупационной зоны (Deutsche Verwaltung für Volksbildung in der Sowjetischen Besatzungszone).

⁵⁶ “Ew [= Eure. — M. Б.] Spektabilität! Ich hatte mich auf den Beginn des Sommersemesters in Berlin gefreut, weil dort mein Wirkungskreis viel grösser ist als hier. Nun war mir bekannt, dass man mit dem Gedanken umgeht, mich als Ordinarius auf den zur Zeit unbesetzten Lehrstuhl der Slavistik an der hiesigen Universität zu berufen. Nach schwedischem Brauch muss man sich um ein Ordinariat hier bewerben. Ich habe es nicht getan, weil ich nach Berlin zurückkehren wollte. Allerdings ist die Aufhebung der Pensionen für Professorenwitwen in der Sowjet<ischen> Zone ein Punkt, der mir die ganze Zeit zu denken gab. Diese Bestimmung trifft diejenigen Professorenwitwen nicht so hart, die ihre Möbel und Bibliotheken gerettet haben oder die bei ihren Kindern im Notfalle eine Zuflucht finden. Meine Frau u<nd> ich sind kinderlos u<nd> haben während des Krieges alle unsere Sachen verloren. Wir besitzen weder Betten noch Bettdecken und haben seit 1944 möbliert bei Bekannten gewohnt, immer der Gefahr ausgesetzt, diese zeitweilige Unterkunft auch zu verlieren. In meinem Alter muss man auch mit der Möglichkeit rechnen, dass man plötzlich aus dem Leben scheidet, namentlich bei den ungenügenden deutschen Verpflegungsverhältnissen, durch die ich bereits vor mehreren Jahren mir eine Augenkrankheit zugezogen habe, die hier sofort durch bessere Ernährung behoben wurde. Ich habe mich in den letzten Monaten vergeblich bemüht eine beruhigende Nachricht über die Frage der Witwenversorgung von Professoren aus Berlin zu erhalten. Nun hat die hiesige Fakultät mich ohne Antrag meinerseits einstimmig beschlossen zu berufen u<nd> es wird ein Dekret von der Schwed<ischen> Regierung erwartet die ihr Einverständnis zu meiner Ernennung schon vorher gegeben hat. Unterschrieben habe ich hier bisher noch nichts, obgleich meine Berufung schon durch die Stockholmer Zeitungen gegangen ist. Ich kann aber sehr bald vor die Notwendigkeit gestellt werden, eine Entscheidung zu treffen die für mich viel leichter sein würde, wenn ich über eine Regelung der Witwenversorgung in Berlin günstige Nachrichten bekäme. Ich soll zwischen dem 3. und 10. Mai in Oslo mehrere Gastvorlesungen halten und dann auch noch am 18. und 19. Mai in Uppsala sprechen. In Lund habe ich schon im April Vorträge gehalten. Ich bemühe mich bei allen diesen Vorträgen zu zeigen, dass die wiss<enschaftliche> Forschung auch im zerstörten Berlin weitergeht. Diese Aufgabe wird aber sehr erschwert durch hier weit verbreitete beängstigende Zeitungsnachrichten über eine eigentümliche Entwicklung der Slavistik in Berlin, an der ich keine Schuld trage <...>. Ich wäre Ihnen dankbar, wenn Sie zu den oben angeschnittenen Fragen recht bald eine Stellungnahme der Zentralverwaltung veranlassen könnten”.

В апреле, когда было написано письмо декану, ситуация в университете на Унтер-ден-Линден усугубляется: трое студентов за политическую критику в студенческой газете были лишены права посещения занятий, и это вызвало протесты. “Обстановка в Берлине накаляется” (Berlin ist ein sehr heisser Boden), — пишет Фасмеру 28 апреля М. Вольтнер (№ 77). В это время она выполняет роль посредника в контактах Фасмера с новой властью и администрацией Берлинского университета. Перипетии этих контактов и, соответственно, колебания в настроении и позиции Фасмера станут видны только тогда, когда будет опубликована переписка Фасмера этого периода с М. Вольтнер.

Летом, после майских лекций в Скандинавии, Фасмер собирался быть в Берлине. Свояченица Фасмера, Маргарете Нипп, присматривавшая за берлинской квартирой Фасмеров и пересылавшая им корреспонденцию, 16.03.48 (№ 77) писала: “Радуюсь, что в мае вы собираетесь снова быть в Берлине”.⁵⁷ Но в начале июля, судя по переписке, Фасмер в Швеции. Состоялся ли приезд в Берлин? Похоже, что нет. В письме к Г. Грюнлер от 10.07.48 (№ 77) о надежде приехать говорится в презенсе (u<nd> wir hoffen ja im Sommer in Berlin zu sein). Именно в это время, в мае — июне 1948 г., несмотря на получение кафедры в Стокгольме и вопреки этому администрация советского сектора разворачивает кампанию за возвращение Фасмера в Берлинский университет.

29-м мая 1948 г. датировано письмо продекана факультета Ф. Гартунга (№ 77) Фасмеру в Стокгольм. Гартунг пытается разъяснить инцидент с тремя студентами, успокоить Фасмера в его опасениях и делает особый акцент на важности его возвращения: “Главное Управление придает большое значение тому, чтобы Вы вернулись и остались здесь”, “Лучше всего, если <...> Вы сами сюда приедете, посмотрите, поговорите с влиятельными людьми. Вы можете быть уверены, что все мы сделаем всё, чтобы Вы смогли остаться в Берлине”.⁵⁸

7 июня 1948 г. в письме к Ю. Мягисте⁵⁹ из Стокгольма в Лунд Фасмер пишет, что обещания шведов в отношении пенсии для его жены представляются ему “значительно более надежными” (“bei weitem sicherer”), чем обещания со стороны русских. В том же письме он со-

⁵⁷ “Ich freue mich sehr, dass Ihr im Mai wieder in Berlin sein wollt”.

⁵⁸ “Dass die Zentralverwaltung grossen Wert darauf legt, dass Sie wiederkommen u<nd> hier bleiben...”; “Am besten ist es <...>, wenn Sie selbst herkommen, sich die Lage ansehen und mit den massgebenden Leuten sprechen. Sie dürfen überzeugt sein, dass wir alle alles tun werden, um Ihnen das Verbleiben in Berlin möglich zu machen”.

⁵⁹ Юлиус Мягисте (Julius Mägiste, 1900–1978) — эстонский лингвист, автор этимологического словаря эстонского языка. С 1944 г. Мягисте жил в эмиграции в Швеции и работал в Лунде, где в 1950 г. стал профессором финно-угристики. Фасмер много лет переписывался с ним.

общает о недавней поездке с докладами в Осло и признается, что один из них, на политическую тему, “О позиции Берлинского университета в период национал-социализма”, стоил ему наибольшего труда (“...von denen mir besonders ein politischer, über die Berliner Universität während der Nazizeit viel Arbeit machte”).⁶⁰ Рукописный текст этого выступления, важного для уяснения умонастроения Фасмера, недавно был издан — правда, как “стокгольмская речь” — и подробно прокомментирован М.-Л. Ботт [Ботт 2009; Ботт 2009а].⁶¹ В конце своего доклада Фасмер предостерегает от чрезмерного давления на ученых со стороны нынешних оккупационных сил,⁶² и тем самым от уже проявившей себя новой диктатуры. Для него диктатура означает прежде всего несвободу научной деятельности — позиция, которая окажется несовместимой с новой реальностью университета на Унтер-ден-Линден и в конце концов приведет Фасмера в Свободный университет.

11 июня 1948 г. назначение Фасмера было утверждено королем Швеции и с 1 июля вступило в силу.

15 июня 1948 г. немецкое Управление Народного Образования советской оккупационной зоны сообщает Фасмеру (№ 70) о назначении ему как ученому с большими заслугами максимального годового жалования в 15 400 рейхсмарок, а также ежемесячного содержания и пенсии членам его семьи и выражает надежду, что эти особо благоприятные условия сделают возможным его возвращение на прежнее место работы. Казалось бы, тем самым выполнялась просьба о пенсии для жены (см. выше письмо от 25.04.48), однако в условиях инфляции эта мера теряла смысл, да и дело было не только в пенсии. Понятна поэтому реакция Фасмера в цитировавшемся выше письме к Г. Грюнлер от 10.07.48: “Когда меня стараются приманить в Берлин только астрономическими суммами денег, которые через две недели обесценятся, всякое желание

---

⁶⁰ ЕКМ ЕКЛА (Eesti Kirjandusmuuseum, Eesti Kultuurilooline Arhiiv, Тарту), f. 340, m. 37:23, lg. 10v, 11v. Письмо было обнаружено в архиве Тартуского литературного музея (ЕКМ ЕКЛА) Г. Суперфином, которому я признательна за выписки из этого и других документов.

⁶¹ В своей публикации М.-Л. Ботт называет это выступление стокгольмской речью, считая, что она могла быть произнесена Фасмером в Стокгольме по случаю вступления в должность профессора перед собранием коллег по факультету или по университету в целом как личный отчет о позиции берлинской профессуры в период национал-социализма [Ботт 2009: 16]. В свете процитированного письма Фасмера к Мягисте такая реконструкция оказывается лишеной основания, обстоятельства же произнесения доклада в Осло нуждаются в исследовании.

⁶² Единственное число *engherzige Okkupationsgewalt* ‘бездушная оккупационная власть’ было исправлено Фасмером (очевидно, во избежание чересчур прямой ассоциации исключительно с советской администрацией) на множественное число -*gewalten* [Ботт 2009: 79].

ехать у меня пропадает”.⁶³ Действенной приманкой был бы, по словам Фасмера, его журнал “Zeitschrift für slavische Philologie”: получать корректуры в Швецию было невозможно, ими занимались сотрудницы Фасмера в Берлине; затрудненность сообщения и неудобство редакторской работы на расстоянии были для Фасмера мучительны.

На 17 июня 1948 г. была назначена речь Фасмера в Академии наук в Берлине, о чем Ф. Гартунг напоминает Фасмеру в своем письме от 29.05.48 (“О том, что 17 июня Вы выступаете в Академии, Вы, должно быть, знаете”⁶⁴).

24 июня 1948 г. началась берлинская блокада, а 1 июля Фасмер официально вступил в должность профессора Стокгольмского университета. Об университетской инаугурации он с нескрываемым скепсисом пишет Г. Грюнлер (письмо от 12.11.48, № 77) как о чем-то ненастоящем:

“Недавно меня с тимпанами и ликами тут водворили.
Несмотря на всю помпезность церемонии, у меня
не было чувства, что это всерьез. Такие вещи не для нас,
берлинцев”.⁶⁵

Позднее, отвечая на анкету декана Свободного университета в Западном Берлине (10.10.51), Фасмер написал, что его решение принять предложение шведского университета было в условиях блокады вынужденным.⁶⁶ В письме берлинскому профессору медицины Т. Бругшу от 21 июня 1948 г. Фасмер называет одну из причин — опасение оказаться отрезанным от зарубежных коллег (см. [Вотт 2009: 16]).

В Стокгольме он старается жить с привычной для него интенсивностью, в согласии со своими интересами в науке и преподавании. Фасмер ведет занятия по старославянскому языку и чтению старославянских текстов повышенной трудности, по “Повести временных лет”, польской исторической фонетике и морфологии, поэзии классика польского Ренессанса Миколая Рея [NILSSON s.a.]. Он курирует защиту двух диссертаций — Карла Лукранца о прогрессивной палатализации в славянском⁶⁷ и Клары Тёрнквист о древнескандинавских заимство-

⁶³ “Wenn man mich von Berlin nur mit Geldsummen, die 2 Wochen nach dem Angebot bereits entwertet sind, lockt, dann schwindet die Reiselust bei mir”.

⁶⁴ “Dass Sie am 17. Juni in der Akademie sprechen sollen, ist Ihnen wohl bekannt”.

⁶⁵ “Unlängst bin ich hier mit Pauken und Trompeten installiert worden. Ich hatte trotz der pompösen Veranstaltung nicht den Eindruck, dass es etwas Ernstes ist. Wir Berliner haben für so etwas keinen Sinn”.

⁶⁶ “Während der Blockade habe ich mich genötigt gesehen, das mir angebotene Ordinariat in Stockholm anzunehmen” [Вотт 2009: 16, Anm. 24].

⁶⁷ Печатной версии работы К. Лукранца (Carl Lokrantz, 1920–1977; годы жизни сообщены М. Юнгтреном) мне найти не удалось; возможно, она не была опубликована. Одним из двух оппонентов был библиотекарь городской

ваниях в русском языке [THÖRNQVIST 1948].⁶⁸ “Он хотел, чтобы началась исследовательская работа, хотел вдохновлять и пробуждать” [LJUNGGREN 2010: 16].⁶⁹ Однако в Русском институте почти нет коллег, близких Фасмеру по духу и интересам (Лукранц — в Лунде, Тёрнквист — в Гетеборге). Исключением была А. Бэклунд.⁷⁰ Фасмер отстаивает ее кандидатуру на должность доцента по славянским языкам против существенно более слабых кандидатов, предлагаемых из Уппсалы профессором Г. Гуннарссоном,⁷¹ и приобретает в его лице недоброжелателя. Не складываются отношения и с Н. О. Нильссоном.⁷² Тогдашняя студентка Фасмера Барбара Тунберг (Barbara Thunberg), берлинка по происхождению, вспоминает:

“Трудности для него начались, похоже, с самого начала. Одним из факторов было наверняка то, что он почти не владел шведским, а студенты не все знали немецкий. <...> К тому же в первые послевоенные годы в стране чувствовалась известная враждебность по отношению к немцам”.⁷³

библиотеки Кнут Кнутссон, опубликовавший в свое время работу на близкую тему [KNUTSSON 1926]; см.: [LJUNGGREN 2010: 16].

⁶⁸ Интерес к теме заимствований возник у К. Тёрнквист (1896–1989, годы жизни сообщены М. Юнгтреном) под влиянием Фасмера, у которого в 1920-е годы в Берлине она занималась историей русского языка (биографические сведения см. в: [LJUNGGREN 2010: 16–17]. Под его руководством она подготовила несколько статей для “Zeitschrift für slavische Philologie”. Диссертация К. Тёрнквист, завершённая по разным обстоятельствам лишь через 20 лет после начала работы, до сих пор остается классическим трудом по данной теме.

⁶⁹ За перевод со шведского я благодарна М. Перченко.

⁷⁰ *Астрид А. Бэклунд-Эйлер* (Astrid A. Baecklund-Ehler, 1908–1976). В подробном отзыве, написанном 22. 09. 49 накануне возвращения в Берлин, Фасмер дает высокую оценку научной и преподавательской работе А. Бэклунд (текст отзыва и комментарий см. в: [ЕСКЕРТ 1991: 409–411]; об А. Бэклунд см. тж.: [BIRGEGÅRD 2005: 168]; библиографию ее работ см. в: [BAECKLUND IN MEMORIAM 1976: 7–11].

⁷¹ *Гуннар Гуннарссон* (Gunnar Gunnarsson, 1899–1987) — шведский славист. У. Биргегорд характеризует его как прежде всего организатора [BIRGEGÅRD 2005: 162–164]. На кафедре славянских языков в Стокгольме до появления Фасмера Г. Гуннарссон, будучи профессором в Уппсале (1940–1966), выполнял обязанности профессора ad interim. В период работы Фасмера в Стокгольме Г. Гуннарссон был инспектором Русского института [ЕСКЕРТ 1991: 405], что, по-видимому, и позволяло ему вмешиваться в работу и персональные решения Фасмера.

⁷² *Нильс Оке Нильссон* (Nils Åke Nilsson, 1917–1995) — шведский славист, исследователь истории русской литературы XIX–XX вв. Именно его усилиями в Стокгольме в 1944 г. был создан Русский институт, в котором работал Фасмер, см. о нем в [BIRGEGÅRD 2005: 168–169, 171–172]. М. Юнгтрен, ссылаясь на мнения очевидцев, характеризует конфликт между Нильссоном и Фасмером как борьбу за сферы влияния [LJUNGGREN 2010: 17].

⁷³ “Er scheint gleich vom Anfang an Schwierigkeiten gehabt zu haben. Ein Faktor war sicher, daß er wohl kaum Schwedisch konnte und die Studenten nicht alle Deutsch. <...> Auch konnte man in den ersten Nachkriegsjahren eine gewisse Deutschfeindlichkeit hier im Lande erleben” (письмо к автору от 5.06.11).

Со слов своего друга, покойного психолога Теодора Катца, отец которого был дружен с Фасмером, Б. Тунберг резюмирует ситуацию следующим образом:

“В институте у него не было права голоса, да и студенты были не очень интересные”.⁷⁴

О семье Катц стоит сказать подробнее. Известные немецкие психологи Давид и Роза Катц были видными представителями немецкой интеллектуальной элиты в эмиграции.⁷⁵ В 1933 г. Д. Катц как лицо неарийского происхождения лишился места ординарного профессора в Ростокском университете и после четырех лет, проведенных в Англии, был приглашен занять место ординарного профессора в Стокгольмском университете. С 1939 г., когда к нему присоединилась жена с сыновьями Теодором и Грегором, семья жила в Швеции. Здесь, по словам самого Д. Катца, он “вновь обрел твердую почву под ногами, стал членом университетского сообщества и получил возможность проводить исследования в собственной лаборатории”.⁷⁶ В 1948–49 гг., на которые приходится общение Фасмера с Катцами, глава семьи — крупнейший психолог Швеции. Кроме человеческой приязни, Фасмера могли связывать с Катцами немецкие корни, язык, общность культурного и общественного воздуха Германии 20–30-х гг., неприятие нацизма, наконец, положение ученого, вынужденного жить и работать не в своей стране. У Розы Катц, кроме того, были русские корни — она родилась и выросла в Одессе, откуда в 1905 г. уехала учиться в Германию. Общими были и академические интересы — преподавание, научные занятия, издание журнала (Фасмер и Д. Катц стояли во главе ведущих немецких органов печати в своей области знания: Фасмер — как основатель и главный редактор “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, Катц — как один из двух ведущих редакторов “*Zeitschrift für Psychologie*”). Но кроме того, Фасмера и Катцев не мог не сближать общий интерес к языку. Проблемам языкового развития ребенка уделяется немало внимания в совместных работах Д. и Р. Катц, в частности, в “Разговорах с детьми” (1928) и в статье о ругательствах в детском языке (1931) [KATZ D. UND R. 1928; KATZ D. UND R. 1931: 120–131] (для Фасмера во-

⁷⁴ “Er durfte nichts bestimmen am Institut und die Studenten waren nicht besonders interessant”.

⁷⁵ *Давид Катц* (David Katz, 1884–1953) и *Роза Катц* (Rosa Katz, 1885–1976), урожденная Гейне (Heine). О Д. Катце см. его автобиографию: [KATZ 1951: 189–211], а также: [BIOGRAPHICAL DICTIONARY II/1: 599–600, lit.]; [LEXICON DEUTSCH-JÜDISCHER AUTOREN: 292–296]. О Р. Катц см. ее автобиографию в: [KATZ 1972].

⁷⁶ “At last I had regained firm roots, had become a member of a university, and was able to carry out research in my own laboratory” [KATZ 1951: 208–209].

просы словаря, в частности, внимание к жаргонам и различным лексическим подсистемам языка были на протяжении всей жизни центральными). Впоследствии, в 1950-е — 60-е гг., Р. Катц много занималась изучением психологии языковой одаренности ребенка и восприятия человеком собственного имени (ср. проходящий через все научное творчество Фасмера интерес к ономастике, в частности, к антропонимике). Не случайно с семьей Катц был близок во время своего пребывания в Швеции (1940–41) и Роман Якобсон, который работал тогда над темами, связанными с детским языком, афазией и лингвистической психологией. Все это позволяет предположить, что именно семья Катц имеется в виду в публикуемом псалме, когда Фасмер говорит о доме, “полном гостеприимства, богатом чадами и дарами вещественными и духовными”. По крайней мере, хорошего альтернативного понимания этой фразы при нынешнем состоянии изученности наследия Фасмера у нас нет.

Летом из Швеции Фасмер с женой напряженно следят за событиями в Берлине. В письме к Г. Грюнлер от 10 июля Фасмер признается, что “этот город занимает нас гораздо больше, чем здешняя наша среда <...> Каждый вечер мы с волнением слушаем по радио новости о Берлине”.⁷⁷ Фасмеры посылают в Германию посылки с продуктами. Временное жилище (они живут в пансионе “Андерссон” на Wallingatan 38), неизвестность, сомнения — все это создавало атмосферу жизни на чемоданах. Фасмер думает о возвращении и постоянно взвешивает “за” и “против”. “За” — возможность работать во взаимопонимании с коллегами (в Славянском институте в Берлине такое взаимопонимание было, в Русском институте в Стокгольме — почти нет); преподавательская нагрузка большая, а удовлетворения от занятий мало, так как студенты мало заинтересованы в предмете; активное участие в издании “*Zeitschrift für slavische Philologie*” на расстоянии затруднено; огромная переписка без помощи секретаря или машинистки отнимает много сил и времени. “Против” — неясно, какова нынешняя ситуация в берлинском Институте, есть ли слушатели, каковы они; останавливают формальности: как добиться от советской администрации Берлина помощи в обратной транспортировке большого багажа (книг, рукописей и пр.); беспокоит, как будет с глазами — снабжение Берлина затруднено. От состояния зрения, в конечном счете, зависела способность Фасмера работать. Характерна горькая концовка рассказа Фасмера в письме к Г. Грюнлер от 12.11.48 (№ 77) о церемонии его инаугурации:

⁷⁷ “... und uns diese Stadt viel mehr beschäftigt als unsere hiesige Umgebung. <...> Jeden Abend hören wir gespannt die Radionachrichten über Berlin”.

“Если бы я только мог знать, выдержат ли мои глаза Берлин”.⁷⁸ Лейтмотив писем Фасмера этого времени — тоска по Берлину. Когда усилиями Грюнлер удалось переслать Фасмеру готовый 20-й выпуск “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, Фасмер пишет (письмо от 12.11.48): “Выход номера⁷⁹ дал мне вновь остро почувствовать тоску по Берлину, которую и без того удавалось сдерживать лишь искусственно”.⁸⁰ Вот еще несколько цитат из писем к Г. Грюнлер:

о занятиях в университете и студентах —

“Берлинские мои слушатели были, разумеется, гораздо лучше, но нынешние занятия существенно приятнее, чем прошлой зимой. Впрочем, вся здешняя система очень своеобразна. Каждый студент интересуется только тем, что входит в экзамены, и начинает сдавать разные экзамены уже после второго семестра” (23.09.48);⁸¹

“Шведские лекции отнимают почти все силы и не оставляют покоя для работы. Занятие поистине бессмысленное, так как интереса со стороны слушателей мало” (6.04.49);⁸²

о ситуации в Берлинском университете и в институте —

“Мы все реже получаем известия из Берлина, а те известия, что до меня доходят, вызывают сильное беспокойство. С тех пор, как я в Швеции, мне пришлось написать, наверное, шесть или семь отзывов для различных немецких университетов, Берлинский же университет не хотел от меня ни одного отзыва и предпринял шаги, которые делают мое возвращение туда почти невозможным. <...> Если туда [в Славянский институт. — М. Б.] придет Траутманн⁸³ и, как я с уверенностью предвижу, будет

⁷⁸ “Wenn ich nur wüsste, ob meine Augen Berlin vertragen können”.

⁷⁹ Номер вышел только в 1950 г.

⁸⁰ “Das Erscheinen des Heftes hat meine Sehnsucht nach Berlin wieder ganz lebendig gemacht, die auch sonst nur künstlich gedämpft werden konnte”.

⁸¹ “Natürlich sind meine Berliner Hörer viel besser gewesen, aber der Unterricht ist viel angenehmer als im vorigen Winter. Allerdings ist das ganze hiesige System eigentümlich. Jeder Student interessiert sich nur für das, was geprüft wird und macht verschiedene Prüfungen schon nach 2 Semestern”.

⁸² “Ich bin eben so sehr durch die schwedischen Vorlesungen in Anspruch genommen, die mir jede Ruhe nehmen. Eine recht überflüssige Beschäftigung, weil doch wenig Interesse vorhanden ist”.

⁸³ Райнхольд Траутманн (Reinhold Trautmann, 1883–1951) — славист, балтист (см. о нем в: [SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993: 403–406]). В 1948 г. обсуждалась идея пригласить Р. Траутманна профессором в Берлин (письмо М. Вольфнер Фасмеру от 9.08.48, № 77), однако в том же году он получил ординарную

ближайшим образом держаться Шт<ейница>, тогда я поневоле окажусь в положении недовольного чудака и брюзги и не буду иметь ни малейшего шанса пробить свои взгляды” (23.09.48).⁸⁴

Несмотря на помехи, работа над словарем шла дальше. Извиняясь перед своей корреспонденткой за перерыв в переписке, 12 ноября 1948 г. Фасмер пишет: “Я целиком погрузился в мой словарь и, если не считать лекций, целый день провожу за чтением журналов”.⁸⁵ Летом (в письме от 10.07.48) он сообщал: “Почти целыми днями я работаю в институте, где в помещениях высокие потолки и прохлада”.⁸⁶ Трудно удержаться, чтобы не привести здесь известный рассказ В. Кипарского о Фасмере за работой:

“Во время двухлетнего пребывания Фасмера в Швеции я посещал его трижды. Никогда не забуду картину, открывшуюся мне, когда я впервые спросил о Фасмере в Ryska Institutet. “Хочешь на него посмотреть? Нет ничего проще, прошу!” — директор института Нильссон открыл соседнюю дверь — это было огромное, совершенно голое помещение, в середине которого стояли небольшой столик и жесткий стул. На столике лежал толстый словарь и стоял ящик с карточками. На стуле сидел великий ученый и писал карточки. В скандинавских странах не так, как в немецких университетах: у профессора там нет ни секретарш, ни студентов-лаборантов, ни ассистентов или прочих помощников, к которым Фасмер привык в университете Фридриха-Вильгельма. Зато ему не нужно было заботиться ни о чем, кроме своих лекций, экзаменов и научной работы.

профессуру в Йене. В декабре 1949 г. Р. Траутманн станет вместо Фасмера директором Института славистики Берлинской академии наук [ZEIL 1986: 691]. В это время выходят его работы “Die slavischen Völker und Sprachen” (Göttingen, 1947; Leipzig, 1948), “Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen” (Bd. 1–2, Berlin, 1948–1949), “Turgenjew und Tschchow” (Leipzig, 1948).

⁸⁴ “Wir bekommen jetzt immer seltener Nachrichten aus Berlin und die Nachrichten, die ich erhalte, sind recht beunruhigend. Seit ich in Schweden bin, habe ich wohl etwa 6–7 Gutachten an verschiedene deutsche Universitäten schreiben müssen, aber die Berliner Universität brauchte von mir kein Gutachten und hat Schritte unternommen, die meine Rückkehr dorthin nahezu unmöglich machen. <...> Wenn Tr<autmann> hinkommt und, wie ich bestimmt voraussehe, sich engstens an St<einitz> hält, dann bin ich in der Lage eines unzufriedenen Sonderlings u<nd> Störenfrieds gedrängt und habe keine Aussichten, mit meinen Ansichten durchzudringen”.

⁸⁵ “Ich habe mich so sehr in mein W<örter>b<uch> vertieft und bin neben den Vorlesungen den ganzen Tag mit Lesen von Zeitschriften beschäftigt”.

⁸⁶ “Sonst arbeite ich fast den ganzen Tag im Institut, wo die Räume recht hoch u<nd> kühl sind”.

Заказывать книги и вести канцелярию было делом особого директора института, который освобождал его от всего этого. И вот так собственными руками за эти два шведских года Фасмер смог восстановить уничтоженную бомбежкой картотеку своего “Русского этимологического словаря”. Когда в 1949 году он, можно сказать, под покровом ночи покинул Швецию, чтобы последовать приглашению только что основанного Свободного университета, рукопись словаря была почти готова, и в 1950 году вышел первый его выпуск”.⁸⁷

4 декабря 1948 г. в Западном Берлине был создан Свободный университет, и уже 28 января 1949 г. декан философского факультета направляет Фасмеру неофициальный запрос о его готовности стать во вновь созданном университете профессором славистики. Фасмер отвечает быстро и заинтересованно: “Основание Свободного университета я приветствую с большой радостью и с живейшим интересом слежу за его развитием”.⁸⁸

8 февраля 1949 г. реорганизованный Берлинский университет получил имя В. и А. Гумбольдтов. После основания 9 июля 1949 г. Академии наук и литературы с центром в Майнце раздвоение Берлинского университета и немецкой Академии — институций, с которыми была связана жизнь Фасмера как ученого — стало фактом. Неопределенность ситуации в Берлине и тем самым его собственного положения тяготили Фасмера. В конце 1948 г. он пишет (письмо к Грюнлер от 28.12.48):

“В прошлом году в это же время мне казалось само собой разумеющимся, что летом я вернусь в Берлин, и я радовался этому. А сейчас мы каждый день с нетерпением

⁸⁷ “Ich besuchte Vasmer dreimal während seines zweijährigen schwedischen Aufenthaltes. Nie werde ich den Anblick vergessen, der sich mir bot, als ich zum erstenmal im Ryska Institutet nach Vasmer fragte. “Willst Du ihn sehen? Nichts ist leichter, bitte!” Institutsdirektor Nilsson öffnete die Tür ins Nebenzimmer, einen riesigen, völlig kahlen Raum, wo in der Mitte ein kleines Tischchen und ein harter Stuhl standen. Auf dem Tischchen waren ein dickes Wörterbuch und ein Zettelkasten, auf dem Stuhl saß der große Gelehrte und schrieb Zettelchen. Skandinavien kennt nicht den deutschen Institutsbetrieb: ein Professor hat dort keine Sekretärinnen, studentische Hilfskräfte, Assistenten und sonstige Gehilfen, an die sich Vasmer an der Friedrich-Wilhelms-Universität gewöhnt hatte. Dafür brauchte er sich aber auch um gar nicht außer seinen Vorlesungen, Prüfungen und Forschungen zu kümmern. Für Bücherbeschaffungen und sonstigen Papierkrieg sorgte ein besonderer Institutsdirektor, was den Forscher entlastete. Und so hat Vasmer in den zwei Schwedenjahren höchst eigenhändig das von Bomben vernichtete Zettelmaterial für sein Russisches etymologisches Wörterbuch wiederherstellen können. Als er 1949 gewissermaßen bei Nacht und Nebel Schweden verließ, um dem Ruf der neugegründeten Freien Universität zu folgen, war das Manuskript schon fast fertig, und 1950 erschien die erste Lieferung” [KIPARSKY s.d.: 19].

⁸⁸ “Die Begründung der Freien Universität begrüße ich mit großer Freude und verfolge ihre Entwicklung mit dem größten Interesse” (Universitätsarchiv der Freien Universität, NL Vasmer, цит. по: [SEEMANN 1982: 22].

ждем писем, но они ничего не проясняют. Большинство моих иностранных коллег не знают, куда я пропал, ведь в прошлом году я писал им, что еду обратно в Берлин, и они, по большей части, думают, что я там”.⁸⁹

К весне внутреннее беспокойство Фасмера достигает предела и перерастает в казалось бы немислимую в этом человеке растерянность. “Беспорядок на моем столе, — пишет он 6 апреля 1949 г. Грюнлер, — всё растет, отвечать на письма всё труднее. Даже книжечка с днями рождения в этом запустении куда-то пропала, и о Вашем дне рождения мне напомнила жена”.⁹⁰

Берлинская блокада была снята 12 мая 1949 г., и уже 19 мая Фасмер подал заявление об уходе из Русского института [ЕСКЕРТ 1991: 404]. Роль шведского эпизода была исчерпана. Словарь был вновь собран и почти готов к печати. Аргументы “за” перевесили, и Фасмер решил вернуться. Еще одна, последняя цитата из мемуара Н. Рейтера:

“О гостеприимстве шведов он всегда говорил с признательностью, не было, однако, впечатления, что ему у них особенно понравилось. Шведская манера “тыкать” претила ему. Он так никогда и не примирился с нею”.⁹¹

Сам Фасмер накануне отъезда из Стокгольма напишет Ю. Мягисте: “Радости мне здесь было мало”.⁹²

24 мая 1949 г. Фасмер произнес в Стокгольме по-шведски речь “Кирилл и Мефодий”.

Возвращение в Берлин

Фасмер, очевидно, заявил о своем возвращении в университет им. Гумбольдтов и в немецкую Академию наук; была запущена в ход процедура оформления виз через советское консульство в Швеции (письмо

⁸⁹ “Im vorigen Jahr um diese Zeit schien es mir selbstverständlich, dass ich im Sommer nach Berlin zurückkehre u<nd> ich freute mich darauf. Jetzt warten wir täglich ungeduldig auf Briefe u<nd> werden nicht klüger dadurch. Die meisten von meinen ausländischen Freunden wissen nicht, wo ich geblieben bin, denn im vorigen Jahr schrieb ich an sie, dass ich nach B<erlin> zurückfahre und sie vermuten mich meistens dort”.

⁹⁰ “Die Unordnung auf meinem Schreibtisch nimmt immer mehr zu und die Beantwortung von Briefen <wird> immer schwieriger. Sogar das Büchlein mit den Geburtstagen ist vorläufig in dieser Versenkung verschwunden und ich werde durch meine Frau auf Ihren Geburtstag aufmerksam”.

⁹¹ “Obwohl er für die Gastfreundschaft der Schweden immer Worte der Anerkennung fand, hat er doch nie den Eindruck erweckt, als ob es ihm bei ihnen besonders gut gefallen habe. Die Duzerei unter den Schweden war ihm ein Dorn im Auge. Er hat sich nie daran gewöhnen können” [REITER 1987: 46].

⁹² “Hier habe ich wenig Freude gehabt” (письмо от 23 сентября 1949 г. — ЕКМ ЕКЛА, f 340, m 37:23, lg. 12).

из Управления народного образования от 16. 06. 49, № 63). Официального приглашения в Свободный университет еще не было. Оно помечено *24-м августа 1949 г.*, и в нем Фасмеру предлагалось с *1 сентября 1949 г.* занять место ординарного профессора славистики в Свободном университете. По данным Л. Цайль, Фасмер имел намерение преподавать в обеих частях города, но для руководства университета им. Гумбольдтов такой вариант был неприемлем, и Фасмер был поставлен перед выбором [ZEIL 1986: 691]. Выбор его был сделан в пользу западноберлинского университета, в котором он видел продолжателя традиции *alma mater Berolinensis*.⁹³ Чуть позже, в рождественской речи 1949 г. — первой своей публичной речи перед студентами и преподавателями Свободного университета — Фасмер, назвав те черты и те имена, которые для него воплощали суть традиции Берлинского университета, обратится к студентам со словами:

“Пусть вас не покидает уверенность, что ваши учителя стремятся поддержать всякое серьезное усилие с вашей стороны и не забывают, что наука свободна и не переносит никаких политических или конфессиональных шор”.⁹⁴

Как вспоминал Н. Рейтер, важным толчком для решения Фасмера послужил пример философа Г. Лейзеганга:

“Фасмер рассказывал однажды, что вновь образованный университет не вызывал у него доверия. «Но когда я узнал, — сказал он, — что Лейзеганг в него пошел, я тоже пошел»”.⁹⁵

В “Объяснительной записке о прошлом” (*Vergangenheitserklärung*), составленной в 1948 г. по требованию руководства Йенского университета, Лейзеганг сделал заявление, характерное для его позиции неконформиста:⁹⁶

“Я не являюсь противником какой-либо одной определенной партии, но перед лицом всякой партии и всякой политики я представляю точку зрения науки,

⁹³ Интерпретацию решения Фасмера из “восточнонемецкой” идеологической перспективы как политического шага буржуазного ученого см. в: [KRAUSE 1989: 160–165].

⁹⁴ “Seien Sie überzeugt, dass Ihre Lehrer alle ernstesten Bemühungen Ihrerseits zu unterstützen bestrebt sind und vergessen Sie nicht, dass die Wissenschaft frei ist und keine politischen oder konfessionellen Bindungen trägt” (Universitätsarchiv der Freien Universität, NL Vasmer, цит. по: [BOTT 2009: 21]).

⁹⁵ “Vasmer erzählte einmal, die Neugründung sei ihm suspekt gewesen. “Als ich aber erfuhr”, sagte er, “daß Leisegang hinging, ging ich auch”” [REITER 1987: 45–46].

⁹⁶ Ср. название сборника памяти Г. Лейзеганга: “Philosophie eines Unangepaßten: Hans Leisegang” (hrsg. von K.-M. Kodalle, Würzburg, 2003). Как и Фасмер, Лейзеганг был практикующим лютеранином.

этики и духовной жизни в целом. Я либеральный демократ, потому что ЛДП выступает за свободу науки и против политического или религиозного диктата в науке”.⁹⁷

В *сентябре 1949 г.* Фасмер увольняется из Стокгольмского университета (ответное письмо ректора С. Тунберга помечено 23.09.49, № 77), и на *29 сентября* назначает переезд.

Из письма Б. Унбегауна⁹⁸ от 1.10.49 (№ 63):

“После всего, что Вы писали мне о ситуации в Швеции, Ваше решение вернуться в Берлин меня не слишком удивляет. И все же я восхищаюсь Вашим мужеством, хотя и знаю, что мужество себя всегда оправдывает. Многие знают это, но мало кто может так поступать. Я от души поздравляю Вас с возвращением в Вашу страну, к Вашим прежним коллегам и ученикам, в привычные, хотя и несколько изменившиеся условия. Желаю Вам большого счастья и успехов”.⁹⁹

Накануне отъезда из Швеции в открытке А. Раммельмейеру от *23 сентября 1949 г.* Фасмер на подъеме и полон планов. Он пишет:

“Дорогой господин Раммельмейер!
За последнее время много всего произошло. В августе мы были в Берлине, нас принимал Свободный университет в Далеме. Нам так понравилось, что я немедленно согласился. Через 10 дней пришло подтверждение от Магистрата и от американцев. 29. 9 мы туда переезжаем.”¹⁰⁰ Адрес

⁹⁷ “Ich bin nicht der Gegner einer bestimmten Partei, sondern ich vertrete allen Parteien und aller Politik gegenüber den Standpunkt der Wissenschaft, der Ethik und des Geisteslebens überhaupt. Ich bin Liberaldemokrat, weil die LDP die Freiheit der Wissenschaft im Gegensatz zu einer religiös oder politisch gebundenen Wissenschaft vertritt” (цит по: [DICKÉ 2003: 45–46]).

⁹⁸ *Борис Оттокар (Борис Генрихович) Унбегаун* (Boris Ottokar Unbegaun, 1898–1973) в это время был профессором славистики в Страсбурге, куда в апреле 1945 г. он вернулся после депортации и заключения в Германии. 9 месяцев Унбегаун провел в Бухенвальде, откуда благодаря деятельному участию Фасмера осенью 1944 г. был освобожден и переведен в Берлин. Фасмер выхлопотал ему работу для Славянской комиссии Берлинской академии наук — Унбегауну была поручена расшифровка фонозаписей славянской речи, сделанных Фасмером в 1941 г. в нойбранденбургском лагере для военнопленных, см. [ВОТТ 2009: 156–159]; см. о нем тж.: [ТОЛСТОЙ 1995: 434–439].

⁹⁹ “Nachdem Sie mir über die schwedischen Verhältnisse geschrieben haben, war mir Ihr Entschluss, nach Berlin zurückzukehren, nicht allzu überraschend. Und doch bewundere ich Ihren Mut, obwohl ich weiss, dass es sich immer lohnt, mutig zu sein. Viele wissen es, aber Wenige können es tun. Ich gratuliere Ihnen vom Herzen, wieder in Ihrem Lande zu sein, mit Ihren früheren Kollegen und Schülern, und unter den gewöhnlichen, wenn auch nicht denselben, Verhältnissen arbeiten zu dürfen. Ich wünsche Ihnen viel Glück und Erfolg”.

¹⁰⁰ 29 сентября указывается как дата возвращения Фасмера (очевидно, по другим источникам) также в: [ZEIL 1986: 690]. В начале октября Фасмер уже в Берлине,

пока что Teutonenstr<asse> 4, но мы хотим найти другую квартиру.¹⁰¹ Очень радуюсь серьезным студентам. С июня я подготовил 2 выпуска (из 20) этимологического словаря (А и Б), которые уже печатаются у Винтера.¹⁰² Подготовка к печати идет дальше, я уже на слове *ветвь*, карточки заполняют 2 чемодана. Как только эта забота спадет с плеч, я напишу “Славянские древности”, рукопись которых уже довольно объемистая.¹⁰³ Только бы ничто не пропало при переезде. Сердечные приветы Вам и Вашему семейству от Вашего М. Фасмера”.¹⁰⁴

Литература

Ашнин, Алпатов 1994

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., “Дело славистов”: 30-е годы, Москва.

Благово 2006

Благово Н., “Фасмер (Vasmer) Георгий (Рихард) Рихардович (Ричард Ричардович, Роман Романович)”, в: О. Кубицкая и др. (ред.), *Немцы России. Энциклопедия*, 3, Москва, 629–630.

Вайан 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва.

Васильков, Сорокина 2003

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. (изд.), *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)*, Санкт-Петербург.

и 7 октября Э. Амбургер пишет Фасмеру: “Сегодня Бройер сообщил о Вашем прибытии” (№ 63).

¹⁰¹ Это будет Libellenstrasse 2, где Фасмер проживет до конца жизни.

¹⁰² Издательство “Carl Winter”.

¹⁰³ “Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde” были изданы посмертно под редакцией Г. Бройера (см. примеч. 31).

¹⁰⁴ “Lieber Herr Rammelmeyer! Inzwischen sind wir sehr rege gewesen. Im August waren wir in Berlin als Gäste der Freien Univ<ersität> Dahlem. Es hat uns so gut gefallen, dass ich gleich angenommen habe. In 10 Tagen war die Bestätigung durch Magistrat und Amerikaner da. Wir siedeln am 29. 9. dorthin über. Die Adresse ist vorläufig Teutonenstr. 4, aber wir wollen eine andere Wohnung bekommen. Ich freue mich sehr auf die ersten Studenten. Seit dem Juni habe ich 2 Lieferungen (von 20) des etym<ologischen> W<örter>buches fertiggestellt (A und B), die schon bei Winter im Druck sind. Die Ausarbeitung geht weiter, ich bin schon bei *ветвь* und die Zettel füllen 2 Koffer. Wenn ich erst diese Sorge los bin, schreibe ich eine Slav<ische> Altertumskunde, deren h<and>s<chrift> schon sehr gross ist. Es darf allerdings beim Umzug nichts verloren gehen. Herzliche Grüsse an Sie u<nd> die Ihrigen von Ihrem M. Vasmer” (частный архив М. Раммельмейера).

ВИНОГРАДОВ 1999

Виноградов В. В., *История слов*, Москва.

ВИХАВАЙНЕН 2004

Вихавайнен Т. (ред.), *Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий*, Хельсинки (http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf).

ЗАИМОВ, КАПАЛДО 1982

Заимов Й. (увод и коментар на старобългарския текст), Капалдо М. (подбор и коментар на гръцкия текст), *Супрасълски или Ретков сборник*, 1, София.

МАТЕРИАЛЫ 1962

IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, 2: Проблемы славянского языкознания, Москва.

МАЯКОВСКИЙ 1957

Маяковский В. В., *Полное собрание сочинений в 13 тт.*, 4, Москва.

МОЛИТВОСЛОВ И ПСАЛТИРЬ 1988

Православный молитвослов и Псалтирь, Москва.

ОТЧЕТ 1960

IV Международный съезд славистов. Отчет, Москва.

СДРЯ т. 1–8 —

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–8 —, Москва, 1985–2008 —.

СЛРЯ XVIII в.

Словарь русского языка XVIII в., 1–6, Ленинград, 1984–1991; 7–14 —, С.-Петербург, 1995–2004 —.

СРЕЗНЕВСКИЙ I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, I–III, С.-Петербург, 1893–1912 (репринт: Москва, 1989).

ТОЛСТОЙ 1995

Толстой Н. И., “Об авторе этой книги”, в: Унбегаун Б.-О., *Русские фамилии*, изд. 2-е, испр., пер. с англ.; ред. и послесл. Б. А. Успенского, Москва, 434–439.

ТРЕНИН 1991

Тренин В. В., *В мастерской стиха Маяковского*, Москва.

ТРУБАЧЕВ 1960

Трубачев О. Н., “Об этимологическом словаре русского языка”, *Вопросы языкознания*, 3, 60–69.

УСПЕНСКИЙ 1994

Успенский Б. А., “Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии”, в: Успенский Б. А., *Избранные труды*, II, Москва, 53–128.

ФАСМЕР 1907

Фасмер М. Р., “Греко-славянские этюды. II: Греческие заимствования в старославянском языке”, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 12/2, 197–289.

ФАСМЕР 1909

Фасмер М. Р., *Греко-славянские этюды. III: Греческие заимствования в русском языке*, Санкт-Петербург.

ФАСМЕР 1964

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, под ред. и с предисл. Б. А. Ларина, I, Москва.

ФАСМЕР 1986

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, изд. 2-е, стереотипное, пер. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, под ред. и с предисл. Б. А. ЛАРИНА, т. I, Москва.

ХАБУРГАЕВ 1986

ХАБУРГАЕВ Г. А., *Старославянский язык*, Москва.

ЦЕЙТЛИН 1986

ЦЕЙТЛИН Р. М., *Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, София.

ЧЕРНЫШЕВА 2000

ЧЕРНЫШЕВА М. И., "Макс Фасмер", в: Г. А. БОГАТОВА (ред.), *Отечественные лексикографы: XVIII–XX века*, Москва, 236–250.

AEGERTER 1998

AEGERTER R., *Die schweizerische Wissenschaft und der Osten Europas: Zur Geschichte der Slavistik und Osteuropa-Kunde* (= *Slavica Helvetica*, 57), Bern u. a.

AITZETMÜLLER 1977

AITZETMÜLLER R., *Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, 11), Würzburg.

AITZETMÜLLER 1991

AITZETMÜLLER R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verb. und erw., Aufl. (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, 30), Freiburg i. Br.

AMBURGER 1986

AMBURGER E., "Zum "Petersburger Deutsch"", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), 16–18.

BAECKLUND IN MEMORIAM 1976

Astrid Baecklund-Ehler in memoriam (1908–1976) (= *Slavica lundensia*, 4), Lund.

BIOGRAPHICAL DICTIONARY

International Biographical Dictionary of Central European Emigrés 1933–1945 II/1: A – K: The Arts, Sciences, and Literature, München u. a., 1983.

BIRGEGÅRD 2005

BIRGEGÅRD U., "The History of Slavistics in Sweden", in: G. BROGI BERCOFF u. a. (éd), *Contributions à l'histoire de la slavistique dans les pays non slaves*, Wien, 151–196 (http://www.moderna.uu.se/digitalAssets/42/42371_birgegard.pdf).

BOTT 1999

BOTT M.-L., "Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmers Denkschrift 1928", *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*, 2, 151–180.

BOTT 2002

BOTT M.-L., "Dozentin trotz Reichshabilitationsordnung. Die Berliner Slavistin Margarete Woltner in den Jahren 1925–1950", in: J. VAN LEEUWEN-TURNOVCOVÁ u. a. (Hrsg.), *Gender-Forschung in der Slawistik* (= *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 55*), Wien, 419–440.

BOTT 2004

BOTT M.-L., "„Partisanenhaft und dilettantisch“. Der Streit um die "ideologischen Grundlagen" des Dozentenlehrgangs für Slavisten an der Humboldt-Universität 1950/51", in: M. SCHALENBERG, P. Th. WALTHER (Hrsg.), *"... immer im Forschen bleiben": Rüdiger vom Bruch zum 60. Geburtstag*, Stuttgart, 265–295.

BOTT 2009

BOTT M.-L., "Die Haltung der Berliner Universität im Nazionalsozialismus. Max Vasmers Rückschau 1948" (= Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin, 1), Berlin (<http://edoc.hu-berlin.de/series/geschichte-hu/1/PDF/1.pdf>).

BOTT 2009a

BOTT M.-L., "Rückschau 1948. Max Vasmers Rede «Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus», *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*, 12: *Universität und die Grenzen der Rationalität*, 189–255.

BRANG, AEGERTER 2005

BRANG P., AEGERTER R., "Slawistik in der Schweiz", in: G. BROGI BERCOFF u. a. (éd.), *Contributions à l'histoire de la slavistique dans les pays non slaves*, Wien, 125–149.

BRANG, BRÄUER 1986

BRANG P., BRÄUER H., "[Nachruf] Margarete Woltner", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), XI–XVI.

BRANG, KEIPERT 1990

BRANG P., KEIPERT H. "[Nachruf] Herbert Bräuer", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 50, 1–15.

BRÄUER 1952

BRÄUER H., *Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen: Eine syntaktische Untersuchung*, Wiesbaden.

DICKE 2003

DICKE K., "Anfragen an Hans Leisegangs politische Ethik", in: K.-M. KODALLE (Hrsg.), *Philosophie eines Unangepaßten: Hans Leisegang*, Würzburg, 43–51.

DIE BIBEL 1925

Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers neu durchgesehen..., Berlin.

DYBOWSKI 1987

DYBOWSKI P., "Slavenkunde und Slavistik im Lande Helmholds: Zur Geschichte des Slavischen Seminars der Universität Kiel", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, Teil 2 (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Bd. 50/2), Wiesbaden, 97–144.

GIRNUS, MEIER 2010

W. GIRNUS, K. MEIER (Hrsg.), *Die Humboldt-Universität Unter den Linden 1949 bis 1990: Zeitzeugen – Einblicke – Analysen*, Leipzig.

ECKERT 1985

ECKERT R., "Wolfgang Steinitz und die Vermittlung des Russischen", *Zeitschrift für Slawistik*, 30, 915–920.

ECKERT 1991

ECKERT R., "Zu Max Vasmers Aufenthalt in Schweden", *Zeitschrift für Slawistik*, 36, 403–411.

GESANGBUCH 1910

Evangelisch-Lutherisches Gesangbuch für Kirche, Schule und Haus, 16. Aufl., Riga, Mitau.

GULYA 1996

GULYA J., "Steinitz, Wolfgang", in: H. STAMMERJOHANN (gen. ed.), *Lexicon grammaticorum: Who's Who in the History of World Linguistics*, Tübingen, 884–885.

KATZ 1951

KATZ D., "[Autobiography]", in: *A History of Psychology in Autobiography*, 4, New York, 189–211.

KATZ 1972

KATZ R., "[Autobiographie]", in: PONGRATZ L.J. u. a. (Hrsg.), *Psychologie in Selbstdarstellungen*, Bern, 103–125.

KATZ 1928

KATZ D. und R., *Gespräche mit Kindern. Untersuchungen zur Sozialpsychologie und Pädagogik*, Berlin.

KATZ 1931

KATZ D. und R., "Die Schimpfworte des Kindes", in: *Beihefte zur Zeitschrift für angewandte Psychologie*, 59 (= Festschrift William Stern zum 60. Geburtstag am 29. April 1931), Leipzig, 120–131.

KEIPERT 1993

KEIPERT H., "Ein altbulgarisches Gedicht von August Leskien", *Anzeiger für slavische Philologie*, 22/1 (= Festgabe für Rudolf Aitzetmüller zum 70. Geburtstag), 105–119.

KIPARSKY S. D.

KIPARSKY V., "[Gedenkrede]", in: *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. 1., 9–22.

KNUTSSON 1926

KNUTSSON K., *Über die sogenannte zweite Palatalisierung in den slavischen Sprachen*, Lund, Leipzig.

KRAUSE 1989

KRAUSE F., "Zur Berliner Slawistik in den Jahren 1946 bis 1950: M. Vasmer und M. Woltner", *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Reihe Gesellschaftswissenschaften*, 38/2, 160–169.

KÜRSCHNER 1994

"Bräuer, Herbert", in: KÜRSCHNER W. (Hrsg.), *Linguisten-Handbuch*, 1, Tübingen, 95–96.

LESKIEN 1969

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar*, 9. Aufl., Heidelberg.

LEXICON DEUTSCH-JÜDISCHER AUTOREN

Lexicon deutsch-jüdischer Autoren, 13, München, 2005.

LIEBER S.D.

LIEBER H.-J. "[Gedenkrede]", *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. 1., 7.

LJUNGGREN 2010

LJUNGGREN M., "Historien bakom ett gammalt foto", *Meddelanden*, 38 (= Slaviska institutionen, Stockholms universitet), 1–20.

MIKLOSICH 1862–1865

MIKLOSICH F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, emendatum auctum, Wien.

NILSSON S. A.

NILSSON B., "Institutionen för slaviska språk vid Stockholms universitet, 50 år: En historik", in: <http://www.slav.su.se/pub/jsp/polopoly.jsp?d=5919&a=20755>.

RAMMELMEYER 2010

RAMMELMEYER M., "Wie kam die Familie Rammelmeyer nach Russland? Was Tante Elsa erzählte...", in: G. GIESEMANN, H. ROTHE (Hrsg.), *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung. Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer*, München, Berlin, 1–13.

REITER 1987

REITER N., "Persönliches zu Max Vasmer", in: N. Reiter (Hrsg.), *Max Vasmer zum 100. Geburtstag* (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, 66), Wiesbaden, 45–49.

ROTHER 2003

ROTHER H., "Rammelmeyer Alfred Carl Franz", *Neue Deutsche Biographie*, 21, 131–132 (<http://www.deutsche-biographie.de/pnd118748971.html>).

SCHROEDER 1953

SCHROEDER H., *Studien über Maurycy Mochnacki mit besonderer Berücksichtigung des deutschen Einflusses* (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 1), Berlin.

SCHUBERT 2010

SCHUBERT G., "In memoriam Norbert Reiter", *Zeitschrift für Balkanologie*, 46, 147.

SEEMANN 1982

SEEMANN K.-D., "Die Slavistik an der Freien Universität Berlin", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, 1 (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 50/1), 19–44.

SEEMANN 1991

SEEMANN K.-D., "Die slavistische Forschung an der Freien Universität Berlin", *Zeitschrift für Slavistik*, 36/3, 412–439.

SIEGMANN s.d.

SIEGMANN F., "[Gedenkrede]", *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. l.

SJS I–IV

Slovník jazyka staroslověnského, I–IV, Praha, 1966–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993

Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon, Bautzen.

THÖRNQVIST 1948

THÖRNQVIST K., *Studien über die altnordischen Lehnwörter im Russischen*, Stockholm.

URBAŃCZYK 1981

URBAŃCZYK S., "Erinnerungen an Hildegard Schroeder", H. Riggensbach (Hrsg.), *Colloquium Slavicum Basiliense: Gedenkschrift für Hildegard Schroeder* (= *Slavica Helvetica*, 16), Bern u. a., 725–729.

URBAŃCZYK 1986

URBAŃCZYK S., "Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), 384–398.

VASMER 1953

VASMER M., *Russisches etymologisches Wörterbuch*, 1, Heidelberg.

VASMER 1957

VASMER M., (Rez.): "Leskien A., Handbuch der Altbulgarischen (Altkirchenslavischen) Sprache", *Theologische Literaturzeitung*, 82/1, 49.

VASMER 1982/1960

VASMER M., "Die slavische Philologie an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, 1 (=Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien

Universität Berlin, 50/1), Wiesbaden, 1982, 11–17 (впервые в: LEUSSING H., NEUMANN E., KOTOWSKI G. (Hrsg.), *Studium Berolinensis. Aufsätze und Beiträge zu Problemen der Wissenschaft und zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Gedenkschrift der Westdeutschen Rektorenkonferenz und der Freien Universität Berlin zur 150. Wiederkehr des Gründungsjahres der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*, Berlin, 1960, 545–553).

VONDRÁK 1912

VONDRÁK W., *Altkirchenslavische Grammatik*, 2. Aufl., Berlin.

WOLTNER 1956

WOLTNER M., „Schriftenverzeichnis“, in: WOLTNER M., BRÄUER H. (zusammengest. von), *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956* (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 9), Wiesbaden, 1–22.

WOLTNER 1963

WOLTNER M., „(Nachruf:) Max Vasmer“, *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 31, 1–21 (S. 19–21: Nachtrag zum Schriftenverzeichnis).

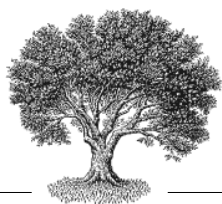
ZEIL 1986

ZEIL L., „Vasmers Wirken als Mitglied der Berliner Akademie der Wissenschaften“, *Zeitschrift für Slawistik*, 31, 676–692.

ZUR ERINNERUNG 1998

„Zur Erinnerung an Margarete Woltner“, *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1–2.

Dr. phil. **Marina Bobrik**
Institut für Slawistik
Humboldt-Universität zu Berlin
Dorotheenstrasse 65
10099 Berlin
Deutschland
marina.bobrik@online.de

Раннедревне-
болгарский
пласт в ростов-
ской служебной
минее XIII века

(РНБ, F. п. I 37)

Early Old
Bulgarian
Layer in the
Office Menaion
of Rostov
Provenance of the
13th c. (RNL, F. p. I 37)

Роман Николаевич Кривко

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Институт славяноведения РАН,
Москва

Roman N. Krivko

Vinogradov Institute for Rus-
sian Language of the Russian
Academy of Sciences,
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow

Abstract

The article is dedicated to the linguistic and textual peculiarities of the Festal Menaion *F. p. I 37* preserved in Russian National Library (S.-Petersburg) and dated to the beginning of the 13th c. Numerous linguistic features of the manuscript testify to Old West Bulgarian (Old Macedonian) literary usage of the end of the 9th — beginning of the 10th c., on the basis of which the earliest Slavonic hymnographical translations were performed. Despite of such an archaic linguistic and textual layers observed in the manuscript, its calendar, structure and content were influenced by the monastic rite based on the Typicon of Patriarch Alexius the Studite which had been translated and introduced in Kievan Rus' at the second half of the 11th c. The linguistic features of the text version as attested by *F. p. I 37* have been compared to the manuscripts testifying to the Alexius the Studite text

version. It has been affirmed that adaptation of the Old Bulgarian hymnographic heritage in Kievan Rus' followed the unstable trend to neglect the most remarkable South (and South West) Slavonic linguistic features and aimed at establishing "neutral" over dialectal Church Slavonic literary usage.

The significant part of the article contains the edition of the earliest Slavonic, i. e. Old Bulgarian, translation of the Greek kanon *Τάφῳ παρθενοδόχῳ* dedicated to the Dormition of the Theotokos. The earliest Slavonic translation of this kanon has been preserved in the unique available manuscript, that is *F. p. 137*. The publication of the Slavonic translation is supplied with the first critical edition of the Greek source performed on the basis of twelve manuscripts, the linguistic commentary of the Slavonic text, and remarks concerning some metric peculiarities of the original Greek version.

Key words

Old Church Slavonic, Old Bulgarian language, history of Slavonic languages, Church Slavonic written sources, Slavonic hymnography, early Slavonic liturgical traditions, literary relations of Medieval Slavs, translation technique, Byzantine hymnography

1. Вступительные замечания: проблема текстологической однородности древнерусского студийско-алексиевского гимнографического корпуса

В середине одиннадцатого века в Древней Руси произошла литургическая реформа, в ходе которой древнерусское богослужение, основанное на выполненных в Первом Болгарском царстве переводах и, в меньшей степени, оригинальных текстах, было перестроено в соответствии с требованиями Устава патриарха Алексия Студита (1025–1043), сохранившегося только в славянской традиции благодаря выполненному на Руси переводу.¹ Появившиеся в Первом Болгарском царстве богослужебные книги, в частности, Триоди и служебные минеи, были заново сверены на Руси с греческими оригиналами [Момина 1992; Пентковский 2001: 158].²

¹ Основное исследование и публикация: [Пентковский 2001].

² См. наиболее точное, на наш взгляд, и взвешенное описание этого процесса: "<В> данном случае речь идет не о совершенно новых переводах, а об особом рода книжной справе, в которой использовались уже существовавшие славянские переводы богослужебных книг, выполненные в X веке в юго-западной части I Болгарского царства. При создании новой редакции какой-либо богослужебной книги в новый текст включались переведенные ранее тексты, либо с правкой по греческому тексту, если в последнем имелись разночтения по отношению к имевшемуся переводу, или же без правки, если эти разночтения отсутствовали. Полностью переводились только те тексты, которые отсутствовали в имевшихся богослужебных книгах" [Пентковский 2001: 158]. Такие тексты, однако, до сих пор не выявлены ни литургистами, ни филологами, за исключением службы свв.

По сообщению Повести временных лет, от Успенского Киево-Печерского монастыря Устав патриарха Алексия Студита “*перяша вси манастирьѣве*” (1051 г.) [Лавр.лет. 160],³ однако истинные масштабы студийско-алексиевской реформы остаются неясными. В частности, плохо понятно, в какой мере осуществлялось языковое редактирование древнеболгарских текстов и какие разночтения и переводы впервые появились на древнерусской почве. Нужно, однако, признать, что в силу отсутствия сведений о лексических русизмах в богослужебных рукописях решение последней задачи с применением хорошо известного “лексического критерия” представляется на сегодняшний день невозможным, и для этого используются другие сравнительные методы.⁴

Обращает на себя внимание скорость распространения древнерусской “студийско-алексиевской” реформы.⁵ Источники не сообщают нам ничего о её поддержке со стороны княжеских властей, в связи с чем обратим ещё раз внимание на характерное упоминание именно *монастырей* в соответствующей погодной записи (1051 г.) *Повести временных лет* [Лавр.лет. 160]. Не позднее середины семидесятых годов одиннадцатого века Студийско-алексиевский устав был переведён в Киево-Печерском монастыре [Пентковский 2001: 164-165], а уже в 1095-1097 годах в Новгороде были написаны древнейшие служебные минеи (сентябрь, октябрь, ноябрь), отредактированные согласно этому Уставу [Сергий I: 208] и иногда называемые по имени основателя славянской “минейной филологии” “Ягичевыми Минеями” [изд.: Ягичъ 1886]. От рубежа XI-XII веков сохранилось ещё два написанных в Новгороде комплекта служебных миней студийско-алексиевской редакции, литургическая принадлежность которых была установлена ещё архиеп. Сергием (Спасским) на основе преимущественно календарных данных [Сергий I: 208-209].

О том, что эти данные были изучены и поняты недостаточно, свидетельствуют следующие факты.

В Студийско-Алексиевском уставе память мч. Мины положена одиннадцатого ноября [Пентковский 2001: 293], тогда как в “ягичевой минее” (1097 г.) этот праздник отмечается десятого ноября [Ягичъ

Борису и Глебу, древнерусское происхождение которой не требует доказательств.

³ Две разных версии того, как был введён Устав, сохранились в Житии прп. Феодосия Печерского и в Повести временных лет, см. их сравнение в: [Пентковский 2001: 155-164].

⁴ См., напр., статью [Кривко 2011а]; там же более подробное изложение проблемы.

⁵ Устав патриарха Алексия Студита — один из многочисленных “студийских” уставов, точнее, уставов студийской группы [Пентковский 2001], в связи с чем называть древнерусскую редакцию богослужебных книг родовым определением “студийский” некорректно.

1886: 334],⁶ в согласии с другими древнерусскими минеями XI–XII вв. [СЕРГИЙ II: 351] и в противоречие Уставу. Судя по материалам архиеп. Сергия (Спасского) и Я. Кулича,⁷ Студийско-Алексиевский устав следует магистральной исторической линии византийских календарей, тогда как древнерусские минеи имеют в этом отношении уникальную параллель лишь в одной, гrotтаферратской, рукописи семнадцатого века (!) *Crypt. gr. Δ α XXXIII* [Kulič 1992: 38-39; СЕРГИЙ II: 351]. Перемещение празднования памяти мч. Мины с одиннадцатого на десятое ноября объяснимо: так составители миней пытались “освободить” празднование памяти прп. Феодора Студита (11 ноября) от менее значимых для студийской традиции дат. Не столь очевидным является региональный характер такой перестановки, противоречащей переведённому на Руси Студийско-Алексиевскому уставу. Допустимо полагать, что древнерусские служебные минеи воспроизводят здесь более раннюю, редкую и утраченную древнеболгарскую традицию служебных миней, не сохранившуюся на славянском юге,⁸ либо отражают особенности также несохранившихся византийских оригиналов древнерусской редакции, не во всём соответствовавших студийско-алексиевской практике. Возможно, однако, что мы здесь имеем дело не вообще с древнерусской, а с узкорегиональной традицией, соблюдавшейся в некоторых монастырях древнего Новгорода (все студийско-алексиевские минеи, о которых здесь идёт речь, новгородского происхождения).

Несмотря на возможные расхождения с календарём Студийско-Алексиевского устава, едва ли во всём правильным является видение Д. Штерна [2004: 76], согласно которому в Древней Руси “составители Миней не ориентировались на церковные уставы, но составили славянские минейные рукописи по тем греческим рукописям, которые попали им под руку. <...> Между прочим, составить минейные собрания при помощи устава было бы невозможным предприятием, потому что в славянских уставах не содержалось подробных указаний”. Последним доводом можно пренебречь: в древних уставах, и не только славянских, действительно не указываются памяти на каждый день месяца, однако это значит, что празднования в эти дни не были важны для данной литургической традиции и поэтому могли допускать варьирование как в конкретных датах, так и в составе служб. Единственно важными

⁶ Благодарю за это замечание Искру Христову-Шомову.

⁷ Я. Кулич составил сводный календарь нескольких десятков греческих служебных миней десятого — девятнадцатого веков, не зная или по каким-то другим причинам не используя труд архиеп. Сергия, который не упомянут в библиографии к справочнику [Kulič 1992: V–XII].

⁸ Ср. данные южнославянских месяцеловов относительно инетересующих нас здесь дат: [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010: 99–100].

для историко-литургической классификации миней на основе её календаря являются только те даты, которые упомянуты в уставах и тем самым оказываются значимыми для данной традиции и одновременно характеризуют эту и только эту традицию. Так, например, не играет роли для историко-литургической классификации источника празднование Преображения Господня шестого августа, поскольку оно отмечается в этот день согласно уставам разных традиций и не является средством локализации месяцеслова миней, Евангелия или Апостола внутри византийского литургического ареала. Для установления связи литургического источника с той или иной частной, “диалектной”, богослужебной традицией важны только те даты, которые представляют собой отступление от общей, “наддиалектной”, литургической нормы и являются исключительной особенностью этой традиции. Сравнение древнерусских миней с уставом патриарха Алексия Студита доказывает, что те же самые комплекты служебных миней, в которых отмечается отступление от календарных указаний этого устава, на материале других месяцев содержат бесспорные свидетельства его влияния. Отсутствие таких свидетельств в каждом из двенадцати месяцев не является доказательством того, что древнерусский комплект служебных миней на каком-либо фрагменте годового цикла составлялся без учёта требований Студийско-Алексиевского устава: специфических “студийско-алексиевских” дат в большинстве месяцев может просто не быть.

На сознательную редакторскую правку древнерусских служебных миней по Студийско-Алексиевскому уставу указывает то, что “в августовской нотированной служебной минее XII века, входящей в комплект новгородских миней, среди стихир на 14 августа (предпразднство Успения) находятся три стихиры обновлению храма. Эти же самые стихиры обновлению находятся под 14 августа и в нотированном минейном стихираре XII века. Стихиры обновлению храма относятся к празднованию обновления Успенского храма в константинопольском монастыре патриарха Алексия, что подтверждают соответствующие рубрики, находящиеся в САУ под 14 августа. О зависимости рассматриваемой редакции древнерусских миней от комплекса богослужебных книг из монастыря патриарха Алексия Студита <...> свидетельствует и последование 7 декабря из декабрьской нотированной служебной минее XII века, входящей в состав уже упомянутого новгородского комплекта миней, которое представляет собой соединение попразднства святителю Николаю Мирликийскому со службой святителю Амвросию Медиоланскому. <Именно — Р. К.> в монастыре патриарха Алексия Студита соединялись служба попразднству святителя Николая Мирликийского со службой святителю Амвросию Медиоланскому” [Пентковский

2001: 160]. Со студийской традицией связано также предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи 28 августа, совмещённое с памятью прп. Моисея Мюрина (*Ta*, л. 96-103), поскольку главный храм Студийского монастыря был посвящён Иоанну Предтече. Такое положение было вовсе не типичным: песнопения предпразднства Усекновения главы отсутствуют в *Ca*, а в *Ta*, единственной рукописи, в которой эти песнопения есть, предпразднство всё же не указано в заглавии службы. (Заметим, что это является ещё одним свидетельством влияния иной, неустановленной, традиции на древнерусский студийско-алексиевский гимнографический корпус.) Византийские служебные минеи на август, содержащие 28 августа предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи, неизвестны.⁹ Наконец, празднование памяти Семи отроков Эфесских седьмого августа, предписываемое в этот день Студийско-Алексиевским уставом [Пентковский 2001: 359], является характерной особенностью именно этого Устава и составленных на его основе *Ca* и *Ta*, тогда как во всех многочисленных византийских служебных минеях, доступных автору этой статьи, память Семи отроков Эфесским помещена либо на четвёртое, либо на второе августа [Кривко 2008: 82].

Всё это, в целом, соответствует месяцесловам древних славянских евангелий, в которых редкое студийско-алексиевское предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи отсутствует,¹⁰ а такая же “локальная” память Отроков Эфесских седьмого августа засвидетельствована только месяцесловом древнерусского (галицко-волынского) Доброилова евангелия 1164 г.¹¹ Ср.: “Успение семи отроков в Эфесе (1-я пол. V). Празднуется 7 августа по Студийскому уставу, 2 — по УВЦ <Уставу Великой Церкви. — Р. К.>, 4 августа — по Иерусалимскому” [Лосева 2001: 402]. Судя по исключительности празднования памяти Отроков Эфесских 7 августа, которое из всего изобилия византийских и славянских миней и месяцесловов засвидетельствовано только двумя древнерусскими служебными минеями студийско-алексиевской редакции и одним, тоже древнерусским, евангелием, а также самим Студийско-Алексиевским уставом, эта дата является не “общестудийской”, а студийско-алексиевской, что объясняет её региональный восточнославянский характер: константинопольская студийско-алексиевская традиция засвидетельствована только древнерусскими источниками.

⁹ [Кулиш 1992: 204; Кривко 2008: 86]. Источниковые базы обоих исследований дополняют друг друга.

¹⁰ [Лосева 2001: 417; Дограмаджиева 2010: 313]. См. красноречивое молчание источников, известных архиеп. Сергию [II: 263].

¹¹ [Лосева 2001: 402; Дограмаджиева 2010: 308]. Архиеп. Сергий [II: 239] в своём сводном Месяцеслове указывает в этой связи только *Ca* и *Ta* и сам Студийско-Алексиевский устав.

В сопоставлении студийско-алексиевского гимнографического корпуса со Студийско-Алексиевским уставом необходимо также принимать во внимание сложность текстологической традиции этого устава, в рамках которой насчитывается девять редакций, что приблизительно равно количеству рукописей, содержащих Устав [Пентковский 2001: 181-195].

Наконец, для оценки неоднородности древнерусского гимнографического корпуса особое значение имеют ранние следы палестинских календарных традиций, появление которых предшествует эпохе распространения Иерусалимского устава на христианском Востоке. В многочисленных современных исследованиях по славянской гимнографии осталась незамеченной статья [ШТЕРН 2004], в которой выявлены календарные особенности иерусалимского, точнее, “новосавваитского” (термин Р. Тафта), типа в древнерусской служебной минее на май двенадцатого века из собрания РНБ, *Соф. 199*: “<И>ерусалимский характер Софийской минеи проявляется скорее опосредованным образом, а именно, отсутствием явных студийских черт. <...> Но есть и прямое доказательство иерусалимского влияния на софийскую минею, а именно, память св. Артемона 13-го апреля, которая празднуется в этот день по Иерусалимскому уставу <...>, и память св. Симеона, еп. Персидского, 17 апреля, которая празднуется в этот день тоже исключительно по Иерусалимскому уставу¹² <...>. Отзвук студийской традиции в софийской минее представляет только <...> празднование памяти св. Аристарха, Пуда и Трофима на 14-ое апреля. <...> <Б>росается в глаза одна особенность синодальной рукописи,¹³ а именно наличие <памяти> святого Георгия Малейского: во-первых, на 4-ое апреля по иерусалимской традиции, и, во-вторых, на 15-ое по студийской традиции. Значит, синодальная рукопись является смешанной студийской минеей с иерусалимским элементом” [ШТЕРН 2004: 76; ссылки на: Лосева 2001: 316, 319]. Автор приходит к заключению, что “апрельская софийская минея является единственным свидетельством раннего иерусалимского влияния на Руси” [ШТЕРН 2004: 79] и справедливо задаётся вопросом, “как может это сочетаться с общепринятым представлением о том, что иерусалимская традиция была принята у славян только в XIV в. <...>?” [ШТЕРН 2004: 77]. Необходимо, однако, задать и следующий вопрос: как это

¹² Здесь исследователь ошибся: празднование памяти свт. Симеона, еп. Персидского, семнадцатого апреля предписывается также Евергетидским уставом второй половины одиннадцатого века, сохранившимся в рукописи двенадцатого столетия [см.: Дмитриевский I: 448]. Евергетидский устав, созданный для одного из константинопольских монастырей, отражает влияние палестинских традиций на студийские [Тафт 1988: 190].

¹³ Имеется в виду рукопись конца двенадцатого века ГИМ, *Син. 165*.

соотносится с нашими знаниями о распространении новосавваитского богослужения вообще в византийском обряде?

Влияние иерусалимских богослужебных обычаев в Константинополе прослеживается с середины одиннадцатого века. В это время был создан Евергетидский устав, который принадлежал к уставам студийской группы, имел свои непосредственные корни в Малой Азии [Пентковский 2004] и при этом включал элементы палестинской литургической практики [Тафт 1988: 190]. Показательно, что одна из памятней, которую Д. Штерн ошибочно считает “исключительно Иерусалимской”, имеет соответствие именно в Евергетидском уставе.¹⁴ Источник проникновения “иерусалимских” памятней в славянские служебные минеи остаётся неясным: как полагает Д. ШТЕРН [2004: 77], “славянские переводы литургических книг <...> подвергались проверке и пополнению с помощью <...> доступных греческих рукописей”, и далее [там же] утверждается как некий доказанный “факт, что славянские книги не только переводились, но и переписывались в византийской среде, т.е. на Афоне или в Царьграде”. Даже если это так и мы бы знали об этом достоверно по отношению к обсуждаемой здесь древнейшей эпохе, нельзя забывать, что Иерусалимский устав занял господствующее положение в Никейской империи только к середине тринадцатого века, а на Афоне он был принят лишь во второй половине того же столетия [Пентковский 2004: 158 (литература)]. Очевидно, “иерусалимские” праздники новгородской служебной минеи на апрель *Соф.* 199 являются либо свидетелем утраченного звена византийской традиции, свидетельствующего о проникновении палестинских обычаев в Малую Азию и, возможно, Константинополь в двенадцатом столетии, либо отражают какие-то прямые контакты Древней Руси и Палестины, например, через паломников или славянскую общину на Синае.

За год до выхода в свет работы Д. ШТЕРНА [2004] была опубликована не учтённая им статья О. В. Лосевой [2003], в которой также затрагивается проблема ранних русско-палестинских литургических контактов, однако на материале месяцесловов древнерусских Евангелий и Апостолов. Если Д. ШТЕРН [2004] установил влияние на календарь древнерусских миней двенадцатого века палестинской монастырской традиции, связанной с богослужением Лавры св. Саввы, то О. В. Лосева [2003] выявила в календаре *Остромирова евангелия* (1057 г.), *Мстиславова апракоса* (до 1117 г.) и некоторых других восточнославянских рукописях уникальные праздники, отражающие практику Святогробского Типикона, использовавшегося в иерусалимском храме Воскресения Господня. За исключением единственного греческого фрагмента палестинского

¹⁴ См. примеч. 12.

происхождения, эта богослужебная традиция полнее всего сохранилась в древнегрузинских и армянских источниках, что придаёт особое значение древнерусским, точнее, древненовгородским данным¹⁵ для изучения богослужебных традиций христианского Востока. Пути их заимствования на восточнославянский северо-запад остаются неизвестными.

Культурный и географический диапазон возможных источников раннего заимствования палестинских памятней в календарную традицию Древней Руси настораживает, давая понять, насколько сложным и неоднородным может оказаться при внимательном рассмотрении восточнославянский литургический ландшафт. Обратим в связи с этим внимание и на то, что, кроме так называемых “ягичевых миней” и миней “типографского” и “синодального” комплектов, другие свидетели древнерусской студийско-алексиевской редакции служебных миней *par excellence* достоверно не описаны, да и эти рукописи не являются абсолютно точным воспроизведением его требований, а основополагающая статья М. А. Моминой [1992], — при всей репрезентативности рукописного материала, убедительности и доказательности главных выводов, — основана, помимо календарных и структурных данных, на единичных примерах текстового совпадения между минеями и триодиями, с одной стороны, и певческими сборниками Ирмологием, Стихирарем и Кондакарём, с другой.¹⁶ Единичность примеров в статье М. А. Моминой [1992] обусловлена исключительно рамками жанра, а не количеством реально имеющихся параллелей и не объёмом изученного автором материала, однако это не избавляет нас от необходимости более сложных сопоставлений на основе более активного лингвистического анализа. Впрочем, судя по критическому аппарату к изданиям синодального студийско-алексиевского комплекта служебных миней конца двенадцатого века [МА I-III; MD I-IV; MF I-III], который учитывает древнерусские рукописи не младше тринадцатого столетия, текстологическое

¹⁵ См. литературу в статье О. В. Лосевой [2003: 135], согласно которой к святогробским праздникам в раннедревнерусской традиции относятся освящение храма Богородицы в Гефсиманском саду 22 октября, память вмч. Пантелеимона 31 октября (а не 27 июля), память свт. Григория Нисского 8 января, память свт. Александра Александрийского 18 января, память сщмч. Поликарпа Смирнского 26 января, память Положения главы Иоанна Предтечи 27 октября, а также Воскрешение праведного Лазаря 17 марта. Из всех этих праздников только Воскрешение праведного Лазаря известно в нескольких южнославянских евангелиях двенадцатого — четырнадцатого веков, хранящихся в библиотеке Зографского монастыря [Дограмаджиева 2010: 152].

¹⁶ М. А. Момина [1992] исходит из общепринятого факта, что певческие сборники Стихирарь, Ирмологий и Кондакарь были созданы на Руси, хотя и при использовании древнеболгарских переводов; следовательно, текстологические параллели между этими сборниками и минеями свидетельствуют о древнерусском происхождении тех миней, которые содержат общие тексты со стихирарями, ирмологиями и кондакарями.

и языковое единство восточнославянского гимнографического корпуса было довольно высоким: подавляющую массу критического аппарата составляют графико-орфографические, фонетические и текстологически малозначимые паронимические разночтения.

Предполагается, вслед за В. Ягичем, что отличительным признаком древнерусских студийско-алексиевских служебных миней являются жанровое расположение гимнов, при котором малые жанры (отпустительный тропарь, седальны, кондак с икосом и стихирь) предшествуют канону,¹⁷ а также календарные особенности, впервые описанные архиеп. Сергием Спасским [СЕРГИЙ I: 208-211] на обширном, но всё же, как мы увидели выше, ограниченном материале. Отсюда вывод: “Въ XII-XIII вѣкахъ и первой половинѣ XIV вѣка въ Россіи были употребляемы минеи единственно студійскія” [СЕРГИЙ I: 209], то есть, ещё раз уточним, — студийско-алексиевские.

Представления архиеп. Сергия о высокой содержательной и календарной однородности древнерусского гимнографического корпуса связаны в значительной степени с отсутствием общепринятой историко-типологической классификации византийских служебных миней, которая должна стать необходимой базой для соответствующих построений на славянской почве. Византийская типология неизбежно осложняется на славянском материале языковыми и текстологическими особенностями, связанными с различными способами перевода и редактирования одних и тех же греческих текстов уже внутри славянской традиции. Особую проблему представляет атрибуция греческих оригиналов, которые также влияют на место определённой рукописи в рамках славянской традиции (см. об этом далее).

Известно не так много древнерусских гимнографических памятников, которые выглядят исключением на кажущемся однородным “студийско-алексиевском” фоне. К ним прежде всего относятся *Путятинна Минея* одиннадцатого века [Мурьянов 1998-2000; Щеголева 2001; Баранов, Марков 2003] и *Ильина книга* XI-XII вв. [Крысько 2005; Верещагин 2006], которые представляют стадии развития славянской гимнографии, предшествующие введению на Руси Студийско-Алексиевского устава. Эти рукописи являются важнейшими свидетелями древнеболгарской гимнографии конца девятого — десятого веков.¹⁸

¹⁷ [Ягичъ 1886: LXVII-LXVIII; Мурьянов 1981; Верещагин 2001: 259], ср. “традиционное деление миней на иерусалимские и студийские” [Нечунаева 2000: 31]; но см. затем предостережение В. Томеллери [2007: 116]: “Такая классификация состава не соответствует сложной исторической действительности”.

¹⁸ Поскольку статья посвящена древнерусскому гимнографическому корпусу и его архаическим пластам, мы не рассматриваем здесь южнославянские источники,

С *Путьиной Минеей* сопоставима *Триодь Моисея Киянина* двенадцатого века (РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 137) [продолжающееся издание: Момина, Trunte I, II], также отражающая “достудийско-алексиевский” этап истории славянской гимнографии. Заметный архаический пласт содержится в так называемом “Кодексе Ганкенштейна” тринадцатого века (ÖNB, cod. Vind. slav. 37), который содержит наиболее исправный текст общих служб Климента Охридского.¹⁹ Значительное количество оригинальных древнеболгарских гимнографических сочинений выявлено в древнерусских праздничных минеях и в меньшей степени — в повседневных,²⁰ однако остаётся неясным, как соотносится с наличием в рукописи редких оригинальных гимнов переводной материал, в частности, какие имеются в рукописях разночтения со студийско-алексиевскими новгородскими комплектами и какие в связи с этим наблюдаются языковые явления. Ответы на эти вопросы позволили бы выявить древние, не отредактированные древнеболгарские переводы или их фрагменты в восточнославянских рукописях и тем самым получить более ясное представление о масштабах редактирования древнеболгарского гимнографического наследия в процессе студийско-алексиевской реформы. Надёжное решение данной проблемы возможно только при сплошной каталогизации и атрибуции греческих оригиналов древнерусских гимнографических сборников и при сопоставлении имеющихся в рукописи песнопений с полным текстом самого Студийско-Алексиевского устава. Объём материала и трудоёмкость исследований не позволяет надеяться на скорое осуществление подобного проекта, поэтому ограничимся в рамках данной статьи ещё одним примером архаического свидетельства в древнерусской традиции.

2. Языковые особенности праздничной минеи особого состава F. п. I 37

2а. Предварительные замечания

Рукопись *F. п. I 37* представляет собой минею праздничную особого состава первой трети тринадцатого века. “Почерк рукописи идентичен почерку 3-го писца (л. 68а–124г) Апостола 1220 г., написанного в Ростове” [Каталог 2002: 622, № д35]. В числе некоторых других рукописей Минея принадлежит к продукции ростовского владычного скриптория тринадцатого века [Турилов 2009: 239]. Эта рукопись (*F. п. I 37*),

---

которые являются свидетелями более ранних традиций, чем восточнославянские.

¹⁹ Новейшее издание общих служб: [КАМР 2010 (литература)].

²⁰ Основные работы: [Йовчева 2002; Турилов 2006].

“по-видимому, была создана в дополнение к праздничной минее (тут только предпразднства великих праздников, а самих праздников нет)” [Каталог 2002: 622]. Данная минея не отражена в обширном критическом аппарате к изданию *Ильиной книги* [Крысько 2005], поскольку обе рукописи попросту не содержат общих текстов. По другим, неизвестным, причинам *Ф. п. I 37* не нашла отражения в критических изданиях синодального комплекта [МА I-III; MD I-IV; MF I-III], из-за чего она фактически выпала из кругозора исследователей переводной славянской гимнографии. Это особенно досадно потому, что “Минея *Ф. п. I 37* (в сущности, представляющая собой сборник дополнений к Минее праздничной в собственном смысле этого слова <...>) являет собой редчайший (без преувеличения, уникальный) пример древнего (до конца XIV в.) гимнографического сборника этого типа, не связанный происхождением с Новгородом или Псковом” [Турилов 2009: 239].

Единственной работой о переводной славянской гимнографии, в которой использованы данные *Ф. п. I 37*, является обстоятельная статья М. Йовчевой [2006: 96–98], посвящённая службе свт. Афанасию в славянской традиции. Автор убедительно доказала, что версия этой службы, содержащаяся в рукописях *Ф. п. I 37* и *РНБ, Соф. 203*, представляет “изолированную”, в терминологии автора, традицию, отличающуюся как от архаичной древнеболгарской, представленной среднеболгарскими рукописями, так и от древнерусской студийско-алексиевской.

Поскольку рукопись *Ф. п. I 37* включает в себя службы значимым событиям церковного года, праздники, в ней содержащиеся, восходят к глубокой древности, и поэтому их даты в славянской средневековой традиции, в целом, устойчивы и не могут повлиять на историко-типологическую классификации рукописи.²¹ Обратим внимание лишь на память ап. Варфоломея 24-го августа, что соответствует Студийско-Алексиевскому уставу [Пентковский 2001: 365] и двум новгородским служебным минеям (*Са*, *Та*), отредактированными по этому уставу — в большинстве византийских служебных миней, доступных автору этих строк, эта память празднуется 25-го августа [Кривко 2008: 85]. Кроме того, обращает на себя внимание, что календарный цикл в *Ф. п. I 37* начинается с января, а не с сентября, в соответствии с началом церковного года, и заканчивается, соответственно, декабрём, а не августом.

²¹ В связи с календарными особенностями рассматриваемой минеи обратим внимание, что в день 9 августа празднуется память апостола не Матфея, как указано в каталоге [Каталог 2002: 622], а Матфия из числа семидесяти (см. Деян. 1:23–26). Неточность вызвана написанием самой рукописи, где на месте имени ап. Матфия читается только *Матфеи* или *Матфѣи* (в соответствующих грамматических формах) (*Ф. п. I 37*, лл. 136об., 137, 137об., 139, 139об., 140об., 141).

Кроме календарных данных, место *F. n. I 37* в русле славянской традиции определяется на основе жанрового состава и расположения песнопений: “Порядок песнопений в службе: седальны, кондаки, стихиры, каноны (два канона пишутся отдельно). <...> М. А. Момина считает, что этот тип минеи аналогичен древнему типу Триоди («Гимовский тип»²² по ее классификации, см. *Момина 1983*. С. 31, 36); он содержит особую редакцию текста” [Каталог 2002: 623], что соответствует, в свою очередь, составу и расположению песнопений студийско-алексиевской редакции служебных миней. Вторых песней в рукописи нет, в согласии с византийской практикой тринадцатого столетия. Что касается содержания песнопений, то здесь обращает на себя внимание “канон Евфимию Великому Клименту Охридского, без нач., с акростихом в 3, 4 и 9-й песнях: «...ПОУСТИН... КЛИМ»” [Каталог 2002: 622]. Возникает вопрос, имеются ли в языке перевода и в содержании других последований архаизмы, соотносимые с тем же древнеболгарским периодом, к которому относится канон прп. Евфимию Великому свт. Климента Охридского. Положительный ответ будет означать, что в рамках славянской традиции древние по происхождению тексты (оригинальные сочинения, переводы или их редакции) могли использоваться согласно более новым литургическим правилам, а древнерусская литургическая реформа не означает с необходимостью языковую и текстологическую правку.

26. Лескические особенности минеи *F. n. I 37*

Обращающих на себя внимание орфографических и морфологических особенностей в рукописи нет (исключения описаны далее), в этом отношении памятник следует позднерусскому церковнославянскому языковому узусу. Прежде всего обращает на себя внимание лексика памятника.

26-1. Слова, не отмеченные в лексикографии

На первых тридцати листах минеи замечены несколько слов, отсутствующие в славянских исторических словарях. Далее при цитировании рукописи *F. n. I 37* указывается только лист; отсутствие шифра или сиглы при цитате означает, что пример заимствован из *F. n. I 37*.

Великодарьць, м. *Тот, кто даёт великие дары. Къ велі/комуу предътечи своемуу · о/великодарьче ги · градеши* (ω μεγαλόδορε MR III 68) 29об.

Мюроносътъскыи, прил. *Передача греч. несогласованного определения, выраженного субстантивированным прилагательным двух окончаний*

²² Этот тип сформировался в процессе обсуждаемой в данной статье студийско-алексиевской реформы и поэтому может быть назван также “студийско-алексиевским”.

μυροφόρος ‘мироносица’, относящегося к словоизменительной парадигме мужского рода. Сладость веселина $\chi\tilde{\upsilon}$ $\beta\tilde{\upsilon}$ $\mu\tilde{\upsilon}$ ο/ροнос $\tilde{\upsilon}$ τ $\tilde{\upsilon}$ ςкына слъзы преложи/въшем $\tilde{\upsilon}$ у на радость фео $\tilde{\upsilon}$ доси $\tilde{\upsilon}$ е/потоци слъзъ твои $\tilde{\chi}$ хъ йскап $\tilde{\alpha}$ и $\tilde{\alpha}$ / (τ $\tilde{\omega}$ ν μυροφόρων MR III 209) 43об. ‘о Феодосий, потоки твоих слёз источили сладость веселия Христу Богу, претворившему в радость слёзы мироносиц’.²³ Форма $\mu\tilde{\upsilon}$ ο/ροнос $\tilde{\upsilon}$ τ $\tilde{\upsilon}$ ςкына (μ $\tilde{\iota}$ ο $\tilde{\rho}$ нос $\tilde{\upsilon}$ τ $\tilde{\upsilon}$ ςкыни) с суффиксом - $\tilde{\upsilon}$ ц- (и с последующим морфонологически обусловленным переходом $\tilde{\iota}$ в $\tilde{\chi}$ перед $\tilde{\upsilon}$ в позиции первой палатализации) позволяет теоретически предполагать только одно производящее существительное — *μ $\tilde{\iota}$ ο $\tilde{\rho}$ нос $\tilde{\upsilon}$ τ $\tilde{\upsilon}$ ςъ ‘тот, кто несёт миро’. Это свидетельствует о непонимании контекста: в видении переводчика, $\mu\tilde{\upsilon}$ ο/ροнос $\tilde{\upsilon}$ τ $\tilde{\upsilon}$ ςкына слъзы — это сл $\tilde{\epsilon}$ з $\tilde{\upsilon}$ ы неких мироносцев, несущих или носящих миро (?!), а не сл $\tilde{\epsilon}$ з $\tilde{\upsilon}$ ы мироносиц (τ $\tilde{\omega}$ ν μυροφόρων).²⁴

Плоды́товати. Соверша́ть приноше́ние (чего-л., подобного плодам).

Πλοδύστωγυμζ̅ χ̅βι · житиє̅ ѱ̅т̅о̅ (καρποφορήσωμεν MR III 68) 29.

Предъпраздньственный, прил. Относящийся к предпразднству — дню перед особо почитаемым церковным праздником. Предъпраздньственна ꙗ҃ко · б̑гоу҃твенно провзгласи / мѣ (проеорѣа MR III 25) 1об.

ПРИНАШЬСТВОВАТИ. *Прийти, снизойти*. СЕ АГНЬЦЬ ВЪЗЕМЛАНІ ПРЕГРЪ/ШЕНІА · ЧЛВЧЬСТВОА ПРИНАШЬСТВОВА (ἦλθεν, ἐπεδήμησε ‘пришёл, явился’²⁵ MR III 55) 24.

Присвоивать. Сделать кого-л. родным или близким себе.²⁶ Слово $\beta\acute{\iota}\nu\eta\iota$ $\sigma\upsilon\chi\eta\delta\rho\iota\upsilon\zeta/\chi\lambda\omega\zeta$ (им.п. ед.ч. — $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\omicron\varsigma$) явился и крещение/мъ водательнымъ того при/своиватьеъ болѣпно ($\omicron\iota\kappa\epsilon\iota\omicron\iota$ MR III 50) 22.

²³ Ср. Мф. 28:1-10; Мк. 16:1-13; Лк. 23:23-55; Ин. 20:1-18.

²⁴ В лексикографии засвидетельствован адъективный дериват от существительного *мироносица*: *мироносицкий* (1688 г.). 'относящийся к памяти жен-мироносиц' [СлРЯ XI-XVII вв. 9: 174]. Эта форма отражает утрату еря и последующую ассимиляцию аффрикаты в новой консонантной группе, раннедревнерусская форма этого прилагательного — **миро-* или *мироносицьскыи, ср. *мироносѣцьскыи*.

²⁵ В этой цитате одно славянское слово, о котором идёт речь, переводит два греческих, указанных в качестве параллели. О богословской семантике греческого глагола *ἐπιδημιέω*, обозначающего разные проявления божества в человеческом мире (напр., сошествие Св. Духа, в том числе при крещении, пришествие или явление Христа и т.д.) см.: [ЛАМРЕ 1982: 520–521, s. v.; ср. затем *ἐπιδημία*, 521–522].

²⁶ Толкование основано на значении греческой параллели οἰκεῖόω *'make a person a kinsman &lt...> make a person one's friend &lt...> make or claim as one's own, appropriate'* [LSJ 1202]; *'claim as a friend &lt...> make one's friend &lt...> make one's ally'* [LAMPE 1982: 938]. Славянская структурная калька присвоительности отражает семантику производящей основы οἰκεῖ-ος, значение которой учебный древнегреческо-русский словарь описывает в тех же понятиях, что и древнеболгарский переводчик: 'родственный, родной; собственный, свой' [ВЕЙСМАН 1899: 867]. В своём стремлении воспроизвести структуру греческого слова и его словообразовательную мотивацию переводчик учёл семантический сдвиг в словообразовательной цепочке οἶκος 'дом' → οἰκεῖος 'свой'.

26-2. Характерные словообразовательные модели

Перечисленные выше “новые”, то есть хорошо забытые, слова представляют собой структурные кальки с греческого и дуративы с суффиксом *-ова-* (*-ева-*), что типично для славянской гимнографии [Пичхадзе 2008: 164 (литература); Пичхадзе 2009: 304-305; Йовчева 2009]. Относительно малое количество неизвестных лексикографии слов в *F. n. I 37*, нарушающее тенденцию “одна лексема на лист”,²⁷ связано, очевидно, с тем, что эта рукопись, как теперь становится ясным, использовалась А.Х. Востоковым в качестве источника его словаря [Востоковъ I-II]. Об этом свидетельствует, в частности, словарная статья *сыпъ*, в которой цитируется рукопись *F. n. I 37* [Востоковъ II: 212]. Цитата и толкование “насыпь, холм” без изменений воспроизведены со ссылкой на А.Х. Востокова в словарях Ф. Миклошича [Miklosich 1862-1865: 950], И.И. Срезневского [III: 810] и, с ошибочными “уточнениями”, в СлРЯ XI–XVII вв. [26: 154 (слово растолковано в составе мнимого устойчивого сочетания “сопъ каменный — *гора, утес*”)]:
 ꙗко степень и лѣствица · на въз/сходъ нѣсънъ · каменныи со/пъ славъне · ти быша 1250б. (о побииении камнями првмч. Стефана; см. Деян. 7:57-59).
 У этой стихирѣ имеется разночтение в студийско-алексѣевской минее:
 ꙗко степень и лѣствица · на възсходъ небесъ/ныи · каменнѣ сыпаніе славъне ти бы/ша
 Са 100б. (αἱ τῶν λίθων νιφάδες σοὶ γεγόνασιν MR VI 296). Слово *сыпъ*, таким образом, обозначает здесь не ‘насыпь’, а ‘сыпание, засыпание’.

Отсутствие координации между подлежащим *сопъ* или *сыпаніе*, в соответствии с которым ожидалось бы *бысть, и сказуемым *быша* вызвано передачей греч. им.п. мн.ч. *νιφάδες* ‘снегопад’ формой ед.ч., причём метафора *каменный снегопад* была устранена из перевода и заменена невыразительным *засыпание камнями* или *сыпание камней*. Причина замены безафиксного отглагольного деривата со значением *poten actionis* неочевидна: слово *сопъ*, обозначающее разные насыпи (‘насыпной холм, курган; могила; земляная плотина’), засвидетельствовано и в восточнославянских летописях, и в современных русских диалектах [СлРЯ 11-17 вв. 26: 154; Даль IV: 396; СРНГ 39: 327], а значит, было хорошо понятно древнерусским книжникам. Возможно, однако, что как раз в распространённости слова *сыпъ* (→ *сопъ*) в не книжной речи и состоит причина замены *сыпъ* на *сыпаніе*, которая была подсказана А. Вайаном: “Особый способ словопроизводства представляет образование от глаголов имен существительных мужского рода

²⁷ Ср. словоуказатель к лингвистическому изданию Ильиной книги, в котором подчеркнуты отсутствующие в словарях лексемы [Крысько 2005]; ср. затем статью, написанную на материале древнейших славянских августовских служебных миней, *Са* и *Та*: [Кривко 2005].

на -ъ или женского рода на -а, которые получают глагольную основу без какого-нибудь расширения ее с помощью суффиксов <...> Эти образования были весьма живыми в народном языке и в изобилии засвидетельствованы старославянским языком. Однако письменный язык предпочитает им более книжные суффиксальные образования” [Вайан 1952: 228]. Едва ли случайно, что у слова *сопъ* на восточнославянской почве зафиксировано абстрактное значение имени действия, а конкретное, обозначающее результат этого действия. Замена безаффиксного деривата *сопъ* (от *супи*) на суффиксальный *сыпание* (от *сыпати*) отражает, вероятно, попытку распределения обеих моделей в истории языкового узуса: за безаффиксной в данном случае сохраняется конкретное значение, за суффиксальной — абстрактное.

Частотность безаффиксных *nomina actionis* именно в древней славянской гимнографии была отмечена А. А. Пичхадзе [2009: 301] среди языковых признаков этой группы текстов. Направление замены *сопъ* → *сыпание* свидетельствует, что распространённость безаффиксной модели при образовании имени или результата действия в восточнославянских служебных минеях отражает более ранний, древнеболгарский языковой пласт, сохранившийся на восточнославянской почве. Наш пример отражает общую тенденцию замены в древнерусской традиции безаффиксных отглагольных дериватов на суффиксальные.²⁸

В связи с заменой более архаичной для книжного языка формы *сопъ* (*съпъ*) на *сыпание* вызывают интерес и некоторые другие разночтения рукописи *F. n. I 37* со студийско-алексиевскими рукописями *Са* и *Та*. Приведём ещё несколько примеров из службы првмч. Стефану.

Известно, насколько продуктивна в гимнографических текстах книжная глагольная словообразовательная модель при образовании дуративных глаголов на -ова-/-ева-.²⁹ Как следует из сравнения студийско-алексиевских миней с архаичной *Ильиной книгой*, в восточнославянской традиции просматривается тенденция заменять эти лексемы на более употребительные однокоренные глаголы с производящей основой без суффиксов -ова-/-ева-, независимо от их видовых характеристик и способа глагольного действия [Йовчева 2009: 220-224].³⁰ Дополнительным свидетелем этого явления является также рассматриваемая рукопись *F. n. I 37*. В каноне првмч. Стефану содержатся три дуратива на -ова-/-ева-, которым в студийско-

²⁸ См. об этом: [Пичхадзе 2009: 301]; там же примеры из других памятников помимо гимнографии.

²⁹ Основная работа: [Йовчева 2009 (литература)]; см. также: [Пичхадзе 2008: 164 (литература); Пичхадзе 2009: 304-305]

³⁰ Известны и обратные примеры, однако их в несколько раз меньше (см. числовые данные: [Йовчева 2009: 220-221]).

алексиевской минее *Са* соответствуют формы, образованные по более продуктивным моделям: *прѣвъзгрѣ/мова* 128об. (ср. реликт того же архаического чтения в этом же тексте согласно версии древнесербской служебной минеи: *прѣвъзгрѣмѣвъ Д32 63*) — *прѣвъзгрѣмѣва* (так!) *Са* 13об. (*κατεβρόντησε* MR VI 299);³¹ *вѣнчѣва/са* 130об. (*σπῆνισε* Д32 64) — *вѣнчѣва* *Са* 15 (*στέφανωθείς* прич. аор. страд. м.р. ед.ч. им.п. *Cl* 18об.); *омрачѣва/ноу* 139 — *омрачѣноу Та* 14об. (в *Са* то же, в Д32 этого чтения нет) (*τὴν ἐσκοτισμένην* MR VI 366).

26-3. Заимствования *стадии* и *ликъ*.

Ещё одной текстологической приметой *Ф. п. I 37* является употребление лексических грецизмов в соответствии со славянскими лексемами в студийско-алексиевской редакции. Один пример наблюдается в службѣ првмч. Стефану.

Стадий ѿцѣмъ зачало бытъ. и // привѣршии моуѣньнаго пѣ/ака 126-126об., то же в Д32, 61об.

На *судиии текуциимъ* начатъкъ *бывъ* и *старѣшинство* · *моуѣниѣскаго* пѣ/ака *Са* 11об.

Σταδιοδρομῶν ἀπαρχὴ γενόμενος [MR VI 297].

Чтение *стадии ѿцѣмъ* в соответствии с греческим *σταδιοδρόμος* 'букв.: тот, кто бежит по стадиону' [LSJ 1631]³² объясняется как искажённое *стадиотечѣцѣмъ (дат. мн.ч. от не засвидетельствованной в словарях и базах данных лексемы *стадиотечѣць), где *течѣць* — *πομην agentis* от *течи* в соответствии со второй частью греческого композита *δρόμος* 'бег'. В ходе паронимической аттракции предполагаемого *стадиотечѣць с формой *отѣцѣмъ* был пропущен слог *чь*, а после корня *стади-* добавлена буква *и*, что привело к искажению *стадиотечѣцѣмъ в *стадии отѣцѣмъ* (в неразрывной записи различие менее заметно: *стадиниотѣцѣмъ*). Как доказывает

³¹ Разночтения *прѣвъзгрѣмова* 128об. — *прѣвъзгрѣмѣвъ* Д32 63 — *прѣвъзгрѣмѣва* (так!) *Са* 13об. представляют интересный материал для истории текста службы првмч. Стефану, откуда заимствован пример. "Сербское" чтение *прѣвъзгрѣмѣвъ* (Д32 63) (от *прѣвъзгрѣмѣти*), представленное в рукописи XIV в., кажется контаминацией двух "древнерусских": *прѣвъзгрѣмова*, откуда заимствована приставка, и *прѣвъзгрѣмѣва*, откуда заимствована огласовка глагольной основы с *ѣ*. Такие соответствия указывают на древнеболгарское происхождение "студийско-алексиевского" варианта *прѣвъзгрѣмѣва*, а следовательно, на два древнеболгарских этапа истории текста.

³² Слово *привершие* отсутствует в славянских исторических словарях и базах данных. Ср., однако, "*Приверхъ, привершьѣ* <...> верхний конец острова, по теченью <...> **Привершить, привершать** *горенку къ избѣ*, настронить, поставить верхъ, теремокъ" [Даль III: 1049]. Греческое *ἀπαρχή* — 'первая, лучшая часть от плодов, лучшая часть приношения', что позволяет видеть в книжном гапаксе *привершие* 'букв.: то, что находится наверху, у вершины' попытку интерпретирующего перевода, как и в его студийско-алексиевском варианте *старѣшинство*.

материал Д32, искажение это — древнее, возникшее ещё на древнеболгарской почве, поэтому нельзя быть хоть сколько-нибудь уверенным, что слово *стадиотѣчьць существовало в каких-то несохранившихся древнерусских источниках службы првмч. Стефану.

В реконструированном гапаксе *стадиотѣчьць представляет интерес заимствование первой части сложного слова стадио-. В исторической лексикографии передача греческого στάδιον ‘стадион’ заимствованием стади́и засвидетельствована всего несколькими примерами,³³ два раза — в гомилетической части Супрасльской рукописи, более древней, чем агиографическая, и один раз — в Апостоле (1 Кор. 9:24, в рукописях разных редакций) [SJS IV 157; СлРЯ 11-17 вв. 27: 189], а также, по одному разу, в служебных минеях на декабрь [CHRISTIANS 2001: 191] и сентябрь [Ягичъ 1886: 0194].³⁴ Более привычным способом перевода греческого στάδιον в гимнографии является слово сѣдище, которое употреблялось также в соответствии с βῆμα ‘зд.: седалище судьи’ [Крысько 2005: 838].³⁵ На фоне нескольких примеров употребления слова стади́и сравним десятки примеров с сѣдище (с графико-орфографическими вариациями) в гимнографических текстах в базе данных manuscripts.ru. Сам по себе контекстный перевод греческого στάδιον славянским сѣдище представляет собой ещё один пример устранения из текста метафоры, в данном случае — спортивной,³⁶ что отчасти объясняется отсутствием в славянской культуре соответствующих реалий (сравним два других возможных способа передачи греческого στάδιον: позорище и течение) [Речник 2003: 423]. Направление правки от грецизированной кальки к описательному переводу *стадиотѣчьцьмъ → (стади́и ѿчьмъ? →) на соу́дищи текѹ́щимиъ свидетельствует о стремлении редактора к более нейтральному, общеупотребительному узусу.

³³ Гораздо более употребительно слово стади́и в значении мера длины [СлРЯ 11-17 вв. 27: 188-189].

³⁴ Пришьдъше въ стади́и стѣло etc. [Ягичъ 1886: 0194] — ὑπῆλθετε τὸ στάδιον τὸ τῆς ἀθλήσεως (см. указание на начало греческой стихирь и другие источники в: [STERN II: 617]). Автором указателя [STERN II: 617] грецизм стади́и не распознан, хотя писец сентябрьской Минеи едва ли случайно употребил здесь букву ι, а не и в позиции середины строки не в конце колона, что было нетипично для этой графемы в одиннадцатом веке; очевидно, писец пытался таким образом имитировать графический облик греческого слова, используя для обозначения одной из фонем ι в этом слове грецизированную графему (более точным копированием графического облика греческого написания было бы *стади́-и). В указателе вместо правильного стади́и (вин.п. ед.ч.) ошибочно указана форма стады́ (тв.п. мн.ч. от стадо?!).

³⁵ В славянском переводе могла появляться метонимия, что отмечается в указателе: πρὸ βήματος ‘перед седалищем (судии)’ — на <...> сѣдищи [Крысько 2005: 838].

³⁶ Метафорический характер употребления слова στάδιον ‘место мученичества’ особенно заметен в цитируемом гимне првмч. Стефану, который был убит не на стадионе.

Замена грецизмов славянскими словами — характерная особенность поздней, древнеболгарской, sprawy древнейшего перевода Священного Писания, впервые отмеченная ещё В. Ягичем [Jagić 1913: 299]. Использование этой особенности в сравнительных текстологических исследованиях позволило Е. М. Верещагину убедительно соотнести с древней кирилло-мефодиевской языковой традицией текст *Ильиной книги*, последовательно сохраняющей грецизмы там, где в студийско-алексиевских минеях находится славянская лексика [Верещагин 2001: 272-278].³⁷

В связи с тенденцией к замене грецизмов славянской лексикой едва ли случайным является пример замены германизма *ликъ* славянским *съборъ* в соответствии с греческим *τοῖς δῆμοις* [MR VI 298]:

Сѣтословѣць сѣно · и бѣсѣловѣць / ависа съемлѣса съ иерѣи / скыими³⁸ ликы 126об. — 127.
Сѣтословѣць сѣащенѣи богословѣць ави / са · съемлѣса съ иерѣисы съборъ Са 37.

26-4. Лексемы с ограниченным узусом: *зауало*, *изащъныи*

В рассмотренной выше фразе наблюдается замена характерного для архаического пласта книжной лексики слова *зауало* на *начатъкъ*: Стадий *ѡцъмъ зауало бѣтъ* 126–126об., то же в ДЗ2 61об. — На *судѣи* *текущѣимъ начатъкъ бѣвъ* Са 11об. (*ἀπαρχή*), ср.: “В Евангелии, Апостоле и Псалтири лишь изредка отмечается существительное *зауало*, которое в позднейших списках заменяется на *начало* (SJS I: 664); *зауало* продолжает активно использоваться только в качестве литургического термина, обозначающего начало перикопы” [Пичхадзе 2009: 299, см. также 302].

Характерная лексическая примета древнего славянского гимнографического узуса — распространённое в западнославянских и юго-западнославянских памятниках слово *изащъныи* и родственные ему лексемы [Пичхадзе 2008: 161],³⁹ которое в отношении семантического сдвига ‘избранный’ → ‘доблестный (“изящный”)’ сравнивают с латинским *elegans*, “первонач. «избранный»” [Фасмер, Трубачёв II: 124]. Как показывает замена этого и родственных ему слов на синонимы с корнем *добл-* в студийско-алексиевской минее Са,⁴⁰ лексема *изащъныи* характеризует не древнерусский по происхождению

³⁷ Речь идёт именно о традиции, то есть о переводах учеников свв. Кирилла и Мефодия или круга этих учеников, а не о самих первоучителях.

³⁸ Чтение *иерѣи/скыими* — очевидно, искажённое **иерѣи/скыими*, ср. чтение Са.

³⁹ В Супрасльской рукописи соответствующее родственное слово отмечено лишь один раз в форме *изаштънѣтъска* (род.п. ед.ч.) в цитате из Лк. 19:2 [Мeyer 1935: 92], где в оригинале читается *ἀρχιτελώνης* ‘старший сборщик налогов’.

⁴⁰ При наличии единственного примера на употребление лексемы *изаштънѣтъска* [Мeyer 1935: 92], слово *добльство* отмечено в Супрасльской рукописи один раз, *добльство* — четыре раза [Мeyer 1935: 65].

гимнографический узус, а древний западноболгарский и сербский,⁴¹ который на восточнославянской почве или ранее, уже в Болгарии, подвергался непоследовательному редактированию: *стефане моуче/ниче изацине* 126об. — 127 — *стефане моучениче всьедобли* *Ca* 12 (*πανάριστε* MR VI 298). Та же замена наблюдается в службе мч. Евсигнию: *Коинникъ непобѣдимы позна/са еусигниче <...> изацинъса прѣсвѣтъ/ло* 132⁴² — *доблєвавъ* *Ca* 27об. (*ἀριστεύσας* MR VI 319).

26-5. Лексические разночтения, отражающие влияние особого греческого оригинала

Неудивительно, что при различиях в языке *F. n. I 37* отражает другой греческий оригинал, чем тот, который лежит в основе студийско-алексиевской редакции. Приведём один пример, показательный тем, что объясняется он паронимическим смешением в русле греческой традиции: *Законъ сии* (так!) *скровище · бл̑гости* 126об. — *Ѥдинъ сыи с̑кровище бл̑гости* *Ca* 11об. Разночтение отражает смешение греческих паронимов *μόνος* ‘один’ (так в: [MR VI 298]) и *νόμος* ‘закон’ (в доступных источниках чтение не найдено).

2 в. Переход *ь* в *о* в ауслаутном сочетании *-ь/ь*

Ещё раз обратимся к рассмотренной выше фразе:

Сѣтословьць с̑ню · и б̑словьць/ѣвиса с̑землѣса с̑ иерѣи/скыми лики 126об. — 127.

Сѣтословьць св̑щенъи богословьць ави//са · с̑землѣса с̑ иерѣиски с̑зборы *Ca* 37
ἱερὸς καὶ θεολόγος συμπλεκόμενος ἑβραίων τοῖς δήμοις [MR VI 298].

В этом фрагменте, в версии *F. n. I 37*, отмечена рефлексация напряжённого *ъ* в виде *о* перед *ь* в составе переосмысленной членной формы на *-ь*: *с̑ню · и*.⁴³ Древнерусский книжник не распознал написание протографа, которое следовало прочесть как **с̑нюи* и (или **с̑в̑щени* и), и понял прилагательное с вокализованным *ъ* как наречие на *-о*. После этого *о*, понятого как адвербиальный суффикс, появилась внутристирочная

⁴¹ Ср. указание на “сербск.-цслав. *изашитьнъ*” и его структурную параллель (возможный источник калькирования?) *ἐξαίρετος*, а также “чеш. *vzáspý* «редкий; дорогой», слов. *vzáspý*”, выразительные на фоне отсутствия болгарских соответствий [ФАСМЕР, ТРУБАЧЁВ II: 124]; об употреблении церковнославянизмов *изашьни* и *изашитися* в древнерусской переводной литературе см. [Пичхадзе 2011а: 59, 61, 75].

⁴² Эта цитата воспроизведена в “Материалах” И. И. Срезневского [I:1086] по Словарю А. Х. Востокова, без указания места хранения и шифра рукописи, листа и греческой параллели, а затем, почти в том же виде, в Сл.РЯ XI–XVII вв. [6:220], в последнем — со знаком вопроса вместо толкования; значение глагола *изашитися* — “проявить особую доблесть, мужество”.

⁴³ Искренне благодарю за это наблюдение А. А. Пичхадзе.

точка: $\overline{\text{сц}}\overline{\text{но}}$ · и $\overline{\text{в}}\overline{\text{с}}\overline{\text{л}}\overline{\text{о}}\overline{\text{в}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{ц}}\overline{\text{ь}}$ ($\text{ιερός και θεολόγος}$), — которая разрушила синтаксические связи внутри словосочетания, осложнив его неоправданной инверсией. Очевидно, новообразованное наречие $\overline{\text{сц}}\overline{\text{но}}$ следует понимать как признак действия, выраженного глаголом $\overline{\text{в}}\overline{\text{и}}\overline{\text{с}}\overline{\text{и}}$. Благодаря раннему переосмыслению контекста в рукописи тринадцатого века сохранилось, хотя и в искажённой форме, древнее сочетание $\overline{\text{св}}\overline{\text{я}}\overline{\text{ц}}\overline{\text{е}}\overline{\text{н}}\overline{\text{н}}$, которое заслуживает особого рассмотрения.

Рефлексация $\overline{\text{ъ}}$ в виде o перед $\overline{\text{ј}}$ рассматривается А. А. Пичхадзе [2009: 306] как одна из особенностей славянского языкового узуса, на основе которого сформировалась древнейшая гимнография: “В Путятиной минее, наряду с формой причастия $\overline{\text{в}}\overline{\text{ъ}}\overline{\text{з}}\overline{\text{н}}\overline{\text{е}}\overline{\text{с}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{и}}$, один раз отмечена форма $\overline{\text{в}}\overline{\text{ъ}}\overline{\text{з}}\overline{\text{н}}\overline{\text{е}}\overline{\text{с}}\overline{\text{и}}$ (Баранов/Марков 2003: 313) с пояснением напряженного $\overline{\text{ъ}}$ в o — такие формы иногда встречаются в Мариинском евангелии, Синайской псалтири и Синайском требнике (Wijk 1957: 174)”. Это наблюдения заслуживают самого серьёзного к себе внимания и дальнейшего развития.

Из древнерусских книжных памятников Ф. П. Филин [1972: 239] упоминает аналогичные написания в “Ягичевых Минеех” — “Нестере **чюдной**” (Новгородская минея 1096 г.), “**въчьной** животъ” (Новгородская минея 1097 г.) — и Евгеньевской псалтири (“**день судьной**”) (точнее, $\overline{\text{в}}\overline{\text{ъ}}\overline{\text{д}}\overline{\text{н}}\overline{\text{ь}}$ $\overline{\text{с}}\overline{\text{ж}}\overline{\text{д}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{н}}\overline{\text{и}}$ ⁴⁴). В издании В. Ягича [1886: 190], однако, засвидетельствовано “Нестере чюдный”, правда, с подстрочным комментарием: “ $\overline{\text{θ}}\overline{\text{α}}\overline{\text{υ}}\overline{\text{μ}}\overline{\text{α}}\overline{\text{σ}}\overline{\text{ι}}$ <...> въ наш. подл. въ словъ чюдный было написано o или e , которое той же рукою исправлено в ы ”.⁴⁵ Исправление показательное: очевидно, что для новгородского писца форма с o была непривычна, и он меняет её на нейтральный церковнославянский вариант с ы , который, впрочем, с тринадцатого века наблюдается также в берестяных грамотах.⁴⁶

Второй пример из “Новгородской минеи 1097 г.” подан Ф. П. Филиным корректно, ср.: животъ наслѣдивъше въчьной [Ягичъ 1886: 279], — хотя одна из цитируемых В. Ягичем [1886: 279] рукописей содержит разночтение в соответствии с более распространённым церковнославянским узусом: $\overline{\text{в}}\overline{\text{ъ}}\overline{\text{ч}}\overline{\text{ь}}\overline{\text{н}}\overline{\text{и}}$.⁴⁷ Примеры из “Ягичевых миней” дополнены

⁴⁴ Сверено по электронному изданию на сайте *manuscripts.ru*.

⁴⁵ В книге Ф. П. Филина [1972: 239] пример приведён без указания страницы издания или листа рукописи, а также без каких-либо комментариев.

⁴⁶ [Зализняк 2004: 119]; там же см. более ранний пример адъективной формы им.п. ед.ч. м.р., в котором мы встречаем написание *-ei*; других случаев употребления членных форм прилагательных в им.п. ед.ч. м.р. в берестяных грамотах старше тринадцатого века нет.

⁴⁷ Поиск осуществлён при помощи базы данных *manuscripts.ru*, где нужные словоформы представлены в соответствии с основным текстом в издании В. Ягича [1886: 190] без учёта исправлений и разночтений (электронный набор рукописи и сверка с печатным изданием осуществлены Е. В. Рябовой). Нужно также добавить, что Ф. П. Филин [1972: 239] не различал написания *-ъи* и *-ои*

В. В. Колесовым [1980: 125], который указал на форму “*тѣлообразнои видѣ* в М96”.⁴⁸ В новейшей монографии [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 92], кроме упомянутых выше примеров из Евгеньевской псалтири (“*сѣдѣнои* ПсЕ XI, 13а”) и Путятиной Миней (“*Възнесоиса* на кръ(с) МинП XI, 16 об.”), приведены ещё несколько аналогичных написаний: “*сильнои* 19г; *нечьстивои* 20а; *бл҃гои* чл҃колюбче Мин ок. 1095, 87 об.; возможно, сюда же относится пример: <...> *тихо* б҃че <...> Мин 1096, 83 <...> Ср. формы действительных причастий: <...> *сѣраспиноиса* Ил XI/XII, 138”. Таким образом, из десяти известных на сей день в древнерусской церковнославянской книжности случаев вокализации ѣ в о в сочетании -ѣѣ девять отмечены в служебных минеях. Судя по хронологии примеров, эти написания исчезают в двенадцатом и тринадцатом веках, за исключением рассматриваемой здесь формы из *F. n. I 37*, которая, впрочем, представляет собой переосмысление раннего контекста. Это несомненно свидетельствует о формах на -ои как о результате влияния южнославянских протографов древнерусского гимнографического корпуса, из которого в процессе графико-орфографической русификации в течение двенадцатого — начала тринадцатого веков устранялись аномальные для раннего восточнославянского книжного узуса написания. Динамика членных форм на -ои обратна тому, как распространялись формы с меной ѣ на о в других позициях, где количество написаний о вместо ѣ, напротив, увеличивалось в течение древнерусского периода на фоне падения еров.

Формы ни с -ьи, ни с -ои были невозможны в древненовгородском диалекте в конце одиннадцатого века,⁴⁹ где ещё в двенадцатом столетии наблюдается исконное окончание твёрдой именной основы на -е, см. “надпись на новгородской иконе XII в. (“Спас нерукотворный” и “Поклонение кресту”, ГТГ): *моногощити с[ѣ]равимѣ* (указано А. А. Гип-

в членных прилагательных, приписывая им одинаковое содержание, и вслед за Б. М. Ляпуновым, а также вопреки грамматикам старославянского языка (см. далее), ошибочно относил их в Зографском евангелии и Синайской псалтири “за счет аналогии (влияние именных форм прилагательных на местоименные”. Неясно, каким образом в членных формах прилагательных им.п. м.р. ед.ч. на -ои проявляется аналогия с именными формами на -ѣ.

⁴⁸ См. [Ягичъ 1886: 78]; согласно СлРЯ 11–17 вв. [29: 281], *тѣлообразни* — гапакс, отмеченный в единственном тексте (служба 11 ноября, память Седьмого Вселенского собора), хотя и сохранившемся в ряде списков; единственная цитата в Словаре сопровождается характерной пометой в цитате рядом с формой заголовочного слова: “вар. XII в.: *тѣлообразни*” [СлРЯ 11–17 вв. 29: 281].

⁴⁹ “По данным диалектологии, в вост.-новг. говорах сочетание *ѣѣ* давало *ой*; в зап.-новг. ареале представлено (по говорам) несколько вариантов развития *ѣѣ*: *ый, эй, ой* <...>. Как показывают берестяные грамоты и другие источники, в собственно новгородских документах отражаются рефлексы как первого, так и второго рода” [Зализняк 2004: 66–67]. Окончания -ои и -ьи документированы в берестяных грамотах с тринадцатого века.

пиусом)” [Зализняк 2004: 119]. Представляется проблематичным объяснение книжных форм на *-oi* через известное явление мены *ъ* на *о*, хорошо засвидетельствованное в книжной и особенно бытовой письменности и связанное с книжным произношением:⁵⁰ в исследовании Н.Н. Дурново [1924/2000: 439-450], где приводится богатый фактический материал относительно написаний с *о* вместо *ъ* (и с *е* вместо *ь*), примеров вокализации *ъ* перед ауслаутным *-jъ* нет, как нет их и среди многочисленных случаев мены *ъ* на *о* (и *ь* на *е*), рассматриваемых в связи с теорией книжного произношения [Успенский 1988/1997: 151-158]. Эта позиция вообще оказывается не затронутой книжным произношением *ъ = о*; решающим доказательством этому являются данные древнерусских кондакарей, значимость которых для исторической фонетики древнерусского языка и истории книжного произношения хорошо известна [Успенский 1973/1997]. Так, именно в нотированных текстах *Типографского устава*, который содержит песнопения в двух вариантах записи, нотированной и ненотированной,⁵¹ отмечается “довольно регулярное изменение и в *ь* <...> в определенной позиции” (*ь* перед *j*) [Успенский 1973/1997: 214, см. далее: 214-216], тогда как случаев графической мены *ъ* на *о* *Типографском уставе* нет ни в нотированных, ни в обычных текстах [Успенский 1973/1997]. Что же касается напряжённого гласного перед ауслаутным *-jъ* в членных формах им. и вин.п. ед.ч. м.р. прилагательных и причастий, то просмотр словоуказателя к изданию *Типографского устава* [Тип.уст. II] даёт следующие результаты (учитываются членные формы прилагательных и причастий им. и вин.п. ед.ч. м.р. и причастий им.п. ед.ч. м.р.; не учитываются примеры из той части рукописи, которая содержит особую редакцию Студийско-алексиевского устава, где нотации по понятным причинам нет и где во всех случаях в соответствующей позиции употребляется *ь*; не учитываются также формы местоимений *кѣи*, *кѣиждѣ*, *такѣи*, где также везде употребляется *-ѣи*):

⁵⁰ См. основные работы, восходящие к взглядам А.А. Шахматова и Н.Н. Дурново, и литературу: [Успенский 1988/1997; Зализняк 2002]. Очевидно, что масштаб распространения книжного произношения, или мены *ъ* на *о* (и *ь* на *е*), в древнерусской письменности не зависит от рукописной традиции отражающих это явление текстов; количество написаний с *о* вм. *ъ* и с *е* вм. *ь* в каком-либо памятнике определяется его языковым регистром, а не рукописной традицией. Напротив, уникальность ранних восточнославянских примеров с *-ои* из *-ѣи* (*-ѣи*) доказывает, что перед нами восходящее к архетипу явление истории конкретных текстов, почти исключительно служебных миней, а не одного из регистров древнерусского языка.

⁵¹ Кроме самого наличия нотных знаков, нотированная запись этих песнопений отличается тем, что буквы гласных в них могут быть написаны несколько раз в соответствии с модуляциями музыкальной фразы, и над каждой такой буквой находится свой нотный знак.

безоумьныи 86.22; бесплзтьныи 63.15–16, 97об.10; беззмьрътныи 87об.1; бецислъныи 47об.22; благооуханьныи 119об.23; благыи 88об.2, 100об.11–12, 106об.3; блаженни 66.19, 66об.6; блгласъныи 38об.1–2 (в нотированной записи: богъносъ/бъныи <так!>); бгдързыи 92.19–20; бгомудрыи 68.12–13; божьствыныи 37.3, 47об.2–3, 47об.11, 68.15–16, 118.22–23, бжьствыныи 53.21, 54об.8, 54об.18, 68.17, 68об.3, 82.16–17; великоименитыи 72об.3 (в нотированной записи зв.п.: великоимените); великыи 30.1, 32об.8, 40.23, 42об.13, 48об.10, 56об.6, 68об.4–5; възлюбленыи 34.4, 48об.22–49.1; възнесыиса 27.12 (в нотированной записи: Възнесыинии-сааа), 34об.10, 39.12, 39об.9, 57об.18, 64.16, 64об.14, 70об.15, 86.8, 88.11, 125об.20; възсигавыи 68об.12; всемогыи 94об.7; вѣрныи 42об.17 (в нотированной записи: вѣръььььныи 43.7); грѣховьныи 99.4–5; градыи 84об.13 (в нотированной записи: грааадыиниииниихи-ѡи 85.3–4) давыи 35.10 (то же в нотированной записи); дивьныи 30.8, 43об.2, 69об.15–16; доьрыи 75об.11; другыи 87.11; дшевьныи 71.4; дшегоубьныи 67.10; единыи 94об.1; живоньсныи 27.6; животыныи 72.14; живыи 38.9, 114.18; землѣныи 120об.2–3; идольскыи 67.9; избьорьныи 92.19; избьраныи 68.16–17; крилатыи 32об.–8; лъстивыи 86об.16–17; мѡудрыи 69об. 15; мѣнѣьскыи 56об.6; многоплаѣьныи 59.1; многочѣстьныи 39об.10; мольвьныи 72.8–9; нагробьныи 80об.5; небьсныи 119об.3–4, 120об.2, ньсьныи 32об.9 вьсьныи <так!> 122об.11; невзмѣстимыи 56.13; недвижимыи 64.1; недостойныи 38.14, 58об.7–8; непоколѣблемыи 48об.5; неправдѣьныи 25об.3; неприкосновеныи 49.14 (в нотированной записи: неприкооосновееѡеныи 49об.2–3); нетѣлѣьныи 36об.6, 42об.9, 51об.15, 85об.12; неогасимыи 50об.10; новыи 36об.23; огненосъныи 79.18; огньныи 60об.23, 30.20 (в нотированной записи: огньныинии 30об.5); оканьныи 89.4–5; пицъныи 59.23; плзтьскыи 120.2; повѣдъныи 28.14; прѣвѣььныи 46.18; прѣвѣьььныи 46.1, 46.10–11, 67.22–23, 67об.8–9; прекрасьныи 32об.6; прѣсвѣтьлыи 88об.22–23, 89.9; пресватыи 124.3; прѣстыи 43об.5; прѣсватыи 91.7, 106об.12; прѣстыи 90об.20 (в нотированной записи: прѣсваааѡьтѣииниѡ-линиѡи), 91.17; прѣславьныи 68.15, 81.11–12, 82об.9 (в нотированной записи: прѣсвааавьнъъъ); прѣчистыи 42об.8–9; примыи 73об.10 (в нотированной записи: примъ); поустьыньныи 51.12; първозданыи 95об.2; първыи 52.16, 55.10, 75.6 bis (в нотированной записи: първыи-инии, пѣдър-выиѡи); пѣтьчислзныи 44.8; разоумьныи 97об.10; рекыи 80об.3–4; родьныи 81.18; сѣщенни 53.8, 67об.14; сѣщени 30.8, 31об.20, 43об.8, 92.19; свѣтоносъныи 45.15; свѣтьлыи 44.2; сватыи 117об.16, 118.21, 125.10 bis, сѣтыи 42.11 (в нотированной записи: сваааауьтѣиихииниѡи), 63.6, 63.11, 72.17; сѣтыи <так!> 40.7; сильныи 113.15; славьныи 65.13; страньныи 77об.4; страстьныи 40.9, 55.10, 80.12; съьравьыи 88об.15–16; съвѣдыи 70.7 (в нотированной записи: съзвѣ-ѣѣ-ѣѣдыиниѡи 70–70об.), сьмѣренни 120.3; тьвръдыи 56об.7, 68об.8; теплыи 42об.18, 43.10 (в нотированной записи: теееееплыи 43.10); цѣркзвьныи 122.3; цѣломоудрыи 59об.8; чловѣььскыи 119об.16, 121.8; чѣстьныи

30об.12, 63об.21, 119.13; чюдьныи 30.8; щедрьи 44.21 (в нотированной записи: щеє·дрыиини 44об.10–11); ядыи 114.7.

Как мы видим, ни одного случая перехода напряжённого гласного переднего ряда в *o* перед ауслаутным *-jъ* в *Типографском уставе* нет. Нельзя сказать, что эта рукопись вообще не отражает синтагматического изменения гласной фонемы перед *-jъ*, сравним: облиставъ ѡко 42об.15 (ненотированная запись) — обблииѡстаавы · ѡко 43.1 (нотированная запись) (здесь, как и выше, лист и строка указаны по наборному изданию Тип.уст. II). Кроме того, нотированная запись членных форм на *-ыjъ* имеет в *Типографском уставе* ту особенность, что буква *ы* в ней никогда не “тянется”, или не повторяется, что, возможно, также указывает на фонетическую особенность рассматриваемых форм в произношении: после неё пишется сразу либо внутрисклонная точка, либо буква *и*, отсутствующая в ненотированной записи, либо буква следующей фонемы или следующего звука: ѡзыииниѡка ‘языка’ Тип.уст. II, 53об.; змаарады · 53об., разоу·ѡхѡхѡды ‘разумы’ 54, ре·ееееиини·хиѡи·иивыи ныи·иѡи ‘ретивы ны (вин.п. мн.ч. м.р.)’ 54, Твьрьдыииниѡаа · и богоглааааьсьныиини ‘твердые и богогласные’, владьгы·хъ, тьоудыхиѡиини ‘труды’ 70 и т.д.⁵² Это значит, что нотированная запись форм на *-ыjъ* в *Типографском уставе* предполагает фонетические вариации по сравнению с записью ненотированной, однако буква *о* в интересующих нас формах не встречается ни в нотированной, ни в обычной записи.

Однако не является ли причиной отсутствия *о* в членных формах на *-ыjъ* то, что графическая мена *ъ* на *о* вообще отсутствует в *Типографском уставе*? В этом смысле показательны данные более поздних *Лаврского* и *Благовещенского кондакарей*, конца двенадцатого — начала тринадцатого веков, в которых фонетически необусловленная мена *ъ* на *о* отмечена [Успенский 1973/1997: 149], однако сочетание *-ыи* в рассматриваемых формах им.п. ед.ч. м.р. остаётся без изменений. В *Лаврском кондакаре* наблюдается та же картина, что и в *Типографском уставе*, где напряжённый гласный в сочетании *-ыjъ* обозначается только с помощью *-ы-* (цитируются примеры, собранные благодаря сплошной выписке из всего памятника):

възнееееииниисаа (‘възнесиса’) ЛАВР.КОНД., 5об.; огньныиини (‘огньныи’) 8об.; прекраааьсььыныи ÷ (‘прекрасныи’) 11; давыи 17; пырвыи 19об.; нетьльньныиини 20об.–21; истиньныиини 24; сваддеееехехеныи 27об.; вооооже-

⁵² См. объяснение этому явлению в: [Успенский 1973/1997: 211].

В Благовещенском кондакаре, однако, написания с растянутым *ы* встречаются часто: дѣѣѣѣѣмоуныскыыыыхъ·хъхъхъ· Благ.конд., 15а; въхъыыыытлѡъ·хъхъхъхъ 17; лѣѣѣѣѣиини·выыыыыыыыыыхъ 19об.; выыыыы·въ·шеее 26 и др. Есть такие написания в Успенском и Синодальном кондакарях [Успенский 1973/1997: 236, примеч. 5].

естьвныи ии⁵³ 29, божествоныи⁵³ 35об. ('божественный', NB вокализацию *e* в последних двух примерах); прѣвѣтъныи⁵³ 35; съзвѣтъныи ('сзвѣды') 39; първыи, пѣръвыи⁵³ 48об.; съшьдыни 51; цѣдрыи⁵³ 67об.; преесвѣтъныи 70об.; съзвѣтъныи 74об.; цѣдрыи 79; тридънеѣеѣсвѣтъныи ('тридневный') 82; челоуѣтъныи ('человѣчский', NB вокализацию *ь* после *ч* и мену *ѣ* на *е* в соответствии с книжным произношением) 88; члоуѣтъныи ('человѣчский', NB утрату *ь* после *ч* в слабой позиции) 98; възчелоуѣтъныи//саааа 99–99об. ('възчелоуѣтъныи', NB вокализацию *ь* после первого *ч*); граааадыни ('грады') 100об.; чѣтыи ('чѣты') 103об.; неееѣвъзмѣтъныи ('невзмѣтимый') 104–104об.; сваааа-тыи ('сваты') 107.

Такая же картина наблюдается в *Благовещенском кондакаре*, в котором также отмечены многочисленные случаи книжного произношения, а сами членные формы на *-ъѣ* открыты для фонетических альтернатив: как видно из приведённых ниже примеров, в них отмечается стяжение *-ыи* в *ы* и написания *ъ* вм. *ы*. Членных форм на *-ои* в *Благовещенском кондакаре* тоже нет:

Възнесеыи⁵³ саааа ('възнесыи') БЛАГ.КОНД., 4; побѣдыныи ('побѣдный') 4об. 5; прѣблагееѣеѣныи ('прѣблагеныи') 7; ѡгньныи ('огненный') 8; прекра-аа-сьъъъныи ÷ — ('прекрасный') 10об.; да-выи 14об.; сѣдѣъъъныи 19об.; боо-го-нось-ъъъныи 20; мз-нооо-го-чѣ-ъъ-стьъ-ныи 22; сваа-а-ааа-тыи-и 22об., сва-тыи- 25об., сватыи 39; прее-хв-ааа-лъъъ-ныыи-и 23об.; цее-дыи-и (вм.: цѣдрыи) 28; бо-оо-оо-жь-стьъ-ны-ы-ы-ы-ы-ы-гнаа-аа-ааа-тии ('божественны гнати', так, вм.: божественны игнати) 32; слаа-аа-въъ-ъ-ъъ-ныи ('славный') 39; блаа-же-ее-еѣ-ны-ы-ы-ы-ы ('благеныи') 41; прѣблаг-же-ныыы 43 (им.п. ед.ч. м.р. — μακάριε зв.п.;⁵⁴ NB *ε* вм. *ѣ* в соответствии с книжным произношением и фонетически закономерное стяжение *-ыи* в *-ы*); бож-ствоъ-ныы 43 (им.п. ед.ч. м.р. — θεῖος; NB фонетически закономерное стяжение *-ыи* в *-ы*); прѣвѣ-чѣ-ъ-ныи-и-и-и-и-и-и ('прѣвѣчъныи') 45; свѣтъ-тоо-аа-влее-ныыы 45–45об. (свѣтоавлены им.п. ед.ч. м.р. — ὁ φωτοφάνης; NB стяжение *-ыи* в *-ы*); божство-ныи-и-и-и-и ('божественны') 46об.; вѣли-кыыы-и ('вѣликий') 46; съз-вѣ-ѣ-ѣ-ѣ-ды-ы-и-и-и ('сзвѣды') 48об.; гооооо-спо-оо-дѣ-ъ-ъъ-скыи ('господьскыи') 58; за-кляуи-възъ-и-и-и-и ('закляуи-възъ'; NB нейтрализацию *ы* и *ъ* перед *ѣ*) 65; цѣ-дрыи ('цѣдрыи') 68; прее-свѣ-тъ-тъ-тъ-ъ-ъ-ъ-лыи

⁵³ Перед тремя последними в этом примере буквами и в рукописи находится широкий пробел.

⁵⁴ Здесь и далее лексические параллели к кондакарю цитируются по сводному изданию древнерусских кондаков: [К III–VII].

Сравнение *Типографского устава* XI–XII вв. с более поздними *Лаврским* и *Благовещенским кондакарями* показывает, что книжное произношение еров распространяется в древнерусском языке на фоне их вокализации: если в самом раннем кондакаре случаев произношения *ѣ* в виде *о* нет, то в более поздних певческих рукописях они уже есть. Очевидно, что “экспансия” книжного произношения еров по западно-болгарской (македонской) модели, в том числе в певческих рукописях, развивается благодаря вокализации гласных *ѣ* и *ѥ* в древнерусском языке по такой же модели (*ѣ* → *о*, *ѥ* → *е*), хотя это и несколько противоречит показаниям других восточнославянских книжных памятников, в которых мена *ѣ* на *о* представлена уже с конца одиннадцатого века.⁵⁵ Древнерусская фонологическая инновация служит таким образом “катализатором” книжного произношения еров, которое при этом не охватывает позицию напряжённого *ѣ* перед *йь*. Оно распространяется только на те позиции *ѣ*, в которых эта фонема выступает в своей основной разновидности (независимо от правила Гавлика), и не касается позиции нейтрализации *ѣ* = *ы* перед *й*. Причиной этому является “особый исторический путь” восточнославянских напряжённых гласных, которые до XIII в. не изменяются в *о* и *е*,⁵⁶ а значит, в этой позиции не было необходимых сопутствующих условий для развития книжного произношения еров, которое, как уже сказано, развивалось благодаря совпадению в других позициях западноболгарской (македонской) и древнерусской моделей их вокализации. Более того, засвидетельствованный источниками лишь с тринадцатого века восточнославянский переход *-ѣь* в *-ой* отражает лишь магистральную линию развития этого сочетания в русском языке, тогда как реальное многообразие восточнославянских рефлексов *-ѣь* (*-ой*, *-ый*, *-эй*, *-ий*, в том числе с утратой конечного *й*) в исторической перспективе⁵⁷ доказывает, что надёжной основы диалектной

⁵⁷ [Пшеничнова 1995: 24–27 (литература); Калнынь 1993; Зализняк 2004: 66–67]; см. также примеч. 39.

основы для утверждения книжных членных форм на *-ой* не было.⁵⁸ Поэтому в современном русском языке произносительные варианты прилагательных с ударением на *-ой* противопоставлены вариантам с ударением на основу (орфографически передаваемом с помощью кодифицированного “церковнославянского” написания на *-ый/-ий*) как русизмы церковнославянизмам.

Итак, членные прилагательные с *-ои* в форме им.п. ед.ч. м.р. в раннедревнерусских книжных памятниках не связаны ни с книжным произношением, ни с древнерусской исторической фонологией: хотя Ф.П. Филин [1972: 239] и полагал, что таких “случаев в древнерусской письменности XI–XII вв. довольно много”, он сумел привести лишь три примера с *-ои*, — из них один, как выяснилось, был исправлен на *-ьи*, — а дальнейшие исследования увеличили его список до десяти случаев только за счёт гимнографических рукописей. К этому же ряду примеров относится и написание $\text{сѣно} \cdot \text{и}$ (из $*\text{сѣнои}$ и — ἱερός καί) *F. n. I 37*, 126об., сохранившееся в позднедревнерусской рукописи тринадцатого века благодаря раннему переосмыслению контекста.

Редкость членных форм на *-ои* в древнейших книжных памятниках определяет их значимость для истории текста служебных миней. Аномальный характер таких примеров является их главным отличием от многочисленных написаний с *ъ* вместо *о* в остальных позициях по древнезападноболгарской (македонской) модели и отражающих книжное произношение еров, распространявшееся на фоне их вокализации в древнерусском языке. Основными способами обозначения на письме напряжённого *ъ* перед *-йъ* в ауслауте в древнерусской орфографии являются формы на *-ьи* и, реже, на *-зи*, которые отражают нейтрализацию *ы* и *ъ* в этой позиции, а также стяжённые формы на *-ы*. Та же картина наблюдается и в старославянском языке, где примеров с *-ои* в членных формах прилагательных крайне мало (см. ниже). Видимо, поэтому в некоторых грамматиках старославянского языка и в сравнительных грамматиках славянских языков на древнем славянском материале рассматриваются только варианты *-ьи*, *-зи*, *-ы*, а формы на *-ои* и их соответствия вне восточнославянского ареала вообще не упоминаются.⁵⁹ Именно в силу своей исключительности в рамках

⁵⁸ Особо нужно рассматривать написания с *о* вм. *ы* типа тъмѣ (вм.: тъмы) [см. примеры: Успенский 1988/1997: 154–155; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 93], где явно отражаются не фонетические особенности соответствующих словоформ, а своего рода “графическая инерция”, обусловленная книжным чтением *ъ* как [о], которая влияла на замену буквы *ъ* также в составе диграфа.

⁵⁹ См., например: [Бернштейн 2005: 256–257; Leskien 1969: 27–32; Lunt 2001: 32, 35]. Ср. мнение В. Вондрака, который объяснял появление членных форм типа добрѣи из добрѣи аналогическим воздействием со стороны именных форм на *-ъ*, с возможным последующим переходом *-ъи* в *-ои*, без уточнения, в каких

древнего славянского книжного узуса членные формы на -ои, обусловленные древнерусским языковым употреблением, имеют доказательную силу при определении той части древнеболгарской традиции, особенности которой отражает источник. Напротив, в силу своей частотности в рамках древнезападноболгарского и древневосточнославянского письменного узуса (в данном случае неважно, книжного или бытового) написания о вместо ѣ в других позициях не могут приниматься во внимание в качестве текстологической приметы при изучении истории текста служебных миней.

Как известно, среди старославянских рукописей вокализация ѣ в о в сильной позиции не перед ј отмечается “во всех глаголических памятниках, кроме Киевского Миссала” [Вайан 1952: 45; то же: Diels 1932: 101], или Киевских листков, где вообще сохраняются все “редуцированные”.⁶⁰ Напротив, всего лишь три таких примера (с о из ѣ в сильной позиции не перед ј) отмечены в восточноболгарских кириллических Супрасльской рукописи и Саввиной книге,⁶¹ и это отражает “различие между древнемакедонским языком, вокализирующим ѣ в о, и древнеболгарским, сохраняющим ѣ” [Вайан 1952: 47; см. о том же: Селищев 1951: 293]. Именно по этой причине Н. Н. Дурново [1924-1927/2000: 439-450] впервые обосновал раннедревнерусскую книжную мену ѣ на о как результат западноболгарского (древнемакедонского) влияния на восточнославянскую книжность, справедливо не упоминая при этом позицию ѣ перед ауслаутным -јъ, в которой наблюдается особая картина.

В отличие от “обычных” и многочисленных случаев древнезападноболгарской вокализации еров, не представляющих интерес с точки зрения текстологической (а не языковой) приемственности

источниках, языках или диалектах наблюдается это явление: “Die Formen mit modifiziertem Halbvokal wurden aber häufig von anderen beeinflusst, in welchen die Halbvokale in normaler Geltung vorkamen. So ist z. B. im Aksl. aus *dobryjъ* nach *dobrъ* auch wieder ein *dobrъjъ* geworden. Dieses konnte zu *dobrojъ* führen” [VONDRÁK 1924: 169] (“формы с модифицированным полугласным <т. е. с напряженным ы. — Р. К.> часто, однако, подвергались влиянию со стороны других форм, в которых полугласные выступали в нормальном значении. Так, напр., в ст.-сл. из *dobryjъ* в соответствии с *dobrъ* также снова возникало *dobrъjъ*. Это могло приводить к появлению *dobrojъ*”). Сходным образом объяснял старославянские формы на -ои А. Мейе, видевший в них аналогию с именными формами на -ъ и последующее прояснение в -о [Мейе 1951: 92-93]. Данных о древнем диалектном распространении форм на -ои и примеров из рукописей у А. Мейе нет.

⁶⁰ См. подробно: [SCHAEKEN 1987: 93-94] (“Die fast tadellose Behandlung der reduzierten Vokale in den KB lässt sich wohl als ein nicht-südslavisches Sprachmerkmal qualifizieren” = “почти безупречное употребление редуцированных гласных в КЛ позволяет рассматривать его как не-южнославянскую языковую особенность”).

⁶¹ “Auch diese können aus der Vorlage stammen <...> offenbar aus der Vorlage stammend” [Diels 1933: 101] (“также и они восходят к оригиналу <...> очевидно восходящие к оригиналу”). Ср. несколько иное объяснение написаний *крѣпокъ*, *любозъньи*, *смыковънаго* в Супрасльской рукописи у А. М. Селищева [1951: 292].

южно- и восточнославянских традиций, единичные членные формы прилагательных м.р. им. и вин.п. ед.ч. на -ои (типа *сватои*) отмечаются только в четырёх глаголических рукописях: Мариинском и Зографском евангелиях, в Синайском ехлогии и “etwas häufiger” [DIELS 1932: 194] (“несколько чаще”) в Синайской псалтири.⁶² За исключением Зографского евангелия, в котором плохо засвидетельствован переход *ъ* в *о* в сильной позиции, отсутствовавший в древневосточноболгарском ареале,⁶³ эти памятники происходят из западной и северо-западной части древнего южнославянского языкового ареала и одновременно отражают моравско-паннонское влияние в языке или в составе текстов.⁶⁴

⁶² См. [DIELS 1932: 194]; см. там же список немногочисленных известных примеров и комментариев к данным Синайской псалтири, где такие написания особенно многочисленны: “СВАТОИ lc. 1, 72 Mar. Zo. Euch. 17a, 14, НАРИЦАЕМОИ io. 21, 2 Mar., ПРИСНОЙ Euch. 5, § 3 <...> die Fälle in Ps. sind wohl zu häufig, als daß man sie aus der sonst vorkommenden Verwechselung von Ъ und ОI erklären könnte” (“примеры из Синайской псалтири всё же слишком многочисленны, чтобы можно было их объяснить из встречающейся, помимо этого, мены Ъ на ОI”); см. список форм на -ои в Синайской псалтири и сравнительные числовые данные по всем трём почеркам этого памятника: [ARNIM 1930: 122-123]. Ср. затем кратко о таких написаниях: [ВАЙАН 1952: 54 (не упомянуты Синайский ехлогий и Зографское евангелие); Селищев 1951: 297-298]. С. Младенов приводит формы “сватои, прѣмждрои, изведои и. ä.” [MLADENOV 1929: 106]. Не указывая, однако, ни лист рукописи, ни сам источник, в котором им были найдены эти “и подобные” написания, ни их современные диалектные соответствия в болгарско-македонском языковом ареале, истории которого посвящено его исследование. Такая форма подачи материала может создать впечатление, что явление было широко распространено в истории болгарского языка, которую описывает С. Младенов. Однако, судя по исследованию Б. фон Арнима, специально посвящённому Синайской псалтири, все примеры С. Младенова заимствованы из этого памятника; см. [ARNIM 1930: 122-123]. Очевидно, отсюда же заимствован ряд примеров “сватои, прѣмждрои, нарицаемои, изведои”, также цитируемых без указания на источник в: [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999: 58]; по мнению авторов этого исследования, переход “ы > о може да се види в няколко лични имена, напр.: *Благой, Радой, Драгой* от *благъи, радъи, драгъи*” [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999: 58].

⁶³ Переход *ъ* в *о* в сильной позиции наблюдается в Зографском евангелии только в ауслаутной позиции перед энклитикой и в финали субстантивной основы на *-ü: “Die Vertretung von *ъ* durch *о* ist noch seltener: einige Male bei enklitisch nachstehendem *тъ, съ, з*. В. *народо-съ = народъ съ, рабо-тъ = рабъ тъ*; dazu einige vereinzelte Fälle wie *цръковъ лъбовъ = -ъвъ*” [LESKIEN 1969: 29] (“Замена *ъ* на *о* является ещё более редкой: единичные случаи при постпозитивных энклитических *тъ, съ, напр., народо-съ = народъ съ, рабо-тъ = рабъ тъ*; сюда же отдельные примеры типа *цръковъ лъбовъ = -ъвъ*”).

⁶⁴ См. обзор основных языковых особенностей этих памятников, на которых основана такая локализация, и соответствующую литературу: [SCHNAEKEN, WIRNBAUM 1999: 95, 97-98, 105, 107]. Ср. там же замечание к истории Синайского ехлогия: “Einige aus dem Althochdeutschen und Lateinischen übersetzte Abschnitte <...> deuten auf einen zumindest teilweisen Ursprung des Textes aus der zweiten Heimat des Altkirchenslavischen” (“некоторые части, переведённые с древневерхнемецкого языка и латыни, свидетельствуют о по меньшей мере частичном происхождении текста со второй родины старославянского языка”; в терминологии авторов цитаты *вторая родина* ст.-слав. языка — Моравия

Что же касается современных диалектных данных о рефлексации *ѣ* в *о* в позиции *-*ѣъ* вне восточнославянского ареала, то “единственно во некои локални говори во Солунско се забележани форми на *оѣ* (што значи со замена *ѣ* > *о*). Сп. ги во материјалите на Верковиќ членуваните форми: *голојут, среднојут, малкојут* и сл., кои се употребуваат непосредно со формите како *богатиот, царскиут, новијут* и сл.” [Конески 1981: 37].

Географический диапазон древнейших письменных и современных славянских данных относительно развития *ѣ* в *о* перед ауслаутным *-јъ* доказывает, что перед нами — диалектное явление, первоначально свойственное некоторым говорам древнего западноболгарского (македонского) ареала. Уже в древнейшую эпоху оно сосуществовало с основными, наддиалектными, старославянскими типами рефлексации *-ѣъ* в виде *-ѣи*, реже *-ѣи*, отражающими нейтрализацию *ѣ* и *ѣ* перед *ј*, а также со стяжёнными формами на *-ѣ* (из *-ѣи*). Редкие формы на *-ѣи*, наблюдаемые в раннедревнерусских письменных памятниках, не связаны ни с восточнославянским бытовым, ни с книжным языковым узусом и должны рассматриваться отдельно от написаний с *о* на месте сильного *ѣ*, которые отражают книжное произношение, являются особенностью бытовой системы письма и таким образом не могут привлекаться в качестве свидетелей истории конкретных текстов. “Аномальные” написания с *-ѣи* в ранних восточнославянских служебных минеях, напротив, нарушают и книжный, и бытовой древнерусский письменный узус и тем самым непосредственно отражают языковые особенности их древнезападноболгарских (македонских) оригиналов. Диалектная ограниченность рассматриваемого явления стала причиной того, что формы на *-ѣъ* (из *-ѣъ*) не оказали влияния на древнерусский книжный узус и были редки в самих старославянских памятниках. Эти окказиональные отклонения, отражающие языковые особенности периферийных древнезападноболгарских

и Паннония). См. затем о Мариинском евангелии: “Einige Sprachmerkmale (darunter etwa *ѣ* statt *ѣ*, *ѣ*, wohl auch i für *ѣ*) <...> sind wohl als Serbismen zu werten und deuten vielleicht auf eine nördliche Herkunft innerhalb des westbulgarischen Sprachraums” [SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999: 98] (“некоторые языковые особенности (среди которых отдельные случаи употребления *ѣ* вместо *ѣ*, *ѣ*, а также и вместо *ѣ*) рассматриваются как сербизмы и указывают на северное происхождение внутри западноболгарского языкового ареала”); см. об этом же с большей убедительностью и дополнительным фактическим материалом: [Младенович 2003]. Кроме текстологических особенностей Мариинского евангелия и Синайской псалтири, о моравско-паннонском влиянии в Мариинском евангелии и Синайской псалтири на уровне протографа свидетельствуют написания, отражающие западнославянский рефлекс сочетаний **dj, *tj*: “РОЗЪСТВА usw. mt. 14, 6 Mar. Cloz. 877. 879 <...> Ähnlich in HEVЪЗЕСТВА Ps. 24, 7 <...> und in der Mischform ВИЗЖЪ ‘sieh’ io. 20, 27 Mar <...> Ähnlich findet man sich das westslav. c statt aksl. št ausnahmsweise in ОЦАЦЕ Ps. 29, 1” [DIELS 1932: 131].

диалектов, являются важным лингвистическим, а точнее, орфографическим критерием локализации перевода. Редкость рассмотренных древних славянских форм на -и повышает значимость древнерусских данных для древнейшего этапа истории старославянского языка,⁶⁵ усиливая её фактографическую базу.

2 г. *Genitivus verso dativus separationis*

Вызывают интерес два разночтения, в которых формам *genitivus separationis* архаической редакции соответствует дат. п. мн.ч. в студийско-алексиевских минеях. Это заставляет внимательнее отнестись к распространённому представлению, что формы дательного падежа в “генитивных” значениях заведомо древнее, чем формы родительного.⁶⁶ В обоих случаях, на которые здесь обращается внимание, славянский родительный падеж употреблён в соответствии с греческим родительным, что позволяет рассматривать разночтения как пример славянизации синтаксиса в младшей версии текста; упомянутая выше замена грецизмов на славянские лексемы отражает, очевидно, ту же “стратегию” языковой “славянизации”:

Първоу́ченика диакона же/първаго 127

Първоу́ченика хръстова дыаконъмъ пь/рваго Ca 12

Τὸν πρωτομάρτυρα Χριστοῦ καὶ διακόνων τὸν πρῶτον
‘первомученика Христова и первого из диаконов’.

⁶⁵ Показательно, что написание *сѣни* в младшей редакции рассматриваемого здесь гимнографического текста было заменено в списке, отражающем более позднюю версию текста, на форму без вокализации *сѣ*: *сѣацѣни*.

⁶⁶ Ср., однако: “<F>ast vollständige Funktionsäquivalenz mit dem adnominalen Gen. im Aksl. erweist ihn jedoch als eine im allgemein slavischen Rahmen territorial begrenzte (“mundartliche”) Erscheinung. Sie hängt mit der kategorialen Verschmelzung von Gen. und Dat. zusammen, die einer der ersten Schritte zum Untergang der Deklination im Bg. und Maked. gewesen sein dürfte. Der Ausgangspunkt des Prozesses lag im Osten des südslav. Sprachgebiets, was sich in der erhöhten Frequenz des adnominalen Dat. in den kyrillischen, aus dem Osten des Balkanslavischen stammenden Handschriften (S und Su) spiegelt” [VEŠERKA 1993: 197–198] (“почти полное функциональное тождество <дательного примённого. — Р. К.> с примённым родительным в старославянском свидетельствует о нём, однако, как о территориально ограниченном (“диалектном”) явлении. Оно связано с категориальным объединением родительного и дательного, которое, возможно, является одним из первых шагов к утрате склонения в болгарском и македонском языках. Отправная точка этого процесса находится на востоке южнославянского языкового ареала, что отражается в повышенной частотности дательного примённого в кириллических рукописях, происходящих с балкано-славянского востока”). К сожалению, это наблюдение не подтверждено никакими фактами и сопровождается лишь упоминанием Супрасльской рукописи и Саввиной книги. Однако, если эта ничем не доказанная гипотеза верна, то замена родительного выделительного на дательный свидетельствует о влиянии на редакцию студийско-алексиевских миней восточноболгарского узуса.

В цитате из *F. n. I 37* форма вин.п. = род.п. ед.ч. *диаконѧ*, возможно, является результатом переосмысления первоначальной **диаконѧ* (род.п. мн.ч.), которая была ошибочно понята позднейшими переписчиками как одушевлённая форма вин.п. ед.ч. и заменена на одушевлённую. Поэтому допустимо предполагать следующий первоначальный облик фразы: **Първомѹченика, диаконѧ же първаго*. Не исключено, однако, что написание *диаконѧ* объясняется гораздо проще: оно может отражать смещение ω “омеги” и o “о-микрон” в греческом источнике древнейшей версии перевода, обусловленное утратой этимологических долгот. Такое предположение тем более вероятно, что *διακόνων* ‘(из) диаконов’ является единственной формой родительного падежа в ряду аккузативных форм, и её фонетически обусловленная замена паронимом *διάκονον* не нарушает синтаксические связи, хотя и противоречит принципу гомотонии (единообразного расположения ударных слогов) — одному из основных принципов византийской гимнографической метрики. Таким образом, источником древнейшей славянской версии могла быть фраза **τὸν πρωτομάρτυρα Χριστοῦ καὶ διάκονον τὸν πρώτον* ‘первомученика Христова и первого диакона’.

Во втором примере значения падежных форм славянского текста также неочевидны без привлечения греческого оригинала:

първыи мѹникъ · диаконѧ пь/рвыи избѣранъ 127

първыи мѹ/ченикъ · дыаконѧмъ (так, вм.: *дыакономъ?*) *първыи избѣраныи* *Ca 12*

ὁ τῶν μάρτυρων πρῶτος, καὶ διακόνων ὁ πρόκριτος

‘первый из мучеников и первоизбранный среди диаконов’.

3. Канон Успению Богородицы *Τάφῳ παρθενοδόχῳ* (Ко гробу девоприимну)⁶⁷

3а. Вступительные замечания

При языковых отличиях *F. n. I 37* от студийско-алексиевских миней предсказуемы отличия состава песнопений этой рукописи от основного восточнославянского корпуса. Далее предлагаются материалы для критического издания одного из многочисленных византийских канонов Успению, *Τάφῳ παρθενοδόχῳ* (Ко гробу девоприимну), и его древнеболгарского перевода, сохранившегося в единственном известном древнерусском списке *F. n. I 37*. В славистике на этот текст впервые обратил внимание Г. Попов [1995: 9], заметив наличие его славянского перевода в среднеболгарской служебной минее на август XIV в. *Пр23* (л. 60об. —

⁶⁷ Третья часть статьи представляет собой исправленную и дополненную версию более ранней публикации [Кривко 2011].

64об.).⁶⁸ Как показывает выполненное автором этих строк сопоставление *Пр23* с другими минеями, отредактированными согласно Иерусалимскому уставу (*Хл148, ТСЛ588*), упомянутая Г. Поповым минея *Пр23*, как и славянские минеи “новосавваитского” типа, содержит более поздний перевод канона Τάφω παρθενობόχῳ, чем тот, который находится в рукописи *F. n. I 37*. Греческий оригинал канона, установленный о. П. Планком и К. Луцкой [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051], некритически издан лишь однажды [FOLLIERI IV: 36] в составе одной из гимнографических антологий, или праздничных миней, XVIII в. [*Anth* III: ροζ' — ρπ']. По этому же изданию приведены зачала греческих тропарей, указанные в качестве параллелей к славянскому переводу в указателе [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051] и даже на уровне инципитов далеко не всегда совпадающие с церковнославянскими переводами. Из византийских рукописных источников до сих пор был известен лишь один, древнейший, *Sn631*, упомянутый в описании служебных миней монастыря св. Екатерины [ΘΕΜΕΛΗΣ 1931: 559]. Между тем канон Τάφω παρθενობόχῳ широко распространён в византийских служебных минеях XI-XVI вв., с которыми удалось познакомиться автору этой статьи. Во всех источниках, привлечённых далее для издания, канон помещён в день предпразднства Успения, 14 августа, что нашло продолжение в славянской традиции. Благодаря активному литургическому употреблению в византийской гимнографии новый, вероятно, афонско-тырновский, перевод канона конца тринадцатого или начала четырнадцатого веков получил распространение в славянских служебных минеях и даже вошёл в состав новоцерковнославянских печатных миней [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051], хотя ни в каких иных, кроме *Anth* (III ροζ' — ρπ'), изданиях греческих литургических книг он не отмечен [FOLLIERI IV: 36]. Очевидно, греческий текст канона по каким-то причинам не был включён в первые издания служебных миней и поэтому исчез из употребления.

На фоне богатой источниками византийской традиции гимна и его распространения в “новосавваитской” славянской переводной гимнографии удивляет уникальность единственной славянской рукописи — свидетеля его древнейшего перевода, — *F. n. I 37*. Этот перевод отсутствует не только в древнерусских служебных минеях на август студийско-алексиевской редакции *Ta* и *Ca*, но и в доступных автору этих строк древнесербских и среднеболгарских праздничных и повседневных служебных минеях ранних, “доафонско-тырновского”, изводов, содержащих гимнографию Успения Богородицы (см. список источников в конце статьи). Таким образом, интерес публикуемого ниже древнего

⁶⁸ См. о рукописи: [Станчев 1981: 92-93]; там же см. литературу и ссылки на более ранние описания.

славянского перевода определяется его уникальностью в сопоставлении с многочисленными византийскими и более поздними церковнославянскими источниками. Лингвистических данных относительно датировки и локализации славянского текста нет, однако, судя по источниковедческим данным, перевод датируется древнеболгарским, а не древнерусским, периодом, в пользу чего свидетельствуют также языковые особенности *F. n. I 37*, упомянутые выше. Восточнославянское происхождение перевода было бы возможно только в рамках студийско-алексиевской традиции, однако именно в студийско-алексиевских минеях *Ta* и *Sa* этот текст отсутствует. Согласно Студийско-Алексиевскому уставу, на утрене в день предпразднства Успения Богородицы положены другие каноны [Пентковский 2001: 361]. Следовательно, в древнерусском списке начала тринадцатого века содержится уникальный фрагмент древнеболгарской переводной гимнографии Успению эпохи Первого царства, не включённый в более поздний отредактированный студийско-алексиевский гимнографический корпус, опирающийся на иные византийские источники.

3b. Древний славянский перевод канона и его греческий оригинал

Далее приводится текст канона, древнейший славянский перевод которого публикуется по единственному известному списку *F. n. I 37*. Новый перевод цитируется по рукописям *Хил148* (л. 161–163) и *ТСЛ588* (л. 115–120об.).

Основной греческий текст канона издаётся по древнейшей рукописи *Sn631* (f. 37v–39) италогреческого происхождения (см. о датировке, локализации и истории рукописей в каталогах, ссылки на которые сопровождают сиглы источников в конце статьи). Разночтения приводятся по рукописям *Cl* (f. 85v–87r), *Cr12* (f. 68v–70v), *Cr23* (f. 188v–189r; в тексте лакуна после третьего тропаря третьей песни до начала девятой; напротив заглавия текста на поле лигатура, сообщающая сведения об авторе: Θεοφάνους [*genetivus auctoris*, т. е. “Феофана Начертанного”, или “Грапта”]; другие атрибуции неизвестны), *Mtr* (f. 184r–186), *Sb71* (f. 132r–134r), *Sb208* (f. 125r–126r), *Ox* (91v–93r), *Sf* (f. 44v–46), *Vt787* (f. 195v–197r). В критический аппарат к греческому тексту внесены чтения первого и второго славянского переводов (с сиглами, соответственно, *slav1* и *slav2*, при этом *slav2* цитируется по списку *ТСЛ588*), которые приводятся в тех случаях, 1) когда хотя бы один из переводов не соответствует чтению основного греческого списка или 2) когда хотя бы один перевод отражает гипотетическое индивидуальное чтение, не засвидетельствованное в привлечённых для издания рукописях. Отсутствие

чтений *slav1* и *slav2* в критическом аппарате означает, что оба славянских перевода восходят к чтению основного греческого списка.

F. n. I 37, 143об. —

Κά γλὰ ἑ· Πῦ· ἄ· ἱρμό· κονα ἡ ∴

I 1

Κὺ γροβοῦ δ̄ω̄πρ̄ῑᾱτ̄η̄νο̄μοῦ/πρ̄ῑδ̄β̄μ̄ζ̄ β̄τ̄ρ̄ν̄ῑῑ · β̄λ̄γ̄οῦ/χ̄αν̄ῑᾱ β̄ж̄т̄в̄н̄а̄г̄ο̄ πρ̄ӣа̄/т̄ӣ
т̄ы̄ц̄а̄ц̄е̄с̄а̄ β̄з̄ т̄ο̄м̄ б̄о̄ п̄о̄л̄ж̄ӣс̄а̄ · м̄ю̄роῦ β̄з̄λ̄а̄γ̄а̄л̄ӣ/ц̄ӣе̄ д̄ы̄ш̄а̄ β̄л̄γ̄οῦ/χ̄ан̄ӣа̄ д̄д̄/ш̄ӣ
ѡ̄б̄н̄а̄ӣѡ̄ӣ ∴/

Sn631, f. 37v–39

Κανὼν προεόρτιος τῆς κοιμήσεως τῆς παναγίας Θεοτόκου, φέρων
ἀκροστιχίδα τήνδε· Τῆς Θεοτόκου⁶⁹ κοίμησιν ἐξάδω λέγων.⁷⁰

ὦδὴ α', ἦχος πλάγιος α'
ἵππον καὶ ἀναβάτην

¹Τάφω παρθενοδόχῳ * ²προσίσωμεν οἱ πιστοὶ, * ³εὐωδίας ἐνθέου * ⁴
μεταλαβεῖν σπουδάζοντες, * ⁵ἐν τούτῳ γὰρ τέθηται * ⁶μυροθήκη,
πνεύουσα * ⁷εὐωδιάν, ψυχὰς μυρίζουσα.

⁵τεθῆται = *slav1* положиса: Cl=Cr23=Mtr=Sf=Sb71=Sb208=Ox=Vt787 κέχυ-
ται = *slav2* ѡзлѣдса]

I 2

В̄з̄а̄т̄з̄са̄ ѿ̄ г̄ο̄р̄ы̄ с̄ӣѡ̄на̄ · с̄ӣѡ̄н̄з̄/д̄ш̄ев̄ь̄н̄ы̄ӣ ӣ п̄ο̄ч̄ӣ β̄з̄ г̄р̄а̄д̄ѣ̄/г̄е̄ф̄с̄ӣм̄а̄н̄ӣ
ѡ̄а̄к̄ο̄ β̄ε̄з̄д̄ш̄ь̄н̄з̄ ·/ б̄а̄ β̄ε̄с̄м̄ь̄р̄т̄ь̄н̄а̄ п̄р̄ӣӣм̄з̄ш̄ӣ ·/β̄з̄ ѡ̄д̄р̄ѣ̄х̄з̄ п̄р̄ѣ̄т̄ь̄х̄з̄ п̄ο̄ч̄ѣ̄т̄⁷¹∴/

¹Ἡορθ Σιών ἐξ ὄρους * ²Σιών ἡ ἔμψυχος⁷², * ³καὶ κατέπαυσεν πόλει *

⁶⁹ В акростихе во всех источниках читается “Θεοτόκου”. “Die offensichtliche Fehlschreibung “Θεῦτόκου” nach Ausweis der Troparia, die in Anth III ροζ’ beibehalten wird, erfährt in MV XII 67 Anm. die nötige Verbesserung, ohne daß dort der vollständige Kanon ediert ist (vgl. Follieri IV 120-121). Das fragliche Incipit des 2. Troparions der 3. Ode Ὑπτιαν bietet keinen Anlaß zur Korrektur, zumal ὕπτιος auch in Bezug auf Christus im Grabe verwendet wird (TR 724: “Ὑπτιον ὀρώσα”) [PLANK, LUTZKA III 20-21, Anm. 20] (“очевидная ошибочная форма “Θεῦτόκου”, как она засвидетельствована зачалами тропарей в Anth III ροζ’, была в MV XII 67 (примеч.) должным образом улучшена, без того, чтобы в этом же источнике текст был полностью издан (ср. Follieri IV 120-121). Спорное зачало второго тропаря третьей песни Ὑπτιαν не даёт никаких оснований для конъектуры, особенно в связи с тем, что ὕπτιος употребляется также при описании погребенного Христа (TR 724: “Ὑπτιον ὀρώσα”).

⁷⁰ В Sb71, f. 132, вм. λέγων ошибочно и вопреки акростиху λόγῳ.

⁷¹ Сокращённое *почити; см. греч.

⁷² Колон нарушает метрическую схему соответствующего колона ирмоса εἰς θάλασ-

ΠῚ Γ̃· ἱρμῶ · ὁγτβρжини ∴/

III 1

ΠῚми провьными · нынѣ вѣ/сѣлѣмъ ѿгъоу зижителѣа / бѣ родителницю · и сѣ
всѣло/тными воѣ · одрѣ живоноснѣ/и · обисотупимъ славаце · іа/ко
престолаъ вѣ-и сѣи /⁷⁷

ὠδὴ γ'
ὁ πήξας ἐπ' οὐδενὸς τὴν γῆν

¹ Ἐν ὕμνοις ἐπιτυμβίοις νῦν ἀνυμνήσωμεν * ² τὴν ἀγνὴν τοῦ Κτίστου * ³
Θεοῦ λοχεύτριαν * ⁴ καὶ σὺν ἀσωμάτοις στρατιαῖς * ⁵ σκίμποδα ζοηφόρον
* ⁶ περιστοιχίσωμεν, γεραίροντες * ⁷ θρόνον ὡς τὸν θεῖον καὶ ἅγιον⁷⁸.

¹ νῦν ἀνυμνήσωμεν Cr12=Mtr νῦν προπεμψόμεθα Sb71 νῦν δὲ
προπέμψωμεν Cr23=Sf=Ox νῦν ἀναπέμψωμεν = slav1 вѣ/сѣлѣмъ, slav2
вѣ/спослѣ Vt787 συναναπέμψωμεν] ⁴ ἀσωμάτοις Sb71 ἀσωμάτων Cr23
οὐρανίαις] ⁵ ζοηφόρον Cr23 ζοηφόρα] ⁶ περιστοιχίσωμεν Mtr=Sf περι-
τειχίσωμεν] ⁷ τόν Cr12 τό Ox *нет*

III 2

Простѣрзѣоу ѣ оѣмьршио ви/даце оѣима · и смѣжышоуа/ живота приагелницю
бже/сѣвныи-и⁷⁹ приносѣкоуцини/источникъ придѣте вѣрны/ми сѣдци слъзы
истагаюце ·/прикоснѣмъса тоа прѣтомѣ/телеси ∴/

¹ Ὑπτίαν καὶ τεθαμμένην βλέποντες, ὄμματα * ² καὶ κεκαμυσμένην, τὴν
ζωοπάροχον * ³ θείαν καὶ ἀένναον πηγὴν, * ⁴ δεῦτε, πιστοῖς καρδίαις * ⁵
δακρυροοῦντες, ἐφαψόμεθα * ⁶ ταύτης ἀκηράτου τοῦ σώματος.

¹ τεθαμμένην Cr12=Sb71 τεθημμένην] βλέποντες ὄμματα
Cr12=Mtr=Sb71 ὄμματα βλέποντες Vt787 βλέποντες σώματι] ² καὶ κε-
καμυσμένην Vt787 ἐν κεκαλυμένην] ⁵ δακρυροοῦντες *conj.*, *ms.* δακρυ-
οῦντες, *cf.* Sf=Sb71=Sb208=Ox=Vt787 δακρυροοῦντες] ⁶ ταύτης Vt787
ταύτην]

III 3

Бѣе блгоуѣстьные бѣе жиї/це вефилъ вѣ истиноу · и гра/де дѣшевный всѣхъ ѣрѣ
вѣ и/стиноу · подаже пре//грѣшениемъ нашимъ · вѣ/памѣ твою ѡпоуциениѣ
вѣ/мъ ѡ бѣдѣ спси ∴/

¹ Τὸ θεῖον καὶ εὐαγὲς Θεοῦ οἰκητήριον, * ² ἡ Βεθὴλ⁸⁰ ἡ ὄντως καὶ

⁷⁷ См. библейские аллюзии в примечаниях к греч. тексту.

⁷⁸ Ср. Ис6:1-2; Песн3:7.

⁷⁹ Гаплография из *божьствыни* и, ср. греч. θείαν καὶ.

⁸⁰ Ср. Быт28:19.

πόλις ἔμψυχος *³ τοῦ παμβασιλέως ἀληθῶς · *⁴ βράβευσον τῶν
πταισμάτων *⁵ ἡμῖν τῇ μνήμῃ σου τὴν ἄφεσιν *⁶ πάντων, καὶ
κινδύνων διάσωσον.

¹ εὐαγγές = *slav1* вѣговѣтъноіе: Sf εὐγενές = *slav2* вѣгоровѣноіе] ² ἡ Βεθὴλ ἡ =
slav1 Вефила: Sb71 ἡ νεφέλη Sf ἡ καθέδρα = *slav2* ѿбѣдлице Vt787 Βη-
θαεὲμ ἡ] καὶ πόλις Vt787 πόλις ἡ] ³ ἀληθῶς Cr12=Mtr=Sb71 οὐρανῶν] ⁴
βράβευσον Sb71 βραβεύων] ⁵ τῇ μνήμῃ σου *conj., ms.*: τὴν μνήμην σου,
cf. Cl=Cr12=Mtr=Sf=Ox τῇ μνήμῃ σου = *slav1* вѣ/памлѣ твою, *slav2* памлѣтїю
твоєю] ⁶ πάντων καὶ Cr12 πάντων τε

πῦ · δ' · ἱρμῶ · βῆνῃ ραζοῦ·÷/

IV 1

Нѣснагѣ мноѣства вѣзвесели/теса · оуготовите бѣно ѿтоуіо/мѣрь приіати · цѣцію вѣсми
зѣ/данни вѣговѣтвиими ѡбл/данїи ·÷/

ὥδῃ δ'

τὴν θείαν ἐννοήσας σου κένωσιν

¹ Οὐράνιοι οἱ δῆμοι, εὐφραίνεσθε, *² παρασκευάσθητε Θεοῦ *³ ἀγνὴν
μητέρα εἰσδέξασθαι, *⁴ τὴν Βασιλίδα τὴν πάντων⁸¹ *⁵ κτισμάτων
εὐαγγῶν κυριεύουσιν.

¹ οἱ Sf *het* Vt787 νῦν] εὐφραίνεσθε = *slav1* вѣзвесели/теса: Sf εὐφραίνονται
= *slav2* веселѣтсѣ] ³ εἰσδέξασθαι Sf ἐκδέξασθαι] ⁴ τὴν πάντων Sb71 τῶν
πάντων Ox καὶ πάντων]

IV 2

Да трепещиють вѣздощинни дси ·÷/ да оустоупить же и тѣ самѣ ·÷/ миродѣржителя во
низѣложі/са · посрамленѣ вида · ѿ земаля/вѣзнимлемоу бѣно мѣрь ·÷/

¹ Κλονεῖσθω ἐναέρια πνεύματα *² ὑποχωρεῖτω δὲ αὐτῆς *³ ὁ

⁸¹ В четвёртых колонах каждого тропаря четвёртой песни с заданной ирмосом моделью не совпадает ни одно ударение, а количество слогов (8) на четыре меньше, чем в соответствующем фрагменте ирмоса ἐξηλθες γὰρ εἰς σωτηρίαν λαοῦ σου (12) [HANNICK 2006: 159, E δ'1]. Это отступление от схемы не является ни порчей текста, ни "творческой неудачей" автора. Все четвёртые колоны каждого из тропарей этой песни построены по одинаковой метрической модели и, хотя и отступают от требуемого ирмосом метра, однако согласуются между собой: каждый четвёртый колон состоит из восьми слогов с обязательным ударением на четвёртом и седьмом слогах. Ударения приходятся на значимые (не служебные) лексемы и, за единственным исключением, являются острыми. Тупое ударение формы περιστέρα (Σολομόντος) в последнем, четвёртом, тропаре (см. далее) обусловлено позицией окситональной словоформы внутри фразы не перед клитикой. Регулярность и оправданное ожидание такой "силлаботонической" модели в каждом из четвёртых колонов четвёртой песни доказывает, что отступления от метрической схемы ирмоса были сделаны сознательно.

κοσμοκράτωρ κατάπτωται *⁴ καταισχυμένος γὰρ βλέπων *⁵ ἐκ γῆς
ἐπαιρομένην τὴν θεομήτωρα⁸².

² αὐτῆς Sb71=Sb208=Sf=Ox αὐτός = *slav1* тѣ сѧмѣ = *slav2* сѧмѣ Vt787
αὐτά] ³⁻⁴ κατάπτωται καταισχυμένος γὰρ βλέπων Cl κατάπτω-
τος καὶ αἰσχυνόμενος βλέπων Sf κατέπτωται καταισχυνόμενος
βλέπων Mtr=Sb71 κατάπτωτος καὶ αἰσχυνέσθω προβλέπων *slav2*
да падаєтъ/поєрамленъ видѧ (← *καταπίπτη⁸³ καταισχυμένος βλέπων?)
Ox κατέπτωται γὰρ καταισχυνόμενος βλέπων = *slav1* во низъложи/сѧ ·
поєрамленъ видѧ (← *κατέπτωται/κατεπτώθη γὰρ καταισχυμένος
βλέπων) Sb208 καταπέμπεται .....σχυνόμενος βλέπων Vt787
κατάπτωται καὶ αἰσχυνομένος βλέπει] ⁵ ἐκ γῆς Sf = Vt787 om] θε-
ομήτωρα Mtr ἄνασσαν Ox ἄχραντον]

IV 3

Оуже не ѡбразно въ гадании⁸⁴ · ѿ/жрьць кивотъ · завѣтъный но/сительсѧ · аплы же въ
истиноу ·/ бѧ нашего мти носительсѧ ::/

¹ Οὐκέτι τυπικῶς ἐν αἰνίγμασιν *² ὑφ' ἱερέων κιβωτὸς *³ τῆς
διαθήκης βαστάζεται *⁴ ὑπ' ἀποστόλων δὲ ὄντως *⁵ Θεοῦ ἢ Μήτηρ
ἐπαναφέρεται.

¹ αἰνίγμασιν Vt787 ἐνίγματι] ⁵ Θεοῦ ἢ Ox τοῦ Λόγου Θεοῦ *slav1*
add. нашего (← *Θεοῦ ἡμῶν ἢ)] ἐπαναφέρεται Mtr βαστάζεται = *slav1*
носительсѧ, *slav2* но/сима есть Sb71 ἐπαναπέπαυται

IV 4

Оусноу-въ⁸⁵ бжтѣьнаиѧ и прейде/и оупоуи въ животьныхъ/храминахъ
нейздрученны/хъ · голоубица соломо//ниѧ · нарицаиетьсѧ · и всекрась/наиѧ
и всеуистаиѧ ::

¹ Ὑπνώσασα εἰς θεῖαν κατέπαυσεν *² καὶ ἀνεπαύσατο ζωῆς *³ ἐν τοῖς
ταμείοις εἰς ἄληκτα *⁴ περιστερά Σωλομόντος *⁵ καλὴ τε καὶ ὠραία
καὶ πάνσεμνος.⁸⁶

⁸² В этом тропаре не только четвертый, но и пятый колоны нарушают и гомотонию, и изосиллабизм соответствующих колонов ирмоса: ἐξῆλθες γὰρ εἰς σωτηρίαν λαοῦ σου * τοῦ σῶσαι τοῦ χριστοῦ σου ἐλήλυθας [HANNICK 2006: 159, E δ' 1]. В пятом колоне количество слогов на два больше требуемого моделью, однако различия Sf, Vt787, Mtr, Ox могут не только отражать попытки восстановить изосиллабизм и отчасти гомотонию за счёт устранения двух лексем (ἐκ γῆς) или замены более длинных словоформ более короткими, но и быть свидетелями первоначальных чтений.

⁸³ Форма конъюнктива наст.вр. не засвидетельствована ни одним греч. источником; ср., однако, конъюнктивный аор. καταπτῶται (от καθίπται).

⁸⁴ В греч. мн.ч.; въ гадании из *въ гаданиихъ?

⁸⁵ Очевидно, гаплография из *оусноуъ въ; см. греч.

⁸⁶ Ср. Песн. 5:2, 6:9.

¹ κατέπαυσεν *slav1* ἡ πρεΐδε (= *καὶ ἔλυθας или *καὶ ἔλυthes (αορ. ινδ. ακτ. 2λ. εδ. ч. от ἐρχομαι)?] ¹⁻² κατέπαυσεν καὶ ἀνεπαύσατο Sf κατάπαυσιν Sb71=Sb208=Mtr=Vt787 κατάπαυσιν καὶ ἀνεπαύσατο = *slav2* (Огънѣиши въ бже/сгвѣтѣмь) ποκοиши · и погы Cr12=Ox κατάπαυσιν ἐπανεπαύσατο) ² ζωῆς Mtr=Sb71=Vt787 ζωήν] ³ ἄληκτα Vt787 ἄλλητ- κτον] ⁵ πάνσεμνος Mtr=Sb71 πάνχρουςος⁸⁷ Cr12 πάνχροητος

ПѢ .ѣ. ірмо . ОДѢНІСА СВѢ:/

 V_1

У́тѣю дѣхѣвныѣ · бжтвѣныѣ селѣ/нїи · прѣстаго на сїонѣ горѣ · /бывши испустї дѣхъ ·
и всю / тварь пацѣ кєстєства просвѣтї ÷/

ὥδῃ ε΄
ὁ ἀναβαλλόμενος φῶς ὡς ἱμάτιον

¹Καθαρόν τοῦ Πνεύματος θεῖον τὸ σκῆνωμα * ²τοῦ παναγίου Σιών
τῷ ὄρει * ³γεγονῶς ἐξέπνευσεν * ⁴καὶ πᾶσαν τὴν κτίσιν * ⁵ὑπερφυῶς
ἐφώτισεν.

¹ τοῦ Πνεύματος θεῖον τὸ σκῆνωμα Οχ τὸ σκῆνωμα θεῖον τοῦ πνεύματος] θεῖον τὸ σκῆνωμα Cr12 θεῖόν τε σκῆνωμα Sf τὸ θεῖον σκῆνωμα Sb208 θεῖον σκῆνωμα]

 V_2

Всего бжтва селѣніе · тѣмь бжъ/ство та · всю мтръ всако преста/ви ѿ земаля бже
на нбса взимаѧ ÷/

1 Ὅλης τῆς θεότητος ἐγένου οἶκημα * 2 διὸ θεότης σὲ ὅλην Μητέρα⁸⁸ * 3
ὀλικῶς μετέστησεν * 4 ἐκ γῆς, Θεοτόκε, * 5 πρὸς οὐράνιον μετάρσιον⁸⁹.

¹ ὅλης Mtr ὅλη] οἰκημα Vt787 σκήνωμα] ² Μητέρα Ox Κόρη] ⁴ Θεοτόκε Mtr Θεομήτωρ] ⁵ πρὸς οὐράνιον μετάρσιον Sb71 σὺν τῇ ψυχῇ τὸ σῶμά σου

⁸⁷ Ср. Пс. 67:14.

⁸⁸ Колон на один слог превышает метрическую схему, требуемую соответствующим колоном ирмоса: *πρὸς σὲ ὀρθρίζω καὶ σοὶ κραυγάζω* [HANNICK 2006: 159, Ε ε'1]; благодаря разночтению *Κόρη* (*vs. Μητέρα*) Ох изосилабизм восстанавливается.

⁸⁹ Последний колон нарушает гомотонию и изосиллабизм соответствующего колона ирмоса $\chi\rho\iota\sigma\tau\acute{\epsilon}\ \acute{\omega}\varsigma\ \mu\acute{o}\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\sigma\pi\lambda\alpha\chi\chi\omicron\varsigma$ [HANNICK 2006: 159, E ε'1]; соответствие восстанавливается благодаря имеющей место в единственном источнике замене исконного колона (*lectio difficilior*) на заимствованный из следующего тропаря колон $\sigma\upsilon\kappa\ \tau\eta\ \psi\upsilon\chi\eta\ \tau\acute{o}\ \sigma\acute{\omega}\mu\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\upsilon\varsigma$ Sb71.

$$V_3$$

ѿъзъ прѣбжѣвныи · славы гъ · ѿ / твоѣа оутробы · рождьса мѣть / ѿ · тъ же та
и прѣстави · ѿ зема / бѣа мѣи сѣ дшею и тѣлѣмъ ÷ /

f. 38v

1 Ἰησοῦς ὑπέρθεος * 2 τῆς δόξης Κύριος * 3 ὁ σῆς νηδύος τεχθεὶς δι' οἶκτον * 4 ὁ αὐτὸς μετέστησεν ἐκ γῆς, Θεομητορ, * 5 σὺν τῇ ψυχῇ τὸ σῶμά σου.

¹ Ἰησοῦς O χ add ὁ] ²Κύριος Sb71 om] ³ ὁ σῆς O χ ὁ ἐκ τῆς σῆς Vt787 ὡς εἶς (ὡς εἶς?)] ⁵ τὸ σῶμά σου Sf καὶ σώματι = *slav1* ἢ *тѣлѣмъ*, *slav2* ἢ *тѣломъ* O χ τῶ σώματι]

ПѢ · ѿ · ІРМО · ВЪЛНАЩЕЕСА ::/

VI 1

СЗ АНГЛЫ ТЫЦѢМЪ · ДРХАНГЛЫ/и сѢ властѣми · ѿ наѢалы и пре/столы · и силами · вѢ
снѡнѢ ве/ликое чюдо видаще ÷/

ὥδῃ στ'

μαينوμένην κλύδωνι ψυχοφθόρῳ

1 Μετ' ἀγγελῶν δρᾶμωμεν * 2 ἀρχαγγελῶν καὶ ἐξουσιῶν * 3 καὶ ἀρχῶν
καὶ θρόνων καὶ δυνάμεων * 4 ἐν τῇ Σιών * 5 τὸ μέγα θαῦμα ὁψόμενοι.
ὁψόμενοι = *slav1* βηδαιμ: Mtr=Sf=Vt787 ὁψώμεθα = *slav2* *ἔσθῃ*/: Οχ
θεάσασθαι]

VI 2

Живоу родителнице · како приѣ · /сѣмьрътѣ тѣла оубѣжавъши въ/сакоѣ · нъ ѿко въ
истиноу тво//ѿ · паѹе истьства ѿтѣа дво · тайнства Ѹ/

¹ Ἡ ζῶης κυήτρια * ² πῶς ὑπέστης θάνατον, φθορὰν * ³ πεφευγυῖα
παῖσαν; ἄλλ' ὥς ὄντως σου * ⁴ ὑπερφυῖ, * ⁵ ἄγνή παρθένε, μυστήρια.

¹ζωῆς κυήτρια Cr12=Mtr ζωὴν κυήσασα] ²θάνατον Sf θανάτου] ³
φθοράν Mtr φθορᾶς] ⁴παρθένε Cr12 τὰ θεία] ⁵μυστήρια Ox μυστήριον]

VI₃

Сїонїтане велико же · своѧ/свѣща · възжыгыше свѣтъ ·/примышыюу прїдѣте
оусъ/рашѣмъ · въ гефсиманїю ·/и тоу пѣмї предъпослѣмъ ÷/

¹ Σιωνῖται ὅσοι τε ² τὰς λαμπάδας ἄψαντες τὸ φῶς ³ δεδεγμένην, δεῦτε, ὑπαντήσωμεν ⁴ Γεθσημανῇ, ⁵ καὶ ταύτην ὕμνοις προπέμψωμεν.

¹ ὅσοι τε Cl=Sb71=Mtr=Sb208=Vt787 ὅσιοι] ² ἄψαντες = *slav1* вѣжыꙗше: Sf ἄψατε = *slav2* вѣжете] τὸ φῶς Cr12 τῇ φῶς] ³ δεδεγμένην *conj.*, *ms.*: δεδεγμένοι⁹⁰, cf. Vt787 δεδεγμένη Cl=Sf=Ox δεδεγμένην = *slav1* приимꙗшю⁹¹] ⁵ ταύτην Vt787 ταῦται] προπέμψωμεν Ox προσπέμψωμεν

ПѢ ·З· ἱρμό · прєвѣзносим· /

VII 1

Цѣниѣꙗ множество людѣи / же сѣставѣ · ѡтроковицѣ же въ/си · двѣꙗ ликоꙗꙗꙗ · вѣспои/те · двѣ прєставлєнїє бжѣвъ/ноє ·

ὠδὴ ζ

ὁ ὑπερυψούμενος τῶν πατέρων

¹ Τερείων δῆμοί τε * ² καὶ λαῶν συστήματα, * ³ νεάνιδες ἅπασαι, * ⁴ παρθένοι, χορεύσατε, * ⁵ ὑμνήσατε παρθένου * ⁶ τὴν μετάστασιν τὴν θείαν.

¹⁻² δῆμοί τε Cr12 δῆμός (= *slav1* множество) τε καὶ Mtr δῆμοί τε καί] καὶ *conj.*, cf. Cr12, Mtr, *ms.* καὶ *om.*] ⁴ χορεύσατε = *slav2* ликꙗꙗ/ἵτε: Cl χορεύουσαι = *slav1* ликоꙗꙗꙗ] ⁵ ὑμνήσατε Cr12 μέλποντες τῆς] παρθένου Mtr μητέρος]

VII 2

Законоꙗ ἡ бл҃гдѣти · би/аꙗ м҃тре · оꙗспєнїє λοꙗꙗши/ἡ · ποхвалите ποіоꙗ · сѣгласъ/но ποіоꙗ · вє бл҃гнъ · /

¹ Νόμου καὶ τῆς χάριτος * ² τῆς θεομήτορος⁹² * ³ τὴν κοίμησιν πρόκριτοι * ⁴ αἰνέσατε, μέλποντες, * ⁵ συμφώνως μελωδοῦντες · * ⁶ <ὁ Θεός, εὐλογητός εἶ>⁹³.

⁵ μελωδοῦντες Cr12 καὶ βοῶντες]

⁹⁰ Правильность конъектуры подтверждается местоимением ταύτην в пятом колоне. При отсутствии в тексте формы (τὸ φῶς) δεδεγμένην 'привышую (свет)' остаётся неясным, на кого (ταύτην 'эту; её') указывает местоимение.

⁹¹ К чтению δεδεγμένην Sf=Ox восходит также новый перевод свѣтѣ ѡблѣ/женюю TC1588 118, в котором вин.п. прямого объекта был понят как винительный отношения и, соответственно, передан тв.п. При этом был калькирован медио-пассивный залог причастия от глагола дѣхоμαι 'принимать; получать'. В результате выражение τὸ φῶς δεδεγμένην 'Свет привышую (т.е. зачавшую Христа)' было понято как 'охваченную светом'. (Возможно, оправданием такого прочтения является свет, сошедший, согласно агиографическому преданию, на Богородицу перед её смертью.)

⁹² Колон на один слог короче требуемого метрической схемой; ср. τῶν πατέρων κύριος [HANNICK 2006: 163, E ζ'1].

⁹³ На месте фразы в скобках в рукописи сокращение ὁ Θεός и лигатура εὐλογητός. Ср. ὁ Θεός εὐλογητός εἶ Cr23 = Mtr.

VII 3

᾽ΟΤ̃Σ ΣΙΩΝΑ ΠΡῚΤΑΙᾶ ΒΥΖΑΤΥΣΑ / Δ̃ΝΗ · ΣΤ̃Χ̃Σ ΣΤΑΙᾶ · ΓΟΡΑ ΣΤΑΙᾶ · ἢ ΒΕ / ΛΙΝᾶ ΙΕΜΟΥЖЕ
ΒΥΠΙΕΜΥ · ΒΕ ΒΛ̃· /

¹ Ἐκ Σιών ἡ πάνταγνος * ² μετῆρε σήμερον⁹⁴, * ³ ἀγίων εἰς ἀγία * ⁴ τὸ
ὄρος τὸ ἅγιον * ⁵ καὶ μέγα, ᾧ βοῶμεν · * ⁶ <ὁ Θεός, εὐλογητός εἶ>.

¹ Ἐκ *conj.*, *ms.* Ἐν = *slav*² вѣ, *cf.* Cr12 = Mtr ἐκ = *slav*¹ ὄτ̃ς] ⁵ καὶ μέγα Cr12
Κυρίου] в Vt787 *тропарь отсумствует*

VII 4

Ἰ̃Σ ΣΤΡΑΝЬНО ἢ НЕИЗДРЕЧЕЬНО · ТВО / ЕГО ОУСПЕНИИᾶ · И ТВОЕГО ПРЕ / СТАВЛЕНИИᾶ ТАΙ̃НСТВО
ПРЕ // Υ̃ΙΣΤΑΙᾶ · ЕГОЖЕ Υ̃ΤΟΥСМЕ ВΥ / ΠΙΕΜΥ · ΒΕ ΒΛ̃ГНᾶ Ι̃ΕС· /

¹ Ξένον καὶ ἀνέκφραστον * ² τὸ τῆς σῆς κυέσεως * ³ καὶ τῆς μεταστάσε-
ως * ⁴ μυστήριον, Πάναγνε, * ⁵ ᾧ σέβοντες βοῶμεν * ⁶ <ὁ Θεός, εὐλο-
γητός εἶ>.

² τό Mtr=Ox=Vt787 *om*] ³ καὶ Mtr τό] ⁴ Πάναγνε Ox Ἀχραντε] в Sf
тропарь отсумствует = *slav*²] в Sb71 *дрзгой догородичен* (см. VII 4a)

VII 4a

Sb71, f. 133v (textus unicus)

¹ Ξένη σου ἡ κοίμησις * ² καὶ ἡ μετάστασις, * ³ Παρθένε πανάμωμε, *
⁴ Θεὸν γὰρ ἐγέννησας * ⁵ ᾧ πάντες μελωδοῦμεν * ⁶ ὁ Θεός εὐλογητός
<εἶ>.

ПѢ · И̃ · ИРМО · Тебе вседѣтеліа · /

VIII 1

Цр̃ѣ все̃хъ женъ дв̃це · м̃твы / пр̃неси х̃ви за ѹ̃тѹчи̃хъ / люб̃ви̃ю пам̃ать твою ·
и / прев̃знос̃ащи̃хъ·⁹⁵· /

ᾠδὴ ἡ '
σοῦ τῷ Παντουργῷ * ἐν τῇ καμίνῳ

¹ Ἀνασσα πασῶν * ² τῶν γυναικῶν, Παρθένε, * ³ δεήσεις προσάγαγε * ⁴
Χριστῷ τῇ μνήμῃ σου * ⁵ ὑπὲρ τῶν ταύτην ἐν πόθῳ ἐκτελούντων * ⁶ καὶ
ὑπερυψούντων εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας.

² γυναικῶν Cr12=Mtr=Sb71 ἀνασῶν] ⁵ ταύτην ἐν πόθῳ Sb71 ταύτη

⁹⁴ Колон на один слог короче требуемого метрической схемой; ср. τῶν πατέρων κύριος [HANNICK 2006: 163, E ζ'1]. По этому признаку данный колон имеет сходство со вторым колоном предыдущего тропаря, также нарушающего метрическую схему; сходство обоих колонов между собой и метрической схемой состоит в том, что все они завершаются пропарокситональной словоформой.

⁹⁵ Гаплография от *прев̃знос̃ащи̃хъ х̃р̃ьст̃а.

Παρθένε Οχ ταύτην ἐκ πόθου] ⁶ ὑπερυψούντων Cr12 *добавлено*
Χριστόν = *slav1* χα

VIII 2

Придѣте сиѡньскыѣ дѣцери / вѣѣ дшѣ дѣвѣствоуицѣ · ли/кѣ сѣставаыше · ѡ
прѣставле/нии мѣре бопрѣдѣныи · /пои́те оуспѣшнѣ тои · вѣ / вѣкы вѣа ∴

¹ Δεῦτε τῇ Σιών * ² αἱ θυγατέρες πᾶσαι * ³ ψυχαὶ παρθενεύουσαι * ⁴
χορὸν προσπλέξασαι * ⁵ τῇ μεταστάσει μητέρος τῆς θεοδόχου⁹⁶ * ⁶
μέλψατε προθύμως αὐτὴν εἰς τοὺς αἰῶνας.

¹ τῇ Σιών Cr12=Sb71=Οχ=Vt787 τῆς Σιών = *slav1* сиѡньскыѣ] ⁴ χορὸν
προσπλέξασαι Cr12 Χριστῷ προσδέξασθε Mtr=Sb71 χορῶ
προσδέξασθε Vt787 χορὸν προσπλέξατε] ⁶ αὐτὴν Vt787 *om.*] Sf
тронъ отрцствует = *slav2*

VIII 3

Иако свѣтоуѣрзно · ѡцѣно добро/тоиѡ бжѣвнѣно · лице твоѣ не/порогнѣи · славоѡ
синаѡице/бжѣвнѣно дѣвѣтѣ · преоукр/шении вѣ вѣкы ∴/

¹ Ὡς φωτεινὸς * ² ἡγιασμένον κάλλει * ³ θεότητος πρόσωπον * ⁴
τὸ σὸν, Πανάμωμε, * ⁵ δόξη ἐκλάμπων τῆς θείας παρθενίας * ⁶ τῆς
ὠραϊσμένης εἰς πάντα τοῦ αἰῶνας.

¹ Ὡς Sb71 Τῶ] ² ἡγιασμένον Οχ ἡγιασμένην] κάλλει Sb71 κάλλος Vt787
κόρη] ⁵ δόξη Sf=Sb71 δόξης

VIII 4

Глѣти не могу · недооумѣи / трепецию · и вѣ оудивляѡса / твоимъ добрѡтамъ · нѣ
лю/бѣвѣ дѣце видѣи · бжѣвѣ // ными вѣздажъ · блгѣтми/вѣспрѣстани ∴/

¹ Λέγειν ἀσθενῶ * ² ἰλιγγίῳ δὲ τρέμον * ³ καὶ ὅλως συστέλλομαι * ⁴ τὰ
σὰ ὑπέρογκα * ⁵ ἀλλὰ τὸν πόθον, Παρθένε, ἐφορῶσα * ⁶ θείοις // f. 39r
ἀνταμείβω χαρίσμασιν ἀπαύστως.

² ἰλιγγίῳ: *slav1* недооумѣи⁹⁷ (← *ἰλλιγγίων?)] δὲ τρέμον Cr12=Mtr δὲ
τρόμω Sf=Sb71=Sb208 δὲ τρέμω ≈ *slav1* трепецию Οχ καὶ φρίττω = *slav2* ἡ
тре/пеиѣ (← *καὶ τρέμω?)] ³ ὅλως: *slav1* вѣ, *slav2* вѣс (← *ὅλος?)] ⁴ ὑπέρο-
γκα Cr12=Mtr μυστήρια] ⁵ ἐφορῶσα Sb71 ἀφορῶσα Οχ ἐφωρῶσου]

⁹⁶ Колон на один слог превышает метрическую схему, гомотония в последней словоформе нарушена, ср.: πάντα τὰ ἔργα τὸν κύριον ὑμνεῖτε [HANNICK 2006: 165, E η'1].

⁹⁷ Написание может быть результатом паронимической аттракции недооумѣи и *недооумѣю и таким образом отражать засвидетельствованное чтение греческого текста, однако нельзя исключать и того, что чтение древнерусского списка является результатом позднеревнеболгарской мены юсов.

ἀνταμείβω Sf ἀνταμείβων Vt787 ἀνταμείβου = *slav1* вѣздажъ] Cl
тропарь отсупствует

πῆ · ḡ · ἱρμό · Ἰσαΐα λικοῦ·:/

IX, 2-й ирмос⁹⁸

Жьзлз прозавъшнѣ ѿ дѣдѣска/го корене · бѣе препѣтаѣ · цвѣ/тѣ красныи намъ
въснѣ/ла ꙗси · пѣрваго бжньства/ходатаѣ · тѣмъ тѣ вси пѣ/ми непрестанно
величѣѣ ::/

ὠδὴ θ´

Ράρδος βλαστήσασα δαυϊτικῆς ἐκ ρίζης, Θεοτόκε πανύμνητε, ἄνθος
ὠραιότατον ἡμῖν ἀνέτειλας τῆς ἀρχαίας πρόξενον μακαριότητος · διὸ
πάντες σὲ ὕμνοις ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν.⁹⁹

πρόξενον Ох πρόξενος] διὸ πάντες σὲ ὕμνοις ἀκαταπαύστως: Cr12 διὸ
σε πάντες ὕμνοις Ох διὸ σε πάντες ἐν ὕμνοις ἀκαταπαύστως]

IX 1

Блго же блго же гевѣ¹⁰⁰ (!) · оуκραше/наѣ невѣсто бѣ нашего · ма/ти дѣво · тобоѣ во
поползненї/ѣ ѡправисѣ адамово · ѡ ꙗвѣ/жино прельщенїе пагоуѣ/ноѣ · тѣмъ тѣ вси
пѣми не/престанно величѣѣмъ ::/

Εὐγε, εὐγε συ, ὠραῖσμένη νύμφη, τοῦ Θεοῦ Μητροπάρθενε, ἐν σοῖ
γὰρ ὀλίσθημα ἐπανορθώθη Ἀδὰμ καὶ τῆς Εὐας ἥττημα ὀλέθριον · διὸ
πάντες σε ὕμνοις ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν.

су Sb71 σοῖ] Θεοῦ Cr12=Mtr Χριστοῦ] γὰρ Cr12=Mtr *add.* τό] πάντες
σε Cr12=Sf=Sb71=Sb208 σὲ πάντες ἐν] ἀκαταπαύστως Cr12=Mtr=Sb71
от.] ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν Cr23 ἄξιо... μακαρίζομεν] *тропарь*
отсупствует в Ох, на его месте находится другой (см. IX 1a)

IX 1a

Ох, f. 92v (textus unicus; тропарь в основном повторяет ирмос,
за исключением зачала, благодаря чему сохраняется акростих)

Ἐκ ρίζης, Θεοτόκε Πανύμνητε, ἄνθος ὠραιότατον ἡμῖν ἀνέτειλας τῆς
ἀρχαίας πρόξενον μακαριότητος · διὸ σὲ πάντες ἐν ὕμνοις ἀκατα-
παύστως μεγαλύνομεν.

⁹⁸ См. комментарии ниже.

⁹⁹ Во всех рукописях только этот ирмос написан полностью; см. комментарии.

¹⁰⁰ Буква г внизу подтерта; следует читать *гевѣ.

IX 2

Υ̅ς̅τ̅ς̅ δ̅ο̅ς̅τ̅ο̅ῖ̅νο̅υ̅τ̅ο̅ τ̅ι̅ · β̅ς̅ πο̅δα̅/ι̅ε̅τ̅ς̅ · ι̅α̅κο̅ β̅λ̅δ̅κα̅ τ̅βο̅ῖ̅ π̅ρ̅ς̅τ̅α̅/ι̅α̅ · μ̅υ̅ ἡ̅ ᾗ̅τ̅ο̅ π̅ρ̅ι̅νε̅σε̅μ̅ι̅ζ̅
 τ̅ι̅/χο̅υ̅δ̅ι̅ι̅ · η̅ς̅ π̅ρ̅ι̅μ̅ι̅ τ̅ς̅κ̅μο̅ / ι̅ε̅δ̅ι̅νο̅ ἡ̅ζ̅βο̅λε̅ν̅ι̅ε̅ · ἡ̅ ἡ̅ε̅ π̅ρ̅ε̅ζ̅ς̅/ρ̅ι̅ λ̅υ̅ε̅ς̅ζ̅ε̅ · τ̅ε̅β̅ε̅
 λ̅υ̅ε̅α̅ψ̅ι̅χ̅ς̅ ὁ̅ // π̅ρ̅ε̅νε̅πο̅ρο̅ς̅γ̅η̅α̅ῖ̅α̅ ÷/

Γέρας ἐπάξιον σοὶ ὁ Θεὸς προσνέμει ὡς Δεσπότης σου, Πάναγγε,
 ἡμεῖς τί προσοίσωμεν οἱ εὐτελέστατοι; ἀλλὰ δέχου μόνην τὴν προ-
 αῖρεσιν καὶ μὴ παρίδης τὴν σχέσιν τῶν σέ ποθοῦντων, Πανάμωμε.

σοὶ ὁ Θεός Cr12 σοὶ ὡς Θεόν Sb71 σοὶ ὡς Υἱός Cr23 εἰ ὁ Θεός Mtr σοὶ
 ὡς Θεός] ὡς Cr12=Sb71 ὁ] σου Πάναγγε = *slav1* τ̅βο̅ῖ̅ π̅ρ̅ς̅τ̅α̅/ι̅α̅: Sf σου
 Παρθένε] ἡμεῖς Sf *add.* δέ] προσοίσωμεν Cr12 προσδίσωμεν] μόνην
 Vt787 μόνη] μὴ παρίδης τὴν σχέσιν τῶν σέ ποθοῦντων, Πανάμωμε Sf
 τοὺς σέ πόθω τιμῶντας ὡς Θεοτόκον διαφύλαττε] τὴν σχέσιν = *slav2*
 ὡ̅ε̅ρ̅α̅ῖ̅ε̅ = *slav1* λ̅υ̅ε̅ς̅ζ̅ε̅ ← *πόθον?] ποθοῦντων Mtr *add.* ὦ] Πανάμωμε
 Sb71=Sb208 ὦ ~] в Cl *тронарь отсومتвует*]

IX 3

Ἰ̅α̅κο̅β̅ε̅ ὑ̅ψ̅ι̅ς̅τ̅ο̅ς̅ ᾗ̅ς̅ζ̅η̅ς̅δ̅ς̅ · ἡ̅ζ̅ι̅/δ̅ε̅ ἡ̅ζ̅ι̅ς̅ ο̅υ̅τ̅ρο̅β̅ι̅ τ̅βο̅ῖ̅α̅ π̅ρ̅ς̅τ̅α̅/ι̅α̅ · η̅α̅ς̅ζ̅ πο̅ς̅ε̅τ̅ι̅ ἡ̅ς̅ τ̅ε̅β̅ε̅
 (!) β̅ο̅νε̅ε̅ς̅/ς̅τ̅η̅α̅ῖ̅α̅ · ο̅υ̅πο̅δ̅ο̅β̅α̅ψ̅ι̅ο̅ς̅α̅ σ̅ε̅μ̅δ̅ · /π̅ρ̅ι̅ζ̅ρ̅ι̅ ὦ̅ ἡ̅β̅η̅ν̅ι̅χ̅ς̅ ὑ̅ε̅ρ̅το̅γ̅ς̅ · /η̅α̅ πο̅ο̅ψ̅ι̅χ̅ς̅
 πα̅μ̅α̅ τ̅βο̅ῖ̅ο̅ ÷/

Ὡςπερ ὑψιστος συγκαταβὰς προῆλθεν ἐκ νηδύος σου, Πάναγγε, ἡμᾶς
 ἐπεσκέψατο ἐκ σοῦ, Θεόνυμφε, μιμουμένη τοῦτον συνεπίσκεψαι ἐξ
 οὐρανίων θαλάμων τοὺς ὑμνητὰς τῆς θείας μνήμης σου.

ὑψιστος Cr12=Sf=Sb71 ὁ ~] Πάναγγε Sf Παρθένε] θεόνυμφε Mtr=Sb71
 θεόνύμφευτε] τοῦτον Cr23 *add.* νῦν Sb71 *add.* δέ] συνεπίσκεψαι Sb71
 ἐπίσκεψαι] ὑμνητὰς Vt787 ὑμνοῦντες] τῆς θείας μνήμης σου Mtr τοὺς
 σοὺς πανύμνετε Cl=Sf=Sb71=Sb208 τοὺς σοὺς τῇ μνήμῃ σου Vt787 σε,
 Πανάχραντε]

IX 4

Πο̅ς̅ε̅δ̅ο̅ς̅ ᾗ̅ρ̅β̅ι̅ η̅α̅ς̅ε̅μο̅υ̅ δ̅α̅ζ̅η̅ · ζ̅α̅λο̅ζ̅η̅ν̅ι̅ε̅ ἡ̅μο̅υ̅ψ̅ι̅ο̅ · ὑ̅ς̅τ̅η̅ς̅/ι̅α̅ ρ̅ι̅ζ̅ι̅ς̅ πο̅γ̅ρ̅ε̅β̅ε̅ν̅ι̅α̅ τ̅ι̅
 · η̅α̅/ο̅υ̅τ̅β̅ρ̅ζ̅η̅ν̅ι̅ε̅ π̅ρ̅ι̅ς̅κο̅ · ἡ̅ ᾗ̅τ̅δ̅/ψ̅ι̅ο̅ πα̅γ̅ε̅ πα̅μ̅α̅τ̅η̅ τ̅βο̅ῖ̅ο̅ · ᾗ̅ρ̅κ̅ι̅ς̅/ β̅ι̅η̅α̅ μ̅τ̅ι̅ · β̅ρ̅α̅γ̅ι̅ς̅ ὡ̅ς̅α̅
 πο̅κα̅ρ̅α̅/ἡ̅ο̅ψ̅α̅ ÷/

Νίκην τῷ ἄνακτι τῷ ἡμετέρῳ δίδου τὸ ἐνέχυρον, ἔχοντι σεπτὰ σου
 ἐντάφια εἰς ἀσφάλειαν καὶ τιμῶντι μάλιστα τὴν μνήμην σου βασι-
 λικῶς, Θεομήτωρ, τοὺς δυσμενεῖς καθυποτάσσουσα.

ἀσφάλειαν Mtr ἀσφάλειαν ἀεὶ Sb71 ἀσφάλιν ἀεὶ Sf ἀσφαλείας] в Vt787
тронарь отсومتвует

α̅ π̅ρ̅α̅ν̅ικ̅ς̅ · κ̅α̅ · π̅ι̅ · η̅α̅ κ̅ο̅ν̅ϗ̅ι̅ κ̅ν̅ι̅·/

Зс. Комментарий

I 1

Словообразовательная калька $\overline{\text{двоприѣтъномуу}}$ ($\overline{\text{д'воприѣтъныи}}$), как и её греч. оригинал $\overline{\text{παρθενωδόχος}}$ ($\overline{\text{παρθενωδόχος}}$), не зафиксированы ни в словарях, ни в базах данных [Словник; TLG] славянских и греческого языков. Ср. описательный перевод ($\overline{\text{Гробоу}}$) $\overline{\text{дѣжъ приѣмшѣ}}$ *Хил*148 161 (с беспредложным, в соответствии с греческим оригиналом, дательным направления $\overline{\text{Гробоу}}$, ср. первый перевод: $\overline{\text{Къ гробоу двоприѣтъномуу приѣтъмъ вѣрнии}}$). Древнейшему описательному переводу $\overline{\text{мюроу}}$ $\overline{\text{вълагалище}}$ соответствует структурная калька $\overline{\text{мюроположница}}$ ($\overline{\text{μυροθήκη}}$) ‘сосуд для хранения мира; *перен.* о Богородице как сосуде, в котором явился *миро*-Христос’ (см. примеры соответствующих контекстов в сочинениях свт. Иоанна Злаотоуста, св. Романа Сладкопевца и др. в *TLG*, sub verbo $\overline{\text{μυροθήκη}}$): $\overline{\text{въ семъ бѣ излѣса мироположница · дѣхѣжѣи бл҃говоніе}}$ *Хил*148 161; $\overline{\text{въ семъ бо излѣа/са мироположници}}$ (так!) $\overline{\text{дѣхѣжѣи}}$ (так!) $\overline{\text{бл҃а/говоніе}}$ *ТСЛ*588 115.

I 2

$\overline{\text{Възатъса ѿ горы сиѡна · сиѡнѣ дѣшевыни}}$ ($\overline{\text{Ἡρῶθη Σιών ἐξ ὄρους * Σιών ἡ ἔμφυχος}}$): NB изменение по сравнению с оригиналом порядка слов в древнейшем переводе и морфологическую адаптацию несклоняемого гебраизма $\overline{\text{Σιών}}$. Во втором переводе порядок слов калькирует оригинал, гебраизм морфологически не адаптирован, предлог $\overline{\text{ѣк}}$ ‘от; из’ передан в соответствии со вторым значением, а не с первым, как того требует контекст: $\overline{\text{/Възатъса сѣѡнь изъ горы · сѣѡнь/одѣшевленыи}}$ *Хил*148161 ($\overline{\text{/Възатъса сѣѡнь изъ горы · сѣѡнь ѿ/дѣшевленными}}$ *ТСЛ*588 115). Калькированная постпозиция предлога по отношению к приложению и морфологически неадаптированная форма ($\overline{\text{Възатъса}}$) $\overline{\text{сѣѡнь}}$ создают контекстную омонимию с формой им.п.: “Был взят Сион из горы (т.е. изнутри?! — ср. более точное $\overline{\text{ѿ}}$ в древнем переводе; кроме того, из такого перевода неочевидно, из какой горы был взят *Сион*), Сион одушевленный”. Из такого, ошибочного, прочтения следует, что дважды использованное в этом фрагменте слово *Сион* называет Богородицу, тогда как на самом деле это значение имеет только второе употребление. В первом переводе, в отличие от второго, ясно выражена содержащаяся в оригинале контекстная антонимия: (*неодушевлѣнная*) *гора Сион* — *Сион одушевленный (Богородица)*. Благодаря более активному, по сравнению со вторым переводом, использованию ресурсов церковнославянской грамматики, проявившемуся в некалькированном порядке слов, морфологической адаптации гебраизма и выбору правильного в данном контексте значения предлога, первый

перевод оказывается грамматически более ясным и риторически более выразительным, чем второй.

Написание *почитѣ*:/ — графически сокращённая форма инфинитива *почити* ‘зд.: чтобы почить’ в соответствии с греч. инфинитивной целевой конструкцией τοῦ ἀναπαύσασθαι (аор. инф. мед.). Форма совершенного вида свидетельствует, что оригиналом славянского *почити*, представленного в обоих переводах (*Хил*148 161; *ТСЛ*588 115), скорее было чтение большинства списков ἀναπαύσασθαι (инф. аор.), а не засвидетельствованное двумя источниками *Sfi* и *Ox* ἀναπαύεσθαι (инф. наст.вр.).

I 3

Сочетания *въ превьспрьнаѣ* (древний перевод) и *въ лѣ/чшаѣ* *Хил*148 161, *въ лѣчшаѣ* *ТСЛ*588 115об. (новый перевод) — два разных способа передачи субстантивированной конструкции εἰς τὰ ἐπέκεινα, где ἐπέκεινα — наречие ‘высоко, выше; вне’. Перевод τὰ ἐπέκεινα (мн.ч. ср.р.) ‘то, что высоко’ субстантивированным прилагательным *лучший* сравним со словообразовательной мотивацией совр. русск. *превосходный* и его типологических параллелей (ср. фр. *supérieur* и др.), в которых положительное качество выражено с помощью понятия высоты.

I 4

прия — аор. 2л. ед.ч., ср. греч. аор. инд. акт. 2л. ед.ч. ὑπέστης; ср. форму с аугментом -тѣ во втором переводе: *подѣ/жтѣ* *Хил*148 161; *подѣтѣ* *ТСЛ*588 115об. Употребление -тѣ вызвано тем, что форма аориста 2-3л. ед.ч. глагола *подѣати* не имела автономного ударения “и приращение использовалось для того, чтобы придать ей самостоятельный ударный статус. Формы с приращением употребляются довольно последовательно в древнейших канонических старославянских памятниках и ряде среднеболгарских и древнесербских текстов” [Пичхадзе 2006: 129 — литература: Ван-Вейк 1957: 314-315; Дыбо 2000: 304-308; ср.: Граматика 1991: 293-294]. Конъектура *рожьши* (ѣ) и восстановление затёртой буквы опирается на греч. оригинал, где субстантивированная форма прич. перф. ед.ч. ж.р. им.п. ἡ τέτοκυῖα выступает в функции обращения. Эта форма сохраняется во втором переводе: *рождшиѣ* *Хил*148 161 (*рожьшиѣ* *ТСЛ*588 115об.).

къ покою небному — обстоятельство к *прѣставити*. Содержание тропаря: Владыка сотворил се, тоуто ‘это’, а именно, чтобы Богородица, зачавшая Жизнь вечную, т.е. Христа, умерла (“прияла смерть”), и благодаря этому была преставлена к небесному покою.

III 1

Словосочетание ἐν ὕμνοις ἐπιτυμβίοις — *Пѣмъ гробьными* (древнейший перевод) — передано в новом переводе как *Въ грѣбнѣхъ тимбанскыхъ* *Хил*148 161 (*Въ*

гѣснѣхъ тимѣанскѣ ТСЛ588 115об.). В переводе отражено паронимическое сближение производящей основы прилагательного ἐπιτύμβιος ‘надгробный’ (от τύμβος ‘гробница; могила; склеп; гроб’) с названием ударного музыкального инструмента τύμπανον, чему способствовала среднегреческая прогрессивная ассимиляция по звучности $\mu\pi \rightarrow \mu\beta$. Ошибка перевода, обусловленная паронимическим смешением созвучных греческих слов, или, в соответствии с терминологией Ф. Томсона, “false etymology” [THOMSON 1988: 366] (“ошибочная этимология”), в данном случае неочевидна. Возможно, что перед нами особый приём перевода, когда для передачи греческого слова использовано созвучное с ним древнее заимствование *тимпанъ*, уже имеющееся в языке. Подобные случаи межъязыковой паронимии не описаны в типологии ошибок перевода [THOMSON 1988], слово *тимпанский* (*тимбанский* и др.) неизвестно в славянской исторической лексикографии и в базах данных.¹⁰¹ В пользу такого объяснения свидетельствует, во-первых, ещё один аналогичный пример в том же втором переводе рассматриваемого канона (см. комментарий к тропарю IV 2), во-вторых, отсутствие в этом втором переводе ошибок.

III 2

Простѣръзѣтѣ и оумѣршю видаѣце ѡчима · и смѣжышѣсѣ: согласно переводу, ѡчима — обстоятельство при видаѣце, тогда как в греч. ὀφθαλμα — винительный отношения при медио-пассивном перфектном причастии κεκαμυσμένην (от καταμύω или виз. καμύω ‘закрывать глаза?’), ср. новый перевод: /Лежѣщѣ и простѣръзѣтѣ вида/це · ѡчи смѣжѣшѣ *Хил*148 161об. (Лежѣщѣ и простѣръзѣтѣ/видаѣце. ѡчи смѣжѣшѣ ТСЛ588 116). Судя по переводу оумѣршю (древнейшая версия), переводчик неточно определил начальную форму прич. перф. τεθαμμένη, смешав θάπτω ‘совершать погребальный обряд; хоронить, погребать’, от которого образовано причастие τεθαμμένη, с θνήσκω ‘умирать’.¹⁰² Не исключено, однако, что и здесь перед нами

¹⁰¹ Эпитет *тимпанский* оказывается в данном контексте особенно уместным, если принять во внимание следующий пассаж из “Второго похвального слова на всечестное Успение Пресвятой Богородицы” (параграф 16) прп. Иоанна Дамаскина: “Я теряю сознание от страха, трепеща от того, о чем говорю. С пророчицей Мариам, о, юные души, выйдем с тимпанами (Исх. 15:20), умертвив земные члены (Кол. 3:5), ибо это [т.е. земное тело. — Р. К.] и есть таинственный тимпан” [Иоанн Дамаскин, *Творения* 1997: 288]. Правда, славянский перевод этого текста неизвестен (см. перечень известных славянских переводов византийских гомилетических и апокрифических текстов на тему Успения Пресв. Богородицы: [Ivanova 2008: 607–618]).

¹⁰² Другой вероятной исконной, хотя и в целом редкой формой является не τεθαμμένην, а τεθημμένην (см. разночтения), которая отмечена в TLG лишь однажды без указания на инфинитив; в TLG цитируется пример из словаря Фотия, в котором форма прич. перф. им.п. ср.р. τεθημμένον толкуется как ‘συνκεχυμένον’ ‘τετυφλωμένον’ (TLG) ‘смятенное; ослеплённое’.

проявление “творческой свободы” переводчика, поскольку причастие $\tau\epsilon\theta\alpha\mu\acute{\iota}\nu\eta$ ‘та, над которой совершили погребальный обряд, приготовленная для погребения’ (но при этом ещё не погребли, иначе *видеть* её было бы невозможно) в данном контексте невозможно передать одним словом, как того требует техника пословного перевода. Соблюсти принцип пословности и не нарушить при этом смысл всего контекста оказалось возможным, только выбрав для перевода синоним к причастию *погребенный* — *умерший*. Аналогичные сложности, как кажется, возникли и при создании второго перевода, в котором обращает на себя внимание передача одного слова $\acute{\upsilon}\pi\tau\acute{\iota}\alpha\nu$ ‘откинутый назад, на спину’ с помощью двух форм *лежащѣ* и *простерѣтѣ*, тогда как для $\tau\epsilon\theta\alpha\mu\acute{\iota}\nu\eta$ ‘та, над которой совершили погребальный обряд, приготовленная для погребения’ очевидной лексической параллели нет (если не считать такой форму *прострътѣ*).

Написание *приснотекоуци* — либо стяжённая форма от *приснотекоуции* (вин.п. ед.ч. м.р.), либо результат графической ассимиляции из *приснотекоуць перед следующим и (*источникъ*), или же прояснения напряжённого гласного перед тем же и в приставке *ис-* (← *ъз); формы вин.п. бжествныи-и *приснотекоуци источникъ* ($\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ καὶ ἄένναον πηγῆν) входят в ряд однородных прямых дополнений при *видаче*.

III 3

НВ вин.п. ед.ч. с предлогом в функции обстоятельства образа действия: *въ памѣ твою* — $\tau\eta\ \mu\eta\acute{\nu}\eta\mu\eta\ \sigma\omicron\upsilon$ ‘памятованием твоим (о молящихся)’, ср. *памѣ/тиѣ твоѣж* *Хил*148 161об. (*памѣтѣю твоєю* *ТСЛ*588 116). Аккузативная конструкция *въ* + *nomen abstractum* является своеобразной “чертой ЗСЛ <Закона судного людем. — Р. К.> (как и других моравских памятников) <...> Употребление предлога *въ* с вин. п. абстрактных существительных в значении наречия образа действия Й. Вашица считал синтаксическим моравизмом. Даже если не принимать это утверждение на веру, все же бесспорно, что данная конструкция выглядит весьма архаичной. Обычно в древнеславянских текстах в этой функции выступает беспредложный (инструментальный) творительный падеж или предлог *по* с дат.п. существительного <...> Отдаленными русскими аналогами древней конструкции можно считать русские обороты *в лад*, *в пору*, возможно, также *вволю* (замечание В. Б. Крысько). Эти <...> примеры не препятствуют считать данную конструкцию в книжном языке моравизмом, поскольку термин *моравизм* образует оппозицию с термином *болгаризм* и нейтрален по отношению к термину *русизм*” [Максимович 2004: 115-116 (литература, примеры)]. Конструкция *въ* + вин.п. со значением образа действия отмечена в *Ефремовской кормчей*,

для которой не предполагается моравского происхождения, однако в этом памятнике данное сочетание является несомненным архаизмом, который связан с западным или юго-западным языковым узусом: моравизм *ръснѣтъ*, отмеченный в *Ефремовской кормчей* трижды, все три раза использован в вин.п. ед.ч. в сочетании с предлогом *въ* для передачи греческого наречия *κυρίως*, как можно судить по словоуказателю [Максимовић 2010: XV, 271].

Неясно, позволяет ли пример *въ памѣ твою* — *τῇ μνήμῃ σου* ‘памятованием твоим’ уточнить расположение древней изоглоссы, описывающей распространение аккузативной конструкции *въ* + *попен abstractum* в значении обстоятельства образа действия. Возможно, что в раннюю эпоху она охватывала также западную или, по крайней мере, северозападную часть южнославянского ареала. Не исключено, однако, что перед нами не диалектное, а книжное явление, которое состоит во влиянии древнего, и в силу своей древности близкого к моравскому, синтаксического узуса на язык ранней славянской гимнографии. Ещё одна аналогичная — синтаксическая — параллель между архаическим (“моравским”) и “гимнографическим” языковым употреблением была отмечена ранее на материале адвербиализованной формы *instrumentalis qualitatis*¹⁰³ *дѣвоуж* (конструкции типа *мати девою* ‘девственная мать’), дважды засвидетельствованной в *Законе судном людям* свт. Мефодия Солунского [Максимович 2004: 114, 123-124], трижды — в переводной и оригинальной гимнографии [Кривко 2007: 243-244]. По одному разу форма *девою* в этом значении отмечена в *Синайском патерике* и в *Словах Григория Богослова* [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 41, примеч. 41], оба памятника представляют собой древнеболгарские переводы, сохранившиеся в древнерусских списках, их связь с восточноболгарской преславской традицией не доказана. В старославянском каноне формы *instrumentalis qualitatis* крайне редки: они отмечены по два раза в Мариинском и Зографском евангелии в одних и тех же контекстах [Ве҃серка 1993: 189].¹⁰⁴

IV 1

Род.п. мн.ч. *εὐαγγῶν* (от *εὐαγγής* ‘чистый, непорочный’) передан во втором переводе как *прѣвѣно Хил148161об.* (*прѣвѣно ТСЛ588 117*), что, очевидно, отражает написание греч. источника *εὐαγγόν, которое переводчик не критически прочитал как адвербиализованную адъективную форму вин.п.

¹⁰³ Термин Р. Вечерки [Ве҃серка 1993: 119-120, 189]. К. А. Максимович [2004: 114, 123-124] предложил термин *творительный состояния*.

¹⁰⁴ Ср. также примеры в *Супрасльской рукописи*, приведённые в монографии Р. Вечерки [Ве҃серка 1993: 189], и их критику: [Кривко 2007: 244-246].

ед.ч. Форма (цѣню...) ѡбл/даюци (κυριεύουσιν вин.п.) в древнейшем переводе отражает утрату падежного согласования полупредикативной формой, находящейся в дистантной постпозиции к определяемому слову.

IV 2

В этом тропаре обращает на себя внимание перевод имп. наст.вр. ед.ч. мед.-пасс. κλονείσθω ‘да вострепещет’¹⁰⁵ семантически далёким от оригинала, но паронимически созвучным славянским Да ѡклонатса Хил148 161об. (Да ѡклонатса ТСЛ588 117; ср. Да трепещиють в древнейшем переводе, что соответствует значению греческого глагола). Ошибка перевода в данном случае крайне маловероятна: выбор славянского слова является настолько же семантически уместным и поэтически выразительным, насколько разительно звуковое сходство форм κλονείσθω и (да) ѡклонатса. Перед нами, в таком случае, второй пример *межъязыковой паронимии* как приёма перевода, если с этой же точки зрения рассматривать упомянутую выше передачу греческого (ἐν ὑμνοῖς) ἐπιτύμβιος ‘(в гимнах) надгробных’ славянским (въ гѣснѣхъ) тимбанскыхъ в том же самом новом переводе. Межъязыковая паронимия — редкий, но не уникальный приём перевода. Так, А.А. Пичхадзе [2011а: 86], отмечая единичный случай передачи греческого λάρναξ ‘ящик; гроб, урна’ славянским ларьць, считает возможным, что “звуковое сходство с греческим словом побудило переводчика употребить регионализм ларьць”. Сказанное позволяет обратить особое внимание на ещё одно явление, также отмеченное А.А. Пичхадзе [2011]: “В Синайском патерике одиночное етеръ <...> фиксируется <...> по одному разу при греч. ἑταῖρος 79 об.1 и ἀββᾶς 79 об. 5: Азъ и етеръ (ὁ ἑταῖρος) софронии. в александрии соуща. идоховѣ единою. къ деодосинѣ цркви... гла же ми етеръ (ὁ ἀββᾶς) софронии. Поскольку перевод в этом месте (начало л. 79 об.) не следует точно имеющемуся греческому тексту, можно усомниться в том, что местоимение етеръ соответствует греч. ἑταῖρος ‘товарищ, друг’ (как оно не является соответствием греч. ἀββᾶς) и предположить, что в 79 об.1 оно имеет значение ‘некто, один’. Однако его появление пятью строками ниже трудно объяснить таким образом. Возможно, что етеръ здесь все-таки передает ἑταῖρος, т.е. является грецизмом, который затем повторяется уже без соответствия оригиналу”. Продолжим это рассуждение: возможно, что етеръ в соответствии с ἑταῖρος ‘товарищ, друг’, не отмеченный в этом значении и с такой параллелью в славянских исторических словарях, представляет собой ещё один случай межъязыковой парони-

¹⁰⁵ Единственное число в данном случае соответствует правилам грамматики древнегреческого языка, согласно которым в сочетании с существительным среднего рода множественного числа глагол употребляется в единственном числе.

мии как приёма намеренной грецизации славянского перевода,¹⁰⁶ которая и приводит к неразличению равно возможных в рассматриваемом контексте значений ‘товарищ, друг’ и ‘некто, один’. Наконец, паронимическое сближение двух слов разных языков отражается в передаче греческого литургического термина ὄρθρος ‘утреня’ специализированным неологизмом *оутросъ* [Пентковская 2005] представляет собой контаминацию славянского *утро* и исходной греческой лексемы.

Перечисленные примеры усиливают объяснение греко-славянских соответствий κλονεῖσθω — *Уклонатса* и ἐπιτύμβιος — *тимбанскыѣ* как сознательного приёма межъязыковой паронимии — одного из способов грецизации перевода, тем более, что для перевода *Уклонатса* (κλονεῖσθω) другого объяснения попросту не существует.

Вернёмся ко второму тропарю четвёртой песни канона.

В греч. нет соответствия слав. союзу (же) и (тъ самъ) в древнейшем переводе; во втором переводе и нет. Возможно, и было перенесено из след. колона (ср. разночтения, согласно которым καὶ действительно представлено в некоторых рукописях), однако ни один из греч. источников не содержит в этом колоне обе лексемы, καὶ и γάρ, чьи слав. параллели представлены в древнейшем переводе. NB закономерную позицию энклитики в древнейшем слав. переводе, из-за чего порядок слов отличается от оригинала (во втором переводе частица отсутствует в соответствии с показаниями большинства свидетелей греч. текста, в которых γάρ нет): *миродържителъ бо низъложѣ/са · посрамленъ* — ὁ κοσμοκράτωρ κατέπτωται γὰρ κατασχυνόμενος Ох. NB слав. аор. *низъложѣ/са* в соответствии с греч. перф. инд. мед.-пасс. *κατέπτωται*; возможным соответствием слав. аористу является менее вероятная по метрическим соображениям и не засвидетельствованная источниками форма аор. инд. пасс. *κατεπτώθη.

Огласовка корня страд.прич. наст.вр. *взимлемоу* (ἐπαιρομένην) отражает аналогическое воздействие со стороны основы инфинитива *взимати* (ср. наст.вр. *взимлю*).

IV 3

ѿ жрьць — калька предположно-именной конструкции ὅφ' ἱερέων, ср. беспредложный тв.п. мн.ч. *ѿценники Хил148 161об.* (*ѿценники ТСЛ58 8117*). Дальнейшие грамматические различия между двумя переводами: 1) перевод греч. род.п. ед.ч. в атрибутивной функции τῆς διαθήκης прилагательным *завѣтъный* в древнейшем переводе и сущ. *завѣтъа* (*Хил148 161об.; ТСЛ58 117*) во втором; 2) двукратный перевод личной медио-пассивной

¹⁰⁶ В данном случае правомерно говорить о межъязыковой омонимии основ *ἐταίρ*- и *εὐεργ*.

формы наст.вр. βασιτάζεται личной возвратной формой носиться в древнейшем и аналитической пассивной конструкции носимь (носима) есть Хил148161об. (то же ТСЛ588 117) во втором переводах.

IV 4

NB перевод атрибутивного род.п. ед.ч. в препозиции предлогу ζωῆς ἐν τοῖς ταμείοις прилагательными в постпозиции предлогу въ животныхъ/храминахъ (древний перевод), въ жизниъ скрови/ций Хил148 161об., или въ жи/зньный скровицѣ ТСЛ588 117 (второй перевод). (О различиях в передаче греческого приимённого родительного в древнем и новом переводах будет сказано далее.) Адвербиализованная конструкция в функции обстоятельства εἰς ἄληκτα ‘навек (букв. ‘на бесконечные’; в оригинале — предлог + прил. вин.п. мн.ч. ср.р. от ἄληκτος ‘бесконечный; непреходящий’)’ передана как согласованное определение к τοῖς ταμείοις: неминуѣжщѣ Хил148 161об. (неминоюющѣхъ./ТСЛ588 117) (второй перевод). В словосочетании въ животныхъ / храминахъ неиздречёныи/хъ в древнем переводе форма ἄληκτα смешана переводчиком с ἄλεκτα (вин.п. мн.ч. ср.р. от ἄλεκτος ‘невыразимый, неопиcуемый’), если такое смешение не имело места в византийских источниках, не учтённых в данной работе.

В древнем переводе — ошибка: выражение (περιστὰρὰ Σωλομόντος) καλή τε καὶ <...> ‘(голубица Соломона,) прекрасная же и <...>’ из-за монофтонгизации древних дифтонгов εἰ, αἰ и их совпадения с η (ι), ε было прочитано как καλεῖται καὶ нарицається · и; орфографическая ошибка могла иметь место в греческой рукописи, с которой делался славянский перевод, ср. написание καλλήται καὶ ... Sb71, f. 133. См. затем правильное добра же ѿ Хил148 161об. (добра же ѿ/ТСЛ588 117) во втором переводе.

V 1

Родительный атрибутивный τοῦ Πνεύματος передан в древнейшем переводе с помощью прилагательного, во втором — с помощью дательного приименного Ὑποῦ δ̄χοу прѣстоу <...>/село Хил148 161об. (Ὑπο̄ δ̄χοу прѣстоу <...> село ТСЛ588 117об.) NB перифрастический перевод наречия ὑπερφῶς в обоих слав. переводах: паѹе кѣства. Напротив, в отличие от древнего перевода, в котором для передачи ἐξέπνευσεν использована парафраза ἵσπουсти д̄хъ, в новом переводе употреблён глагол/д̄хнж Хил148162об. (~ноу/ТСЛ588 117об.).

V 2

В единственном списке — свидетеле древнего перевода утрачено сказуемое, соответствующее греч. ἐγένου, ср. во втором переводе высть Хил148 162 (вы̄ ТСЛ588 117об.). Причастие взимая в древнем переводе

(ср. засвидетельствованное во всех списках субстантивированное прил. ед.ч. м.р. или ср.р. μεταρσιον ‘поднятый на воздух’,¹⁰⁷ которому скорее соответствует второй перевод прѣходѣж *Хил*148 162, ~нѣ/*ТСЛ*588 117об.) восходит, возможно, к нарушающему метрическую схему незасвидетельствованному варианту *μεταίρων (прич. наст.вр. м.р. ед.ч. им.п. от того же μεταίρω ‘поднимать, переносить; удаляться, уходить’).

V 3

Форма та в древнем переводе — объект к прѣстави, греч. соответствия этому местоимению нет. Слав. тѣломъ, представленное в обоих переводах (см. *Хил*148 162; *ТСЛ*588 117об.), отражает различие τῷ σώματι *Sf*, *Ох*. Из-за такого чтения из греческой фразы в версиях *Sf* и *Ох* исчез объект, который и был компенсирован в древнем славянском переводе с помощью вставки та, указывающей на Богородицу. Во втором переводе местоимение та отсутствует в согласии с греческим текстом. Из-за этого в слав. тексте, так же, как и в версиях *Sf* и *Ох*, исчез объект, если таковым не является форма бгѣмти *Хил*148 162 (= *ТСЛ*588 117об.), в греч. зв.п. Θεομήτορ, которая в среднеболгарский период могла быть переосмыслена не как зв.п., а как инновационная форма вин.п., омонимичная именительному.

VI 1

Ср. несоответствие в греч. и обоих слав. переводах: вин.п. направления въ сиѡнѣ (если ѣ не является результатом графического смещения с ѣ: *въ сиѡнѣ? — ср., однако, въ сѡнѣ/*Хил*148 162) при тыѣмъ и дат.п. ἐν τῇ Σιών в функции обстоятельства места при ὁψόμενοι: ἐν τῇ Σιών (τὸ μέγα θαῦμα ὁψόμενοι) ‘(видя великое чудо) в Сионе’. Такое несоответствие — результат употребления морфологически неадаптированной формы *Сионѣ* в обоих переводах по образцу греческого оригинала, в котором, однако, значение обстоятельства места при причастии ὁψόμενοι ‘видящий; зд.: видя’ выражено у неизменяемой формы Σιών (здесь дат.п.) с помощью предшествующего артикля τῇ.

VI 2

Живоу (родительнице) в древнем переводе: в соответствии с греч. ἡ ζωῆς κυήτρια восстанавливаем *живоу (родительнице), ср. во втором переводе /Ѡже живѡтѣ родительница/*Хил*148 162 (в др.-р. списке — порча: Ѡко живѡтѣ родительница *ТСЛ*588 118).

¹⁰⁷ От μεταίρω ‘поднимать, переносить’, в абсолютном употреблении — ‘удаляться, уходить’ (μετα + αἶρω ‘поднимать, переносить; удалять’).

VI 3

Сионитѣне велико же · своѣ/сѣѣца и т.д. — в новом переводе/Сiωνiтiнe ёлицѣ · сѣѣца въже/зѣтѣ Хил148 162 (Сионiтѣне ёлицѣ./сѣѣцю¹⁰⁸ въжежетѣ ТСЛ588 118 (в совр. ц.-слав. версии Сiωнiтѣне [PLANK, LUTZKA III: 1050]), греч. Σιωνίται ὅσοι * τὰς λαμπάδας * ἄψαντες. Редкое слово Σιωνίτης ‘живущий на Сионе’ засвидетельствовано базой данных TLG четырьмя примерами, из них два — в специализированных лексикографических сочинениях: 1) σιωνίταις · τοῖς τὴν Σιών οἰκοῦσιν, 2) Σιωνίται · οἱ ἀπὸ τῆς Σιών πόλεως (цит. по TLG, s. v.). В одном из ямбических канонов Пятидесятнице этим словом называются апостолы, которые, однако, не были жителями Иерусалима (пример вошёл в TLG в составе комментариев на этот канон, составленными гимнографом десятого века Григорием Пардой):

Ὁρεκτὸν ἀξίωμα τοῖς ἀποστόλοις

Σιωνίταις μίμνουσι σοῦ παρουσίαν,

γνώρισμα, Πνεῦμα, πατρογεννήτου Λόγου и т.д. (цит. по TLG, *sub verbo*).

Сионитѣне канона — “сиониты”, живущие или пребывающие на Сионе; *зд.*: присутствующие при смерти Богородицы на Сионе апостолы или вообще все, участвовавшие в её погребальной процессии от Сиона к Гефсимании. Частица же — не релятивизатор в сочетании с местоименным наречием, а перевод энклитики тѣ.

Примечательно риторическое обращение *придѣтѣ* к свидетелям смерти Богородицы и участникам погребальной процессии от Сиона к Гефсимании и дальнейшие формы первого лица *оусъ/ращѣмъ*, *прѣдъпослѣмъ*: имеется в виду совместное, символическое, участие аудитории гимна и апостолов в воспоминаемых событиях. Символическому пониманию этой совместности не препятствует упоминание конкретных географических объектов (Сион, Гефсимания), в которых происходит ежегодно повторяющееся в рамках литургического цикла Успение и погребение Богородицы.

Согласно древнему славянскому переводу (*въжыгыше сѣѣтъ ·/примышюй придѣтѣ оусъ/ращѣмъ · въ гефсиманию*) форма *Гѣθσημανῆ* (в рукописях везде без подписной йоты и иногда со слабым графическим различием между тупым и облёченным ударением) была прочитана как обстоятельство (*Гѣθσημανῆ*), выражающее направление движения при *деѹтѣ*, а не место события при *ѹпантῆσωμεν*, если чтение единственного известного списка (*въ гефсиманию*) действительно восходит к архетипу,

¹⁰⁸ В соответствии с греч. τὰς λαμπάδας и ю.-слав. сѣѣца (вин.п. мн.ч.) форма сѣѣцю объясняется как результат смешения юсов сѣѣца → сѣѣцъ и дальнейшей транслитерации написания сѣѣцъ на вост.-слав. почве как сѣѣцю.

а не отражает позднейшее переосмысление исконого *въ геѣсимани (как во втором переводе, см. ниже) или *въ геѣсимани. Неясно, как было понято Γεθσημανῆ вторым переводчиком, так как гебраизм в данном контексте морфологически не адаптирован: въ геѣси/мани Хил148 162 (/въ геѣсимани ТСЛ588 117об.).

VII 1

НВ закономерную с точки зрения славянской просодии и отличающуюся от оригинала позицию энклитики же (те) в соединительной функции на втором месте в тактовой группе людии же. Причастие *ликоующе* отражает утрату согласования по роду с определяемым словом *двѣцѣ* (если буква *ѣ* в окончании причастия не отражает мену *ять* в допустимом *ликоующѣ на *е*). Ср. два разных способа перевода несогласованного определения *παρθένου*: с помощью притяжательного прилагательного *двѣ* (прѣставленіе) в древнем переводе и с помощью архаического реликтового субстантивированного членного прилагательного *двѣж* Хил148162об. в форме родительного падежа.

VII 3

В словосочетании *ѣтхъ ѣтаѣ* пропущен предлог, должно быть *ѣтхъ въ ѣтаѣ, ср. *ἀγίων εἰς ἀγία*. Средний род местоимения *ѣмоуже*, корреляты к формам ж. р. *гора прѣтаѣ*, *гора ѣтаѣ* и *ве/лиѣ*, обусловлен калькированием местоименной формы среднего рода *ѣ*, которая относится к *τὸ ὄρος* (ср. р.) ‘гора’. В новом переводе ошибка исправлена: *ѣиже въ/пиѣмъ* Хил148 162об. (*ѣиже вопиѣмъ* ТСЛ588 119).

VII 4

негоже ѣтоуѣе въ/пиѣмъ: *ὃ σέβοντες βοῶμεν*; объект в слав. переводе относится к *ѣтоуѣе*, в оригинале — к *βοῶμεν* ‘вопиѣм’.

VIII 1

НВ изменение синтаксических связей и порядка слов во фразе *мѣтвы/принеси хви за ѣтоуѣицхъ/любзвнѣу памать твою* — *δεήσεις προσάγαγε Χριστῷ τῇ μνήμῃ σου ὑπὲρ τῶν ταύτην ἐν πόθῳ ἐκτελοῦντων* ‘молитвы принеси Христу память твоей за всех, еѣ (т. е. память) любовью совершающих’.

VIII 2

НВ передачу род.п. в атрибутивной функции *тѣс Сиѡн* слав. прилагательным *сиѡньскѣ*. (*дѣшѣ... ли/кѣ*) в древнем переводе (в новом переводе тропарь отсутствует). Форма *сѣставльше* — очередной случай утраты согласования полупредикативной причастной формой.

VIII 3

Ещё раз обратим внимание на передачу род.п. в атрибутивной функции (несогласованного определения) τῆς θεότητος слав. прилагательным (согласованным определением) бжѣвнѣю; ср. в новом переводе: бжѣва Хил148 162об. = ТСЛ588 119об.

Судя по двум рассматриваемым здесь славянским переводам одного греческого канона, при наличии разночтений между ними в передаче греческого родительного приимённого в древнем переводе находится прилагательное, тогда как во втором — существительное в форме родительного или дательного падежей (см. выше комментарии к тропарю IV 3, где τῆς διαθήκης передано прилагательным завѣтныи в древнейшем переводе и существительным завѣта в новом; к тропарю V 1, где τοῦ Πνεύματος передано в древнейшем переводе с помощью прилагательного дховьноѣ, во втором — с помощью дательного приименного дху; к тропарю VII 1, где παρθένου передано с помощью притяжательного прилагательного двѣ в древнем переводе и с помощью реликтовой субстантивированной формы в род.п. двыж во втором переводе). Тенденция не носит характер правила: ср. выше в тропаре IV 4 передачу формы ζωῆς прилагательными животныхъ (первый перевод) и жизньны (второй перевод).

Причастие преоукр/шенна в словосочетании (бжѣвнаго двѣства ·) преоукр/шенна должно быть согласованным определением к двѣства и поэтому выступать в форме ср.р.; славянская форма ж.р. — результат калькирования греч. (τῆς θείας παρθενίας) τῆς ὠραῖσμένης ‘божественного девства, украшенного’, где παρθενία и, соответственно, согласованное определение ὠραῖσμένη стоят в форме ж.р.; ср. корректный перевод в новой версии: прѣдкра/шеннаго Хил148162об. (прѣоукрашеннаго ТСЛ588 119об.).

VIII 4

Форма видаѣ отражает утрату согласования по роду между причастием, относящимся к Богородице, и обращением двѣ.

IX 1-й и 2-й ирмос

Древняя славянская версия в качестве ирмоса девятой песни содержит отсутствующий в известных греческих источниках канона ирмос *Исайе, ликуй*, или *Исайа ликую*·/; см. греч. *Ἠσαΐα, χόρευε * ἡ παρθένος ἔσχεν ἐν γαστρὶ* — *Исайа ликуюи · двѣла бо имѣ въ чревѣ* [HANNICK 2006: 167, E θ'1]. Этот же ирмос представлен в древнерусском источнике нового перевода: *Исайа ликѣи двѣла*· — ТСЛ588 120. Однако в древней славянской версии в качестве первого тропаря девятой песни приводится полный текст другого ирмоса. Его греческий оригинал представлен во всех известных визан-

тийских источниках, в большинстве из которых он выписан полностью. “Правильный” ирмос девятой песни, ставший в древней славянской версии её первым тропарём, — Жъзлъ прозябшии̂ (Ράβδος βλαστήσασα). Перевод этого ирмоса отсутствует в древнерусских Ирмологиях [HANNICK 2006] и является на сегодняшний день *textus unicus* в славянской традиции. В Хил148 163 указано только зачало этого ирмоса на правильной позиции (Жъзлъ прозябшии̂), следов ирмоса *Исайе, ликуй* в Хил148 нет. Судя по указателю Э. Фоллиери [FOLLIERI III: 392], в византийской традиции ирмос *Жезл прозябший* отмечен один раз в некритическом издании публикуемого здесь канона Τάφω παρθενოდόχῳ. Редкость текста подтверждают комментаторы греческих источников современных церковнославянских служебных миней: “Einzig nachgewiesene Stelle für den Gebrauch dieses Heirmos (Follieri III 392), dem die Troparia folgen; die slavische Version setzt irrtümlich den Heirmos Ἡσαΐα χόρευε (EE 131, Nr. 182) voraus” [PLANK, LUTZKA II: 1051, Anm. 21] (“Единственная позиция, засвидетельствованная для использования этого ирмоса, которому следуют <в метрическом отношении. — Р. К.> тропари; славянская версия <имеется в виду современная церковнославянская версия канона. — Р. К.> ошибочно предлагает ирмос *Исайя, ликуй*”). Причина замены на славянской почве ирмоса Жъзлъ прозябшии̂ (Ράβδος βλαστήσασα) на более распространённый *Исайе, ликуй* состоит именно в уникальности ирмоса *Жезл прозябший* в византийской, а следовательно, и славянской гимнографии. Все предыдущие ирмосы канона Τάφω παρθενოდόχῳ заимствованы из воскресного канона пятого гласа, приписываемого прп. Иоанну Дамаскину. Редактор, заменивший уникальное Жъзлъ прозябшии̂ (Ράβδος βλαστήσασα), завершил это композиционное единство: ирмос *Исайе, ликуй* был заимствован из того же воскресного канона пятого гласа прп. Иоанна Дамаскина. Неясно, была ли произведена замена уже на древнеболгарской почве или вставка ирмоса *Исайе, ликуй* — редактирование древнерусских книжников. Во всяком случае, ирмос *Исайе, ликуй* в данном каноне засвидетельствован пока только в древнерусской и новейшей русской церковнославянской традиции.

2-й ирмос.

NB позицию предлога в словосочетании ѿ двѣдска/го корєне (δαυτικῆς ἐκ ῥίζης), которая соответствует славянской грамматике, а не инверсивному порядку слов оригинала.

IX 1

Бл̑го же (два раза) — в соответствии с греческим εὖγε, словообразовательной калькой которого является славянское сочетание, правомер-

ным было бы и такое словоделение: Бл̑гоже бл̑гоже, ср.: “благоче interj. imitatio interiectionis graecae <...> εὖ γε” [SJS I: 91, s. v. “благо adv.”].

IX 3

оуподобациа — описка из *оуподобациа (μιμουμένη им.п. ед.ч. ж.р.).
призри <...> на поющихъ пам̑ твою ÷ — συνεπίσκεψαι <...> τοὺς ὑμνητὰς τῆς
θείας μνήμης σου ‘сопризри на певцов твоей божественной памяти’ или,
в другом варианте (см. разночтения), συνεπίσκεψαι <...> τοὺς ὑμνητὰς
τοὺς σοὺς τῇ μνήμῃ σου ‘сопризри на певцов твоих памятованием Тво-
им’. Грамматические отличия слав. перевода от оригинала вызваны
свободной передачей существительного ὑμνητὰς субстантивирован-
ным причастием поющихъ и соответствующим этой глагольной форме
синтаксическим управлением.

NB перевод ἐντάφια (ἐν ‘в, на’ + τάφος ‘гроб’, ‘букв.: то, что относится
к погребению’) с помощью описательного выражения *ризы погребениа*,
который раскрывает знакомство переводчика с реалиями, о которых
идёт речь в последнем тропаре канона.

4. Выводы

Одновременно с древнерусским студийско-алексиевским гимногра-
фическим корпусом, который сформировался не позднее конца один-
надцатого века, на Руси находились в литургическом употреблении
рукописи, либо полностью, либо во многом не соответствующие тре-
бованиям Устава патриарха Алексия Студита. К числу таких рукопи-
сей относится праздничная минея особого состава *F. n. I 37*, написан-
ная в начале тринадцатого века в ростовском владычном скриптории.
Календарные особенности этой минеи, а также состав и расположение
жанров отражают студийско-алексиевскую богослужебную практику.
Из-за этого, вероятно, рукопись не привлекала к себе должного вни-
мания с точки зрения истории переводных гимнографических текстов,
хотя исследователями было замечено значимое содержательное исклю-
чение из “древнерусской” студийско-алексиевской традиции — канон
свт. Климента Охридского Евфимию Великому. В отличие от известной
своей архаичностью *Ильиной книги*, в рукописи *F. n. I 37* отсутствуют
древние графико-орфографические и морфологические формы. С одной
стороны, это естественно для древнерусской рукописи тринадцатого
века, с другой — графико-орфографическая, фонологическая и мор-
фологическая русификация памятника свидетельствует о длительном
бытовании текста на восточнославянской почве. Учитывая зарубежные

связи ростовского владычного скриптория, где была написана минея *F. n. I 37* [Турилов 2009: 239-248], этот факт имеет особое значение: изученные в статье текстологические и языковые явления являются не результатом разового позднерусского заимствования со славянского юга, а восходят к начальной эпохе усвоения на Руси древнеболгарского литургического наследия. Как стало известно благодаря данному исследованию, памятник использовался А.Х. Востоковым в качестве одного из источников его Словаря (без корректных указаний на шифр, место хранения рукописи и лист), благодаря чему лексика минеи *F. n. I 37* нашла отражение в словаре Ф. Миклошича, “Материалах” И.И. Срезневского и Сл.РЯ 11-17 вв., в которых были использованы данные А.Х. Востокова (со всеми их недостатками). Новое прочтение источника автором этих строк позволило, однако, не только уточнить некоторые старые толкования, но и найти и описать ещё несколько лексем, отсутствующих в словарях.

Главной особенностью минеи *F. n. I 37* являются языковые особенности некоторых фрагментов её текста, отражающие более архаичную редакцию, чем студийско-алексиевские минеи *Ca* и *Ta*, а также песнопения, отсутствующие в древнерусской студийско-алексиевской традиции.

К числу языковых особенностей относится 1) использование безаффиксных отглагольных дериватов — *nomina actionis* в соответствии с абстрактными суффиксальными существительными в студийско-алексиевской традиции; 2) использование дуративов и вторичных имперфективов на *-ова-/ -ева-* в соответствии с более продуктивными образованиями без этих суффиксов в студийско-алексиевских минеях; 3) использование грецизмов в соответствии со славянскими лексемами в студийско-алексиевских минеях; сюда относится заимствование корневой морфемы в составе реконструированного композита *стадиотечѣць (σταδιοτρεχτης), который сам по себе отражает несоответствие традиционному способу передачи греческого στάδιον в метафорическом значении ‘место пыток и казни мучеников’ славянским сѣдище; 4) использование регионализма изащѣньи и родственных ему слов, характерных для югозападнославянского языкового узуса, в соответствии с лексемами с корнем *дѣла-* в студийско-алексиевских минеях; 5) особого внимания заслуживают случаи употребления в *F. n. I 37* форм родительного падежа мн.ч. для передачи греческого *genitivus separationis* в соответствии с дательным падежом в студийско-алексиевских минеях, что, возможно, является элементом грецизации синтаксиса в архаичной редакции текста и, напротив, славянизации в более поздней версии; это согласуется с аналогичной тенденцией в отношении лексических

грецизмов. Языковые особенности, отмеченные в пунктах 1) и 4) (употребление отглагольных именных безаффиксных дериватов и лексем, родственных *изящный*), были ранее хорошо описаны на материале служебных студийско-алексиевского гимнографического корпуса и архаической *Ильиной книги*, то есть безотносительно к истории текста славянских служебных миней. На замену вторичных имперфективов и дуративов с суффиксами *-ова-*/*-ева-*, представленных в *Ильиной книге*, нейтральными образованиями в студийско-алексиевской традиции уже обращалось внимание.

Материал *Ф. п. I 37* доказывает, что языковые особенности этой рукописи не являются специфической особенностью восточнославянской редакции. Напротив, язык изученной рукописи наследует черты более древней западноболгарской книжной традиции, на региональную принадлежность которой указывают, в частности, диалектные членные формы прилагательных и причастий на *-ои*. Особенностью же древнерусской редакции служебных миней является как раз непоследовательное устранение описанных здесь языковых черт (см. пункты 1-4) в сторону нейтрального, “общеславянского”, употребления.

На фоне языковых архаизмов особенно выразительным является редчайший древний славянский перевод канона Предпразднству Успения пресв. Богородицы *Ко гробу девопрятному*, который сохранился в единственном списке *Ф. п. I 37*. Все прочие свидетели славянской традиции этого канона отражают более поздний перевод, выполненный в ходе новосавваитской (“иерусалимской”) литургической реформы. Комментированное издание древнего перевода и его греческого оригинала позволило выявить не только ещё один ранее неизвестный фрагмент древнеболгарской гимнографической традиции, но и описать ряд явлений, характеризующих технику перевода славянской гимнографии. К ним относятся, во-первых, *межъязыковая паронимия* как приём перевода, при котором для передачи греческого слова используется созвучное греческому славянское слово, отличающееся от оригинала по значению, во-вторых, изменение порядка слов в древнем переводе, в особенности связанные с расположением энклитик в соответствии с законами славянской просодии (нет полной уверенности, что это является особенностью именно перевода, а не изменения в процессе его позднейшего бытования), в-третьих, тенденция к структурному калькированию на словообразовательном уровне, в соответствии со случаями описательного перевода в позднем переводе, в-четвёртых, употребление в древнем переводе прилагательного для передачи греческого родительного приимённого в соответствии с родительным или дательным падежами в новосавваитской версии.

Сопоставление двух переводов одного и того же греческого канона, сделанных в разной культурно-исторической ситуации, позволяет сделать вывод, что “грецизация” и “славянизация” свойственны обоим переводам, однако на разных языковых уровнях.

Выявление древнеболгарского “достудийско-алексиевского” языкового и текстологического наследия среди древнерусских гимнографических рукописей важно не только потому, что для источниковедения средневековой литературы в принципе важен всякий новый памятник с “лица необщим выраженьем”. В данной статье речь идёт о языковой мере “литургического плюрализма” (термин А. В. Мусина) в гимнографии Киевской Руси. Как можно видеть, в *F. n. I 37* древнеболгарский, “достудийско-алексиевский”, языковой и текстовый пласт расположен в соответствии с требованиями Устава Алексия Студита, на основе которого составлен календарь минеи и определён состав и расположение жанров. Следовательно, языковые и текстологические вопросы не играли заметной роли для литургического использования рукописи *F. n. I 37*, созданной в ростовском владычном скриптории в условиях существования на Руси Студийско-Алексиевского устава.

Сокращённые названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
Дечани	Собрание монастыря “Високи Дечани” (Рашко-Призненская епархия Сербской Православной церкви)
НБКМ	Народна библиотека “Свв. Кирил и Методий” (София)
НБС	Народна библиотека Србије (Београд)
ОДНБ	Одеська державна наукова бібліотека (Одеса)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
Хил	Библиотека монастыря Хиландарь (Афон)
BAV	Bibliotheca Apostolica Vaticana (Città del Vaticano)
BL	Bodleian Library (Oxford)
BNE	Biblioteca Nacional d’España (Madrid)
BNF	Bibliothèque Nationale de France (Paris)
Grottaferrata	Biblioteca della badia greca di Grottaferrata (regione Roma)
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek (Wien)
Sinai	Библиотека монастыря св. Екатерины на горе Синай (Τερά μονῆ καὶ ἀρχιεπισκοπῇ Σινᾶ)
ВП	Βιβλιοθήκη τοῦ Πατριαρχείου (Иерусалим)

Источники

Базы данных

Словник

Осокина Е. А., *Электронный сводный словник древнерусских памятников* (<http://eslovník.ru/slovník/web/login.jsp>).

manuscripts.ru

“Манускрипт”: *Славянское письменное наследие = Slavonic written heritage* (<http://manuscripts.ru/>; http://manuscripts.ru/index_en.html).

TLG

Thesaurus linguae graecae (<http://www.tlg.uci.edu/>).

Славянские

Рукописи

БМ

“Браткова Миня”. НБС, Рс 647. Служебная миня на сентябрь — ноябрь, праздничные минеи декабрь — февраль, февраль — август, древнесербский извод. Конволют, соответственно, 1234-1243 гг., вторая чтив. XIII в., прв. пол. XIV в. [Штавланин-Боръевитъ и др. 1986: 340-345 (№163)].

Д32

Дечани, Деч. № 32. Служебная миня на июль — август, древнесербский извод, конец XIII — начало XIV в. [Богдановић 1982: 56; Гроздановић-Пајић, Станковић 1995: 12].

НБКМ113

НБКМ, № 113. Служебная миня со службами с 29 июня по 31 августа, среднеболгарский извод, XIV в. [Цоневъ 1910: 83-85].

Пр23

BNF, Par. slav. 23. Служебная миня на август, среднеболгарский (тырновский) извод, втор. четв. или сер. XIV в. [Станчев 1981: 92-93].

Пт72

РНБ, Ф. п. I 72, праздничная миня на весь год, среднеболгарский извод, нач. XIV в. [Каталог 2009: 63-65].

Са

ГИМ, Син. 168. Служебная миня на август, древнерусский древненовгородский извод, XII в. [Каталог 1984: 128-129].

С895

ГИМ, Син. 895. Праздничная миня на февральскую половину года, древнерусский извод, 1260 г. [Каталог 1984: 198-199].

Та

РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125. Служебная миня на август, древнерусский древненовгородский извод, XI-XII вв. [Каталог 1984: 83-84].

ТСЛ588

РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ¹⁰⁹), № 588. Служебная минея на август, старорусский извод, XVI в.; электронное издание фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: <http://stsl.ru/manuscripts/index.php>.

Хил148

Хиландарь, Хил. 148. Служебная минея на июль — август, среднеболгарский (западноболгарский) извод, 1335-1345 гг. [Турилов, Мошкова 1999: 173, № 425; Станковић 2007: 46, 290].

Хл156

ГИМ, Хл. 156. Служебная минея на март — август, древнесербский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 311].

Хл160

ГИМ, Хл. 160. Служебная минея на июнь — август, древнесербский извод (со следами первого восточнославянского влияния), XIV в. [Поповъ 1872: 314].

Хл164

ГИМ, Хл. 164. Праздничная минея на весь год, древнесербский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 345-347].

Хл165

ГИМ, Хл. 165. Праздничная минея на весь год (начало утрачено), среднеболгарский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 347].

Хл166

ГИМ, Хл. 166. Праздничная минея на весь год (начало и конец утрачены), древнесербский извод [Поповъ 1872: 348].

Издания

Благ.конд.

“Благовещенский, или Нижегородский, Кондакаръ”, кон. XII — нач. XIII вв., РНБ, Q. п. I 32, ОДНБ, Григ. № 1/93 (1 л.); по изд.: А. DOSTÁL, H. ROTHE (Hrsg.), *Der Altrussische Kondakar. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar*, 2: *Blagověščenskij Kondakar (Facsimile)* (= H.-B. HARDER, H. ROTHE (Hrsg.), Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, Editionen, 3/8,2), Giessen, 1976.

Ильина книга

Праздничная минея на сентябрьскую половину года с добавлениями, древнерусский (древненовгородский извод), XI-XII вв., РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131; по изд.: [Крысько 2005; ВЕРЕЩАГИН 2006].

Лавр.конд.

“Лаврский Кондакаръ”, древнерусский (древненовгородский) извод, кон. XII в., РГБ, ТСЛ, ф. 304/1, № 23; цит. по электронной публикации рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=023>.

Лавр.лет.

“Лаврентьевская летопись”, в: *Полное собрание русских летописей*, I, 2-е изд., Москва, 1997.

---

¹⁰⁹ Собрание Троице-Сергиевой лавры.

Путьмина Минья

Служебная минья на май, древнерусский древненовгородский извод, XI в., РНБ, Соф. 202, по изд.: [Мурьянов 1998-2000; Щёголева 2001; Баранов, Марков 2003].

Тип.уст. I-III

“Типографский устав”, богослужебный сборник, включающий особую редакцию Студийско-алексиевского устава, кондаки и другие песнопения малых жанров, ГТГ, К-5349, древнерусский (древненовгородский) извод, XI-XII вв., по изд.: Успенский Б. А. (ред.), *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века*, I-III, Москва, 2006.

К III-VII

A. DOSTÁL, H. ROTHE (Hrsg.), *Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižgorodskij Kondakar'*, 3: *September bis November*; 4: *Dezember bis März*; 5: *April bis August*; 6: *Tridion, Pentekostarion*, Giessen, 1976, 1977, 1979, 1980; Köln, Weimar, Wien, 1990; 2004 (= H.-B. HARDER, H. ROTHE (Hrsg.), *Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen*, 8,3-6; P. THIERGEN (Hrsg.), *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*, 19).

МА I-II

Служебная минья на апрель, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 165, по изд.: D. CHRISTIANS, H. ROTHE (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS et al.; 1: *1. bis 9. April*; 2: *10. bis 19. April*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2010, 2011 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 124, 127; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 19, 21).

MD I-V

Служебная минья на декабрь, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 162, по изд.: H. ROTHE, E. M. VEREŠČAGIN (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau. Historisch-kritische Edition, nach den slavischen handschriften der Rus' des 12. und 13. Jh.*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS et al.; 1: *1. bis 8. Dezember*; 2: *9. bis 19. Dezember*; Teil 3: *20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt*; 4: *25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt, mit einem Nachtrag griechischer Vorlagen für Hymnen aus den Bänden 1-3*, zusammengestellt von D. CHRISTIANS, Opladen, 1996, 1997, 1999, 2000; Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 98, 99, 105, 106, 114; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 2, 3, 6, 7, 14).

MF I-III

Служебная минья на февраль, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 164, по изд.: D. CHRISTIANS, H. ROTHE (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS u. a.; 1: *1. bis 9. Februar*; 2: *10. bis 19. Februar*; 3: *20. bis 29. Februar*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2003, 2006, 2009, 2010 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 109, 113, 120, 122; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 10, 13, 17, 18).

Греческие**Рукописи****CI**

BNF, Coisl. gr. 218. Служебная минья на август. XI в. [DEVREESE 1945: 199-200].

Cr12

Grottaferrata, Crypt. A. α. XII. Служебная минья на август. XI в. [РОССНИ 1883: 310-312].

Cr23

Grottaferrata, Crypt.Δ.α.XXIII. Служебная минея на июль — август. XI в. [РОССНИ 1883: 323-325].

Mtr

BNE, Matrit.gr.4694. Служебная минея на июнь — август. XII-XIII вв. [ANDRÈS 1987: 256].

Ox

BL, Bodl.gr. Auct.E.5.2. (S. C.5778). Служебная минея на июнь — сентябрь. XIII в. [WILSON, STEFANOVIĆ 1963: 7-8].

Sb71

ВП, Sab.71. Служебная минея на июнь — август. XI в. [ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894: 128-129; CLARK 1953: 11].

Sb208

ВП, Sab.208. Служебная минея на март — август. XI в. [ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894: 320-322; CLARK 1953: 11].

Sn631

Sinai, Sin.gr.631. Служебная минея на август. Кон. X — нач. XI в. [HARLFINGER 1983: 26-28; ср.: GARDTHAUSEN 1886: 146; CLARK 1952: 9].

Sn632

Sinai, Sin.gr.632. Служебная минея на август. X-XI или XII в. [ср.: GARDTHAUSEN 1886: 146; CLARK 1952: 9].

Sf

НБКМ, Греч. 22. Служебная минея на август. XII-XIII вв. [Стойанов 1973: 38].

Vt787

BAV, Vat.gr. 787. Служебная минея на май — август. XIV в. [DEVREESSE 1950: 304-305].

Издания

Anth

Ανθολόγιον, I-III, ἐν Ῥώμῃ, 1738.

EE

Εὐστρατιάδης Σ., Εἰρημολόγιον (= Ἀγιογραφικὴ Βιβλιοθήκη, 9), Chenevières-sur-Marne, 1932.

MR I-VI

Μηναῖα τοῦ ὁλοῦ ἐνιαυτοῦ, I-VI, ἐν Ῥώμῃ, 1888-1901.

Исследования и словари, издания с исследованиями
и комментариями**БАРАНОВ, МАРКОВ 2003**

БАРАНОВ В. А., МАРКОВ В. М. (изд.), *Новгородская служебная минея на май (Путьмина минея), XI век: Текст. Исследования. Указатели*, Ижевск (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=19&p_lid=2&p_sid=1)

БЕРНШТЕЙН 2005

БЕРНШТЕЙН С. Б., *Сравнительная грамматика славянских языков*, 2-е изд., Москва.

БОГДАНОВИЋ 1982

БОГДАНОВИЋ Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (X-XVII века)* (= Српска академија наука и уметности. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, 1/31), Београд.

ВАЙАН 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, пер. с фр. В. В. Бородич, под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова, Москва (репринт: Москва, 2002).

ВЕЙСМАН 1899

Вейсман А. Д., *Греческо-русский словарь*, С.-Петербург (репринт: Москва, 1991).

ВЕРЕЩАГИН 2001

Верещагин Е. М., *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*, Москва.

ВЕРЕЩАГИН 2006

Е. М. ВЕРЕЩАГИН, *Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи, билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием*, Москва.

ВОСТОКОВЪ I-II

А. Х. Востокъ, *Словарь церковно-славянского языка*, I-II (= И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ (ред.), *Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики*, издание Второго отделения Императорской Академии наукъ, 4, 6), Санктпетербургъ, 1858-1861.

ГРАМАТИКА 1991

И. ДУРИДАНОВ (ред.), *Грамматика на старобългарския език. Фонетика, морфология, синтаксис*, София.

ДАЛЬ I-IV

Даль В. И., *Словарь живого великорусского языка*, 4-е изд. подъ ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, С.-Петербург, Москва, 1912-1914, I-IV (репринт: Москва, 1998).

ДМИТРИЕВСКИЙ I, III

ДМИТРИЕВСКИЙ А., *Описание литургическихъ рукописей, хранящихся въ библиотекахъ православнаго Востока*, I, III: Топикъ, Киевъ, 1895; Петроградъ, 1917 (reprographischer Nachdruck: Hildesheim, 1965).

ДОГРАМАДЖИЕВА 2010

ДОГРАМАДЖИЕВА Е., *Месеословните четива в славянските ръкописни Евангелия (X-XVII в.)* (= Cyrillo-Methodian Studies/Кирило-Методиевски студии, 19), София.

ДУРНОВО 1924-1927/2000

Дурново Н. Н., "Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка", в: Дурново Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 644-682.

ДЫБО 2000

ДЫБО В. А., *Морфологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис*, 1, Москва.

ЗАЛИЗНЯК 2002

Зализняк А. А., "Древнерусская графика со смещением ъ — о и ъ — е", в: Зализняк А. А., "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 577-612.

ЗАЛИЗНЯК 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва.

ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999

ИВАНОВА-МИРЧЕВА Д., ХАРЛАМПИЕВ И., *История на българския език*, Велико Търново.

ИОАНН ДАМАСКИН, Творения 1997

Свящ. М. Козлов, Д. Е. Афиногенов (перев., коммент.), *Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники* (= А. И. Сидоров (ред.), *Святоотеческое наследие*, 3), Москва.

ЙОВЧЕВА 2002

ЙОВЧЕВА М., "Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности", *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 8/2, 100-112.

ЙОВЧЕВА 2006

ЙОВЧЕВА М., "Январская служба св. Афанасию Александрийскому в ранней славянской книжности", в: L. TASEVA, R. MARTI, M. YOVCHNEVA, T. RENTKOVSKAJA (Hrsg.), *Mehrfachübersetzungen im südslavischen Mittelalter. Beiträge einer internationalen Konferenz Sofia, 7.-9. Juli 2005*, Sofia, 91-110.

ЙОВЧЕВА 2009

ЙОВЧЕВА М., "Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами -ова/-ева)", in: D. CHRISTIANS, D. STERN, V.S. TOMELLERI (Hrsg.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Ch. Voss (Hrsg.), *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 3), München, 209-228.

КАЛНЫНЬ 1993

Калнынь Л.Э., "К вопросу о рефлексии редуцированных во флексии им. ед. м.р. местоименных прилагательных (по данным ОЛА)", в: В.В. ИВАНОВ (отв. ред.), *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988-1990*, Москва.

КАТАЛОГ 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв., Москва.

КАТАЛОГ 2002

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1: Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская, Москва.

КАТАЛОГ 2009

Б. ХРИСТОВА, В. ЗАГРЕБИН, Г. ЕНИН, Е. ШВАРЦ (съст.), *Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке — Санкт-Петербург/Славянски ръкописи от български произход в Руската национална библиотека — Санкт Петербург*, София.

КОЛЕСОВ 1980

КОЛЕСОВ В.В., *Историческая фонетика русского языка*, Москва.

КОНЕСКИ 1981

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик* (= Конески Б., *Избрани дела во седум книги*, 2 доп. изд., кн. 7), Скопје.

КРИВКО 2005

КРИВКО Р.Н., "Новые данные по древней церковнославянской лексикографии (на материале служебных миней за август)", *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 51, 131-164.

КРИВКО 2007

КРИВКО Р.Н., "Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август", in: H. ROTHE, D. CHRISTIANS (Hrsg.), *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.-10. Juni 2005* (= *Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften*, 117; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 236-270.

КРИВКО 2008

КРИВКО Р.Н., "Византийские источники славянских служебных миней", в: А.М. МОЛДОВАН, Л.И. САЗОНОВА (отв. ред.), *Письменность, литература и фольклор*

славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации, Москва, 76-101.

Кривко 2011

Кривко Р. Н., "Канон Успению Богородицы Τάφος παρθενωδούχης (Κὴ γρῶνυ δ' ἔσθ' ἀπ' ἀνιᾶν τοῦ μῦθου) в византийской и славянской гимнографии", в: Погребението и смъртта в юдео-християнската литературна традиция (= А. Милтенова (ред.), *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*, 1), София, 191-220.

Кривко 2011a

Кривко Р. Н., "Древнерусская версия кондака вчл. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели", в: А. М. Молдован, Е. А. Мишина (ред.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010-2011*, Москва, 290-335.

Крысько 2005

В. Б. Крысько (изд., подг. греч. текста, коммент., словоуказатели), *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва.

Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Прилагательные* (= В. Б. Крысько (ред.), *Историческая грамматика древнерусского языка*, 3), Москва.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI-XIV веков*, Москва.

Лосева 2003

Лосева О. В., "Праздники Святогробского Типикона в русских календарях XI-XII веков", *Православный палестинский сборник*, 100, 132-141.

Максимович 2004

Максимович К. А., *ЗАКОНЪ СОУДЬНЫИ ЛЮДЬМЪ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*, Москва.

Мейе 1951

Мейе А., *Общеславянский язык*, пер. с фр. изд., просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном, П. С. Кузнецова, под ред. С. Б. Бернштейна, Москва.

Младеновић 2003

Младеновић А., "Прилог објашњењу неких особина језика Мариинског четвороеванђеља", *Археолошки прилози*, 25, 11-32.

Момина 1992

Момина М. А., "Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в.", *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук*, 45, 200-219.

Мурьянов 1981

М. Ф. Мурьянов, "Из наблюдений над структурой служебных миней", in: В. П. Григорьев (отв. ред.), *Проблемы структурной лингвистики 1979*, Москва, 263-278.

Мурьянов 1998-2000

М. Ф. Мурьянов (изд.), "Путятина Миней на май (1-9 мая)", *Palaeoslavica*, 6, 114-208; "Путятина Миней на май (10-17 мая)", *Palaeoslavica*, 7, 136-217; "Путятина Миней на май (18-31 мая)", *Palaeoslavica*, 8, 123-221.

Нечунаева 2000

Нечунаева Н. А., *Миней как тип славяно-греческого средневекового текста* (= Tallinna pedagogikaülikooli humanitaarteaduste dissertatsioonid/Таллиннский педагогический университет, диссертации по гуманитарным наукам, 3), Tallinn.

ПЕНТКОВСКАЯ 2005

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., “Оутрогъ и одрос в славянских литургических текстах”, in: Р. РЕТКОВ, I. HRISTOVA, M. DIMITROVA (eds.), *Acta Slavistica*, 2, София, 157-160.

ПЕНТКОВСКИЙ 2001

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва.

ПЕНТКОВСКИЙ 2004

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., “Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV в. столетии”, в: Л. ТАСЕВА, М. ЙОВЧЕВА, К. ФОС, Т. ПЕНТКОВСКАЯ (ред.), *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26-28 юни 2003*, София, 153-172.

ПИЧХАДЗЕ 2008

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика)”, в: А. М. МОЛДОВАН (отв. ред.), *Письменность, литература и фольклор славянских народов, XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10-16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*, Москва, 152-172.

ПИЧХАДЗЕ 2009

А. А. ПИЧХАДЗЕ, “О языковых особенностях славянских служебных миней”, в: D. CHRISTIANS, D. STERN, V. S. TOMELLERI (Hrsg.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. (Ch. Voss (Hrsg.), *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 3), München, 297-308.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Слав. еѣръ: к вопросу о группировке древнеславянских памятников”, in: B. LOURIE, R. KRIVKO, A. ORLOV (eds.), *Ars Christiana: In memoriam Michail F. Murjanov (21. XI 1928-6. VI 1995)* (= *Scrinium*, 7-8/2), Piscataway, NJ, (in press).

ПИЧХАДЗЕ 2011a

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва.

ПОПОВ 1995

ПОПОВ Г., “Из химнографского наследие от Константин Преславски: (Новооткрыт трипеснец за предпразднество на Успение Богородично)”, *Palaeobulgarica* = *Старобългаристика*, 19/3, 3-31.

ПОПОВЪ 1872

ПОПОВЪ А., *Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, Москва.

ПШЕНИЧНОВА 1964

ПШЕНИЧНОВА Н. Н., *К истории редуцированных у и ѣ в восточнославянских языках*, дисс. ... канд. филологич. наук, Москва.

ПШЕНИЧНОВА 1995

ПШЕНИЧНОВА Н. Н., “Гласные на месте редуцированных *ї, *ъ”, в: Т. В. ПОПОВА (отв. ред.), *Восточнославянские изоглоссы. 1995*, Москва, 20-32.

РЕЧНИК 2003

М. АРГИРОВСКИ (ред.), *Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели*, Скопје.

СЕЛИЩЕВ 1951

СЕЛИЩЕВ А. М., *Старославянский язык, 1: Введение. Фонетика*, Москва (репринт: Москва, 2001)

СЕРГИЙ I-III

СЕРГИЙ (СПАССКИЙ), архієп., *Полный месяцесловъ Востока*, I-III, Владимиръ, 1901 (репринт: Москва, 1997).

Сл.РЯ 11-17 вв.

Словарь русского языка 11-17 вв., вып. 1-29 —, Москва, 1975-2011 —.

СРЕЗНЕВСКИЙ I-III

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ*, I-III, Санктпетербургъ, 1893-1912 (репринт: Москва, 1989).

СРНГ

Словарь русских народных говоров, вып. 1-42 —, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965-2008 —.

СТАНКОВИЋ 2007

СТАНКОВИЋ Р., *Водени знаци хиландарских српских рукописа XIV-XV века* (= Народна библиотека Србије. Опис јужнословенских ћирилских рукописа, VII), Београд.

СТАНЧЕВ 1981

СТАНЧЕВ К., "Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже", *Palaeobulgarica* = *Старобългаристика*, 5/3, 85-91.

СТОЯНОВ 1973

СТОЯНОВ М., *Опис на гръцките и други чуждоезични ръкописи в Народна библиотека Кирил и Методий*, София.

ТОМЕЛЛЕРИ 2007

ТОМЕЛЛЕРИ V. S., "О рукописной традиции восточнославянской декабрьской минеи", in: H. ROTHE, D. CHRISTIANS (Hrsg.), *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit, Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.-10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 116-134.

ТУРИЛОВ 2006

ТУРИЛОВ А. А., "К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб)", *Старобългарска литература*, 35-36, 22-37.

ТУРИЛОВ 2009

ТУРИЛОВ А. А., "К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные", in: E. DOBRYNINA (ed.), *Chrysograph. 3: Medieval book centres: Local traditions and their inter-regional connections, Proceedings of the International Symposium Moscow, 5-7 September 2005*, Moscow.

ТУРИЛОВ, МОШКОВА 1999

А. А. Турилов, Л. В. Мошкова (сост.), А.-Э. Н. Тахиаос (ред.), *Славянские рукописи афонских обителей*, Фессалоники.

УСПЕНСКИЙ 1973/1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., "Древнерусский кондакари как фонетический источник", в: УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, III: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 209-245.

УСПЕНСКИЙ 1988/1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., "Русское книжное произношение XI-XII вв. и его связь с южнославянской традицией", в: УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, III: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 143-208.

ФАСМЕР/ТРУБАЧЁВ I-IV

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 3-е русское изд., перев. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, I-IV, С.-Петербург, 1996.

Филин 1972

Филин Ф. П., *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Ленинград.

ЦОНЕВЪ 1910

ЦОНЕВЪ Б., *Описъ на ржкописитѣ и старопечатнитѣ книги на Народната Библиотека въ София*, София.

ШТАВЛЯНИН-БОРБЕВИЋ И ДР. 1986

ШТАВЛЯНИН-БОРБЕВИЋ Љ., ГРОЗДАНОВИЋ-ПАЈИЋ М., ЦЕРНИЋ Л., *Опис ћирилских рукописа народне библиотеке Србије*, I (= Народна Библиотека Србије. Опис јужнословенских рукописа, II), Београд.

ШТЕРН 2004

ШТЕРН Д., “Новгородские апрельские минеи: Чем апрель отличается от других месяцев?”, в: Р. ŽIGO, L. МАТЕЈКО (ed.), *BraSlav2. Zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003*, Bratislava, 73-92.

ЩЕГОЛЕВА 2001

ЩЕГОЛЕВА Л. И., *Путьятина Миняя (XI век) в круге текстов и истолкования, 1-10 мая*, Москва.

Ягичъ 1886

В. Ягичъ, *Menaea septembris, octobris, novembris, ad fidem vetustissimorum codicum* (= Памятники древнерусского языка, I), Petropoli.

ANDRÈS 1987

ANDRÈS G. DE, *Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca Nacional*, Madrid.

ARNIM 1930

ARNIM B. VON, *Studien zum althbulgarischen Psalterium Sinaiticum* (= M. VASMER (Hrsg.), Veröffentlichungen des slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3), Leipzig.

CHRISTIANS 2001

CHRISTIANS D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Mit einem Glossar griechisch – slavisch* (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 107; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 8), Wiesbaden.

CLARK 1952

Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, microfilmed for the Library of Congress, 1950, prepared under the direction of K. W. CLARK, Washington, D.C.

CLARK 1953

CLARK K. W., *Checklist of Manuscripts in the Library of the Greek and Armenian Patriarchates in Jerusalem, microfilmed for the Library of Congress, 1949-1950*, Washington, D.C.

DEVREESSE 1945

DEVREESSE R., *Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs, II: Le Fonds Coislin*, Paris.

DEVREESSE 1950

DEVREESSE R., *Codices Vaticani Graeci, III: cod. 604-866*, Vatican.

DIELS 1932

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik, mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1: *Grammatik* (= A. LESKIEN, E. BERNEKER (Hrsg.), Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I. Reihe: Grammatiken, 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg.

FOLLIERI I-V (1/2)

FOLLIERI H., *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*, I-V (1/2), Città del Vaticano, 1960-1966.

GARDTHAUSEN 1886

GARDTHAUSEN V., *Catalogus codicum graecorum sinaiticorum*, Oxonii.

HANNICK 2006

HANNICK CH., *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (= E. WEIHER (ed.), Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 50), Freiburg i. Br.

HARLFINGER ET AL. 1983

HARLFINGER D., REINSCH D. R., SONDERKAMP J. A. M., PRATO G., *Specimina Sinaitica. Die datierten griechischen Handschriften des Katharinen-Klosters auf dem Berge Sinai. 9. bis 12. Jahrhundert*, Berlin.

JAGIĆ 1913

JAGIĆ V., *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Berlin.

ISSATSCHENKO 1980

ISSATSCHENKO A., *Geschichte der russischen Sprache*, 1: *Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*, Heidelberg.

IVANOVA 2008

IVANOVA KL., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, Sofia.

KAMP 2010

KAMP A., *Kliment von Ohrid (Klemens von Achrida) – Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 5), Berlin.

KULIČ 1992

KULIČ J., *Ricerca sulle commemorazioni giornaliere bizantine nei menei*, Roma.

LAMPE 1982

LAMPE G. W. H., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford.

LESKIEN 1969

LESKIEN A., *Handbuch der altpulgaischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar*, 9. Aufl., Heidelberg.

LSJ

A Greek-English Lexicon, comp. by H. G. LIDDELL, R. SCOTT, rev. and augm. throughout by SR. H. S. JONES., with a revised supplement, Oxford, 1996.

LUNT 2001

LUNT H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York.

MAKSIMOVICH 2010

L.BURGMANN (HRSG.), *Das byzantinische Syntagma im 14 Titeln ohne Kommentare in altpulgaischer Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slawisches und rückläufiges (slawisches) Wortregister*, I, zusammengestellt von K. A. MAKSIMOVICH (= O. BEHREND (Hrsg.), Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, 27: Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln), Frankfurt a. Main.

MEYER 1935

MEYER K. H., *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, Glückstadt, Hamburg.

MIKLOSICH 1862-1865

MIKLOSICH F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, emendatum auctum, Wien.

MLADENOV 1929

MLADENOV S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig.

MOMINA, TRUNTE I, II

MOMINA M. A., TRUNTE N. (Hrsg.), *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, I, II (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 110, 125; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 11, 20), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004.

PLANK, LUTZKA I-III

CH. HANNICK (Hrsg.), *Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen slavischen Menäen und seine griechischen Originale*, I-III, erarb. von P. PLANK, C. LUTZKA (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 12), Paderborn, 2006.

ROCCHI 1883

Codices Cryptenses seu abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano digesti et illustrati cura et studio D. ANTONII ROCCHI, Tusculani.

SCHAEKEN 1987

SCHAEKEN J., *Die Kiever Blätter* (= A. A. BARENTSEN, B. M. GROEN, R. SPRENGER (eds.), *Studies in Slavic and General Linguistics*, 9), Amsterdam.

SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999

SCHAEKEN J., BIRNBAUM H., *Altkirchenslavische Studien*, II: *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionmustern)* (= P. REHDER (Hrsg.), *Slavistische Beiträge*, 382), München.

SJS I-IV

Slovník jazyka staroslověnského, I-IV, Praha, 1966-1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

STERN I-III

H. ROTHE (Hrsg.), *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, I-III, besorgt von D. STERN (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118/1-3; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 16/1-3), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008.

TAFT 1988

TAFT R., "Mount Athos: A Late Chapter in the History of the Byzantine Rite", *Dumbarton Oaks Papers*, 42, 179-194.

THOMSON 1988

THOMSON F., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations", in: E. FARRUGIA, R. TAFT, G. PIOVESANA (eds.), *Christianity among the Slavs: The Heritage of St. Cyrill and Methodius, Acts of the International Congress held on the Eleventh Century of the Death of St. Methodius, Rome, October 8-11, 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 351-380.

VEČERKA 1993

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, II: *Die innere Satzstruktur* (= R. AITZETMÜLLER, L. SADNIK, E. WEYHER (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 34/27,2), Freiburg i. Br.

VONDRÁK 1924

VONDRÁK W., *Vergleichende slavische Grammatik*, I: *Lautlehre und Stammbildungslehre*, 2. stark vermehrte und verbesserte Aufl., Göttingen.

WILSON, STEFANOVIĆ 1963

WILSON N. G., STEFANOVIĆ D. I., *Manuscripts of Byzantine Chant in Oxford*, Oxford.

ΘΕΜΕΛΗΣ 1931

ΘΕΜΕΛΗΣ Χ., “Τὰ Μηναῖα ἀπὸ τοῦ ΙΑ΄ μέχρι τοῦ ΙΓ΄ αἰῶνος”, *Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος* (Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ), 30, 287-312, 348-387, 520-566.

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ Α., *Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, ἥτοι Καταλόγος τῶν ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τοῦ ἀγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου Πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἐλληνικῶν κωδίκων*, II, sine loco.

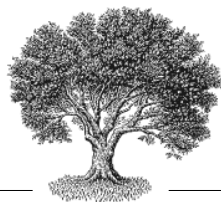
Р. Н. Кривко, к.ф.н.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, Волхонка 18/2, Россия

roman.krivko@gmail.com

rkrivko@yandex.ru

Многовековые направления в языковой интеграции хорватского общества

Centuries-long Trends in the Linguistic Integration of Croatian Society

Амир Капетанович

Институт хорватского языка
и лингвистики, Загреб

Amir Kapetanović

Institute of Croatian Language
and Linguistics, Zagreb

Abstract

The article discusses the history of the Croatian language, particularly the paths of the gradual linguistic integration of all Croats and the development of the standard language (based upon the Štokavian dialect) within Croatian society, whose members have spoken three dialects (Čakavian, Štokavian, Kajkavian) since the Middle Ages. Because of the multidialectal situation (all three dialects played an important role in the history of the Croatian language), linguistic integration was a complex process. The use of the Croatian language before national integrality in 19th century may look complicated and disunified, but this article attempts to show the old connections between different dialectal areas and the realisation of two the main conceptions of the construction of Croatian superdialectal (literary) expression in linguistic history: a literary language with a single-dialect basis (but with multi-dialectal infiltration within the superstructure) and a literary (hybrid) type of language based upon at least two dialects.

Keywords:

history of the Croatian language, linguistic integration, Čakavian, Štokavian, Kajkavian, hybrid type of language.

1.

Самые старые из сохранившихся текстов на старохорватском языке были написаны на восточном побережье Адриатического моря на закате эпохи хорватских автохтонных правителей (королевская династия Трпимировичей). Кроме этих сохранившихся фрагментов ранней хорватской глаголической эпиграфики рубежа XI–XII веков — от каракулей наподобие *Пломинской надписи* (*Plominski natpis*), и сильно стилизованных текстов наподобие *Башчанской плиты* (*Bašćanska ploča*)¹ на севере до *Конавльской надписи* (*Konavoski natpis*)² на юге — более старыми,³ и потому более ценными, являются записи латинизированных древнехорватских имен на каменных фрагментах (напр. приблиз. 800 г. VUISSASCLAVO = *Višeslav*, надпись на баптистерии князя Вишеслава; приблиз. 850 г. TREPIME [RO] = *Trpimir*, надпись на части стены алтаря и т. д. [см. МАТЈЕВИЋ СОКОЛ 1997]) и записи имен и званий в латинских документах, выданных при хорватском раннесредневековом дворе. Например, в одной из них, в документе Петра Крешимира IV (Нин, 1066–1067), упоминаются хорватские имена свидетелей (*Boleslav*, *Adamъc*, *Vlkъc*, *Voleša*, *Budъc*, *Zovъc*, *Drugonja*, *Grubonja*) и их чин (*tepčī*, *župan*, *děd*, *postelnik*, *volar*, *vinotoč*):

...Actum est hoc in Nona ciuitate hic coram testibus: **Boleslaus tepci testis, Adamizo, Nonensis iupanus, testis, Ui[l]kizo, iupanus de Luca, testis, Volesa dad testis, Budiz postelnic testis, Iohannes, regis capellanus testis, Zouiz uolar testes (!), Drugona scutobaiulus, Dodauit uinotoc, Grubona decanus testis.** [CD 1967: 106]⁴

С конца XI века в средней части южнославянской области начинают формироваться три наречия (чакавское, штокавское, кайкавское).⁵

¹ Обзор хорватских эпиграфических памятников глаголицы систематически представлен у Б. Фуича [FUČIĆ 1982: 44–60, 282–284].

² Об этом см. [КАРЕТАНИЋ, ŽAGAR 2001; ČUNČIĆ 2009].

³ Раннесредневековые хорватские латинские документы (743–1100) см. в [CD 1967]. См. тоже [LEXICON 1973–1978]. О литературе и образовании в эпохе раннего Средневековья см. синтез [КАТИЋИЋ 1998].

⁴ В статье не переводятся на русский язык иллюстративные примеры.

⁵ Каждое из этих наречий делится на несколько диалектов (11 штокавских, 6 кайкавских, 6 чакавских [см. BROZOVIĆ 1960; BROZOVIĆ, IVIĆ 1988; более подробное деление кайкавского наречия на 15 диалектов предложено в: LONČARIĆ 1982; 1996; 2009]. Только хорваты говорят по-чакавски и по-кайкавски, а штокавское наречие распространено сегодня не только на большей части Хорватии, но и в Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии. Когда-то считалось, что кайкавское наречие является частью словенского языка (напр. “Kajkavština je, po svojoj osnovi, slovenački dijalekat, koji je pod uticajem političkih i kulturnih prilika preuzeo i još preuzima štokavske crte” = “Кайкавщина, в своей основе, это словенский диалект, который под влиянием политических и культурных условий перенял и еще принимает штокавские особенности” [RAMOVŠ 1927, s. v. slovenački jezik]), но это

Со средних веков до XIX в. (когда утверждается общехорватский стандартный язык) эти три наречия, разделяющие этническое и культурное пространство хорватов, сталкивались с определенными трудностями и преодолевали их различными способами, что показывается в этой работе. Пути создания наддиалектного хорватского языка⁶ в прошлом можно рассматривать как отражение двух концепций: формирование наддиалектного языка или на базе одного наречия, или на базе по крайней мере двух наречий/двух языков (хорватского и церковнославянского).

2.

Многие средневековые хорватские тексты нелитургического характера, чаще всего входящие в состав глаголических сборников разного содержания, написаны на чакавско-церковнославянском идиоме, гибридном типе языка, сформировавшемся в результате книжной интерференции церковнославянского и чакавского хорватского языка. Речь идет не о хорватской редакции церковнославянского языка, которая использовалась в литургии и поздней беллетристике, и не о чакавском (а позже и штокавском) литературном идиоме, на котором написаны юридические тексты, часть ранней беллетристики, эпиграфика, разделы сборников законов, колофоны и маргиналии.⁷ Этот “средний” тип литературного языка⁸ трудно четко определить и описать, поскольку

давно отклонено [JUNKOVIĆ 1972, см. так же LONČARIĆ 1996]: кайкавское наречие происходит из паннонской диалектной группы западно-южнославянского праязыка, а не из альпийской диалектной группы (как словенские диалекты, которые первыми отделились от этого праязыка).

⁶ История *хорватского* языка до XIX века не рассматривается нами как история монолитного стандартизованного языка: понятие *хорватский* включает в себя все языковые разновидности, которые использовались хорватами. Современное значение прилагательного *хорватский* подчас не совпадает со значением этого прилагательного у некоторых старых авторов (например, Габделич, Крижанич), а старые региональные названия определенных идиомов (иллирийский, славонский, далматинский и т. д.) не обозначают отдельные славянские языки. Излишне объяснять, что язык *Баичанской плиты* принадлежит к хорватскому языковому наследию наравне с языком И. Гундулича и М. Држича, хотя *Баичанская плита* была написана на чакавско-церковнославянском идиоме (т. е. язык этого текста отличается от хорватского стандартного языка).

⁷ Языковая структура и норма (узус) первого идиома церковнославянская, с некоторыми хорватскими (чакавскими) фонологическо-морфологическими языковыми особенностями, а у другого идиома структура и норма (узус) чакавская, со спорадическими, часто стилистически соответствующими церковнославянизмами.

⁸ См.: “Taj hibridni jezik predstavlja «srednji» knjiški tip jezika negdje na granici između tradicionalnih liturgijskih tekstova i glagoljaških spisa za narod. Za taj tip nije bilo, strogo uzevši, kodificiranih normi...” (“Этот гибридный язык представ-

соотношение церковнославянского и чакавского компонентов варьируется от текста к тексту, даже тогда, когда эти тексты являются частью одного и того же глаголического сборника. Более частое употребление одного или другого компонента зависело от древности образца, происхождения, желаний и намерений переписчика-редактора определенного текста, содержания, времени и места написания текста и т.д.⁹ В чакавский и чакавско-церковнославянский язык XIV–XVI в. попадают также кайкавизмы, об этом см. [HERCIGONJA 1983: 303–385; DAMJANOVIĆ 1995: 63–80]. Один из самых известных примеров церковнославянско-чакавско-кайкавского контакта: *I reku jemu anjeli vražji ki ga budu držali: Čto se žalostiš, ubogi človeče, i kaj se mečeš i zač trepečeš* [PZ, f. 339].¹⁰ Начиная с XV в. церковнославянский компонент постепенно теряет свою силу и уступает место народному языку.

Пример гибридного чакавско-церковнославянского языка можно найти в отрывке из известных записей священника Мартинца, датированных 1493 г., где он, в частности, варьирует флексии местоимений и прилагательных в Р.п. ед.ч. хорватского языка *-ega/-oga*, церковнославянского *-ego/-ago*, а также гибридную флексию *-ogo*. Такое гибридное образование является результатом сознательного отношения к языку текста и владения как церковнославянскими, так и чакавскими нормами (узусом), а гибридные флексии представляют собой “...otklon od obiju normi (staroslavenske i hrvatske)...”¹¹ [DAMJANOVIĆ 1995: 35]:

*...v vrěme svetago otca v Božě pape Aleksandra Šestago i v vrěme Maksimilijana, kralja rimskago, i v vrěme kralja Laclava češkoga i ugarskago i v vrěme našega gospodina kneza Brnardina Frankapana i njega sini, kneza Matija i kneza Krštofora i kneza Feranta, i v duhovnom našego gospodina i otca gospodina biskupa Krstopora Dubrovčanina, biskupa modruškago i krbavskago i pročaja (...) Tāgda že poběždena bisi čest krstjanska, tāgda že uhitiše bana hrvatskoga ošče živuća tāgda že ubiše bana jajačkogo.*¹²

ляет собой «средний» тип литературного языка, находящийся где-то между традиционными литургическими текстами и глаголическими текстами для народа. Для такого типа не было, строго говоря, кодифицированных норм ...”) [HERCIGONJA 1983: 398 (п. 12)].

⁹ О таком гибридном языке хорватских глаголяшей см. [HERCIGONJA 1975: 31]. Вслед за Херцигоном С. Дамьянович различает (на основе текстов глаголяшей XV в.): хорватскую редакцию общеславянского (старославянского) языка (литургия), сочетание чакавского и церковнославянского (литература), чакавский (право)? см. [DAMJANOVIĆ 1995: 25].

¹⁰ Церковнославянский: *čto*; кайкавский: *kaj*; чакавский: *zač* (= ‘почему; потому что’). Глаг. рукопись, Сборник Петриса (*Petrisov zbornik*), 1468, транскрипция А. К. См. то же [HERCIGONJA 1975: 32].

¹¹ “...отклонение от обеих норм (старославянской и хорватской)...”

¹² Цит. транскрипция на латинице, см. [HKSJ 1969: 82, 84].

Невзирая на то что глаголяштво в XVI в. ослабевает, традиция анонимных глаголяшей,¹³ пишущих на гибридном языке, не прекращается. Самые известные хорватские протестанты происходят родом из Истрии, с хорватского Приморья, из Нового Места и Метлики. Многие из них выросли в среде глаголяшей: Степан Консул Истрианин был священником-глаголяшем, изгнанным из-за своего протестантского вероисповедания, и, вероятно, такая же судьба постигла Антона Далматина. Протестанты возродили три разновидности письма и гибридную языковую концепцию, основанную на смешении элементов различных диалектов, а язык и письмо своих текстов адаптировали в зависимости от области, для которой предназначались книги. А. Далматин и С. Консул во введении к *Первой части Нового Завета (Prvi del Novoga testamenta)* не только ясно говорят, для какого круга читателей предназначен их перевод (в первую очередь хорватам, а затем и для других южнославянских народов), но и подтверждают свои намерения выбором языковых средств, смешивая кайкавские (*takajše, slova, ne bude*), чакавские (*jazika*) и чакавско-штокавские (*tumačenje*) особенности.

*Mi paki takajše jure dobro znamo da vsakomu ovo naše tumačenje i ova naša slova ne bude ugodno. Na to vi, predragi dobri krstjani Hrvatč, znajte da jesmo s tim našim tumačenjem vsim slovenskoga jazika ljudem služiti hoteli, najprvo vam, Hrvatom i Dalmatinom, potom takajše Bošnjakom, Bezjakom, Srbljanom i Bulgarom.*¹⁴

В своих публикациях протестанты приводили рядом несколько синонимов, отмечали менее понятные слова (звездочкой) и в стороне давали их объяснение (порой на другом наречии).¹⁵

Приверженцы контрреформации, как и протестанты, осознавали важность выбора письма и языка в распространении веры (в Риме создается Конгрегация распространения веры). Контрреформатор Франц Главинич (1585–1652), монах, в своих работах склонялся к концепции, согласно которой литературный язык восходит к трем наречиям, хотел основать в Риеке типографию, доставленную из Ураха, через Грац, но, видимо, ему это не удалось, так как нераспакованная протестантская типография была перевезена из Риеки в Рим, где ученик Главинича Р. Левакович (1597?–1649) исправил по русскому/украинскому образцу язык

¹³ Глаголяштво — термин для образовательной и религиозной деятельности глаголяшей. Глаголяш — католический священник, пользующийся глаголицей (и кириллицей) и при богослужении церковнославянским языком.

¹⁴ По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 199]. В отрывке языковые особенности — кайкавские (*takajše, ne bude*), чакавские (*jazika*) и чакавско-штокавские (*tumačenje*).

¹⁵ Об этом с многочисленными примерами см. [FANCEV 1916: 57–58].

хорватских церковных книг (“русификация”, “рутенизация”, “восточнославянизация” [NAZOR 2008: 124–131]), чем и продолжили заниматься его последователи (И. Паштрич, М. Караман) вплоть до конца XVIII в.¹⁶ Их “стирание” языковых особенностей хорватской (чакавской) редакции церковнославянского языка хорошо видно из сравнения отрывков о блудном сыне из первопечатного *Миссала* (*Misal po zakonu Rimskoga dvora*, 1483) и из трех последующих изданий:¹⁷

Editio princeps 1483 (стр. 66–67)	Левакович 1631 (стр. 93)	Паштрич 1706 (стр. 107)	Караман 1741 (стр. 79)
<i>Vstanu i idu k ocu i reku emu: oče, sagřeših' n(a) nebo i před toboju i juže něsam dostoēn' zvati se s(i)n' tvoi. Na stv(o)ri me ěko edinogo ot naēmnik' tvoih'. I vstav', ide ka otcu svoemu. I egda oče daleče bě, vidě i ot(a)c' ego. I mil' emu b(ě)si.</i>	<i>Vostanu i idu ka otcu moemu i reku emu: otče, sagreših na nebo i pred toboju. Juže nisam dostoen nareči se sin tvoј. Sotvori me ěk(o) edinogo ot naemnik tvoih'. I vostav', přijde ka otcu svoemu. Ošče že emu daleče suču, uzre i otac ego. I mi- loserdiem ganut bisi.</i>	<i>Vostanu i idu ka otcu moemu i reku emu: otče, sagreši[h] na nebo i pred toboju, juže nisam dostoen nareči se sin tvoј. Sotvori me ěk(o) edinogo ot naemnik tvoih'. I vostav', přijde ka otcu svoemu. Ošče že emu daleče suču, uzre i otac ego. I miloserdiem ganut bisi.</i>	<i>Vostanu i idu ko o(t)cu moemu, i reku emu: o(t) če, sogřeših' na nebo i pred' toboju: uže něsīn' dostoin' nareči sě' sīn' tvoi'. Sotvorí mě' ě(ko) edinagō ot naēmnik' tvoih'. I vostav', přijde ko o(t)cu svoemu. Eě že emu daleče sūču, uzrě ego otec' jegō i smili sě'.</i>

Литературный язык Р. Леваковича и его последователей обусловлен планами Рима по распространению Унии среди православных славян. Первоначально русско-церковнославянско-чакавский, а потом и русско-церковнославянский язык церковных книг римской Конгрегации распространения веры нигде не были хорошо приняты и не играли важной роли в истории хорватского литературного языка (еще предстоит выяснить, попали ли некоторые русизмы в XVII и XVIII вв. из тех редакций в хорватские словари того времени). Никаких следов в истории хорватского языка не оставил также общеславянский языковой гибрид Юрия Крижанича (1617/8–1683), который смешение хорватских диалектов в родном Покупле переделал в “... nacrť o hibridu koji bi umjesto *dijalekata* uključio *jezike*” [VONČINA 1988: 248].¹⁸ Например, в “Политике” (рукопись, 1663) он пи-

¹⁶ Лишь в 1893 г. с церковнославянским *Миссалом* Д. Парчица “u bogoslužne knjige vgađen izvorni hrvatskokrkvenoslavenski jezik” (“в богослужебные книги возвращен первоначальный хорватский церковнославянский язык”) [NAZOR 1993: 104].

¹⁷ Первое издание (1483) *Миссала* переиздано в Загребе в 1971. Остальные требники (все под заголовком *Missale Romanum slavonsico idiomate...*) опубликованы в Риме. Ссылки приведены в транслитерации по оригиналам, при транслитерации отрывка из Карамана сохранена диакритика оригинала.

¹⁸ “...набросок гибрида, который бы вместо *диалектов* включал *языки*”.

шет следующее: “*Od sivera nas pašet Studenoje more i pustije zemlji. Od vostoka i poludnja okružajut divji narodi: s kojimi nikakovo torgovan’je bit ne mozet*”.¹⁹

В отличие от перечисленных выше попыток, концепция хорватского литературного языка, построенного на базе гибридной чакавско-кайкавской структуры с введением штокавизмов, набрала силу и развилась в общехорватский язык. Этот тип хорватского литературного языка был назван “языком озальского круга”, об этом см. [VONČINA 1973; 1977; 1997] и являлся преемственным языковой культуры глаголящей из Покупля (которые попали туда за время расширения франкопанских имений) посредством протестантских изданий, молитвенника *Hortulus animae* Н. Дешича (*Raj duše*, 1560), книг Ф. Главинича, М. Магдаленича (1625–1704) вплоть до языка литературы дворянского общества, наиболее видными членами которого были Пётр Зринский и Фран Крсто Франкопан. Под покровительством представителей наиболее могущественных семей Зринских и Франкопана этот язык развивался и сохранялся на феодальных владениях от Меджимурья до Приморья с центром в г. Озаль (который одновременно являлся территорией соприкосновения диалектов хорватских наречий). Чакавско-кайкавское сочетание, наряду с употреблением штокавизмов, в литературном языке Ф. К. Франкопана хорошо просматривается в следующих стихах:

*Oh, na što je dobro neg mal čas terpeče,
il veselje koje v žalost premineče?
Al kada je tak stvoreno,
od zle sriče odsujenoi
vsakom terpiti,
moram i ja žalost tu sada podjeti
ter od tebe, vila, prošćenje vazeti.*²⁰

[FRANKOPAN 1995: 88]

С казнью Зринского и Франкопана в 1671 г. в Винер-Нойштадте принудительно прекращается развитие языка озальского круга, а вместе с тем исчезает возможность для такого гибридного типа хорватского литературного языка стать общехорватским. Когда почти исчезли “следы” зринско-франкопанского заговора,²¹ Павел Риттер Витезович из

¹⁹ Текст транскрибируется по отрывку из хрестоматии Вончина с сохранением орфографии оригинала [VONČINA: 1988: 247].

²⁰ В примере можно считать кайкавскими: *terpeče, premineče, v, tak, sriče, vila, prošćenje*; чакавскими: *vazeti, odsujenoi*; штокавскими: *što, koje*.

²¹ Это был плохо организованный заговор против Габсбургов, который был вызван недовольством хорватских и венгерских дворян политикой Леопольда I после победы в войне с турками. Лидеры заговора Пётр Зринский и Фран Крсто Франкопан были обезглавлены. Об этом см., напр., предисловие в [FRANKOPAN 1995: 19–20].

Сеня (1652–1713) попытался возродить концепцию гибрида: изначально он опирался на родную чакавщину (напр., “Разделение сигетское”, хорв. *Oddiljenje sigetsko*), а затем чаще использовал кайкавщину (напр., “Хроника”, хорв. *Kronika*) и штокавщину (напр., “Книга изречения”, хорв. *Priručnik*). В эпосе “Разделение сигетское” Витезович смешивает следующим образом элементы различных идиомов:

*Zač se jur poditi ne mogu natrage,
hiže pohoditi i ukripit drage? (...)
Zvana v nepokoju prez grobja ležiju
i na žalost tvoju vičnim sankom siju (...)
Za 'vo tugovati vi hoćete milo,
što vam se j' u rati sigetskoj zgodilo.
Ne mogahu, vilo, od vas zet prošćenje,
kot bi dužno bilo na ,vo odiljenje (...)
Svakomu umriti jednuč suđeno je
nigdor ne mre biti prost od smrti svoje.²²*

[ZRINSKI, FRANKOPAN, VITEZOVIĆ 1976: 364, 369, 373]

Витезович является автором латинско-хорватского словаря (хорватско-латинский утерян), в котором отражается трехнаренная концепция, также как и в словаре *Gazophylacium* И. Белостенца (1593/4–1675), и в четырех рукописных словарях И. Танзлингера Занотти (1651–1732) [Vajs Vinja 2011]. Когда мы слышим сегодня такие слова, как *znanost*, *rječnik* и *točka*, стоит вспомнить словарь Белостенца, из которого взяты первые два слова, и словарь Витезовича, в котором засвидетельствовано третье слово (впервые в хорватском источнике²³) об этом см. [ПУТАНЕС 1977]. Среди поздних лексикографических работ до времен хорватского национального Возрождения только в “Словаре” (*Ričoslovník*, 1803) И. Волтича из Тиньяна в Истрии (1750–1825) можно различить трехнаренную лексикографическую концепцию.

Однако со второй половины XVII в. гибридная языковая концепция хорватского литературного языка перестает быть ведущей вопреки усилиям отдельных лиц. Невзирая на то что словари Белостенца и Волтича в XIX в. являлись важными лексикографическими справочниками илиристов, языковая концепция илиристов не была гибридной (что первоначально предполагалось), а была выбрана одна престижная языковая структура (штокавская) с надстройкой, которая

²² В примере можно считать кайкавскими: *ležiju, jednuč, ne mre*; штокавскими: *što, suđeno*; чакавскими: *zač, prošćenje*; чакавско-штокавскими: *hoćete, vilo, svakomu*; кайкавско-чакавскими: *hiže, v, kot, zet, zgodilo, zvana, nigdor*.

²³ Мы не принимаем во внимание слово “точка” в языке Ю. Крижанича (1661), см. [Križanić 1983: f. 5r].

не являлась исключительно штокавской, а была открыта для кайкавского и чакавского идиомов (особенно в отношении лексики). Только на закате иллиризма Юрай Шпорер (1795–1884) писал уже на своеобразном гибридном языке, сочетая, например, в трагедии “Кастриоти Скандерберг” (*Kastrioti Škenderbeg*, 1849) различные диалектные особенности и элементы литературной традиции²⁴ с некоторыми особенностями языковых норм иллиристов (напр., *-ah* в Р. п. мн. ч. им. сущ.).

Языковые особенности, которые он отбирает и вносит в текст этой трагедии, характерны иногда только для одного хорватского диалекта/говора,²⁵ но порой он смешивает все диалектные варианты (напр. икавский/экавский/(гипер)екавский рефлекс ятя.²⁶ Например:

*Sve nezgode sam **sritno** odolećio,*
*Sve strane sam **obašo**, **kadi** turska*
***Himbenos** našom zemljom vladuje,*
***Ku** dosad silnom kervjom zadobiše.*
*Bez odihaja **teko** sam posvud,*
Da našu čeljad otajno iztražim,
*Ka pravoј **vjeri** povdata moj glas*
Od naše složnosti veselo primih,
***Pripravljajući** se posvud na boj.²⁷*

[ŠPORER 1849: 15]

Гибридизация проявлялась не только на языковом уровне, но и в ненормированной латинице некоторых старых хорватских писателей, которые смешивают “северное” (континентальное) и “южное” (прибрежное) правописание. Например, Ф. Главинич, также как и Ф. Вранчич и И. Т. Мрнавич, в своем правописании, характерном для далматинской области, использует некоторые “северные” варианты: <ly> для [lj] и <ny> для [nj]. Еще один тип гибридного правописания можно найти в словаре Белостенца, где две графемы <ě> и <è> “покрывают” несколько значений: первая используется вместо полугласного, написание которого отображают чакавско-штокавский /a/ и кайкавский /e/, а вторая — вместо рефлекса ятя икавского, экавского, иекавского, икавско-экавского говора.

²⁴ Напр.: *komaj* 12, *živlenju* 30, *njiovo* 12, *zašto* 38, *gospoje* 29, *otar* 23, *vazmi* 16, *vozduh* 23, *očestvo* 12.

²⁵ Напр. Д. п. ед. ч. как в дубровницком поддиалекте (*svakim bjegovniku* 20).

²⁶ Напр.: *stina* 9: *htenje* 9: *vjera* 9: *bielog* 17: *uvjedi* 12.

²⁷ Штокавский: *odolećio*, *obašo*, *teko*; *vjeri* (дубровницкий: *himbenos*); кайкавский: *pripravljajući*, чакавский: *kadi*, *ku*.

3.

Параллельно с попытками объединить структурные элементы по крайней мере двух родственных языков или двух хорватских наречий с целью создания гибридного типа хорватского литературного языка, в то время, когда в хорватской литературе процветали Ренессанс, Барокко и Просвещение, утверждается несколько различных стилизаций хорватского языка (чакавская, кайкавская и штокавская), соответственно, несколько хорватских литературных идиомов с разными диалектными структурами. Хотя речь идет об идиомах с одной диалектной структурой, начиная с самых ранних текстов, в которых они засвидетельствованы, в их надстройках мы встречаем примесь элементов других наречий, которые вносили старые писатели, чтобы их тексты были понятны и приняты в как можно более широкой области (например, Г. Луичич хотел, чтобы его работы стали также известны за пределами родного острова Хвара). Смешение разных элементов использовалось и для придания своей речи стилистической окраски. Использование элементов других наречий характерно не только для одного писателя, века или области, а встречается у ряда писателей всех времен во всех литературных идиомах. Это подтверждают следующие примеры:

	ЧАКАВИЗМЫ	ШТОКАВИЗМЫ	КАЙКАВИЗМЫ
Чакавский хорв. литературный язык		<i>Hvala, jer ovacih dopadoh dvorova / Gdino mi jest svacih u Boga darova</i> (Г. Луичич). По транскрипции отрывка из [LUCIĆ, HEKTOROVIĆ 1968: 88].	<i>da ju ne bum ja viditi</i> („Страсти Спасителя нашего”). По транскрипции отрывка из [HSP 2010: 640].
Штокавский хорв. литературный язык	<i>jer srce u mani razmišlja i ćuti</i> (Дж. Држич). По транскрипции отрывка из [DRŽIĆ 1937: 405].		<i>Eto ti većje jedanput na toliku molbu zadovolnost!</i> (Б. Тадианович). По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 169].
Кайкавский хорв. литературный язык	<i>Kaj štimaš, moj čtavac, da bi vazda vu tesne ove ostanke slovenskoga orsaga šaljjanuš prišel...</i> (Ю. Габделич). По транскрипции отрывка из [DUKAT 1944: 71].	<i>Z Rima opet otide, ar su ga ne mogli sluge ali redovnici crikveni terpeti. što je nje karal za greh</i> (А. Вrameц). По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 264].	

Кроме того, практически нет словаря (от словаря Вранчица до словаря илиристов), в котором бы в качестве заглавного слова или в лексикографическом описании не использовались слова из разных хорватских идиомов. Эти словари часто создавались на основе предыдущих.

Так и иллиристы в XIX веке при составлении или пополнении своих словарей опирались на языковое наследие старых словарей. Таким образом, все более старые хорватские словари имели интегративное значение в языковой культуре хорватского общества. Известен случай Антуна Канижлича из Славонии, который писал свои произведения, пользуясь словарем Делла Беллы и хорошо владея языковым наследием дубровницкого барокко, поэтому его считают запоздалым последователем дубровницких поэтов [VONČINA 1995: 303–310].

Начиная со средних веков между областями Хорватии происходит обмен текстами различных диалектных стилизаций, их толкование и адаптация.

Некоторые важные тексты (например, молитвенники) были воспроизведены дубровницкой штокавщиной XV в. с чакавских оригиналов, которые, вероятно, содержали довольно большое число церковнославянизмов. При этом в них содержится гораздо меньше чакавизмов, чем в текстах дубровницких поэтов XV и XVI веков, написанных под влиянием петраркизма.²⁸ Слово *rojstvo* (церковносл. *рождество*) в *Ватиканском хорватском молитвеннике* (*Vatikanski hrvatski molitvenik*) указывает на следы чакавского образца (ср. *Pomeni spasenje, stvoritelju, kako od našijeh telesa puti od pričiste Divice rojstva obraz primio jesi* [NHLS 2004: 159]). Кроме того, некоторые средневековые песни, происходящие из чакавской области, обнаружены в дубровницких источниках переписанными на штокавщине. Самым известным примером является песня “Почему грустишь, душа” (*Zač mi tužiš, duše*) в дубровницком сборнике различных средневековых литературных текстов написанном кириллицей в 1520 г. (*Libro od mnozijeh razloga*). Нет сомнения в ее чакавском происхождении не только потому, что она была записана еще в чакавском “Парижском сборнике стихотворений” (*Pariška pjesmarica*, 1380), но и потому, что переделыванием чакавского образца в штокавщину нарушены изначальный ритм и рифма песни [Ivšić 1932]. Есть еще несколько подобных примеров эпохи Возрождения: Никола Нальешкович переписывает на штокавщине посвящение, написанное ему Гекторовичем (1541) (первый стих: *Knjige Severina tko vidi al čuje*; в настоящее время не известно ни одной чакавской версии текста Гекторовича, только штокавские). О том, что обмен текстами на восточном побережье Адри-

²⁸ М. Решетар считает, что большая часть старейшей штокавской прозы была написана так, что тексты “...s čakavskih, izuzetno možda i s crkvenoslavenskih matica prepisani ili prerađeni i okrenuti na dubrov. govor” (“...из чакавских оригиналов, а в редком случае из церковнославянских, были переделаны или переписаны на дубровницком идиоме”) [REŠETAR 1952: 3]. О следах церковнославянско-чакавских оригиналов в старейших дубровницких молитвенниках см. [MALIĆ 2007].

атического моря был двусторонним, говорит чакавский вариант песни “Образ жаждущего оленя” (*Prilika od žedna jelina*) из сборника песен под названием “Вранчичев сборник стихотворений” (*Vrančićeva pjesmarica*), которую Ф. Фанцев [FANCEV 1931: 252–256] атрибутировал М. Ветрановичу, и нашел в ней несомненные следы первичного штокавского (дубровницкого) образца, например: Р. п. мн. ч. -а (напр., *svih strana*), неточная рифма *slast ~ vas* (на дубровницком была бы точная рифма *slas ~ vas*), переделанная в чакавскую форма *gorušći* дубровницкого литературного церковнославянизма *gorušti*, зафиксированного в дубровницкой прозе XV века и в поэтическом языке дубровницких петраркистов.

Необычным является пример книги Пергошича *Decretum* (1574), поскольку сохранившиеся экземпляры того печатного перевода с венгерского языка показывают, что книга существовала в трех редакциях (две кайкавские и одна на гибридном языке озальского круга).²⁹ Первая кайкавская редакция засвидетельствована начиная с 51-го параграфа (*tituluš*), а вторая, кайкавская и гибридная, — в разных экземплярах до 51-го параграфа, например (в квадратных скобках пример из гибридной версии):

*Osmnadeste: Koteri [> koji] one zbantuju ali [> ili] zburkaju, ali [> ili] vlove [> vhte], zaderže, oplene, koteri [> koji] zmed poganov vun [> van] beže [> biže] i vu te [> va ta] orsag idu prebivat.*³⁰

Спустя семьдесят лет после первого (посмертного) издания эпической поэмы Карнарутича “Взятие Сигета” (*Vazetje Sigeta grada*), Пётр Фодроци (*Fodroczy*) выпустил ее третье³¹ издание (1661). У самых разных авторов, от В. Гая (1866) до И. Вончина (1999), существовало мнение, что Фодроци переделывает первоначальную чакавщину Карнарутича в кайкавщину.³² Однако изменения в тексте можно назвать скорее редакторским произволом, чем серьезным намерением переде-

²⁹ Об этом см. [PUTANEC 1982].

³⁰ По транскрипции отрывка и по критическим замечкам из [PERGOŠIĆ 2003: 219].

³¹ Неполный экземпляр этого 3-го издания поэмы Карнарутича (отсутствует титульный лист и страницы 13–14) хранится в библиотеке Хорватской академии наук и искусств (HAZU) (sign. R-660). Согласно труду Кукульевича “Библиография” (*Bibliografija*), речь идет о 2-м издании [КУКУЉЕВИЋ 1860: 65], а согласно Й. П. Шафарику [ŠAFAŘÍK 1865: 167], это 3-е издание (приведены доказательства того, что второе издание было выпущено Б. Джинамми в 1639 г.).

³² “...Fodroczy kano kajkavac mienjaše jezik po svoju...”, “...kano da je, kajkavac, htio popravit jezik primorskih protah i solarah!” (“...Фодроци, будучи кайкавцем, изменил язык на свой...”, “...хотел исправить язык, на котором говорили священники из прибрежных районов и торговцы солью!”) [КАРНАРУТИЋ 1866: XXIV, XXV]; “U XVII. st. Petar Fodroczi kajkavizirao je spjev čakavske narječne osnovice: Karnarutićevo *Vazetje Sigeta grada*” (“В XVII в. Пётр Фодроци переписал на кайкавский поэму с чакавской диалектной структурой: «Взятие Сигета» Б. Карнарутича”) [ВОНЧИНА 1999: 46].

лать чакавский текст в кайкавский. Бесспорно, такое намерение нельзя доказать заменами *jer* 17 > *zač* или *gdo* 393 > *ki*.³³ Латинское написание принадлежит к севернохорватскому типу, в котором нет различия между /č/ и /ć/, а буквосочетание /šč/, соответственно /št/, в третьем издании заменено на /šč/ (*štit* 25 > *ščit*). Замены икавского рефлекса фонемы ять на экавское редки и спорадичны (*svih* 4 > *sveh*, *Biograd* 11 > *Belgrad*), так и замена икавских рифм на экавские довольно редка (*bil* ~ *dil* 657–658 > *bel* ~ *del*). Замены рефлекса полугласного /a/ > /e/ (*dubac* 347 > *dubec*) также спорадичны, а в некоторых случаях речь идет, скорее всего, об опечатках (*sanžak* 363 > *sanžek*). В третьем издании часто попадаете фонема /z' /, несвойственная языку поэмы Карнарутича (*dovojaše* 37 > *dovođaše*, но: *meu jinom* 38 > *meju inom*). Форма имени существительного *rože* (*ruže* 136 > *rože*), несомненно, является кайкавизмом. С другой стороны, Фодроци с большим постоянством удаляет некоторые адриатизмы (в последнем слоге -n > -m) или изменяет некоторые языковые особенности, которые, вероятно, он считает архаизмами (напр., причастия на -v > -vši, 1-е л. ед. ч. наст. вр. -и > -m, В. п. мн. ч. м. р. -i > -e), а порой архаизирует язык Карнарутича (напр., *štuje* 760 > *čtuje*). В третьем издании есть много разнородных изменений, которые нельзя объяснить превращением исходного языка в кайкавский. И все же кажется, что П. Фодроци, внося в издание 1661 года некоторые кайкавизмы, хотел приблизить язык Карнарутича к гибриднему языку озальского круга. На полях Фодроци часто приводил толкование некоторых слов (напр., *tisuć* = *jezer*, *guja* = *zmija*, *kača*), а это еще одна попытка объединения языка и распространения текстов в более широкой области. Такая форма толкования берет свое начало в изданиях произведения Марулича “Юдифь” (*Judita*) и его оставшейся в рукописях поэмы “Сусанна” (*Suzana*), а также изданных переводов хорватских протестантов, рукописного перевода Библии Кашича, некоторых текстов Иваношича и т. д. Иногда писатели сами сопровождали свои тексты словарем, в котором приводили толкование менее знакомых слов (напр., Ш. Будинич, П. Зрински, И. Джурджевич).

Мало известен хорватский писатель Юрай Мулих (1694–1754), проповедник и миссионер, к авторству которого относят три книги, написанные на градищанско-хорватском, пять на штокавском, 22 на кайкавском идиоме и одно произведение (*Pobožnost...*), опубликованное после двух кайкавских изданий (1739, 1753) на штокавщине (1759) [Fuček 1994: 165–167].³⁴

³³ В примерах из поэмы Карнарутича цифрами обозначены номера строки.

³⁴ При последних исследованиях были обнаружены новые книги и издания см. [Vrela i Prinosi 1996–1997].

Сравнивая отдельные стихи двух средневековых плачей Марии, записанных лишь в XVIII в. (чакавская версия происходит из Врисника на Хваре, а кайкавская *Planctus B. V. Mariae* — из сборника *Cithara octo-chorda*), можно заключить, что со средних веков до XVIII века в разном окружении стихи передавались по традиции, а исходные чакавские стихи систематически переделывались в кайкавские.

“Плач Марии” из Врисника на Хваре:

*Gdi su sinko učenici
tvoji dragi naslidnici
ki umriti s tobom htihu
tebe ostavit ne hotihu...*

[FK 1996: 163]

Planctus B. V. Mariae:

*Gde su, sinko, vučenici, dragi tvoji naslednici,
Ki vumreti s tobom htehu, ostavit te ne hotehu?*

[ŠOJAT 1988: 50]

В наши дни невозможно определить пути такой бережной передачи текста. Формы звательного падежа в кайкавской версии (наряду с тем, что И. п. = Зв. п.) указывают на чакавское происхождение (напр., *Jajsi, sinko, želja moja! jaj si mene, tugo moja!*³⁵). В том же кайкавском сборнике (и в некоторых более ранних сборниках, таких как “Павлинский сборник” (*Pavlinski zbornik*), можно найти другие подобные примеры передачи в кайкавское окружение текстов с чакавским подлинником (напр., *Vi to vreme godišča, Plačnu pesem bratja pojmo* [CITHARA OSTOCHORDA 1701: 151–152, 467–468]).

Иван Кризманич (1766–1852) сделал свободный перевод на кайкавский драмы Мрнавича “Османщица” (*Osmanščica*) и поэмы Канижлича “Святая Розалия” (*Sveta Rožalija*). Насколько его переделка изменил язык оригинала, видно из следующих примеров:

Канижлич

*Što mi se umivaš? Lipa si i čista,
Što mi ne prosivaš, o lipoto ista?*

переделка Кризманича

*Lepa si i čista, zakaj mi se vmivaš?
O zmožna lepota, zakaj mi ne sivaš?*³⁶

Мрнавич

*Tkoja [!] posilna moć iz jame paklene
Poteže moju zloč na strane vedrene*

переделка Кризманича

*Kakva presilna moć iz jame peklena
Vleče moju zlobu na strani vedrene?*³⁷

³⁵ То же.

³⁶ Транскрибируется по [ДУКАТ 1912: 43].

³⁷ Транскрибируется по [ДУКАТ 1912: 54].

Во второй половине XVIII века в Габсбургской монархии пособия для школьников переводят на языки народов, населяющих империю (они печатаются в основном с параллельным немецким текстом), а для говорящих на хорватском языке выполняются переводы (зачастую тех же пособий) и на кайкавщину, и на штокавщину.³⁸ В XIX веке иллиристы переводили кайкавские тексты своих хрестоматий на штокавщину. Например, в хрестоматии «Иллирийская книга для чтения» (*Ilirska čitanka*, 1856) отрывки из старинных кайкавских текстов таких писателей, как Габделич, передаются частично на оригинальной кайкавщине, а частично на штокавщине, в то время как более поздние кайкавские тексты — на штокавщине, например текст М. Яндрича:

JANDRIĆ 1821: 71 (<i>Любомирович</i> [<i>Ljubomirovič</i>], транскрипция А. К.)	ILIRSKA ČITANKA 1856: 525
Fab. (osupne se) <i>Jaj! jaj! kaj je to? jaj! krov se ruši: hoće se hiža vdreti! ah! draga moja ladica! Samo Bog oszlobodi! da se ne bi ti vu ove rušetine zakopala!</i>	<i>Fab. (prepane se). Joj! joj! što je to? joj! krov se ruši; srušiti će se kuća! o draga moja škrinjice! samo nedaj Bože, da se ti u ove podertine zakopaš!</i>

Большой шаг вперед на пути к языковой интеграции хорватского общества был сделан на побережье Адриатического моря (когда в XVII и XVIII веках чакавцы начинают писать на литературной штокавщине), а завершение интеграционного процесса в континентальной части Хорватии приходится на XIX век (когда кайкавцы также принимают штокавщину). Такой постепенный спонтанный отказ писателей от идиома, которым они пользовались с самого рождения, имел интегрирующее значение и вел к развитию единого стандартного языка всех хорватов независимо от их диалектной принадлежности.

Этот процесс был усложнен тяжелой политико-экономической ситуацией и развивался постепенно, в то же время прививалась *толерантность к языковому многообразию*. Житель Комижи Андрия Витальич (1652–1737) в предисловии к “Жалу Божьей любви” (*Ostan Božje ljubavi*, 1712) пишет: “Nu ako kom srićom ne bi bilo drago tebi takovo izgovaranje, a ti gdi najdeš: riječ, djelo, pjesan, lijep, reci: dilo, rič, pisan, lip; gdi budeš štiti: rijeti, pjevati, slišati, lijevati, a ti štij: riti, pivati, slišati, livati, i tako ćeš na tvoju volju

³⁸ См., напр., работы: [Ртићар 1991; 1993; 1994; 2004]. В числе этих переводов мало чакавских изданий.

one riči ovim načinom lasno napraviti” [VITA LJIC 1712: 12–13].³⁹ Почти незнакомые сегодня фразы Витальича в большой степени схожи с известными выражениями Кашича и Габделича. Напомним, Б. Кашич в “Ритуале римском” (*Ritual rimski*) пишет: “Jur dakle ako ja bosanski upišem ove riči: *poslao sam, učio sam, rekao sam* ili take ine, ne branim zato Dalmatinu našem da on ne obrati na svoj način ove iste riči i inake ter reče: *poslal sam, učil sam, rekal sam*, ni manje Dubrovčaninu da ne reče: *poslo sam, reko sam*; ali gdi ja upišem: *što* ili *šta*, ne branim Dalmatinu da on reče: *ča*, ter tako u inih ričih koje ne budu upisane načinom svoga grada ili mista, svak na svoj način navrnvši slovo kojegodir po svojoj običaji: tako ne imamo koriti jedni družih veleći da zanose”.⁴⁰ Ю. Габделич в произведении “Зеркало Марианское” (*Zercalo marijansko*) написал следующее: “Ništarmenje, komu se horvatski hoće govoriti, neka reče mesto *lehko lahko*, mesto *osem osam*, mesto *jalen jalan*, mesto *nesem nisam*, etc. Ar ne teško mesto E postaviti ili reči I ali mesto E A”.⁴¹

В XVII веке чакавский литературный язык перестал развиваться, а концепция озальского круга о гибридном языке утратила свою силу с потерей политической и экономической поддержки, которую раньше обеспечивали Зрински и Франкопаны. В этом же веке набирают силу два течения хорватского литературного языка, штокавский и кайкавский, которые начинают быстро развиваться и обрисовываться в грамматических, лексикографических и других пособиях.

В языковой политике Рима на рубеже XVI–XVII веков штокавщина считалась самым используемым идиомом, на котором следовало распространять и укреплять веру среди южных славянских народов. Несмотря на то что эта языковая политика была направлена на область более широкую, чем культурное пространство хорватов, в XVII веке ее приняли и проводили только хорваты. Это доказывают труды и деятельность хорватских иезуитов чакавского происхождения, таких

³⁹ Транскр. А. К. (“Но, если тебе, к счастью, не придется по душе такое произношение, то где встретишь слова: *riječ, djelo, pjesan, lijer*, говори: *dilo, rič, pisan, lip*, а где необходимо прочитать: *rijeti, pjevati, slišati, lijevati*, читай: *riti, pivati, slišati, livati*. Так, по своему желанию, сделаешь эти слова более благозвучными”).

⁴⁰ По транскрипции отрывка из: [VONČINA 1988: 126]. (“Значит, если я по-боснийски [= по-штокавски! — А. К.] напишу следующее: *poslao sam, učio sam, rekao sam* или похожее, я не запрещаю нашим далматинцам переделывать на свой лад эти слова: *poslal sam, učil sam, rekal sam*, тем более, не запрещаю жителям Дубровника говорить: *poslo sam, reko sam*. Но где я пишу: *što* или *šta*, я не запрещаю далматинцам говорить: *ča*. Это касается и остальных слов, которые не будут написаны на манер своего города или села: каждый их запишет по-своему, как ему указывает традиция. Так не в чем нам будет упрекать других, говоря, что они коверкают наши слова”).

⁴¹ По транскрипции отрывка из [VONČINA 1988: 270]. (“Наоборот, тот, кто хочет говорить по-хорватски, пусть говорит вместо *lehko* — *lahko*, вместо *osem* — *osam*, вместо *jalen* — *jalan*, вместо *nesem* — *nisam* и т. д. Ведь не тяжело вместо E написать или сказать I, да и A”).

как Александр Комулович из Сплита (который выделялся своими переводами), и Бартол Кашич из Пага (который в Риме издал первую хорватскую грамматику), а также боснийских францисканцев (Дивкович, Маргитич, Посилович, Анчич и др.) [Brozović 1972–1973].

Прагматическая языковая политика Рима и распространенность штокавщины в южнославянской области были не единственными предпосылками к тому, чтобы в XVII веке среди хорватов штокавский хорватский литературный язык получил широкое признание. Яков Микалья, автор первого печатного одностороннего словаря с исходным хорватским языком, считал штокавщину “самым красивым” диалектом. Писатели XVII и XVIII веков, происходящие из разных центров чакавской культуры, продолжают писать на штокавском литературном языке, ориентируясь на язык дубровницких писателей. Среди них — вышеупомянутые Андрия Витальич из Комижи (1652–1737), а также Иван Иванишевич из Брача (1608–1655), Петар Канавелич (1627–1719), Яков Салечич Шале (1713–1747) и Августин Драгинич Шашка (1689?–1775) из Корчулы, Иеролим Каваньин (1643–1714) и Иван Дражич (1655–1739) из Сплита. Последний из них даже писал на латинице, используя орфографию дубровницких писателей (напр., *ziechja* 9 = *sjeća*, *odregghjeno* 12 = *određeno*, *gljubavi* 19 = *ljubavi*, *pridruscila* 19 = *pridružila*⁴²). К этому необходимо добавить, что в упомянутом предисловии Витальич пишет, что “пользуется” в своих стихах дубровницким говором, потому что “*ovako izgovarati daje niku sladkost i niki ugodan i lip* наџин оној риџи, особито у писни џетвередкој” [VITAČIĆ 1712: 12–13].⁴³ Но в конечном итоге, вопреки усилиям писателей, штокавский литературный язык чакавцев XVII и XVIII веков представляется разнородным и не является полностью штокавским (меньше всего штокавских единиц в стихотворении И. Иванишевича “Букет из различных цветов” (*Kita cvita razlikova*)).

В первой половине XIX века в период хорватского национального возрождения кайкавцы относительно быстро приняли штокавщину. Таким образом (невзирая на единичные случаи сопротивления) завершается процесс языковой интеграции (объединения) хорватского общества [Brozović 1973].

4.

Несмотря на то что на протяжении многих веков интеграция хорватской языковой области проходила без какого-либо продуманного

⁴² Из Празднования святого Дуйма (*Proslavljenje sv. Dujma*) [DRAŽIĆ 1996].

⁴³ “Этот говор придает речи некоторую сладость, угодливость и красоту, особенно в четверостишьях”; курсив мой (А.К.).

плана, этот процесс находит отражение в истории хорватского языка и письменности начиная со средних веков до XIX века, а значит, до того, как хорватская нация окончательно сформировалась. Сначала интеграционная тенденция была продиктована *языковой общностью*, невзирая на различные языковые стилизации в наддиалектном выражении, затем *языковым единством* (в поиске общего стандартного языка). В целом, история хорватского языка определяется двумя концепциями: построением хорватского литературного языка на базе или одного, или по крайней мере двух наречий/двух языков. Концепция литературного языка с языковой структурой на базе одного наречия доминирует у хорватов с середины XVII века, и вскоре после этого штокавский литературный язык становится самым престижным хорватским литературным языком (идея создания чакавского литературного языка снимается с повестки дня во второй половине XVII века, а кайкавского литературного — в первой половине XIX века). После выбора одной (штокавской) структуры в течение XIX и XX веков хорватский стандартный язык (в том числе и как часть “сербско-хорватского”) оставался открытым для влияния нештокавских диалектов.

Литература

BROZOVIĆ 1960

BROZOVIĆ D., “O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji hrvatsko-srpskih dijalekata”, *Zbornik za filologiju i lingvistiku*, 3, 68–88.

BROZOVIĆ 1972–1973

BROZOVIĆ D., “Uloga bosanskohercegovačkih franjevaca u formiranju jezika hrvatske književnosti i kulture – od Divkovića do fra Grge Martića”, *Jezik*, 2, 37–51.

BROZOVIĆ 1973

BROZOVIĆ D., “O ulozi Ljudevita Gaja u završnoj etapi hrvatske jezične unifikacije”, *Radovi Instituta za hrvatsku povijest*, 3, 35–63.

BROZOVIĆ, IVIĆ 1988

BROZOVIĆ D., IVIĆ P., *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*, Zagreb.

CITHARA OCTOCHORDA 1701

Cithara octochorda seu Cantus sacri Latino-Sclavonici, quos in octo partes..., Beč.

CD 1967

Codex diplomaticus Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, в: M. KOSTRENIĆ (ur.), J. STIPIŠIĆ, M. ŠAMŠALOVIĆ (sakupili i obradili), *Diplomatički zbornik Kraljevine Hrvatske, Dalmacije i Slavonije*, 1 (listine godina 743–1100), Zagreb.

ČUNČIĆ 2009

ČUNČIĆ M., "Novo čitanje hrvatskoga glagoljskoga konavoskoga natpisa iz 11. stoljeća", *Slovo*, 59, 123–133.

DAMJANOVIĆ 1995

DAMJANOVIĆ S., *Jezik otačaski*, Zagreb.

DRAŽIĆ 1996

DRAŽIĆ I., *Proslavljenje svetoga Dujma*, D. FALIŠEVAC, S. DAMJANOVIĆ, B. LUČIN (ur.), Split.

DRŽIĆ 1937

DRŽIĆ M., *Djela Marina Držića*, 2. izd., M. REŠETAR (ur.) (= Stari pisci hrvatski, 7), Zagreb.

DUKAT 1912

DUKAT V., "Život i književni rad Ivana Krizmanića", *Rad JAZU*, 191, 1–67.

DUKAT 1944

DUKAT V. (ur.), *Sladki naš kaj, Ogledi iz stare kajkavske književnosti*, Zagreb.

FANCEV 1916

FANCEV F., "Jezik hrvatskih protestantskih pisaca 16. vijeka [II.], Prilog historičkoj gramatici jezika hrvatskoga ili srpskoga", *Rad JAZU*, 214, 1–112.

FANCEV 1931

FANCEV F., "Dubrovačka pjesma 16 stoljeća u počakavljenom prijepisu", u: V. ČOROVIĆ et al. (ur.), *Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru u 70oj godišnjici života*, Dubrovnik, 245–256.

FK 1996

I. LOZICA (ur.), *Folklorno kazalište* (= Stoljeća hrvatske književnosti), Zagreb.

FRANKOPAN 1995

FRANKOPAN F. K., *Djela*, J. VONČINA (ur.) (= Stoljeća hrvatske književnosti), Zagreb.

FUČEK 1994

FUČEK I., *Juraj Mulih: život i djelo*, Zagreb, Rim.

FUČIĆ 1982

FUČIĆ B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb.

HERCIGONJA 1975

HERCIGONJA E., *Srednjovjekovna književnost, Povijest hrvatske književnosti*, 2, Zagreb.

HERCIGONJA 1983

HERCIGONJA E., *Nad iskonom hrvatske knjige, Rasprave o hrvatskoglagoljskom srednjovjekovlju*, Zagreb.

HKSV 1969

V. ŠTEFANIĆ, B. GRABAR, A. NAZOR, M. PANTELIĆ (ur.), *Hrvatska književnost srednjega vijeka* (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 1), Zagreb.

HSP 2010

KAPETANOVIĆ A., MALIĆ D., ŠTRKALJ DESPOT K. (ur.), *Hrvatsko srednjovjekovno pjesništvo: pjesme, plačevi i prikazanja na starohrvatskom jeziku* (= Biblioteka Hrvatska jezična riznica, Niz Starohrvatska vrela, 1), Zagreb.

ILIRSKA ČITANKA 1856

MAŽURANIĆ A., VEBER A., MESIĆ M. (ur.), *Ilirska čitanka za gornje gimnazije*, 1, Beč.

IVŠIĆ 1932

Ivšić S., "Jedna hrvatska glagoljska pjesma iz 14. vijeka u 'Libru od mnozijeh razloga'", *Građa za povijest književnosti hrvatske*, 11, 1–10.

JANDRIĆ 1821

JANDRICH M., *Lyubomirovich ili priatelj pravi, Igrokaz Vu Trojem Zpelyivanyu po Mat. Jandrich Pleb. vu Czirkveni izpiszan y po Th. Mikloušchich Tl. Zt. na szvětlo vān dān*, Zagreb.

JUNKOVIĆ 1972

JUNKOVIĆ Z., "Jezik Antuna Vramca i podrijetlo kajkavskoga dijalekta: dijakronijska rasprava", *Rad JAZU*, 17, 1–229.

KAPETANIĆ, ŽAGAR 2001

KAPETANIĆ N., ŽAGAR M., "Najjužniji hrvatski glagoljski natpis", *Anali Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Dubrovniku*, XXXIX, 9–48.

KARNARUĆIĆ 1866

KARNARUĆIĆ B., *Vazetje Sigeta grada, složeno po Barni Karnarutiću Zadraniu*, Zagreb.

KATIČIĆ 1998

KATIČIĆ R., *Litterarum studia: Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*, Zagreb. [2007]

KRIŽANIĆ 1983

KRIŽANIĆ J., *Objasnenje vivodno o pismě slověnskom*, J. HAMM (ur.), Zagreb.

KUKULJEVIĆ 1860

KUKULJEVIĆ SAKCINSKI I., *Bibliografija Hrvatska, Dio prvi: Tiskane knjige*, Zagreb.

LEXICON 1973–1978

KOSTRENIĆ M. (ur.), *Lexicon Latinitatis medii aevi Iugoslaviae*, Zagreb.

LONČARIĆ 1982

LONČARIĆ M., "Prilog podjeli kajkavskoga narječja (s kartom)", *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 6, 237–246.

LONČARIĆ 1996

LONČARIĆ M., *Kajkavsko narječje*, Zagreb.

LONČARIĆ 2009

LONČARIĆ M., "O klasifikaciji slovenskoga i hrvatskoga jezika s posebnim osvrtom na kajkavsko narječje", *Obdobja*, 26, 277–289.

LUCIĆ, HEKTOROVIĆ 1968

LUCIĆ H., HEKTOROVIĆ P., *Skladanja izvarsnih pisan razlicih – Ribanje i ribarsko prigovaranje i razlike stvari ine*, M. FRANIČEVIĆ (ur.) (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 7), Zagreb.

MALIĆ 2007

MALIĆ D., "Tragovi crkvenoslavensko-čakavskih matica u najstarijim dubrovačkim molitvenicima", *Filologija*, 49, 137–193.

MATIJEVIĆ SOKOL 1997

MATIJEVIĆ SOKOL M., "Latinski natpisi", u: I. SUPIČIĆ (ur.), *Hrvatska i Europa: kultura, znanost i umjetnost I: Srednji vijek (VII–XII. st.)*, Rano doba hrvatske kulture, Zagreb, 239–256.

Misal po zakonu Rimskoga dvora, 1483

Missale Romanum slavonico idiomate, Rim, ur. R. LEVAKOVIĆ, 1631; ur. I. PAŠTRIĆ, 1706; ur. M. KARAMAN, 1741 (pretisak: Zagreb, 1971).

NHLS 2004

D. MALIĆ (ur.), *Najstariji hrvatski latinički spomenici (do sredine 15. stoljeća)* (= Stari pisci hrvatski, 43), Zagreb.

NAZOR 1993

NAZOR A., "Tragom Parčićeva glagoljskoga Misala", *Zadarska smotra*, 3, 103–120.

NAZOR 2008

NAZOR A., *Knjiga o hrvatskoj glagoljici: "Ja slovo znajući govorim..."*, S. LIPOVČAN, Z. REBERNJAK (ur.), Zagreb.

PERGOŠIĆ 2003

PERGOŠIĆ I., *Decretum 1574: Hrvatski kajkavski editio princeps*, Z. BARTOLIĆ (ur.), Čakovec.

PZ 1468

Petrisov zbornik, глaг. рукопись.

PTIČAR 1991

PTIČAR A., "Školski jezični priručnik Uputjenje k' lipopisanju iz 1785. godine", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 17, 145–151.

PTIČAR 1993

PTIČAR A., "Početnica 'Knjižica slovoznanja' (1831) kao leksikografski poticaj", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 19, 273–287.

PTIČAR 1994

PTIČAR A., "Prvi slavonski pravopis", *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*, 20, 273–280.

PTIČAR 2004

PTIČAR A., "Prvi hrvatski računski priručnici", *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 30, 173–179.

PUTANEC 1977

PUTANEC V., "Podrijetlo nekih novijih jezičnih termina u hrvatskom književnom jeziku: rječnik, točka, pravopis", *Jezik*, 5, 141–149.

PUTANEC 1982

PUTANEC V., "Jezik 'Dekretuma' (1574) Ivana Pergošića", *Hrvatski dijalektološki zbornik*, 6, 269–277.

RAMOVŠ 1927

RAMOVŠ F., "Slovenački jezik", *Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka*, IV, Zagreb.

REŠETAR 1952

REŠETAR M., *Najstarija dubrovačka proza* (= Posebna izdanja SANU, 192, Odeljenje literature i jezika, 4), Beograd.

ŠAFAŘÍK 1865

ŠAFAŘÍK P. J., *Geschichte der illirischen und kroatischen Literatur*, Prag.

ŠOJAT 1988

ŠOJAT O., "Cithara octochorda i kajkavski spjev Planctus B. V. Mariae", *Planctus B. V. Mariae, seu passio secundum Joannem*, Forum 7–8, Zagreb, 42–60.

ŠPÖRER 1849

ŠPÖRER J. M., *Kastriota Škenderbeg: Tragedija u pet izvedah*, Zagreb.

VAJS VINJA 2011

VAJS VINJA N., "Još jedan rukopisni rječnik Ivana Tanzlinghera Zanolttija", *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 37/1, Zagreb, 199–260.

VITALJIĆ 1712

VITALJIĆ A., *Ostan Božje ljubavi*, Venecija.

VONČINA 1973

VONČINA J., "Jezični razvoj ozaljskog kruga", *Filologija*, 7, 203–237.

VONČINA 1977

VONČINA J., "Jezik ozaljskog kruga", u: *Analize starih hrvatskih pisaca*, Split, 191–204.

VONČINA 1988

VONČINA J., *Jezična baština, Lingvostiliistička hrestomatija hrvatske književnosti od kraja 15. do početka 19. stoljeća* (= Biblioteka znanstvenih djela, 20), Split.

VONČINA 1995

VONČINA J., "Odras dubrovačkog baroka u Kanižličevu jeziku", u: J. MATANOVIĆ (ur.), *Ključevi raja: hrvatski književni barok i slavonska književnost 18. stoljeća*, Zagreb, 303–309.

VONČINA 1997

VONČINA J., "Belostenčev hibridni jezik", *Suvremena lingvistika*, 23, sv.1/2, br. 43/44, 325–339.

VONČINA 1999

VONČINA J., *Tekstološka načela za pisanu baštinu hrvatskoga jezičnog izraza, Posebni prilog Stoljećima hrvatske književnosti*, Zagreb.

VRELA I PRINOSI 1996–1997

Vrela i prinosi 21. Radovi međunarodnog znanstvenog skupa "Isusovac Juraj Mulih (1694–1754) i njegovo doba", V. HORVAT (ur.), Zagreb, 1996–1997.

ZRINSKI, FRANKOPAN, VITEZOVIĆ 1976

ZRINSKI, P., FRANKOPAN F. K., VITEZOVIĆ R., P., *Izabrana djela*, J. VONČINA (ur.) (= Pet stoljeća hrvatske književnosti, 17), Zagreb.

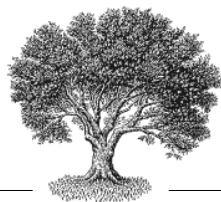
Dr. Amir Kapetanović

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje

Republike Austrije 16

HR-10000 Zagreb, Hrvatska

akapetan@ihjj.hr

Орфография и фонетика Юрия Крижанича

Juraj Križanić's Orthography and Phonetics

Михаил Владимирович Ослон

Институт славяноведения РАН, Москва

Mikhail V. Oslon

Institute for Slavic Studies of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow

Abstract

The article presents an attempt to reconstruct the phonetics (phonology) of the dialect spoken by Juraj Križanić, based on the various orthographic elements used in his texts.

Key words

Juraj Križanić, Serbocroatian language, Čakavian, a history of Serbocroatian

Тексты Юрия Крижанича,¹ основанные на его чакавско-кайкавском диалекте XVII в., активно привлекались для реконструкции праславянского ударения [Дыбо 1968], так как отражённая в них акцентная система показывает ряд весьма архаичных черт. Собственно просодические черты (тоны, тональные чередования) этого диалекта описаны в работе [OSLON 2012]. Однако сегментная фонетика его диалекта,

¹ "Исказание" [ГИ], "Объяснение" [ОВ], "Политика" [Пол.] (изданная часть). Цитаты в тексте этой статьи приводятся с отсылками к соответствующим сочинениям. Однако в таблицах примеры даются без отсылок, так как они призваны лишь иллюстрировать обоснованные в тексте положения и, как правило, представляют наиболее типичные написания, попадающиеся во многих местах. Впрочем, все они взяты из созданного нами автоматического конкорданса текстов Крижанича, который вскоре будет доступен всем желающим в Интернете (пока что для ознакомления с ним необходимо связаться с автором по электронной почте).

не раз подвергавшаяся изучению, до сих пор однозначно не восстановлена. Существующие работы о языке Крижанича [HRASTE 1963, HEANEY 1975, Пецо 1981, BORYŠ 1983, MOGUŠ 1986, TEŽAK 1990, VONČINA 1990] рассматривают различные общие вопросы — например, его диалектной принадлежности (не всегда удачно), но фонетика в них освещается лишь в общих чертах. Ниже даётся по возможности полное синхронное описание фонемного состава диалекта, реконструируемого по текстам Крижанича,² причём основное внимание уделяется ранее непростоянным моментам.

1. Фонетическое толкование орфографии

Несмотря на сложность и частичную взаимонесовместимость правописания разных текстов, большинство вопросов снимается при попытке единой реконструкции. Правописание Крижанича основано на фонетике его родного старохорватского³ говора. Однако, стремясь максимально обобщить фонетические особенности важных для него славянских диалектов, “повысить в ранге” одни особенности и “снять” другие, он прибегает к определённым искажениям, порой затемняющим картину (о грамматической полемике Крижанича см. [Запольская 2003: 102]). Поэтому может сложиться впечатление неоднородности, смешанности его фонетической системы. Но, опираясь, с одной стороны, на замечания самого Крижанича, а с другой, на особенности и распределение его написаний, можно прийти к реконструкции единой системы.

Собственно реконструкцией мы здесь называем возведение разных написаний к единому прототипу (условно принимаемому в качестве фонетической транскрипции). В случаях же, когда в различных написаниях одной и той же фонологической единицы нет разночтений, к реконструкции прибегать не нужно, так как тогда воссоздание произно-

---

² Настоящая статья не ставит перед собой цели отождествления говора Крижанича с какими-либо современными говорами в его родном регионе. Эта задача уже многократно решалась (ср. приведённый список работ). Здесь мы пытаемся провести строго внутреннюю реконструкцию, избегая соблазна предвзятого толкования фиксируемых его текстами фактов. Кажется, существующие работы на эту тему как раз этим и грешат. При подходе, принимаемом в настоящей работе, естественно, возникает риск принятия искусственных орфографических приёмов за фонетические черты живого говора Крижанича. Однако обратная ошибка ничем не менее опасна. Только систематический анализ орфографии как целостной системы, доселе толком не проведённый, позволит выявить все закономерности и, наоборот, нестыковки в принятых Крижаничем орфографических решениях, после чего уже можно будет говорить о разнодиалектных (или чисто книжных) элементах в его текстах. В противном случае такие заключения обречены на сугубую умозрительность.

³ Мы умышленно применяем слово “старохорватский”, имея в виду любой кайкавский или чакавский говор известной давности. Предки этих говоров в период раннего средневековья мы назвали бы “древнехорватскими”.

шения тривиально. В орфографии Крижанича выделяются несколько основных систем.⁴

Церковнославянское, “преводническо” написание. Его Крижанич применяет исключительно в цитатах из письменных церковных текстов, подлежащих исправлению. Используются лишние “непотрибни” буквы (ять, юсы и т.д.). Правописание часто непоследовательно и включает в разной степени элементы из других перечисленных здесь орфографических систем. Важно иметь в виду, что написанные в этой орфографии слова не обязательно соответствуют какому-либо произношению, так как чтение лишних букв относилось к разным традициям и сам Крижанич не всегда понимал, как их произносить. Эта система не отражает живой фонетики. Она напрямую не привлекается для нашей фонетической реконструкции, но иногда, вместе с комментариями Крижанича, может косвенно способствовать более глубокому пониманию его взглядов на славянскую фонетику в разных её вариантах.

Русское написание (в “Исказании” и реже в “Объяснении”) используется для примеров “русской отмины”, часто, но не всегда одобряемых Крижаничем. В большинстве случаев оно, видимо, отражает не столько народный русский язык, с которым Крижанич сталкивался, живя в России (который он называл скорее “белорусским”), сколько какое-то русское церковное произношение (т.е. русский церковнославянский язык), в котором, судя по всему, наряду с русским произношением преобладало неполногласие, оканье и другие церковнославянские элементы. Эта система не отличается последовательностью. Некоторые её особенности, возможно, частично связаны с произносительной спецификой говора тех, от кого он её воспринял.⁵ С другой стороны, она, возможно, отражает какие-то особенности русских церковных текстов. Из этой системы тоже можно извлечь кое-какие полезные сведения касательно фонетики родного старохорватского говора Крижанича.

Хорватское написание. Крижанич прибегает к нему, приводя примеры из своего родного диалекта. Эту систему, несмотря на её неполное единообразие, можно считать в большой степени фонетической. Она, с некоторыми оговорками, представляет собой транскрипцию описываемого в данной работе родного говора Крижанича. Именно на неё мы опираемся, восстанавливая его произношение, которое, несомненно, легло в основу “общей” системы.

⁴ Здесь важно выделить основные структурные, систематически разработанные Крижаничем орфографические системы, анализ которых может внести вклад в реконструкцию.

⁵ Имеется в виду, в частности, отказ от буквы ‘ы’, фонологическую оправданность которой он отрицает. При этом он последовательно применяет её в “белорусских” примерах.

Общее написание применяется самим Крижаничем в его текстах, в авторской речи. Эта система лишь косвенно отражает его произношение, так как создана им в качестве наддиалектного письменного языка для всех славян. Она выступает в нескольких вариантах, каждый из которых используется в соответствующем произведении. Несмотря на множество нестыковок и разночтений между отдельными вариантами, они отличаются относительным постоянством в пределах каждого отдельно взятого произведения и сводимы к единой системе. Кроме чисто фонетических искажений, здесь надо считаться с морфологическими приёмами, отдаляющими “общее” написание от родного говора Крижанича.

Кроме того, иногда Крижанич приводит примеры из других славянских диалектов (в “Исказании” и “Объяснении”), как то: польские (“лешска отмина”), почти всегда сопровождаемые резкой критикой, и сербские — для иллюстрации отличий “сербской отмины” (по-видимому, имеется в виду штокавское наречие) от “хорватской”.

Набор фонем и их качество устанавливается по “хорватским” примерам и замечаниям Крижанича. Больше всего ценных сведений содержится в “Объяснении”, где он описывает фонетику различных славянских диалектов.

2. Согласные

2.1. Фонемы *b, p, d, t, g, k, v, f, z, s, c, r, l, m, n* на письме отображаются тривиальным образом. Этим фонемам всегда соответствует по одной графеме (написанной, соответственно, кириллицей или латиницей). Другие тривиальные случаи, не требующие разъяснений, показаны в табл. 1.

Таблица 1

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
š	ш	на́ши	ш	на́ши	sz	nászi
ž	ж	мо́жет	ж	мо́жет	ž	mózet
č	ч	на́јна́че	ч	на́че	cz	pácie
ć	щ	хо́щеш	щ	хо́щеш	ć	chóćesz
x	х	херва́тѹ	х	херва́т	ch	cherwatí
l̥	ль	лю́бет	ль	лю́дем	ly	lyûdem
ŋ	нь	нье́је	нь	нье́е	ny	nyeeé

По поводу фонетической реализации /ć/ можно сказать следующее. Букву *щ* Крижанич “транскрибирует” по-разному для разных диалек-

тов, ср. слово *нѡцѣ*: “русские” говорят *нѡшч*, “сербы” *нѡть*, а “хорваты” *нѡчь* [ОВ: 44^о]. Правильным признается последнее произношение (в нашей транскрипции *с̣*). Из этого следует, что под “русским” вариантом подразумевается церковное произношение с твёрдым *ш[ч]* (а не со звуком, подобным современному рус. *ч*, ср. современное церковное *но[ш'ч]*), так как в составе “русского” *шч* выступает именно твердое *ч*. Кроме того, можно заключить, что известное Крижаничу штокавское произношение этого звука было мягче, чем его собственное, которое фонетически можно себе представить как [*с̣̣*].

2.2. На первый взгляд, единственными “фонематическими” кириллическими диграфами, отражающими фонемы восстанавливаемого произношения Крижанича, являются *ль* и *нь*, передающие соответственно /*л̣*/ и /*н̣*/.

Имеется, однако, одна трудность. В “Объяснении” перечисляются согласные одной из двух групп по классификации Крижанича (“шумници” и “тончици”): “*Ј тих Шѡмниц јест ѡсем: ж, ч, ш, щ, ъ, ль, нь, дь*” [ОВ: 6], а в “Исказании” сказано: “*Шѡмниц јест ѡсем: прѡсто пѣсани јесут, четѣри, Ж, Ч, Ш, Щ: а складенѣ зь јѣром четѣриже, Ль, Нь, Дь, Ть*” [ГИ: 10]. Отличие, как мы видим, в отсутствии во втором списке звука *ь* [*j*] и включение *ть*, притом что *дь* присутствует в обоих списках.

Непонятно, что означают в этом контексте диграфы *дь* и *ть*. Их произношение нигде специально не объясняется, и они, по замыслу Крижанича, видимо, не должны были войти в состав фонем описываемого им языка. Диграф *ть*, однако, применяется при передаче “сербского” произношения, ср. *нѡть*, что противопоставляется “хорватскому” *нѡчь*. Таким образом, *ть* и *чь* являются исключительно “фонетическими” знаками для передачи, в частности, иноязычного (инодиалектного) произношения. Точно так же используется и знак *джь*, для передачи польского произношения, ср. “*Лѣхи изрикајут [...] Прѣдѣжъ, Сјѣдѣжъ, [...] за Прѣдѣ, Сѣди*” [ГИ: 157]. Из того, что Крижанич здесь прибегает к *джь*, а не к *дь*, следует, по-видимому, заключить, что в польском звуке он слышит согласный, парный звуку *чь*, а не *ть*, а значит, это, скорее всего, что-то вроде [*ɟ̣*] (т.е. как в современном литературном польском, без “следзикования”). Значит, *дь* должно быть ещё мягче. С другой стороны, этот же (?) польский звук изображается и с помощью *дь*, ср.: “*Лѣхи, и нѣхъ смотрѣѣцъ Билорѣсѣани, ошумляјут на концѣ*» в таких примерах, как *мѣлость, жѣлость, Пѣдь*, и в середине слов: “*Велѣтъже премѣрко: Јмать Ведѣть, Вѣдьить: Јмутъ, Ведѣтъ, Вѣдѣтъ: Ёсть, Суть. Јвъ неокѡнчаном нѣчѣну: Јмѣтъ, Вѣсть, Вѣдьить, Хѣдьить: и сѣце во всѣхъ рѣчѣнахъ*” [ГИ: 158]. Итак, фонетическая реализация *дь* неизвестна.

Нет ни одного примера с диграфом *ть* вне чисто фонетической функции (т.е. такого примера, который можно было бы отнести к говору Кри-

жанича). В отличие от него, диграф *дѣ* попадает в нескольких случаях в “общем” правописание как вариант *дж*, ср. “*Вѣдженѣ или Вѣдѣнѣ*” и “*Сидженѣ и Сидѣнѣ*” (как имена действия к соответствующим глаголам), а также “*Вѣджена бѣша, или Вѣдѣна бѣша*” (вместо подлежащего исправлению “*Вѣдѣна бѣша*” из псалма) [ГИ: 109].⁶ Кроме того, Крижанич специально объясняет в разделе о чередовании, во что *д* переходит у разных славян: “*Хѣдѣнѣ: по Задунѣйску. | Хѣженѣ: по Рѣску. | Хѣжденѣ: по Превѣдническу | Хѣдженѣ: по Јсправльеньу*” [ОВ: 44]. Значит, здесь *дѣ* может, в принципе, передавать какой-то звук в диалекте Крижанича (но необязательно в его родном говоре), тем более что нестабильность его изображения в “общем” правописании (в отличие от *щ*) может указывать на его заимствованный характер.

Во всех остальных словах с сочетаниями букв *т* и *д* с мягким знаком Крижанич специально оговаривает, что они произносятся раздельно, не сливаясь в один звук, для обозначения чего он вводит разделительный знак, ср. *трѣтъи* [ОВ: 25], *жѣтъи* [ГИ: 36], *брѣтъи, господѣи* [ГИ: 37], *лѣдѣи* [ОВ: 14]. Такие сочетания мы восстанавливаем как *-tji*, *-dji*.⁷

Забота о раздельном (твёрдом) произношении букв *т* и *д* в сочетании с мягким знаком может свидетельствовать об одном из двух: или что Крижанич таким образом борется со однофонемным произношением данных сочетаний, свойственным другим диалектам (например, шток./*lađi*/, /*braći*/), но чуждым его говору, или что такое произношение встречается в его говоре, но в других словах.⁸ Из таких слов мы имеем только несколько примеров типа *вѣдѣнѣ, вѣдѣна, сидѣнѣ* (как уже было сказано, на *тъ* таких примеров нет). Возможно, что это лишь графический приём, к которому он прибег во избежание затемнения глагольной основы (т.е. чтобы не писать **vijenje*). Как бы то ни было, нет оснований реконструировать особую фонему, обозначаемую в этих немногочисленных примерах диграфом *дѣ* (который, кажется, всё-таки не отражает звук, подобный /*đ*/, услышанный Крижаничем от поляков).

⁶ Кроме того, есть еще два примера, ср. “*А ова наслидѣуша јесу кмѣтска [...] стѣдѣ чѣдѣ*” [ГИ: 44]. Эти слова явно русские (как и другие в этом списке), так что мягкий знак здесь играет чисто орфографическую роль, в отличие от примера *лѣдѣ * /lađi/*, что “*претвѣрдо бо би бѣло изреѣ*” вместо “общего” *лѣдѣ* и “хорватского” *лѣдаѣ* (от *lǎdja*) [там же].

⁷ Если это не морфологическое искажение ради сохранения единого вида основы или чисто книжный приём.

⁸ Амир Капетанович [письменное сообщение] указывает, что “хотя условия были созданы для реализации этой послепраславянской йотации во многих хорватских говорах в XI–XIV вв., в этих позициях *дѣ* (*d+j*) и *тъ* (*t+j*) не сливаются в одну фонему во многих литературных текстах до XVII–XVIII вв.” В нашей внутренней реконструкции это соображение может рассматриваться лишь как одна из возможностей.

Дело ещё осложняется тем, что Крижанич специально перечисляет согласные, “*съ ко́ими се мо́жет ъ, въ шу́мен гла́с сли́жат*” [ОВ: 14°], и, как ни странно, это не только *л, н, т, д*, но ещё и *з, с, ч, щ*. Скорее всего это говорит о том, что в его говоре (или близких ему говорах) перед */i/* после этих согласных мог выпадать */j/*, против чего он предостерегает с помощью разделительного знака, ср. *облѣчѣи* [ГИ: 37], *овѣщѣи* [ГИ: 150], *нѣсѣи* [ГИ: 68]. Этот же разделительный знак он рекомендует писать перед *и* и после остальных согласных, “*съ коими се ъ, ъ, несліваєт въ шу́мен гла́с [...] ради слѣчності; једна́кѣсти*” [ОВ: 14°], ср. *обѣид* [ГИ: 42], *бѣжѣи*, *дѣвѣи* [ГИ: 47] и др. Он не нужен перед другими гласными, так как тогда пишется буква *ј*, ср. *лѣдја* (см. далее).

2.3. Фонема */j/ < *j* передаётся разнообразно. Различия между написаниями — позиционные. В “общем” правописании она выглядит так (см. табл. 2). Не вдаваясь в подробности по поводу разнообразных приёмов для передачи */j/*, используемых в разных текстах, имеет смысл обратить внимание на разные положения букв *ј* и *ь*. В “Исказании” буква *ь* пишется на конце слов и перед *и*, но не перед другими гласными. Это наводит на мысль, что, возможно, так Крижанич изображал какие-то позиционные варианты или подстраивался под русское произношение (ср. в русском *мо[já]*, но *мо[ú]*, а также *[ju]x* при более частом *[u]x*). В “Объяснении” же в некоторых сочетаниях пишутся две гласные подряд, ср. *ко́ее*, что сам Крижанич объясняет: “*понъеже на Рѹси нѣшем*” [ОВ: 17°].

Таблица 2

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>j < *j</i>	<i>ј</i>	<i>јајци</i>	<i>ј</i>	<i>јајцѣ</i>	<i>i</i>	<i>iâica</i>
		<i>лѣстје</i>		<i>лѣстје</i>		<i>lîstie</i>
		<i>моја</i>	-	<i>ко́ее</i>	-	<i>ко́ее</i>
		<i>ко́јеје</i>		<i>ко́им</i>	<i>у</i>	<i>ко́yim</i>
	<i>ь</i>	<i>ко́ым</i>				
		<i>мо́ь</i>	<i>ь</i>	<i>вѣ́ликоь</i>		<i>то́у</i>
		<i>ру́скиь</i>		<i>ру́скиь</i>		<i>rúskiy</i>
		<i>ьѣ́ствина</i>		<i>ьѣ́ствина</i>		<i>yidêniu</i>

2.4. Эта же фонема */j/ < *dj* реконструируется только на основании нескольких “хорватских” примеров, ср. в “Исказании”: *ту́ь*, *туьѣ́на*,

ьѣь (императив от ѣисти), меју (предлог),⁹ ерја и ерјаѣв, заерјаѣвил [ГИ: 141], и в “Объяснении” (в скобках приводим данное тут же “общее” написание): *Глѣом (Глѣдшеју*¹⁰), *Прѣом (Прѣжеју)*, *Туѣом (Чужеју*¹⁰) [ОВ: 16]. Буквой ѣ в последних примерах Крижанич обозначает особое происхождение этого звука: в примерах с $j < *j$ в том же контексте пишется j , ср. *змѣјом*.¹¹

Он приводит слово *госпѣжа* [ГИ: 26] с явно русским рефлексом, но тут же даёт стяженную его форму *госпѣ*, которая могла возникнуть только из формы с $-j$, что косвенно подтверждает первичность именно такого рефлекса.

В “общем” же правописании последовательно применяются другие рефлексy $*dj$ (см. табл. 3). Тут наблюдаются колебания, что естественно при умышленном искажении фонетики собственно говора. Так, один раз приводится *рѣдѣжъ* [ГИ: 64] при однократном же *рѣдѣж* [ГИ: 47] (в говоре Крижанича должно было бы быть $*rij$). Ясно, что фонема $[d\tilde{z}]$ или $[d]$ для говора Крижанича не восстанавливается, хотя слова, заимствованные из других языков, он должен был, несомненно, произносить именно с ней.

Таблица 3

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
$j < *dj$	<i>ж</i>	<i>ержа*</i>	<i>ж</i>	<i>разсѣуженје</i>	<i>ž</i>	<i>razsužènia</i>
	<i>жд</i>	<i>разсуждѣнје</i>				
	<i>дж</i>	<i>уроджѣнју</i> <i>зѣджем</i>			<i>dž</i>	<i>zîdžut**</i>

* Только в этом и однокоренных словах, ср. *ерјаѣвим* [ГИ: 255].

** В «Политике» такая передача только в формах этого слова.

2.5. Имеются два особых двухфонемных сочетания (см. табл. 4).

Сочетание $/\check{s}c/ < *skj, *stj$, которое он транскрибирует как *шчъ* [ОВ: 45°], очевидно, было таким же, как в современных “шчакавских”

⁹ Ср. объяснение Крижанича: “Мед, или Медѣу, или Медѣжу, или Меју: не Между. Рѣски: Меж, Межу, Промеж, Промежу. Прѣст и коренѣчньи предѣлѣжок жѣст Мед: кѣи, Мед лѣудмѣ, Мед нѣми, Мед нѣми. Сѣце говорѣт Хервати. А от ѣмѣна Медѣжѣ, велѣм Медѣжу” [ГИ: 199]. Отсюда следует, что Крижанич (1) не одобряет рефлекса $[žd]$. (2) различает разные южнославянские рефлексy: $[d\tilde{z}]$ (дж), $[d]$ (дѣж) и что-то вроде $[d']$ (дѣ) и (3) предпочитает *дж* для “общей” орфографии (так во всѣм “Исказании”).

¹⁰ С морфологическим искажением.

¹¹ А. Пецо приводит “*На јѣрјев дѣн*” из “Исказания” [Пецо 1981: 161] как иллюстрацию перехода $*dj$ в j . Этот пример ненадёжен, так как может быть русским, а не хорватским (при шток. *Бурђевдан*)

диалектах. Диграф *šč* в “Политике”, видимо, введён с целью экономии знаков (чтобы не писать *šč*).¹²

Таблица 4

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>šč</i>	<i>шщ</i>	<i>шщѣдриѣ напушщѣнѣ</i>	<i>шщ</i>	<i>шщѣдриѣ напушщѣнѣ</i>	<i>šč</i>	<i>ščédro nedopusčaiut</i>
<i>ž [-ʔ]</i>	<i>ждѣ</i>	<i>дѣждѣ дождѣѣм</i>			<i>ždžy</i>	<i>doždžyú</i>
	<i>жджѣ</i>	<i>дожджѣѣт надѣжджѣам дрѣжджѣи брижджѣѣм</i>				
	<i>зджѣ</i>	<i>бризджѣѣм</i>				
	<i>здж</i>	<i>[бри]зджем набрѣзджам отјѣзджам</i>			<i>zdž</i>	<i>prijezdžáli</i>

Что касается второго сочетания (видимо, с первой частью *ž-*, но в любом случае из **zgj, *zdj*), то здесь возникают большие трудности. В “Исказании” Крижанич пишет *дѣждѣ*, и неясно, что передаётся сочетанием *ждѣ* (чью вторую часть мы рассмотрели выше и не пришли к определённым выводам). Сочетание *ждѣ* встречается в единичных случаях, и к тому же только в этом слове и его производных (*дождѣѣм*, но ср. также *дожджѣѣт*). В “Политике” в этом слове фигурирует исключительно *ždžy*, ср. *doždžyú*, что может как-то соотноситься с русским произношением, но в отличие от парного глухого сочетания, которое мы для “русского” восстановили как твёрдое [*шч*], здесь скорее всего отражается мягкое [*ж’дж’*]¹³

Сочетание *жджѣ* легче поддаётся интерпретации, если считать, что мы знаем, что передаёт *джѣ* (/d/в “лешском” *прѣджѣ*). Тем самым, это что-то вроде /žd/. Проблема в том, что в нашей реконструкции

¹² Впрочем, и в “Исказании” имеются написания через *шц*, ср. “*јскаѣм, јскаѣ: јсцем, јсциѣ*» [ГИ: 92] (иллюстрация чередования). Тут, однако, нет сомнений, что буква с оставлена в чередовании либо по невниманию, либо для наглядности.

¹³ Ср. замечание Крижанича: “*Пѣздѣн, Позднѣиѣ, -нѣѣ, нѣ поздѣи, пѣздѣѣ*” [ГИ: 64], в котором он, очевидно, имеет в виду рус. *позже*. Впрочем, это может как раз означать, что в рус. *позже* согласные твёрдые, так как в написании Крижанича нет мягкого знака, но ввиду большой непоследовательности в его передаче этих звуков не стоит полагаться на такие детали.

нет отдельной фонемы / $\dot{d}$ /. Сочетание *здж* (с мягким знаком или без), по-видимому, является вариантом предыдущих, ср. *брижджъйм*, *бризджъйм* и [*бри*]зджем.

Конечно, можно себе представить язык, в котором какой-либо звук (в данном случае / $\dot{d}$ /) не выступает нигде, кроме конкретного контекста (здесь после *ж*), или что некоторое сочетание двух звуков нечленимо на отдельные фонемы, а предстаёт как одно целое.¹⁴

Непонятно, как трактовать сочетание *дж* в примере: “*жѣдѣти: и Жѣдѣм, жѣдѣти*” [ГИ: 96]. Возможно, здесь то же, что в примерах типа *видъенѣ* (см. выше).

2.6. Итак, восстанавливается следующая система согласных (табл. 5).

Таблица 5

	взрыв- ные	фрика- тивные	аффри- каты	плавные		носо- вые
губные	<i>b</i>					<i>m</i>
	<i>p</i>					
губно-зубные		<i>v</i>				
		<i>f</i>				
зубные	<i>d</i>	<i>z</i>		<i>r</i>	<i>l</i>	<i>n</i>
	<i>t</i>	<i>s</i>	<i>c</i>			
альвеолярные		<i>š</i>	<i>č</i>			
		<i>ž</i>	[ʔ]			
нёбные		<i>j</i>	<i>ć</i>		<i>ʎ</i>	<i>ŋ</i>
задненёбные	<i>g</i>					
	<i>k</i>	<i>h</i>				

3. Гласные

3.1. Система гласных восстанавливается довольно однозначно (см. табл. 6). Для каждого из пяти гласных мы даём по четыре примера: долгий ударный, долгий безударный, краткий ударный и краткий безударный. Безударными мы здесь называем гласные в формах, в которых знак ударения (^, `) стоит на иной гласной (о возможном наличии в системе редуцированного см. ниже).

¹⁴ Собственно, таков русский язык (в устаревшей его норме). Именно “фонема” /ж’дж’/ (теперь мало у кого из носителей) выступает только в одном сочетании, ср. *дожди*, *дрожжи*, *езжай* [ж’дж’] (если не считать позиционно озвончённого /ч/ = [ч’] > [дж’]).

Таблица 6

/i/:	ĩ	дѹм	ĩ	дрѹво	/u/:	ũ	дрѹго	ũ	дѹх
	i	мáлим	ī	пĩсцѹ		u	рáзуму	ū	ѹзѹр
/e/:	ě	нѣбо	ě	свѣт	/o/:	ð	ѳно	ð	бѳг
	e	превѳд	ē	глѣдѹ		o	ѳнá	ō	твѳрѹ

рода с беглым гласным (в именительном падеже) может стоять только краткий /а/¹⁶.

Действительно, большинство “хорватских” примеров с проясненными ерами выступают именно с буквой а:

им.ед. (в корне): *огань, лăкат, нăхат, лапăт, папăр, сăн* (род. *снă*),
нăрав;¹⁷

им.ед. (в суффиксе¹⁸): *врăбац, јездăц, отăц, јăрак, сѣчан, лѣубав*;
твор. и мест. мн.: *ночăм, мăтерам, щерăм, ночăх, мăтерах, щерăх*;
род. мн.: *зăнак, мѣрак, служăб, лăдаъ, устан, петăль, брѣтав, сестăр*;

глаголы: *јесăм, сăм, мăнем (мнѣм), тăрем (трѣм), јăти, јăмиши,*

лăжем, тăкнем, гăнем, сăхнем, дăхнем, сасăти;

местоимения: *сăъ, тăъ, чă*;

предлоги/приставки: *вазѣм*.¹⁹

При этом есть как минимум одна морфологическая позиция, где вместо ожидаемого а представлено только е: это атематическое /-причастие со вставным ером, ср. *рѣкел, нѣсел, сѣкел*. Здесь можно заметить следующее.

В “русских” примерах типа “*Русјани велѣт: Ја рѣкел, ти рѣкел*” [ГИ: 169] скорее всего отображается русская церковная форма *рекль*²⁰ (а не *рекъ* с потерей -л), которая в произношении русских должна была звучать для Крижанича как [rĕkəl] (как и нынешнее рус.ц.-слав. [r’ĕkъл]). Точно так же Крижанич пишет хорватскую форму *рѣкел* (и никак иначе), из чего можно сделать вывод, что конечное -ел в подобных формах обозначает фонологически слоговое /l/ с призвуком типа [ə], как в русском.²¹ Важно, что тут же он приводит “сербское” произношение: “*Хервѣтѣ бо велѣт; Рѣкел сем, рѣкел си [...]* Сѣрбљани тѣж: *Рѣкао сам, рѣкао си*” [ГИ: 169], где налицо другая передача гласного, восходящего к вставному еру. Кроме того, в “лешских” примерах Крижанич пишет “*твѣрдо и неизрѣчно, Грѣбл [...]* *Тѣкл, Рѣкл*” [ГИ: 105], откуда следует, что его произношение,

¹⁶ Ср. “*нѣ въ јноу, неже въ Хервѣтскоу језѣчноу отмиѣ, мѡжетсе подѣт прѣвило. Произвѡдни бо прѣгиби јесут равнѡскладни со јменникомъ, гдикѡли (:по Хервѣтскоу отмиѣ): въ послѣднемъ складу јменниковомъ, стоѣтъ гласниѣ А, не прѡтѣжняна висѡкимъ влѡкомъ: кѣ, Вѣтал, Пѣвал, бѣбанъ, оганъ, врѣбац, отăц, остăн: Вѣтла, Пѣвла, бѣбнѣа, огнѣа, врѣбца, отцѣ, остнѣ. Сѣце, ованъ, овнѣа: лапăт, лаптѣа: папăр, папрѣа: сăн, снѣ*” [ГИ: 17].

¹⁷ Здесь вставной ер, как в совр. *лăгав*.

¹⁸ Мы называем это суффиксом условно.

¹⁹ Второй гласный тоже из ера, ср. совр. *văzat*.

²⁰ Если верно наше предположение о фонетичности этого (“русского”) правописания.

²¹ Таким образом, выбранное Крижаничем для авторской речи написание *рѣкел* вовсе не обязательно говорит о кайкавском влиянии.

как “хорватское”, так и “русское” отличалось наличием призвука, причём, видимо, не [a], как в штокавском, иначе бы он не стал писать *a* в “сербских” примерах. Из этого может следовать, что буква *e* могла передавать фонетически редуцированный гласный [ə].

Возможно, есть ещё одна такая позиция: “*А Хервѣти би рѣкли на ЕЦ: Песковец, Крѣковец, Кѣжевец, Дубовѣц*” [ГИ: 59]. Неясно, что здесь имеется в виду: фонетический облик суффикса или чисто морфологический (т. е. в “общей” орфографии).

Что касается вокализации слогового *l*, у Крижанича имеется один случай, где в этой позиции выступает *o*: глагол *прибнем, прибньам* [ГИ: 223], по-видимому, из **priŋl-* < **priľn-*. Вероятно, это заимствование из штокавского.

В некоторых случаях Крижанич как будто колеблется между *a* и *e*. Исправляя неправильные формы (ср. “*ино претвѣрдо и неизпрѣвно се пѣшет и говорит*” [ОВ: 46]), он вместо формы *мглà* даёт *меглà* и *маглà* [там же]. Это, очевидно, происходит, когда в русском слове нет гласного и Крижанич в виде исключения приводит сербохорватскую форму спряснившимся ером в виде /a/. Однако при “неисправном” *мздà* даётся только *мездà*, как и при многих других [ОВ: 47], ср. ещё (при наличии гласного в русском) *хербàт, хербѣт*, при “русской” форме *хорбѣт*, где он как будто колеблется. Слово ‘мох’, где в русском (в именительном падеже) имеется гласная, он приводит в обоих вариантах: *мòх* и *мѣх*, но в косвенном падеже только *мѣха* (вместо нежелательного *мху*).

Глагол-связка первого лица (со вставным ером) приводится так: “*Јѣсм ска́зано: прѣво Јесѣм. Херватскѣ Јесàм, Сàм*” [ГИ: 90]. Причём эта форма *сам* больше нигде не встречается, кроме “сербского” примера *рѣкао сам* [ГИ: 169]. Во всех остальных случаях (в том числе в “хорватских” примерах) она выступает исключительно как *сем*. По-видимому, немаловажно, что форма *сем* всегда безударна. Может быть, и тут есть какая-то редукция, благодаря которой Крижанич склоняется к такому написанию. Тогда, возможно, здесь буква *e* выступает в той же функции, что и в примерах типа *рѣкел* (т. е. [ə]).

Впрочем, часто, если приводятся “хорватские” или “сербские” формы, даже ударный спряснившийся сверхкраткий в них выглядит как русский, ср. “*Сѣрбско, момòк*” [ГИ: 39]; так же в глагольных формах (ср. причастие, реконструируемое нами как *žmšī* < **žьmъšī*): “*Жмѣм, Жмѹ: Жѣх [...] Жѣмши, Жѣт, Жѣтје*” [ГИ: 99].

Однако там, где Крижаничу не удаётся уловить этимологической связи между разными рефлексамися еров (которые к тому же легко путаются с рефлексамися прасл. *ѣ), в “хорватских” примерах он пишет *a*, ср. “*Херв. ЈАМЕМ, Јàму, Јѣх, Јехи, Јамѹ, Јѣти, Јѣт, Јѣл, Јàмши, Јѣт, Јѣтје*” [ГИ: 99]

при “русском”: “*Рѹски. Ёму: Jâx, Jâхи, Јмѹ, Jâти, Jât, Jâl, Jêмши, Jât, Jâtje*” [там же]. То же происходит в случаях, когда в русском соответствующий ер не проясняется, ср: “*Тáрем, Трèм*”, “*Мáнем, мнèм, Мнѹ*» [ГИ: 101]. Рефлекс /а/ изредка появляется и в других словах, ср. *dâski, dasôk* [Пол.: 54, 56, 57 и др.] (только так).

В “общем” правописании Крижанич разнообразно передаёт прояснённый ер, в зависимости от русских соответствий (см. табл. 7).

Таблица 7

	= рус.	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
а = /а/?	о	о	лѡж почѣток лъубѡв лукѡнце во торгѡвец	о	почя́ток во тергѡвец	о	lôž poczatók lyubów lukônce wo torgówec
	е	е	сестѣр лáдеь вѣрен отѣц	е	сѣстер отѣц	е	sestêr lâdey wéren otéc
	Ø	о	цáрстов брѹтов то́кнем***	о	цáрстов	о	cârstow brítow toknútese služôb
		е	служѣб тѣкнем* Пескѡв меглá	е		е	
					Пескѡв		Pesków
		ѡ	вѡ	ѡ	вѡ		
а = [а]?	[а]?	е	рѣкел	е	рѣкел	е	rékel

* Тут же приводится *тáкнем*, а в другом месте ещё и *ткнѣм*, что иллюстрирует колебания Крижанича в случае отсутствия гласного в русском.

Таким образом, не прибегая ко внешней реконструкции, мы можем лишь догадываться, как произносились гласные, восходящие к ерам, в примерах, данных только в “общей” орфографии. Так, например, у нас нет ни одного “хорватского” примера прилагательных с суффиксом *-ьн-. Поэтому в таких случаях мы условно восстанавливаем а. Но там,

где в примерах чередуются *a* и *e* или фигурирует только *a*, мы знаем, что это был звук *a* (т. е. *jātšī* на основании *jāmši*, но *tānši*, так как имеется только *mēnši*²²).

3.4. Отдельно стоит вопрос о сочетаниях, восходящих к праславянским сочетаниям еров с плавными (соответствующих слоговому *r* и *u* < *l* в штокавском и большинстве современных чакавских диалектов).

О слоговом *r* (в том числе в начале слова) Крижанич, пишет, что, в отличие от других славян, “хорваты” в этих случаях пишут²³ *er*, и даёт примеры, ср. *ервѣм*, *ерја*, *бѣрв*, *бѣрдо*, *бѣрз*, *вѣрба*, *кѣрв*, *тѣрнје* и др. Впрочем, “*Хервѣтѹ љнда изрикајут, зѣ гласнѣјеу А: кѣт Бѣрдо, Дарвѣ, Тѣрнје, и остѣлна: љнда без гласнѣици: кѣт, Бѣрдо, Дрвѣ, Тѣрнје: и всѣ добрѣ спадѣјет*” [ГИ: 142]. Вот как это выглядит в “общем” правописании (см. табл. 8).

Таблица 8

	= рус.	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>er</i>	- <i>er</i> -	<i>er</i>	<i>смѣрт</i>	<i>er</i>	<i>смѣрт</i>	<i>er</i>	<i>smért</i>
	- <i>or</i> -	<i>or</i>	<i>гѣрст</i>			<i>or</i>	<i>gôrst</i>
		<i>er</i>	<i>хервѣтѹ</i>	<i>ar</i>	<i>харвѣтѹ</i>	<i>er</i>	<i>cherwatí</i>
	- <i>re</i> -	<i>er</i>	<i>хербѣт</i>			<i>er</i>	<i>cherbtí</i>
						<i>re</i>	<i>chrebét</i>
	- <i>ro</i> -	<i>or</i>	<i>кѣрв</i>	<i>or</i>	<i>кѣрв</i>	<i>or</i>	<i>kôrw</i>
	<i>p</i> -	<i>p</i>	<i>рвѣм</i>			<i>r</i>	<i>rwát</i>

Как мы видим, Крижанич в целом передаёт русское произношение, но не допускает, чтобы гласный был после плавного, ср. *кѣрв*. В таких случаях он заимствует русский гласный, но ставит его перед плавным (в “Политике” для рус. -*re*- этот принцип иногда нарушается). Любопытно, что единственное слово (корень), для которого он отказывается принять русское произношение, — это ‘хорват’. Из этого следует, что качество призвукa Крижаничу было не безразлично, а значит, призвук в его произношении был. Смириться с русским произношением *хорват* он явно не мог и, видимо, поэтому в “Объяснении” принял “компромиссное” написание *харвѣт* [ОВ: 47]. При этом в таблице, где даются рефлексy этого сочетания в разных языках [там же], Крижанич пишет в столбцах “русом”, “лехом” и “сербом” именно *харват*, хотя в “Исказа-

²² Впрочем, мы не уверены, что в этой форме нельзя восстановить *e*, т. е. *mēnši*.

²³ Важно, что именно “пишут”. О произношении тут ничего не сказано (но сказано дальше).

нии” “русская” форма приводится как *хорвѣт*, так что неясно, лукавит ли он в “Объяснении” или изображает русское аканье. Ещё один важный довод в пользу наличия чёткого призвука состоит в том, что именно над ним ставится знак долготы, ср. *гѣрдост*, *гѣрдост*, *дѣржѣ* [ГИ: 107]. Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *ər*.

3.5. Со “слоговым” *l* положение проще. Крижанич приводит слова *болгáрин*, *болхà*, *вѣлк*, *вѣлна*, *мѣлньа*, *ползѣм*, *пѣлт*, *сѣлза* [ОВ: 48] и др. и объясняет, что хорваты их “*двојѣко изрикајут*” и даёт как вариант ещё *бугáрин*, *бухà*, *бѣк*, *вѣна*, *мѣньа*, *пузѣм*, *пѣт*, *сѣза* [ОВ: 48°]. В “общем” правописании он везде пишет *ол* (см. табл. 9).

Таблица 9

	= рус.	“Исказание” и “Объяснение”		“Политика”	
<i>əl</i>	-ол-	<i>ол</i>	<i>вѣлк</i>	<i>ol</i>	<i>wólk</i>
	-ле-		<i>сѣлза</i>		<i>sólza</i>
	-ло-		<i>пѣлт</i>		<i>pólten</i>

Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *əl*.

Сочетания с обоими плавными просодически ведут себя как обычные гласные (см. табл. 10).

Таблица 10

<i>/ər/ = [ər]?:</i>				<i>/əl/ = [ol] и [ul]?:</i>			
<i>ə̀r</i>	<i>сѣрбин</i>	<i>ə̀r</i>	<i>кѣрв</i>	<i>ə̀l</i>	<i>вѣлна</i>	<i>ə̀l</i>	<i>стѣлп</i>
<i>ər</i>	<i>хервѣт</i>	<i>ər</i>	<i>дѣржѣ</i>	<i>əl</i>	<i>болгáрин</i>	<i>əl</i>	<i>кѣлнѣтсе</i>

3.6. Отдельную трудность представляет толкование материала Крижанича на предмет отнесения его к одному из двух основных типов чакавских диалектов: икавского и икавско-экавского. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, — это что отсутствует особая фонема *ять*. Сам Крижанич объясняет: “*А Хервѣтѣ [...] въ мѣсто Ъ, изрикајут И, или Е. Тѣло, Сѣно, Вѣра: велѣт Тѣло, Сѣно, Вѣра*” [ГИ: 156]. Скорее всего, родной говор Крижанича — икавско-экавский, но о распределении рефлексов *ять* он ничего не сообщает. В “общем” правописании он прибегает к нескольким способам их изображения (см. табл. 11).

В “Объяснении” выступает почти исключительно буква *Ѣ*. Тут Крижанич руководствуется этимологическим принципом, хотя встречаются отдельные случаи колебания, ср. *срѣдѣнѣ* [ОВ: 9°] и *средѣнах* [ОВ: 14] (это

может означать, что в данном слове более “естественным” для Крижанича был рефлекс [e], который он употребил, забыв произвести “пересчёт”).

В “Политике” встречаются по крайней мере четыре написания: *i*, *e*, *ie*, *je*. Например, *wreme* встречается почти исключительно в экавском виде, правда, при *wrímena* (один раз) и *wrémena* (много). Распределение здесь непоследовательно. Следует, конечно, учитывать значительно большее русское влияние на язык “Политики” в сравнении с грамматическими текстами.

“Исказание” на первый взгляд довольно последовательно проводит икавицу. Встречаются примеры типа *врѣмена* (им. мн., один раз) при *врѣмена* (много раз), *средѹнах* при *сридѹнах* (в “Объяснении” в последнем слове имеются колебания в употреблении ятя). Ряд слов пишется только с *e*: *pojѣm*, *nѣx*, *nѣти*, *nѣл*, *nѣнје* [ГИ: 98] (если это не заимствования) и т. д. с одним рефлексом, но тут же *pѣсен* и *nѣсен*, однако только *сѣно* (как “хорватский” пример), *вѣнец*, *венчѣм*.²⁴ Кое-где приводятся примеры с разной трактовкой ятя для иллюстрации наличия обоих рефлексов у “хорват”, ср.: “Херв: *На сридѹ. По средѹ, По сридѹ*» [ГИ: 125].

По-видимому, наиболее последовательно распределение в авторском тексте “Исказания”. Установить его природу, однако, вряд ли возможно.

Таблица 11

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>e, i < *ě</i>	<i>e</i>	<i>средѹнах</i> <i>nѣти</i> <i>вѣра</i>	<i>e</i>	<i>средѹнах</i> <i>вѣри</i>	<i>e</i>	<i>sredíne</i> <i>pésen</i>
	<i>и</i>	<i>сридѹнах</i> <i>nѣсен</i> <i>врѣмѣ</i> <i>свѣт</i>	<i>ѣ</i>	<i>срѣдѹнѣ</i> <i>nѣсен</i> <i>врѣменѣ</i> <i>свѣт</i>	<i>ie</i> <i>i</i> <i>je</i>	<i>télo</i> <i>liepá</i> <i>tílo</i> <i>wrímena</i> <i>swjêta</i>

²⁴ Из немногочисленных примеров разной трактовки ятя, приводимых Крижаничем, М. Могуш делает вывод, что Крижанич описывает не один говор, а “ovakve formulacije govore o više lingvističkih sistema jer se u jednome ne može istodobno realizirati i *tilo* i *telo*, odnosno i *pri brati* i *pri brate*. Ali kad se razmotre primjere «hervatske otmine» s refleksom *ě*, vidi se da — pored mnogih ikavskih primjera koji su obični u ikavskim i u ikavsko-ekavskim govorima — nalazimo čakavske reflekse samo u onim primjerima koji su u skladu s pravilom Meyer-Jakubinskoga” [MOGUŠ 1986: 225], с двумя исключениями: *seno* и *dlito*. И далее: “То значи да се ипак ради о опису tekstova ikavsko-ekavskih čakavaca i ostalih ikavaca”, т. е. Могуш считает, что Крижанич описывает языковое состояние, отраженное в тогдашних письменных текстах, а не устные народные говоры (хотя нам его логика не вполне ясна).

По-разному передаётся и/е/, восходящее к *ę. Крижанич объясняет, что его “*Задунâјци изговâрајут прôсто Е [...] Свѣтиъ, Пѣт, Дѣвет*” [ОВ: 19]. Тем не менее, в “общем” правописании он передаётся по-разному²⁵ (см. табл. 12).

Таблица 12

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>e < *ę</i>	<i>e</i>	<i>tѣжко</i>	<i>я</i>	<i>изтяжâнја</i>	<i>e</i>	<i>těžki</i>
		<i>језѹк</i>		<i>јязѹк</i>	<i>a</i>	<i>iazík</i>
		<i>почѣток</i>		<i>почя́ток</i>	<i>ia</i>	<i>poczatók</i>
		<i>держѣт</i>				<i>deržiât</i>

3.7. В итоге система гласных предстаёт в следующем виде (табл. 13).

Таблица 13

<i>i ī</i>		<i>u ū</i>
<i>e ē</i>	[ə ə]	<i>o ō</i>
	<i>a ā</i>	

²⁵ М. Могуш пишет, что, помимо примеров с ожидаемым переходом *ę > e* (например, *govedina, knez, meso, sveti, deset, pleme* и т. д.), “*Križanić navodi također primjere jaziki, zajac, načalo, začalo s čakavskim prijelazom je-, če- > ja, ča, ali ne že > ža jer ima žetva*” [MOGUŠ 1986: 225], из чего делается вывод, что такие переходы были свойственны описываемому диалекту. Увы, ни один из последних примеров нельзя считать надёжным, так как у Крижанича пример *јазѹки* приводится под указанием “*Всѣ попра́ви сѹце*”, т. е. в качестве неправильного употребления (или написания): “*Поразѹл јазѹки (:или паче, нѣрôди, или нарôде:) вно́гије*” [ГИ: 21], которое он тут же и исправляет. Во всех остальных случаях Крижанич пишет исключительно *језѹки, језѹкех* и т. д. Слово *zajac* в его текстах вообще, видимо, отсутствует (!). Что касается *načalo, začalo*, то они действительно встречаются несколько раз, но, как правило, в контекстах вроде: “*Злô пак се творѣт Дијâнна на ЛО [...] кѹ, Зачâло, Начâло, Порѣкло. Реѹй, Почѣток, Зачѣтје, Начѣтѣ*” [ГИ: 58], из чего опять-таки следует, что эти формы с -*ča-* он считает неправильными. Ещё пример: “*Почѣток, Зачѣло, Зачѣток. Рѹски, Почâток, Зачâток, Зачâло*” [ГИ: 101]. По-видимому, нет оснований соглашаться с Могушем, что в говоре Крижанича был переход **је, *сѣ* в *ја, са*.

4. Заключение

Наш анализ, несомненно, во многом повторяет предыдущие исследования. Хочется надеяться, что, опираясь на большее количество материала, мы сумели пролить свет на некоторые неучтённые детали. При этом, однако, остаётся не вполне ясным отражение у Крижанича прояснённых редуцированных, а также качество призвуков перед слоговыми сонантами.

Литература

ДЫБО 1968

ДЫБО В. А., "Акцентология и словообразование в славянском", в: *Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации*, Москва, 148–224

ЗАПОЛЬСКАЯ 2003

ЗАПОЛЬСКАЯ Н. Н., "Общий" славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии, Москва.

ОСЛОН 2011

ОСЛОН М. В., "Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа»", в: E. STADNIK-HOLZER (Hrsg.), *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology*, IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008), *Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage*, I, Frankfurt am Main, 99–131

ПЕЦО 1981

ПЕЦО А., "Крижанићеви погледи на српскохрватски језик и његове дијалекте", *Јужнословенски филолог*, XXXVII, 151–177

BORYŚ 1983

BORYŚ W., "Juraj Križanić i język chorwacki", *Pamiętnik Słowiański*, XXXIII, 49.

HEANEY 1975

HEANEY M., "The sources of early Križanica", *Oxford Slavonic Papers*, VII, 101–136

HRASTE 1963

HRASTE M., "Prinosi poznavanju hrvatskosrpskoga jezika J. Križanića", *Radovi zavoda za slavensku filologiju*, 5, 25–34

MOGUŠ 1986

MOGUŠ M., "Križanićeви fonološke napomene o «hervatskoj otmini»", *Filologija*, 14, 223–231

OSLON 2012

OSLON M., "Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt", *Slověne*, 2 (в печати).

TEŽAK 1990

TEŽAK S. "Hrvatske riječi u Križanićevim tekstovima i današnji ribnički govor", u: R. FILIPOVIĆ (ur.), *Križanićev doprinos slavenskoj filologiji: Znanstveni skup u povodu 300. obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983): zbornik radova*, 3, Zagreb, 193–207

VONČINA 1990

VONČINA J. "Juraj Križanić i jezik ozaljskoga kruga", u: R. FILIPOVIĆ (ur.), *Križanićev doprinos slavenskoj filologiji: Znanstveni skup u povodu 300. obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983): zbornik radova*, 3, Zagreb, 209–212

GI ("Исказание")

Бодянский О. (изд.), *Грамматично изказање об руском језику пона Јурка Крижаница*, Москва, 1859.

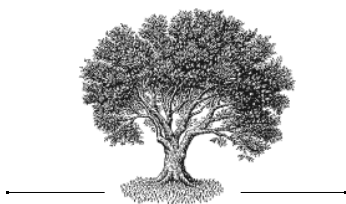
OV ("Объяснение")

KRIŽANIĆ J. *Objasnenje vivođno*, priredio i uvodnu raspravu napisao J. НАММ, Zagreb, 1983.

Пол. ("Политика")

Крижанич Ю. *Политика*, Москва, 1965 (цифры указывают страницы рукописи).

Ослон Михаил Владимирович, к.ф.н.
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт славяноведения РАН
Russia/Россия
neoakut@gmail.com

Review

Grammaticalization in Slavic Languages: from Areal and Typological Perspectives

Edited by Motoki Nomachi, Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2010, 132 p.

[the 2nd edition is available online at the web page of Slavic Research Center, Hokkaido University:

http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no23_ses/contents.html]

Milivoj Alanović

Department of Serbian Language and Linguistics

Faculty of Philosophy

University of Novi Sad

0. This volume of articles represents the result of collaborative research that was centered upon two studies: “The Functional Approach to the Typology of Slavic Languages: Research in the Semantic Category of Possessivity” (2008–2009), carried out under the auspices of a Japan Society for the Promotion of Science (JSPS) Grant-in-Aid for Research Activity Start-up, and “A Comprehensive Study of the Kashubian Syntax” (2009–2012), supported by a JSPS Grant-in-Aid for Young Scientists (B). The volume contains at least two series of papers: four chapters and three additional texts, and one essay and two review articles.

1. The opening chapter (“Linguistic Area and Grammaticalization Theory”, p. 1–26) contains the paper *Is Europe a Linguistic Area?* written by Bernd Heine and Motoki Nomachi. The authors discuss a single central

question: Is it really possible to argue that there is a European linguistic area, and, if so, does it have clearly defined boundaries? In order to address these questions, the authors, took two grammatical categories or phenomena as their points of focus: the rise of auxiliary constructions and possessive perfects.

The first example concerns the structure of the verb phrase in European languages; more specifically, the example presents a case in which a specific word behaves like a lexical verb, on the one hand, and like a functional category expressing distinctions of tense, aspect, modality, etc., on the other.

1.1. The initial part of this chapter is concerned with such a case of “doublets”, dealing with a set of four constructions associated with verbs for “threaten” in European languages. The example of the Portuguese verb *ameaçar* “to threaten” illustrates these constructions. The fact that these constructions are found in different language families in Europe, including families that are genetically unrelated (e.g., Indo-European and Finno-Ugric), leads to the conclusion that the presence of these constructions across Europe must be the result of language contacts.

According to the authors, the chronology suggests that the grammaticalization of “threaten”-constructions must have originated in French, since it is attested there first, and was subsequently replicated in other languages of Western Europe, where it is attested several hundred centuries later. The diffusion of this grammaticalization process in Central and Eastern Europe appears to be a more recent development; it is weakest in Eastern Europe.

The example of “threaten”-constructions confirms that contact-induced grammatical replication is clearly structured, proceeding unidirectionally from less grammatical to more grammatical structures, in the present case from lexical verb to auxiliary, and that contact-induced grammatical change has both a language-internal and an external component.

1.2. The second part of the chapter is confined to some morphosyntactic properties of the possessive perfects that are found essentially only in Europe. Possessive perfects (“have”-perfects) can be considered to be a paradigm areal property of European languages. On typological grounds, therefore, the rise of these constructions must have been due to historical factors. The possessive perfect of modern European languages, as shown in the article, has its roots in early Latin. That possessive perfects spread via replication from Romance languages to Germanic is an uncontroversial hypothesis.

In the Romance and Germanic languages, predicative possession is built on the action schema [X has Y], relying on a more-or-less transitive “have”-verb. In some other languages, different conceptual schemas have been employed: in the Celtic languages it was the goal schema [Y is to X] and in North Russian and Estonian it was the location schema [Y is at X].

Finally, the authors conclude that all those “peripheral” languages that have had a history of intense contact with Germanic or Romance languages have created a more advanced possessive perfect, such as Breton with French, Estonian with German, and North Russian presumably with Scandinavian languages. But, with the exception of the southwestern dialects of Macedonian, none of these languages has developed a stage-3 perfect, because the replicated categories tend to be less grammaticalized than the categories that provided the model.

At the very end of this first chapter there is an important conclusion: the replication of possessive perfects followed the same sequence of stages as observed in the case of “threaten”-auxiliation, allowing for implicational predictions of the form. Thus, if a language has reached stage X then it has also reached all preceding stages. That fact suggests that diachronically the sequence of grammaticalization was stage $0 > 1 > 2 > 3$.

2. The second chapter, “Language Contact and Grammaticalization” (p. 27–48), contains one paper, ***Grammaticalization and Language Contact between German and Slovene***, written by Alja Lipavac-Oštir, which investigates the influence of German on the Slovene language with respect to the changes in grammar caused by language contact.

This article deals with some examples of grammaticalization in Slovene that have appeared under the influence of German. The results of this research are presented in twelve sections: *Gender Leveling*, *Analytic Perfect*, *Possessive Perfect*, *Analytic Genitive*, *Modal Passive*, *Subject pronouns*, *Article*, *Onikanje*, *Combinations of Numerals*, *Verbal Prefixes*, *Za as an Infinitive Marker*, and *Recipient Passive*. As we can see, the phenomena of the processes of grammaticalization in Slovene under the influence of German differ among themselves according to whether completely new categories are grammaticalized (for example, articles and the modal passive), or whether grammaticalization has influenced new forms for expressing existing categories.

2.1 Gender leveling is a pattern by which human female participants in speech acts are referenced with masculine morphology in adjectives and participles. This means that the case morphology that marks masculine gender adopts the function of marking feminine gender, which is a kind of generalization. Endings for the masculine gender adopt the role of expressing the natural feminine gender, for example, *Dvanest let sem bil* (MASC) *star* (MASC)... (“I was twelve years old...” [female speaker born in 1919]).

2.2. For expressing past actions, Slovene dialects as well as standard Slovene use the analytic form of the verb *biti* [to be] + active resultative *l*-participle. The structure is stable, so the auxiliary *biti* is not dropped, and neither are the morphological suffixes of the participle, which differ with regard to gender and number.

2.3. Considering the example *Imam zgrajeno stanovanje iz Ytonga* (“I have a flat built of Ytong [concrete brick]”), the author shows that possession is no longer the primary meaning of these constructions — both cases are about expressing possession (“to have a flat”), but the meaning in the foreground is also that *I built the flat* and *I have it*.

2.4. The prepositional phrase with the German *von* (*das Haus von meinem Vater* [the house of my father]) and the Slovene *od* (*hiša od mojega očeta* [the house of my father]) can replace the synthetic genitive in both languages. The introduction into common usage can be explained through a process of grammaticalization where each grammatical sign obtains a new grammatical function, which can be described as expressing possessivity. Both processes of grammaticalization are compared to the synthetic genitive in both languages and the possessive adjective in Slovene.

2.5. The modal passive, in German consisting of the modal *wollen* [want] and the auxiliary *haben* [have] in combination with the main verb in the past perfect participle and expressing the grammatical meaning of “want to get something done”, is also partly grammaticalized in Slovene, and because of that the following dialectal usage is possible: *Lase je hotela imeti pobarvane* (“She wanted to have her hair dyed”).

2.6. In Slovene dialects, particularly those along the border, the use of a personal pronoun appears in places where there should be a zero pronoun, since this is a pro-drop language: ...*jaz* (PERS.PRON., 1. PERS.SG) *sem se z Liksu spoznala...* (“... I met Liksa...”)

2.7. The noun does not express the categories of definiteness or indefiniteness; however, these categories are morphologically marked in adjectives (*velik avto* [a big car] versus *veliki avto* [the big car]). The noun has no article, but such cases can be found in Slovene.

2.7.1. The definite article appears in the dialectal forms *to* (N. SG.), *ti* (M. SG.), *ta* (F. SG.), and others (*ta mlajša hčera* [the younger daughter]); these appear in most dialects. The definite article is proclitic and unstressed, and as in standard German, it may appear with superlative forms of adjectives (*najtavečji* [the biggest]).

2.7.2. Slovenian dialects (from Carinthia, Haloze, and Slovenske Gorice in Styria) also use an indefinite article formed on the basis of the number “one,” and it is stressed: *Ona je bila en tak lepi otrok* “She was such a beautiful child”.

2.8. *Onikanje* is the use of the third-person plural pronoun and/or corresponding verbal forms in polite address. It is a phenomenon that clearly made its way into Slovene through German influence but gradually eroded during

the twentieth century. It is less common to encounter individuals using *onikanje* today, but it has not completely died out.

2.9. In Slovene, numerals from twenty-one onwards are formed in the ones-tens order (*petindvajset* [five-and-twenty]). German also uses this method of formation (*fünfundzwanzig* [five-and-twenty]). The structure or formation of numerals was, obviously, received from German, but it has not fully grammaticalized, since grammar books from the mid-twentieth century still allow both types of formation.

2.10. In Slovene, the category of verbal aspect exists, and for the formation of aspectual contrasts they are often word changes (*počim* [I crack (once)] – *pokam* [I am cracking]), or various prefixes used. The prefixes for forming aspectual contrasts often resemble German verbal prefixes: Ger. *aus-*/Slov. *iz-* [out], Ger. *ausarbeiten* = Slov. *izdelati* [to elaborate, draw up], Ger. *hinein-*/Slov. *v-* [in], Ger. *sich hineinmischen* = Slov. *vmešavati se* [to get involved], etc. These prefixes are not necessarily translations of German prefixes but appeared by chance, since they are based on semantically equivalent metaphors.

2.11. The German *zu* is a particle that is sometimes used to mark the infinitive, for example, *Bücher zu schreiben* [books to write]. Standard varieties of Slavic languages do not use such a device, but it is encountered frequently and not only in colloquial Slovene: *Kje okoli Postojne je kaj dobrega za pojesti?* (“Where around Postojna is there something good to (PREP) eat (INF)?”).

2.12. The recipient passive structure is a replica structure from German *Die Bücher habe ich geschenkt bekommen* “The books were given to me as a gift”). The recipient passive in Slovene has the structure: verb *dobiti* [to get] + participle *-n* with endings for gender and number. Examples can be found in different varieties of Slovene: *Prakso sem dobil plačano* (colloquial Slovene) “I got paid for my practical work”).

Finally, the author concludes that in these described processes, language signs or combinations become grammatical signs, or existing grammatical signs, which acquire new grammatical roles. In these processes, Slovene proves to be a language that was not only strongly under the influence of German, but also that of Italian (abandoning the aorist and the imperfect), while the influence of Hungarian as well as the possible influence of Croatian are extremely locally restricted.

3. The third chapter (Nominal Morphology, p. 49–79), which includes the article ***Grammaticalization of the Masculine and Non-masculine Personal Category in the Polish Language***, written by Alina Kępińska, discusses the development of the category of gender in Polish, centred on the masculine and non-masculine categories of meaning. This chapter discusses these categories empirically from the perspective of the grammaticalization of gender.

3.1. In the first part of this article, the author claims that in the nominative plural the category of masculine personal gender is determined clearly against other ending changes of this case, which are caused by equalization within its isofunctional endings. They are based, according to the author, on the fact that the initial neuter ending *-a* became obsolete, that the older masculine ending was limited only to masculine personal forms, and that endings that were becoming obsolete were substituted with endings that were originally feminine. The domination of the initially feminine ending *-e* in all forms with the exception of masculine personal forms distinguishes the whole group as a non-masculine personal one. Therefore, this is how the category of masculine personal and the category of non-masculine personal gender (which is distinct in the plural) came into being.

3.2. In the second part of this article, we learn that the grammaticalization appears in noun inflection and occurs not only in the masculine personal category but also in the masculine animate category (that is, in a small portion of the category). Due to grammaticalization, one masculine gender is divided into three: the masculine personal, the masculine animate, and the masculine inanimate.

Changes of inflectional endings are primarily conditioned by syntax. Those that took place in the nominative plural are the same alterations in isofunctional endings as in the remaining cases of the plural, and they are not comprehensive but limited and partial and do not encompass only one semantic group. The process of equalization of endings of the same grammatical case is analogous to changes concerning the remaining endings of the plural, such as the dative, the instrumental, and the locative. This process resulted in the demorphologization of gender in the above-mentioned grammatical cases. In present times, there is only one ending, that is, dat. *-om*, loc. *-ach*, and instr. *-ami* and recessive *-mi*. Equalization of singular accusative and genitive endings is limited to only a group of masculine gender nouns; there is no such equalization in the neuter or feminine gender.

The plural nominative forms of feminine and masculine non-personal forms became similar as a result of two processes. The first is the acquisition by masculine non-personal nouns ending in hard vowels of the ending *-y* // *-i* (after the vowels *k*, *g*) in the place of the older ending *-i* // *-y* (after hardened consonants) or of *-owie*, which is confirmed by feminine forms such as *żony*, *córki*, *gwiazdy* [wives, daughters, stars] and masculine forms such as *koty*, *domy*, *obłoki* [cats, houses, clouds], formerly *koci*, *domowie*, *obłocy*. The second process is the extension of the scope of usage of the ending *-e*, typical of masculine and feminine nouns ending in a soft vowel having a hardened consonant at the back, to all masculine non-personal nouns whose endings are as described above, that is, those that temporarily might have had the ending *-owie* (*ołtarzowie* [altars],

wróblowie [sparrows], etc). The ending *-owie* is still rare in the inflection of masculine personal nouns ending in the above-mentioned way, compared to the more common ending *-e*, for example, *królowie*, *stryjowie*, *mężowie*, but *cesarze*, *tłumacze*, *kowale*, *złodzieje* [kings, uncles, husbands, but emperors, translators, smiths, thieves]; in the inflection of some nouns, there are two correct forms: the older one with the ending *-owie* and the newer one with the ending *-e*, for example, *samurajowie* and *samuraje* [samurai].

3.3. In the third part of the article, *Gender Classification of Polish Nouns*, the author discusses gender classification, which is a result of a certain categorization within the lexical system formed by the whole set of Polish nouns. According to this categorization, each noun has a selective grammatical gender that is ascribed to a particular semantic and morphological group, and its position in this and not in any other group is shown by a proper paradigm connected with the generalised meaning. This meaning is usually determined only on the basis of the most general, minimalistic semantic references and on the basis of negation of the marked element, which in the case of Polish declension is the masculine personal and, broadly, the masculine gender. Each grammatical gender has its own inflectional paradigms, which means that grammaticalization took place in the Polish language.

The author concludes that the gender of the noun is expressed by certain grammatical means. These means — both morphological and syntactic — are the exponents of the category of gender. They include: 1) morphological characteristics, that is, the gender pattern of inflection (the whole paradigm), which even in the sing. nom. co-identifies (along with the general meaning) the appropriate noun gender; 2) congruence as a type of syntactic relation determining mutual agreement of noun forms and parts of speech whose gender is an inflectional category in the narrow sense, that is, those that are inflected by gender; and 3) syntactic rules of collocation with some types of cardinal or group numerals.

According to the author, the term grammaticalization may also refer to the gender classification of Polish nouns, and grammaticalization itself may be treated as the formation of an inflectional paradigm specific for each gender. Currently, the only gender that, due to inclusion of names of male persons, has positive references to extra-linguistic reality is the masculine personal gender. Due to grammaticalization, it has its own, specific inflectional exponents at the same time. The masculine animate gender emerges to a lesser extent (because the borders are fuzzy today) on the basis of positive semantic and inflectional criteria. The third and last masculine gender is distinguished as an element unmarked in comparison with the first two. The other two genders — the feminine and the neuter that have their own paradigms — are distinguished as unmarked, non-masculine elements in opposition to the three masculine genders treated jointly.

4. The fourth chapter (Verbal Morphology, p. 81–104), written by Olga Mišeska-Tomić, contains one paper, *The Macedonian “Have” and “Be” Perfects*, which describes and analyses the use of the perfect form inherited from Common Slavic (*sum* “to be” + *l*-participle), and the two new perfect forms of non-Slavic origin (*sum* + *n/t*-participle and *ima* “to have” + *n/t*-participle) in the Macedonian language.

All of these forms are sanctioned by the norm, but unevenly spread. The perfects with “be” auxiliaries plus *l*-participles are the only perfects used in the eastern and northwestern Macedonian dialects; the “have” perfects are intensively used in the southern and western parts of the territory where Macedonian is spoken and have spread to the northeast with increasingly diminishing strength; while the “be” perfects with passive participles are intensively spoken in the southwest.

As the present article shows, Macedonian actually has two systems of perfects, to which the author refer as the “A system” and the “B system.”

4.1. In the A system, forms of the “be” auxiliary combine with *l*-participles inflecting for gender and number. Constructions of this system have kept the original function of the perfect as an expression of the result of actions, but are also used as exponents of evidentiality — a modal category that expresses the subjective relationship of the participants in the speech event to the narrated event.

There are two types of “be” perfects with *l*-participles in Macedonian — the present “be” perfect and the past “be” perfect, both of which have *l*-participles of transitive and intransitive verbs, which inflect for gender and number, but unlike the latter do not occur in an attributive position and are used exclusively with “be” auxiliaries.

4.1.1. The present “be” perfect, presented in the second part of the article, *Forms and Functions of “Be” Perfects with l-participles*, either (a) represents an event which had taken place at an indefinite point of time in the past and has relevance in the present, or (b) expresses evidentiality. When it refers to the third person, singular or plural, it features only *l*-participles, whereas when it refers to the first and second person, singular and plural, the *l*-participles are accompanied by the “be” auxiliary clitics *sum* [be.1Sg], *si* [be.2Sg], *sme* [be.1Pl] or *ste* [be.2Pl] ’ (1st *sum* *čital/čitala sme* *čitale*; 2nd *si* *čital/čitala ste* *čitale*; 3rd *čital/čitala/čitalo* *čitale*).

4.1.2. The past “be” perfect, in which the *l*-participles co-occur with imperfect forms of the “be” auxiliary – *bev* [1Sg], *beše* [2/3Sg], *bevme* [1Pl], *bevte* [2Pl], *bea* [3Pl] — basically refers to a past event that had taken place before another event in the past (1st *bev pročit/pročitala bevme pročitale*; 2nd *beše pročit/pročitala bevte pročitale*; 3rd *beše pročit/pročitala/pročitalo bea pročitale*).

Currently the past “be” perfect is most frequently used to denote a past event that had taken place before another event in the past.

4.2. The B system, presented in third and fourth part of this article, *Forms and Functions of the “Have” Perfects* and *Forms and Functions of the “Be” Perfect with Passive Participles*, uses two types of constructions – one with forms of the “have” auxiliary plus invariable past participles of transitive or intransitive verbs, and another with forms of the “be” auxiliary, plus inflecting passive participles of verbs that, as a rule, are intransitive. Constructions with “have” auxiliaries plus participles of transitive verbs are used as exponents of the experiential perfect, or as exponents of the perfect of result, while the constructions with “be” auxiliaries plus inflecting passive participles are, as a rule, used as exponents of the perfect of the result of intransitive verbs.

4.2.1. The two sets of “be” perfects have corresponding sets of “have” perfects – present “have” perfects and past “have” perfects. Both sets have invariant participles ending on the suffixes *-no* or *-to*, formally corresponding to the Old Church Slavonic neuter form of the past passive participle.

4.2.2. To express the result of the action of an intransitive verb, Macedonian employs the present and past tense forms of the “be” auxiliary, plus inflecting passive participles marked by *-n/-t* for M. Sg, *-na/-ta* for F. Sg, *-no/-to* for N. Sg, or *-ni/-ti* for all persons plural. These constructions are typically used in passive clauses.

4.3. In the fifth part of the article, *Origin and Spread of the Macedonian Perfects*, the author discusses the origin and spread of these categories.

While the Macedonian “be” perfects with *l*-participles were inherited from Proto-Slavic, the “be” perfects with passive participles and the “have” perfects developed at the time when the Balkans were part of the Ottoman Empire (second half of the fourteenth century to the beginning of the twentieth century).

4.3.1. The “be” perfects with passive participles and the “have” perfects developed as a result of language contact with non-Slavic languages spoken in the Balkan territories adjacent to the territories where Macedonian was spoken: Greek, Albanian, Aromanian, and Megleno-Romanian in the case of the “have” perfects and Aromanian and Megleno-Romanian in the case of the “be” perfect with passive participles.

The author underlines that Macedonian is the only Slavic standard language that has advanced to the final stage of grammaticalization of the “have” perfect. The patterns of the latter two perfects were equivalent to corresponding patterns of the non-Slavic model languages, but used auxiliaries that had already been grammaticalized and participles that had existed in Old Church Slavonic.

5. In addition to the above articles, this volume also includes three other texts.

5.1. The first of them, **О доприносу српског префикса од- семантичком и граматичком лику глаголских лексема** (p. 105–106), written in Serbian, is an essay by Professor Milka Ivić. This essay relates the verbal prefix “od” to the grammaticalization of verbal aspect in Serbian. In this short but very inspiring article, the author underlines that this prefix means: (a) the end of an action (*одцедети*); (b) the cancelation of an earlier state of facts (*одвезати*); and (c) a new psychological state of facts (*одбацити предлог*).

5.2. The two remaining texts are a review article and a book review.

5.2.1. The first is a review (p. 107–124) of Bernd Heine and Tania Kuteva’s book *The Changing Languages of Europe* (Oxford, 2006) by Paul Wexler (Tel-Aviv). Wexler’s review is a beneficial addition and gives a critical overview of the book in which he stresses Relexification theory in the context of grammaticalization.

5.2.2. The second (p. 125–132) is a review of Zuzanna Topolińska’s comparative Polish and Macedonian grammars *Полски~Македонски: Граматичка конфронтација 8. Развојот на граматичките категории* (Skopje, 2008) by Angelina Pančevska (Skopje). As we can see, this work, which deals with the development of grammatical categories, is of great interest because it covers many of the themes dealt with in this collection.

6. The present collection of articles offers a credible series of scientific investigations and valuable interpretations on the dynamics of changes in Slavic languages in their full complexity. These highly interesting articles have shown us some new research perspectives and, at the same time, they will be an important and indispensable manual for all further scientific investigations of Slavic languages based on the field of the theory of grammaticalization.

Dr. Milivoj Alanović

Odsek za srpski jezik i lingvistiku

Filozofski fakultet

Univerzitet u Novom Sadu

Dr Zorana Đinđića 2

21000 Novi Sad

Serbia

milivoj.alanovic@sbb.rs

Slověne • Словѣне

International Journal of Slavic Studies.

Vol. 1. № 1.

Институт славяноведения РАН. 2012

Отпечатано в типографии

«Белый ветер»

Формат 70 × 100/16.

Объем 17,125 п. л. Бумага офсетная 80 г/м²

Тираж 300 экз.